WARHAMMER 40,000

AN IMPERIAL GUARD NOVEL

GUNHEADS

Steve Parker

Annotation

О новых подвигах Имперской Гвардии повествует роман Стива Паркера «Безбашенные».

Сержант Вульфе ведет свою танковую роту в составе имперской группы войск по враждебному, кишащему орками миру — Голгофе. Миссия его танкистов состоит в том, чтобы найти и вернуть «Крепость величия» — легендарный танк, принадлежавший не менее легендарному комиссару Яррику, герою улья Гадес. Если Вульфе и его люди найдут реликвию, это возымеет огромное влияние на моральный дух имперских войск в битве за Армагеддон. Но, может быть, гвардейцы рискуют своей жизнью напрасно?

- Стив Паркер
  - Сорок первое тысячелетие
  - ЭКСПЕДИЦИО РЕКЛАМАТУС
  - Пролог

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26

- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Эпилог
- Об авторе

Стив Паркер
БЕЗБАШЕННЫЕ

Эту книгу я снова посвящаю маме и папе, потому что прошлого раза было недостаточно.

Сорок первое тысячелетие

Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин мириадов планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии и ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империума никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишащий демонами

варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиконом, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы Планетарной Обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие, да смех жаждущих богов.

ЭКСПЕДИЦИО РЕКЛАМАТУС

ИМПЕРСКАЯ ГВАРДИЯ

Генерал Мохамар Антоний де Виерс — командующий Восемнадцатой группы армий «Экзолон».

Генерал-майор Джерард Берген — командир Десятой бронетанковой дивизии.

Генерал-майор Клот Киллиан — командир Двенадцатой дивизии линейной пехоты.

Генерал-майор Аарон Реннкамп — командир Восьмой механизированной дивизии.

Полковник Тайдор Стромм — командир Девяносто восьмого полка

механизированной пехоты (Восьмая механизированная дивизия).

Полковник Эдвин Мэрренбург — командир Восемьдесят восьмого полка мобильной пехоты (Десятая бронетанковая дивизия).

Полковник Деррик Грейвс — командир Семьдесят первого полка цедусской пехоты (Десятая бронетанковая дивизия).

Полковник Кочаткис Виннеманн — командир Восемьдесят первого бронетанкового полка (Десятая бронетанковая дивизия).

Капитан Виллий Итрих — командир Первой роты Восемьдесят первого бронетанкового полка.

Лейтенант Госсфрид ван Дрой — командир Десятой роты Восемьдесят первого бронетанкового полка.

Сержант Оскар Андреас Вульфе — командир танка «Леман Русс» «Последние молитвы-II».

Капрал Ведер Ленк — командир танка «Леман Русс» класса «Экстерминатор» «Новый чемпион Церберы».

Адептус Механикус

Техномаг Бенендентий Сеннесдиар — старший техножрец, приписанный к соединению «Экзолон» во время наземных операций на Голгофе.

Техноадепт Дионестра Армадрон — подчиненная техномага Сеннесдиара.

Техноадепт Мартосал Ксефо — подчиненный техномага Сеннесдиара.

Муниториум/личный состав Экклезиархии

Исповедник Фридрих Министорум — священник, приписанный к Восемьдесят первому полку.

Комиссар Винсент «Дробитель» Слейт — политический офицер, приписанный к Восемьдесят первому полку.

Пролог

Кэлафран Крейдс уже не верил, что когда-нибудь проснется. Кошмар оказался реальностью. Чудовища, окружавшие его, были крепкими, живыми и проворными тварями — он осознал это на себе, когда один из монстров отвесил ему затрещину за недостаточно быстро сделанную работу. Сила удара была ужасающей. Кэл отлетел назад и упал на ящик, который ему полагалось заполнить патронами. Он тогда подумал, что сломал ребро. С тех пор ему стало больно дышать, а сны, если они вообще приходили, наполнились картинами борьбы за выживание.

Хотя никакое сломанное ребро не могло сравниться с тем, что орки сделали с Давраном. Или с бедным искалеченным Клэтасом. Или со старым пилотом Джовасом, когда тот свалился наземь от

истощения. Лучше было не думать об этом. Неужели ему не хватало сцен, которые он видел каждый раз, закрывая глаза? Казалось, что образы тошнотворных пыток были вырезаны лазером на внутренней поверхности его век. После того как Кэла и его товарищей загнали пинками в пустой грузовой трюм и заперли в душной темноте, он многие ночи просыпался с криком ужаса. Руки друзей быстро тянулись к нему, чтобы успокоить его и на всякий случай прикрыть ему рот. Никто не хотел, чтобы твари вернулись и проверили причину шума.

Находясь в таком непрерывном состоянии полуобморочного страха, боли и тук, Кэл терял счет времени. Сколько дней прошло с тех пор, как чудовища взяли на абордаж «Серебряный плавник»? Десять или, возможно, двадцать? Экипаж их тральщика получил контракт на вывоз искореженных обломков кораблей из старых боевых зон, располагавшихся на периферии «Водоворота». Но работать пришлось недолго. На первом же этапе

операции их атаковало из засады странное судно. Его нос напоминал голову ухмыляющегося кошмарного зверя. Пиратский крейсер уничтожил их боевые башни и пошел на таран. Капитан Бенин, взглянув на профиль нападавшего корабля, сказал, что это были ксеносы, ненавистные людям.

Кэл никогда не думал, что увидит капитана таким перепуганным. Бенин все время называл их зеленокожими, хотя массивные и крепкие тела чудовищ различались лишь оттенками коричневого цвета. Когда они ворвались на корабль, капитан прокричал свой последний приказ:

— Всем на палубе! Пригнитесь! Не смотрите им в глаза! Если начнем отстреливаться, они перебьют всех нас.

Кэл впервые слышал дрожь в голосе этого отважного мужчины. Бедняга Нейтет, никогда не отличавшийся особой строптивостью, зачем-то приподнял голову и поплатился за свое любопытство ужасной смертью. Потребовался только один взгляд — мимолетное мгновение, не ускользнувшее от пришельца, — и

взревевшее чудовище метнулось к нему. Его яростный рык, прозвучавший в тесном корабельном отсеке, показался просто оглушительным. Огромной рукой тварь оторвала голову Нейтета от туловища. Кэл лежал на полу у ног чужака. Горячая кровь друга хлынула ему на спину, насквозь промочив одежду. В это время остальные члены экипажа под грубый смех пришельцев молили о пощаде. Пленникам связали руки; на их шеи надели металлические ошейники, прикрепленные к длинной цепи. Через несколько минут захваченных людей заперли в одном из нижних трюмов. Затем началось путешествие к этому отвергнутому Троном месту. Их привезли на проклятую планету, где им предстояло жить и умирать рабами. Теперь Кэл жалел, что в момент атаки их экипаж не оказал сопротивления. В любом случае многие из них уже дошли до полного истощения или умерли от побоев. Зачем было влачить столь жалкое существование?

И никакой надежды на бегство! Куда он мог бы скрыться? Поселение рабов

располагалось на высоком базальтовом плато. За отвесными склонами тянулись красные пески, уходившие в каждом направлении к зыбкой линии горизонта. На плато имелось несколько пологих спусков, ведущих к пустыне. Но даже если бы Кэл добрался до барханов, он не смог бы там спрятаться. Рано или поздно его заметили бы и жестоко убили. Тем более что сил на побег не осталось. Измученное тело казалось неподъемным. Каждое движение — даже обычный вдох — требовало в этом мире дополнительных усилий. Почему? А разве кто-то знал, на какой планете они находились? Он расспрашивал людей, но никто из них не имел об этом ни малейшего понятия.

Здесь были собраны сотни рабов. Некоторых привезли сюда уже после того, как Кэл попал в плен. Другие — немногие — жили тут дольше, чем он. Но никому не удавалось продержаться больше пары месяцев. Те, кто прибыл на плато раньше Кэла, отличались пустыми взглядами, будто их души, не желая оставаться в измученных телах, уже отлетели в

чистилище. Хотя порою, когда чудища-надсмотрщики отвлекались на поединки друг с другом или когда тяжелая послеобеденная жара вгоняла их в сон, к некоторым старожилам лагеря возвращались проблески разума, и они шепотом общались со вновь прибывшими рабами. Они рассказывали, как после пиратских атак и таранов их брали в плен с той же жестокостью, что и экипаж «Серебряного плавника». Они рассказывали о людях, сопротивлявшихся оркам, и о жутких расправах над этими смельчаками. Старожилы говорили, что в лагере содержалось несколько дюжин детей, умиравших от голода в крохотных клетках. Монстры, используя грубую мимику, регулярно угрожали рабам сожрать этих маленьких пленников, если их родители не будут работать усерднее.

Дети? Кэлу не хотелось верить в подобные истории. Он надеялся, что никогда не увидит те крохотные клетки. Он знал, что не вынесет подобного зрелища.

Яростный рев прервал его

размышления, и он понял, что перестал двигаться. От сильного истощения он больше не чувствовал гниющих ран и порезов, покрывавших его тело. И он уже несколько раз едва не засыпал на ногах. Раздался резкий треск, похожий на выстрел. Обжигающая боль скользнула лезвием ланцета по его спине. Один из самых безжалостных надсмотрщиков — садист, которого рабы называли Пиложубом, — стоял в десяти метрах от Кэла и, хрипло рыча, размахивал длинным хлыстом, оплетенным колючей проволокой.

Хлыст щелкнул снова. Захлебываясь в волнах невыносимого страдания, Кэл почувствовал, что его покидают последние силы. Ослабевшие ноги подогнулись, и он, выронив из рук ящик с толстыми блестящими патронами, упал навзничь на твердую поверхность скалы. Высыпавшиеся из сломанного ящика патроны подкатились к его боку. Несколько мелких и худощавых чудовищ, сидевших поблизости на пирамиде из бочек с горючим, — отвратительные твари с

хитрыми мордами и длинными крючковатыми носами — указывали на него костлявыми пальцами. Они хихикали и в ожидании расправы, вытаращив глаза, о чем-то щебетали друг другу.

Скала задрожала под телом Кэла, когда Пиложуб, рыча от злости, направился к нему. Массивные ноги в стальных ботинках остановились по обе стороны головы упавшего пленника. Кэл знал, что за этим последует самая сильная боль в его короткой жизни. Он вспомнил ужасные крики Даврана и других людей. Охваченный паникой, он часто задышал. Сердце понеслось галопом. Отдаленным уголком сознания Кэл ощутил теплую влагу, разлившуюся в порванных штанах, — похоже, его мочевой пузырь не выдержал такого напряженного момента. Однако страх пересилил чувство стыда.

Пиложуб склонился над Кэлом. Безжалостные красные глаза надсмотрщика оценивали его физическое состояние. Мог ли этот жалкий человек работать? Или он годился лишь для пыток

и ритуального разрывания на куски в назидание остальным рабам? Густые полоски слюны срывались с челюсти орка и падали на лицо поверженного пленника. Горячее дыхание чудовища пахло блевотиной.

К горлу Кэла подкатила желчь. «Вот и все, — подумал он. — Вот как закончится моя жизнь». Он никогда не был истовым поклонником имперского вероучения. В юности, как и все парни и девушки в Империуме Человечества, он вместе с родителями посещал еженедельные службы и под ударами жалящей трости жреца обучался обязательным молитвам и гимнам. Но на самом деле он не верил в эти россказни. Бог-Император был для него старой легендой, почти ничем не отличавшейся от других подобных историй. Более того, он считал Императора куда менее значительным — легендой о мифе легенды. Однако, когда Пиложуб выпрямился и начал ревом подзывать ближайших тварей, приглашая позабавиться, Кэл обратил свои молитвы именно к нему — к великому и бесценному

Богу-Императору: «Владыка всего человечества, Маяк во тьме, Хозяин Святой Терры и Галактики! Утоляю Тебя, даруй мне быструю смерть. Не дай мне страдать, как Давран и другие. Я грешен! Я не придерживался веры и знаю это. Но сей смиренной молитвой я взываю к Тебе и прошу о милости».

Он не ожидал ответа. Лишь ужас заставил его молиться. И то, что случилось дальше, было потрясающим примером тех чудесных совпадений, которые верующие люди часто причисляют к свидетельствам божественного начала. Кэлафран Крейдс не знал, что на дальней орбите прямо над ним уже расположились корабли Имперского флота. Он не ведал, что высадка на планету была запланирована на этот день.

Перебирая в мыслях возможные варианты пыток, Пиложуб схватил пленника за руки. Одним рывком он поднял его в воздух. Ослабевшие ноги Кэла повисли над рассыпавшимися патронами и поверхностью скалы. Его хрупкие от

голода кости трещали и ломались в железной хватке орка. Но он не кричал. Он даже не стонал от боли. Его взгляд был прикован к небу. И там Кэл видел чудный пламенеющий свет, проникающий сквозь слой густых облаков. Зарево выглядело таким ярким, что на него было больно смотреть. Однако Кэл не сводил глаз с небес. Слезы радости катились по его щекам. Неужели это правда? Да! Император действительно существует! Он услышал молитву и ответил на нее!

— Слава Императору! — прошептал истерзанный пленник.

Благодарность и облегчение, любовь и раскаяние — все эти чувства нахлынули на него. Он сделал глубокий вдох, наполнив легкие зловонным воздухом. Собрав оставшиеся силы, Кэл громко крикнул небесам:

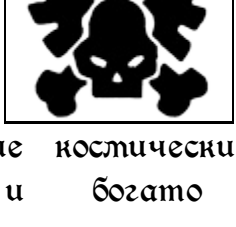
— Императору — слава!

Изумленные зеленокожие тоже посмотрели вверх. Но они уже ничего не могли поделать. Алое пламя ударило в плато, очищая и омывая его, сметая орков и людей, словно их никогда и не было.

Вскоре сотни имперских посадочных ботов приступили к спуску на поверхность.

Начиналась операция «Гроза».

Глава 1



Имперские космические корабли — массивные и богато украшенные, сравнимые размерами и причудливой красотой лишь с самыми огромными кафедральными соборами Святой Терры — парили в бесконечной темноте. Сорок дней назад они выскользнули из варпа и, разрезая хвостами сияющей плазмы орбиты других космических тел, приблизились к конечному пункту назначения. Их цель находилась внизу — на вращавшейся под ними планете, в мире, который ярко сиял в ослепительном свете свирепого солнца этой системы.

Голгофа была планетой, окутанной густыми удушливыми облаками красноватых, желтых и коричневых оттенков, которые, вращаясь и сливаясь вместе, походили на смесь из множества

пролитых красок. В летописях тридцативосьмилетней давности, посвященных последней Голгофской войне, прославленный терранский гвардеец-поэт Клавир Майклос не зря называл красоту планеты зловещей. С высокой орбиты она действительно представляла собой великолепное зрелище, но ее прелесть маскировала под собой безжалостную природу, и поэтому Голгофа не являлась миром, дружелюбным к людям. Майклос навсегда остался на ней, попав в плен и погибнув под пытками орков. И не только он был отмечен подобной судьбой. Война потребовала многих затрат и обернулась ужасными бедствиями. Орки сметали все на своем пути. Даже комиссару Яррику, легендарному герою Армагеддона, не удалось переломить ход битвы. Он и горстка уцелевших гвардейцев покинули Голгофу с чувством горького поражения.

Это случилось почти сорок лет назад. Яррик, ныне седовласый старик, все еще сражался во славу Империума. Война с заклятым врагом, орочьим военачальником Газкуллом Маг Урук

Тракой увлекла его назад к Армагеддону — миру, создавшему ему репутацию, в то время как Голгофа осталась в руках противника и темным несмываемым пятном отрачила послужной список прославленного комиссара.

Но почему же люди вернулись? Небольшой флот, паривший над оранжевой планетой, не обладал даже крохами той силы, что требовалась для захвата враждебного мира. Впрочем, на этот раз их миссия заключалась в ином. Там, внизу, помимо орков имелось нечто важное и потерянное в прошлой войне. Империум желал вернуть себе священную реликвию: могущественный символ, способный обратить вспять ход новой войны Яррика. Речь шла о «Крепости величия».

Флот, направленный на Голгофу, представлял собой смешанное соединение. В центре боевого строя доминировал самый крупный корабль: «Потомок Тарсиса». Это ремонтное судно принадлежало Адептус Механикус — древнему и непостижимому техножречеству Марса, без которого не

был бы создан ни один из присутствовавших тут кораблей. Фланги «Потомка» защищали тяжелые имперские крейсеры класса «Тиран»: «Звезда Геликона» и «Ганимед». Вокруг них роились мириады мелких кораблей сопровождения и бронированных транспортных средств. На одном из таких транспортеров — скромном судне с названием «Рука сияния» — бойцы Восемьдесят первого кадийского бронетанкового полка (неформально известного как «Раскат грома») готовились к сражениям.

* * *

— Строиться, засаленная рота! — проревел рябой сержант с обритой наголо головой. — Вы знаете чертов порядок. По ротным номерам, будь прокляты ваши глаза!

Палуба правого ангара зазвенела от стука каблуков: гвардейцы встали по

стойке «смирно». Отряды замерли в строю: рота за ротой, с первой по десятую. Сержанты вышагивали взад и вперед, как голодные волки. Их прищуренные глаза пристально выискивали малейшие признаки разгильдяйства. За сомкнутыми рядами людей опускались неуклюжие посадочные боты. Трапы плавно выдвигались на палубу. Внутренности темно-серых фюзеляжей озарялись желтым светом ламп.

С правой стороны огромного ангара послышалось шипение гидравлики. Выпуская струи маслянистого пара, створки толстой двери в средней части переборки скользнули в пазы металлической стены. По стальному полу зацокали четкие и приятные слуху шаги полудюжины мужчин, бодро вошедших в огромный ангар.

— Офицеры на палубе! — прокричал другой сержант, стараясь зычным голосом донести команду до почти двух тысяч гвардейцев.

От усилий на его виске пульсировали толстые вены. Когда офицеры

остановились перед собравшимися колоннами рот, старший сержант — коренастый мужчина с комковатым шрамом вместо левого уха — вышел вперед и громко отрапортовал:

— Весь личный состав на месте и собран для построения. Машины погружены в боты, закреплены и заперты в трюмах. Летные и технические группы готовы к отправке. Роты с первой по десятую ожидают вашего разрешения на погрузку!

В центре офицерской группы стоял полковник Виннеманн. Он, как всегда, сутулился и тяжело опирался на трость, но тем не менее великолепно выглядел в своей щеголеватой темно-зеленой форме, украшенной блестящими золотыми эполетами. Сегодня был последний день, когда дозволялось носить полковые цвета. Во время кампании гвардейцам разрешалась только камуфляжная форма рыжевато-красных оттенков.

Виннеманн кивнул застывшему перед ним сержанту и приготовился отдать команду на погрузку, но капитан Итрих, широкоплечий стуглый верзила, склонился

к нему и прошептал на ухо несколько слов. Полковник слегка нахмурился, однако в конце концов еще раз кивнул, выразив согласие. Он сделал шаг вперед, взял мегафон из рук адъютанта и, приблизив микрофон к губам, откашлялся. Звук эхом отразился от высоких переборок.

— Те из вас, кто уже воевал со мной, знают, что я не любитель длинных речей, — произнес Виннеманн. — Давайте оставим их для ваших комиссаров и исповедников — людей, одаренных особым талантом.

Услышав этот комплимент, комиссар Слейт — ненавистный всем политический офицер полка, одетый в черно-золотистую форму своего ведомства, — слегка склонил голову в знак признательности. Стоявший по другую сторону исповедник Фридрих, сорокалетний румяный жрец, немного покачнулся на ногах — как будто под порывом ветра, который мог чувствовать только он.

— Однако, как верно напомнил мне капитан Итрих, — продолжил полковник, —

нашему полку предстоит задание, аналогов которому не было в истории войн. И если важность ситуации может оправдать мой отказ от обычной сдержанности в словах, то сейчас именно такой случай, потому что мы собираемся попрать ногами мир, целиком и полностью принадлежащий ненавистному орку.

Это была особая привычка Виннеманна: ссылаясь на древнего врага, он всегда говорил о нем в единственном числе. Некоторые гвардейцы неплохо имитировали его речь — без всякой злобы, просто для прикола. Любой боец, служивший под началом полковника, питал к нему любовь и уважение. И этот почет был заслуженным. А подонки, чьи насмешки над старым Виннеманном содержали оскорбления или, более того, пародировали его физическую ущербность, тут же оказывались в полной изоляции. Сослуживцы объявляли им бойкот. Среди имперских гвардейцев такое презрение было равносильно смертному приговору.

Характерная сутулость полковника

объяснялась его протезированным позвоночником. Двадцать четыре года назад — в ту пору, когда он был капитаном, — вражеский снаряд уничтожил его танк «Победитель», и Виннеманну пришлось перенести процедуру спинального протезирования. Его тело не желало принимать имплантат. Регулярные инъекции анальгетиков и иммунодепрессантов немного облегчали боль, хотя и недостаточно. Опасное ранение и последующая операция могли бы убить его, но упрямый дух героя не покорился смерти — к тому же сказалась забота одной из сестер Медикае, на которой он позже женился. Во время его медленного и болезненного восстановления военное командование предложило Виннеманну почетное увольнение. Начальники считали это логичным и единственным выбором. Виннеманн без колебаний ответил отказом. «Тогда мы отправим вас в тыловой эшелон», — настаивали руководители. Но бесстрашный танкист отверг и это предложение. «Я должен вести своих людей

в атаку, — заявил он командирам. — Не важно, на каком фронте. Я буду воевать на передовой, пока у меня хватит сил». Через двенадцать лет, дослужившись до звания полковника, он принял под свою команду Восемьдесят первый бронетанковый полк.

И вот сейчас, во время короткой паузы, он рассматривал их — своих бравых танкистов. Стройный лейтенант, стоявший позади него, тихо покашлял из-под руки. В наступившей тишине звук показался неожиданно громким. Вздохнув, Виннеманн продолжил свою речь:

— Некоторые из вас и прежде воевали с орком. Причем с неоспоримым успехом. Наши победы на Фаэгосе-два, Галамосе и Индаре создали нам прекрасную репутацию, хотя многие из новичков, я полагаю, родились в более позднее время. Все же смысл моей мысли таков: мы знаем орка! Мы знаем, что человек и машина, танк и танкист, сильнее врага. Мы знаем, что можем побеждать. И мы неоднократно доказывали это!

Взглянув на молодых бойцов последнего призыва, стоявших рядом с

закаленными в сражениях сослуживцами, он изумленно покачал головой. «Клянусь разорванным Оком! — подумал полковник. — Они еще почти дети! Неужели и у меня когда-то было такое гладкое лицо?»

У него мелькнула мысль о сыновьях. Они оба служили в Девяносто второй пехотной дивизии на Армагеддоне. Парни показали себя прекрасными солдатами. Но мог ли он надеяться, что его мальчики уцелеют в бою? Разве не глупо было молиться за них? Миллионам людей предстояло погибнуть в борьбе с врагом на Армагеддоне. Возможно, счет пойдет и на десятки миллионов. Но этого требовала священная война Яррика! Само сердце Империума находилось под угрозой. Так почему бы и его сыновьям не разделить судьбу своих товарищей? Он знал, что мог желать им только славы, победы и доброй смерти. Лишь это просят для себя отважные кадийские воины. А разве гвардейцы, стоявшие перед ним, не были его сыновьями? Он часто относился к ним именно так. И их храбрость вызывала у него чувство гордости.

— Мог ли генерал де Виерс рассчитывать на большую удачу, получая под свое командование наш гордый полк? — продолжил Виннеманн. — Мне кажется, вряд ли. Да, я слышал ворчание в ваших рядах. Я чувствовал ваше недовольство. Вы по-прежнему не понимаете, почему нас отправили на Голгофу, а не на Армагеддон, где враг теснит наши силы. Что важного, спрашиваете вы, мы можем сделать на планете, не затронутой светом Императора? И сейчас я отвечу на ваш вопрос. Слушайте меня внимательно, потому что я хочу донести до вас суть нашей миссии. Я верю в эту операцию! Вы слышите меня? Я верю в нее! Вы даже не можете представить, как наш успех подбодрит войска Империума, осажденные на Армагеддоне. Ничто не воодушевит их больше, чем наше триумфальное возвращение. Те из вас, кто сомневается в моих словах, поймут это сами, когда увидят наш приз. Тем не менее я знаю, что вы и раньше делали все необходимое. Я знаю, что вы готовы отдать все до последней капли крови ради чести и

традиций нашего гордого полка! Ради славы Кадии и вечной власти Бога-Императора всего человечества!

Виннеманн обвел взглядом лица ближайших солдат, выискивая симптомы инакомыслия. Но он не нашел никаких признаков сомнения. Наоборот, его слова тут же вызвали оглушительный отклик.

— За Кадию и Императора! — прокричали гвардейцы, и их ответ, словно его собственный, стократно усиленный голос, эхом отразился от металлических стен ангара.

Полковник усмехнулся, стараясь не выказывать свои тайные опасения.

— Сержант Кепплер, — скомандовал он, — ведите этих храбрых солдат на погрузку!

— Слушаюсь, сэр! — ответил боец с искалеченным ухом.

Он вскинул руку вверх, и его салют Виннеманну был таким четким и резким, что мог бы пробить толстое стекло. Он повернулся и, глубоко вдохнув, прокричал ожидавшим колоннам:

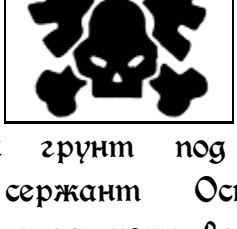
— Вы слышали полковника, чудилы!

Кругом! Командирам экипажей проследить за погрузкой личного состава!

Виннеманн с тихой гордостью наблюдал за гвардейцами, пока те строевым шагом поднимались по трапам и исчезали в недрах посадочных ботов. Для каждой роты предназначался отдельный корабль. «Будьте сильными, сыны Кадии, — молча благословлял их полковник. — Сильнее, чем прежде». Он повернулся и жестом отпустил офицеров, чтобы они могли присоединиться к своим подчиненным. Затем в сопровождении личного штата полковник направился к собственному боту.

Воздух завибрировал от мощного воя. Пилоты приступили к прогреву корабельных двигателей. С громким металлическим стоном массивные ворота трюма медленно открылись, и из внешнего пространства внутрь ангара хлынул оранжевый свет огромной планеты. После семи долгих и трудных месяцев на борту «Руки сияния» их бронетанковый полк вновь возвращался на войну.

Глава 2



«Твердый грунт под ногами», — размышлял сержант Оскар Андреас Вульфе. Будь там хоть все зеленокожие галактики, ему хотелось снова оказаться на добром твердом грунте. Было бы здорово почувствовать пыль и камни под каблуками ботинок — впервые за долгое время. Его уже тошнило от жизни на этом чертовом корабле, от лабиринта трачных коридоров и воздуха, который бесконечно очищался регенерационными системами. Мечтая о дюнах, горах и широких равнинах, он вместе с ротой поднимался по трапу посадочного бота, который должен был доставить их на поверхность планеты.

Перелет с Палмероса в подсектор Голгофы был самым длинным варп-путешествием в карьере Оскара, и от

долгого напряжения он успел здорово разозлиться — впрочем, как и другие гвардейцы. Это путешествие показалось ему особенно трудным. Варп-перелеты никогда не походили на веселые пикники. Но тут добавилась новая проблема. Его разум по-прежнему боролся с воспоминаниями о последних днях на Паллеросе — с воспоминаниями, от которых он часто просыпался в холодном поту, сжимая пальцами скомканную простыню и повторяя имя мертвого товарища.

Он подозревал, что членов его экипажа это беспокоило больше, чем могло показаться. Они спали вместе с ним в одном кубрике и часто вскакивали от его громких стонов и криков. Иногда, глядя в глаза товарищей, он чувствовал утрату уважения с их стороны, хотя раньше вера подчиненных в него была непоколебимой. И Вульфе гадал, насколько хуже пойдут дела, если он расскажет им правду о том, что видел в каньоне в день эвакуации? Наверное, они вообще разочаруются в нем. Ведь это беда, когда твой командир

видит призраков. Те, кто признавался в подобных видениях, обычно пропадали без вести или изгонялись из частей, находившихся под юрисдикцией имперского корпуса. Оскар сообщил о призраке только одному человеку — исповеднику Фридриху. И он пока решил ограничиться той частной беседой. Их исповедник, даже упившись в хлам, как это часто бывало, умел хранить тайны солдат. Такому человеку можно было довериться.

Вульфе заставил себя подумать о чем-нибудь хорошем. Как приятно будет видеть небо над головой, а не металлические щербатые переборки, увитые влажными трубами и переплетенными кабелями. Трудно представить, каким будет это небо. Впрочем, после долгого ожидания хотелось одного: чтобы оно было широким и бескрайним — любого цвета, кроме матовой серости корабельных стен.

Следуя за бойцами другого экипажа, Оскар провел своих парней через один из грузовых трюмов посадочного бота. Они, повернув головы, поглядывали на стоявшие

там танки и полугусеничные бронетранспортеры. За танками, едва различимые в густой тени, располагались ротные грузовики с горючим и припасами. Все машины были накрыты тяжелым коричневым брезентом, поверх которого змеились толстые стальные тросы, прикрепленные болтами к выступам на палубе. Несмотря на брезент, скрывавший машины, Вульфе без труда отыскал свой танк. Он назывался «Последние молитвы-II» и базировался на типовой марсианской альфа-модели. По этой причине танк был несколько длиннее остальных «Леманов Руссов». Старую «девочку» покрывали вмятины и рубцы — по мнению Вульфе, она претендовала на звание самого древнего и потрепанного танка из всех, что он видел. Ее бронированные плиты были склепаны вместе, а не состыкованы в соответствии со стандартным шаблоном. Башня со строго вертикальными поверхностями как будто умоляла пробить ее кумулятивными снарядами или противотанковыми гранатами. Вульфе ни секунды не сомневался в том,

что он со всем экипажем погибнет в первом же бою. Чертова машина абсолютно не походила на свою предшественницу, и Оскар проклинал ее за это. Он помнил, как, увидев в первый раз такую старую развалину, подумал, что ван Дрой решил наказать его за какую-то провинность. Раньше ему казалось, что их отношения с лейтенантом были исключительно хорошими. Но теперь у него появились сомнения. Особенно после того, как другие сержанты, пользуясь случаем, начали глумиться над ним, еще сильнее ухудшая ситуацию.

— Теперь ты не сможешь обгонять нас, как прежде, верно, Оскар? — говорили они. — Дай знать, если тебе понадобится помощь. Мы подтолкнем тебя на дюну.

— На чем она движется, Вульфе? На педальной тяге?

— Сколько же зубров потребуется, чтобы тащить ее по дороге?

Список неприятностей можно было продолжать до бесконечности. Оскар бросил хмурый взгляд на танк, радуясь тому, что машина была скрыта под

брезентом и что ему не приходилось смотреть на ее неприглядную броню. Он быстро отвернулся.

Гвардейцы, шагавшие перед ним, — экипаж сержанта Рихтера — взбежали по узкому металлическому трапу и исчезли из виду. Опираясь о перила, Оскар направился следом за ними. Стальные ступени зазвенели под подошвами начищенных походных ботинок. Его парни шли за ним, едва не наступая на пятки. Все молчали, кроме стрелка Хольца, который чертыхался себе под нос. Вульфе не удивлялся этому. Хольц и в лучшие времена не отличался благовоспитанностью. Конечно, они выбрались из варпа живыми, и радость парней была такой же искренней, как у Оскара. Но каждый человек в полку знал, что ожидало их на Голгофе. Только безумцы и лжецы — в основном приписанные к штабу офицеры — заявляли, что у группы армий здесь имелся шанс на успех. По мнению Вульфе, операция «Гроза» больше походила на безнадежную авантюру. Полковник Виннеманн изо всех

сил старался внушить им стремление к цели и чувство чести, но храбрость была лишь малой опорой в их миссии.

Планета кишела орками. «Клянусь разорванным Оком! — подумал Оскар. — Кто знает, сколько там этих мерзавцев!» Он неосознанно провел кончиком пальца по длинному горизонтальному шраму на горле. Орки! Сейчас его ненависть к ним была такой же сильной, как всегда. Фактически она стала еще сильнее.

Дверь на верхней площадке металлического трапа вела в пассажирский отсек. Это было длинное и мрачное помещение, похожее на туннель. Ширина — не больше трех метров. На полу располагались ряды крохотных оранжевых светильников. На стенах виднелись номера, нарисованные тусклой белой краской. Оскар и его экипаж нашли свои места и, втиснувшись в кресла, опустили на головы и плечи металлические крепежные рамы. Замки громко защелкнулись. Этот звук был наполнен многими смыслами и отмечал особый момент завершенности. Как

только вы пристегивались, отказаться от прогулки уже было невозможно.

Лишь несколько минут оставалось до спуска на планету. Вульфе почувствовал в животе знакомое ощущение напряженности. Он осмотрелся по сторонам и приветливо кивнул сержанту Вессу.

Тот лишь недавно получил повышение. До этого он несколько лет был стрелком у Вульфе. Они остались друзьями, хотя после того, как Вессу дали шевроны, между ними безусловно возникло отчуждение. Теперь он командовал собственным экипажем, а его место у основного орудия занимал Хольц — бывший стрелок спонсона. Оскар был рад успехам друга. Многие парни в полку хотели стать командирами танков. Однако в глубине души Вульфе огорчал уход Весса. Вместе они нарубили целую кучу вражеской бронетехники.

Как только последняя группа вошла в помещение, дверь с шипением закрылась. В отсеке находилось около двухсот человек. Они были Безбашенными Госсфрида —

Десятой ротой Восемьдесят первого бронетанкового полка. Лейтенант и его адъютант отсутствовали. Они должны были лететь в кабине пилотов вместе с экипажем посадочного бота. Остальные гвардейцы сидели лицом друг к другу на всем протяжении узкого и длинного отсека. Они обменивались шутками и нервозно посмеивались над новичками. Рядом с Вульфе задумчиво покачивался капрал Мецгер — водитель танка. Хольц и Сиглер (последний был заряжающим пушки) устроились на противоположных сиденьях.

Это десантирование отличалось от прошлого не только боевым заданием, но и самой малой численностью экипажа, с которой Вульфе доводилось идти в бой. Его предыдущий танк был оснащен просторными спонсонами — двумя выступавшими по бокам отсеками с тяжелыми болтерами с ленточной подачей. Они уничтожали любого врага, который был достаточно глуп, чтобы приблизиться к их «Последним молитвам». Тот прежний танк

представлял собой устрашающую и абсолютно неудержимую боевую машину. Воспоминания о том, как он оставил свою «девочку» на темной автостраде за великое множество световых лет отсюда, наполняли Оскара жгучей тоской и угрызениями совести. С тех пор он ежедневно горевал о потере танка. Но какой у него тогда был выбор? Максимальной скорости оказалось недостаточно. Бросив машину на дороге, он с экипажем пересел на борт быстрой «Химеры», и скорость легкого БТР спасла их жизни. Они попали на последний орбитальный подъемник и убрались с Паллероса за несколько минут до того, как планета подверглась тотальному уничтожению.

Несмотря на боль от потери любимого танка, Вульфе знал, что должен благодарить судьбу за свое спасение. Миллиардам имперских граждан повезло гораздо меньше.

В любом случае, новая машина (эх, подумал он, ну что в ней было нового?) не имела мощной обороны. Ее фланги

оставались практически голыми. Боковая броня из прочной пластали достигала в ширину ста пятидесяти миллиметров, однако враги человечества обладали широким спектром реактивного вооружения, способного разрезать ее, как подтаявшее масло. Противнику лишь требовалось сократить дистанцию. Без боковых спонсонов Вульфе не мог защитить уязвимые места своего танка из купола башни. Там находился тяжелый стаббер с контейнерным магазином патронов. Насаженный на стержень, он давал широкий сектор обстрела. Это было хорошее оружие, но Оскар по-прежнему горевал об отсутствии спонсонов.

Из вмонтированных в потолок динамиков прозвучал трескучий голос:

— Двери трюма открываются. Крепежные замки освобождены. Произведен запуск двигателей. Активация бортовых гравитационных систем через три, две, одну секунду...

Вульфе почувствовал, как его живот потянуло вниз, — то было краткое мгновение, во время которого вес его тела

удвоился. Гравитационное поле «Руки сияния» и местное поле посадочного бота наложились друг на друга. Затем с такой же быстротой неприятное ощущение исчезло, и бортовая гравитация бота стала единственной силой, вжимавшей Оскара в сиденье.

— Двери трюмного дока открыты, — доложил механический голос. — Производится активация механических стапелей. Начинается спуск на планету. Вход в термосферу через десять, девять...

Вульфе отвлекся от обратного отсчета времени.

— Эй, сардж! — нервозно спросил танкист, сидевший через дюжину кресел справа. — Что такое термосфера?

— Закрой выхлопную трубу, чертов девственник! — рявкнул сержант. — Откуда мне знать? Я что, похож на заучку?

Вульфе усмехнулся. «Свежее мясо», — подумал он. Для доброго количества солдат это было первое десантирование. Катастрофические потери Восемнадцатой группы армий, понесенные

на Паллеросе, сократили ее личный состав почти наполовину. Старшие кадеты из кадийских Белых щитов — неустрашимых молодежно-тренировочных полков — восполнили ряды, но в основном их направили в полки Восьмой и Двенадцатой дивизий. Повысив в звании достойных гвардейцев из техкоманд и вспомогательных отрядов, кадийский Восемьдесят первый полк пополнил оставшиеся вакансии тыловиками из Шестьсот шестнадцатого резервного полка — солдатами, которые в большинстве случаев никогда не бывали в танках. В личных беседах лейтенант ван Дрой выражал озабоченность таким комплектованием. Он полагал, что многие новички не выдержат тягот службы — особенно в долгосрочной перспективе. Резервистов редко направляли на линию фронта. Обычно их использовали в гарнизонной службе или для строительных работ. Вульфе знал, что вкус первых сражений отсортирует мужчин от мальчиков.

Размышляя о том, кто из новичков

сдаст экзамен на мужество, он непроизвольно бросил взгляд на бойца, который сидел на последнем левом сиденье противоположного ряда. «Я буду приглядывать за тобой, зеленое дерьмо», — пообещал он самому себе.

Динамики с треском пробудились к жизни:

— Проникновение в мезосферу через десять, девять...

— Звучит пошловато, не так ли? — сострил какой-то краснолицый новобранец.

— Джаррел, что за дурацкие аналогии? — безрадостно хохотнув, спросил сидевший рядом с ним танкист.

Он попытался по-дружески хлопнуть товарища по руке, но полосы крепежной рамы не позволили сделать это. Беспокойный солдат, говоривший с ним ранее, открыл было рот для новой шутки, однако грубый голос его командира пресек пустую болтовню.

— Давай, Винтнерс! — рявкнул сержант. — Спроси меня, что такое мезосфера. Я лично займусь твоим образованием.

Несмотря на брутальные манеры, в его голосе чувствовались вполне уловимые нотки юмора.

— Ты будешь драить сортир всю эту чертову операцию.

Нервный смех прошелестел по рядам. Винтнерс побледнел и плотно поджал губы. Вульфе почти не замечал их перебранки. Он внимательно наблюдал за мужчиной, сидевшим на крайнем левом сиденье. Он рассматривал черты его хищного лица и следил за тем, как тот двигал губами, тихо переговариваясь с членами своего экипажа.

Это был капрал Ведер Ленк. Двадцать восемь лет от роду, командир «Летана Русса» класса «Экстерминатор». Имя танка — «Новый чемпион Церберы». Высокий, стройный и смуглый мужчина. Симпатичный. Хоть сейчас на плакат. Такие парни всегда неплохо выглядят: легкие улыбки, теплые рукопожатия. Но Вульфе не обманешь! Он презирал банду пугливых льстецов, прилипшую к Ленку после того, как его перевели в их полк. Оскар все еще не понимал, почему

новобранцы стайкой вились вокруг капрала. Рассуди нас Трон! Ведь парень прибыл из резерва. Ну чем тут было восхищаться? Значит, следовало признать, что Ленк обладал неординарными качествами. Прежде всего, у него имелся опыт в танковом деле. Возможно, в этом и заключалась причина его популярности? Он считался в полку таким же новичком, как и остальное «свежее мясо», но тем не менее слыл опытным танкистом. Пока это было лучшим объяснением из тех, что приходили Вульфе в голову.

В архивных записях указывалось, что раньше Ленк служил сержантом. Затем что-то пошло не так. Ему предъявили обвинение. По приговору военно-полевого суда парня продержали под арестом тридцать дней и в конце концов разжаловали в капралы. Лишь штабные офицеры знали суть его проступка, но они не говорили об этом. Вульфе планировал выяснить правду.

В день их первой встречи на борту «Руки сияния» Оскар посмотрел на Ведера и увидел в его глазах с пурпурной радужной

оболочкой суровый холод непокорности. Парень ничего не делал, чтобы вызвать неприязнь, но Вульфе знал, что рано или поздно между ними возникнет конфликт. Все это усугублялось сходством Ленка с одним криминальным подонком — кадийским каторжником по имени Виктор Данст. Данст и его банда татуированных наркоманов однажды попытались ограбить Вульфе на нижних улицах Каср Гера. В то время Оскар был белощитником — молодым кадетом и выпускником базовых курсов. Он значительно уступал им в силе, но, подобно многим Белым щитам, твердо верил в свою непобедимость. Он даже не подумал о бегстве. Когда Вульфе посоветовал бандитам сдаться, Данст поклялся убить его. Лишь случайное вмешательство патрульного отряда из Общества гражданского принуждения спасло Оскару жизнь в тот день. Нож Данста вошел в его грудь всего на пару сантиметров. Ему тогда здорово повезло.

Пока Вульфе рассматривал Ленка, тот, видимо, понял, что за ним

наблюдают. Он не стал поворачивать голову и обмениваться взглядами, но все же показал свое пренебрежение к сопернику. Оскар увидел усмешку, промелькнувшую на лице новобранца. Он почувствовал огромное желание встать и ударить его. Вульфе представил себе удовольствие, которое он испытал бы в то мгновение, когда кости Ленка затрещали бы под его кулаками. В отличие от многих знакомых гвардейцев, Вульфе не был скандалистом, но и тихим мальчиком его никто не называл. Оскар не сомневался, что, если бы дело дошло до драки, он без труда побил бы Ленка, хотя, судя по виду, этот парень вряд ли дрался бы честно. Жаль, что их поединок был невозможен, поскольку из-за разницы в звании Ленк, ударив Вульфе, совершил бы уголовное преступление. И все же, думал Оскар, если отбросить их звания в сторону...

Динамики на потолке затрещали снова:

— Силовые щиты сохраняют мощность в пределах восьмидесяти процентов. Вход в стратосферу через

десять, девять, восемь...

Все шутки и комментарии, которые могли бы последовать за этим объявлением, застряли в глотках бойцов. Посадочный бот начал трястись и вибрировать. Лица многих гвардейцев исказились от испуга. Некоторые из новичков побледнели и поджали губы, как будто их могло стошнить.

— Джентльмены, — обращаясь к экипажу, произнес Вульфе, — пора вставить амортизаторы.

Он сунул руку в правый карман штанов и вытащил небольшую прозрачную дугу из твердой резины. Это была капа, которую гвардейцы использовали во время учебных поединков. Кивнув, Мецгер, Сиглер и Хольц вытащили из карманов идентичные предметы и вставили их между зубами. Все ветераны в пассажирском отсеке сделали то же самое. «Свежее мясо» смотрели на них с выражением смиренного ужаса.

— Клянусь кровавым Оком! — заголосил круглолицый боец, сидевший через десять сидений справа от Оскара. —

Почему никто не предупредил нас о том, что нужно взять капы?

Он был новобранцем в экипаже сержанта Райтеса, и именно Райтес — закаленный в боях командир «Лемана Русса» с названием «Старая костедробилка» — ответил ему, на секунду вынув капу изо рта:

— Это ротная традиция, клоповья еда.

Он ухмыльнулся, стяв кожу вокруг широкого шрама, пробегавшего от левого глаза до уха. Термин «клоповья еда» был его личным выражением симпатии к вновь прибывшим новичкам, и, произнося эти слова, он умудрялся делать их похожими на такие банальные определения, как «тупой идиот» или «ослиная задница». Некоторые ветераны уже начинали использовать его идиому в своей речи — причем не только в Десятой роте.

— Ты останешься целкой до тех пор, пока не сломаешь зубы при высадке на планету.

Ошеломленный боец открыл было рот в наивном недоверии, но затем начал

рыться в карманах, надеясь найти какую-нибудь замену капе. Он вытащил мятый кусок ветоши, которым, наверное, чистил ботинки или пуговицы перед строевыми проверками. Затолкав тряпку в рот, он с жалобным выражением прикусил ее зубами. Вульфе предполагал, что она отдает политурой. Уголком глаза он увидел, как Райтес кивнул новичку.

— Хорошая мысль, сынок. Башка у тебя варит. Мы еще сделаем из тебя настоящего гвардейца.

— ...Три, две, одну секунду, — жужжал с потолка механический голос. — Вход в тропосферу достигнут. Высота девять тысяч метров. Всему личному составу приготовиться к атмосферной болтанке. Примерное время посадки через девятнадцать минут. Производится деактивация бортовых гравитационных систем. Переход на местную гравитацию произойдет через три, две, одну секунду...

Второй раз с тех пор, как Оскар зашел на палубу бота, момент гравитационного наложения заставил его почувствовать удвоенную тяжесть тела.

Некоторые бойцы застонали, когда их кости заскрипели от внезапного напряжения мышц. Но после того как гравипластины под их ногами перестали действовать, они почти не заметили разницы в силе тяжести.

Согласно толстой пачке обзорных документов, выданных каждому гвардейцу (хотя лишь несколько парней в полку ознакомились с ними), гравитация на поверхности Голгофы была вполне терпимой — 1,12 g. Вульфе, который обычно весил около восьмидесяти пяти килограммов, при увеличении массы на двенадцать процентов тянул теперь на девяносто пять кило. Это мало беспокоило его. Технари на борту «Руки сияния» позаботились об акклиматизации. После бегства с Палмероса они ежедневно и постепенно увеличивали гравитацию на борту корабля, ненавязчиво подготавливая солдат к условиям их последующего наземного дислоцирования. Люди, подобные Сиглеру и сержанту Райтесу, не слишком крепкие желудком, закалились уже через несколько месяцев. Вульфе почувствовал

небольшое улучшение аппетита и заметил, что его одежда стала плотнее облегать руки, ноги и грудь. Тело быстро привыкло к новой силе тяжести. Теперь, когда гравитация планеты действовала напрямую, он ощущал себя таким же, как обычно. Хотя для танков эти перемены были ощутимыми. Они влияли на потребление горючего и дальность стрельбы, на траекторию и скорость снарядов, на прочность и износ материалов. Такие вопросы требовали адекватных решений, поэтому полковым инженерам технических команд нечасто удавалось выспаться.

Подумав об эксцентричных техножрецах, Вульфе решил, что они, возможно, вообще не нуждались в сне. Кто их знает? Может, они просто вставляли себе свежие батарейки. Образ, возникший перед его мысленным взором, был забавным и немного тревожным.

Посадочный бот трясло не на шутку. Атмосфера Голгофы была плотнее, чем у многих населенных миров. Скачки давления между горячими и холодными

зонами планеты создавали воистину свирепые бури. Пока судно швыряло в стороны то так, то эдак, некоторые новобранцы уже пачкали себя рвотой. Оскар сражался с инстинктом, требующим напрячь мышцы тела. Но гораздо умнее было расслабиться, иначе позже пришлось бы страдать от порванных сухожилий и всевозможных растяжений — слишком частых и типичных травм при посадке на большие планеты.

— Высота семь тысяч пять...

Искаженный статикой голос внезапно утонул в ужасном пронзительном скрипе. Вульфе прижал ладони к ушам. Он помнил этот звук и знал, что такой скрежет не предвещает ничего хорошего. Звук рвущегося металла. Посадочный бот накренился вправо. Голова Оскара качнулась назад и ударилась о мягкую поверхность сиденья. Казалось, что его живот попал в центрифугу стиральной машины. Зрение помутилось. Перед глазами заплясали яркие звездочки. Нескольких бойцов в противоположном ряду встряхнуло так сильно, что их каты

вылетели и упали на пол. В отсеке послышались громкие проклятия.

— В нас нехило попали! — прокричал какой-то запаниковавший новобранец.

Вульфе казалось, что его сердце бьется где-то у самого горла.

— Никто в нас не попал, чертов Веббер! — рявкнул один из гвардейцев. — Если не знаешь, лучше помолчи.

— А что это тогда, если не попадание? — спросил кто-то еще. — Клянусь кровавым Оком!

— Молчать! — рявкнул сквозь капу сержант Райтес. — Довольно болтать! Это турбулентность, трусливые глисты! Вы поняли меня, сопливые тряпки? Обычная тряска. А теперь прикройте шланги!

Ложь Райтеса была очевидной. Он пытался успокоить новичков, но никто не принимал его слова за чистую монету. Бот сильно накренился влево, затем медленно восстановил угол дифферента. Тряска оставалась сильной и болезненной. Люди хватались за крепежные рамы. Косточки их пальцев белели от

напряжения.

Оскар еще раз взглянул на Ленка и сердито нахмурился, увидев его спокойное лицо. Губы парня немного выпячивались над выпиравшей капой — похоже, она нисколько не досаждала ему. Но и этот самоуверенный выскочка нервозно подпрыгнул на сиденье, когда в наушниках шлема раздался оглушительный высокотональный вой. Он оборвался так же внезапно, как и возник. Его заменил тусклый голос техножреца, произносившего очередное сообщение. На этот раз звук был усилен до тошнотворной громкости. Вульфе даже показалось, что в рваных фразах техника он услышал намек на панику.

— ...Пробой защитных щитов... мощнейший ураган... сбились с курса и... вниз. Всему личному составу... для немедленной...

Прошло мгновение, и Оскара вдруг затопила огромная волна мучительной боли. Казалось, что вся Галактика слетела с оси. Верх стал низом, левое — правым. Затем с пугающей скоростью все

вновь переместилось. Он крепко зажмурился и поморщился от ослепительного фейерверка, вспыхнувшего на внутренней стороне его век. Мышцы ныли от напряжения, превосходящего возможности тела. Сердце колотилось о грудную клетку, словно птица, желавшая вырваться...

Темнота. Отсутствие мыслей. Тишина. Вульфе падал в неосязаемую пустоту, в которой не могли существовать даже кошмары.

* * *

Что-то оцарапало его левую щеку. Несмотря на вялое сопротивление Оскара, острая боль медленно вытащила его из комфорта темного забвения. Он полуосознанно ощупал языком внутреннюю сторону щеки. Небольшой порез и привкус крови. Язык скользнул по коренным зубам... «Проклятье!» Два из них были острее, чем прежде. Два сломанных зуба. Вульфе вяло

подумал об осколках и решил, что проглотил их в беспамятстве.

Затем пришла взрывная боль в глазах. Он хотел зажмуриться сильнее, но веки и без того были плотно сжаты. Когда боль немного рассеялась, он заметил промелькнувшую тень. Сержант медленно и осторожно приоткрыл глаза...

— Хольц? Что случи...

Он попытался приподняться. Мышцы тут же обожгло волной огня. Он застонал и снова опустился на спину.

— Полегче, — склонившись над ним, сказал Хольц. — Сиглер пошел искать медика. Хотя они сейчас нарасхват. Тут не только много раненых, но есть и убитые. Бребнер и половина его экипажа. Несколько парней фачса. Краусс и Сименс потеряли своих водителей. Два десятка бойцов из вспомогательных команд уже никогда не ответят на твое приветствие.

Хольц помолчал секунду. Когда его печаль немного рассеялась, он добродушно добавил:

— Клянусь кровавым Оком, сардж, мы рады, что ты тоже выбрался из этой

передряги. Просто полежи немного, ладно?

Напрасная трата слов. Вульфе снова попытался приподняться. Застонав от боли и перекатившись на левый бок, он оперся на правый локоть. Его пальцы погрузились в темно-красный песок. По спине пробежал озноб.

— Голгофа, — прошептал он.

— Так точно, сэр, — ответил Хольц. — Голгофа, мать ее...

Вульфе промолчал, оценивая в уме впечатление, полученное от красных песчинок. Он поднял горсть мелкого песка к глазам, и тот заструился между его пальцами, словно вода. Оскар потер песчинки указательным и большим пальцами. На коже остались пятна — густые мазки темно-красной пыли.

— Как кровь, — проворчал он себе под нос.

Хольц, уловив последнее слово, не понял, о чем говорил командир.

— Не волнуйся, сержант. Никаких кровотечений нет. Только струйка изо рта. Или ты думаешь, что у тебя сломаны ребра? Может, лучше дождаться медика?

Вульфе упрямо покачал головой. Даже если он получил серьезное ранение, отлеживаться на спине было бессмысленно. Он взглянул на линию горизонта и осторожно сделал несколько глубоких вдохов... о чем тут же пожалел. Густой воздух Голгофы слегка обжигал ноздри и пованивал тухлыми яйцами. Избыток серы? Или что-нибудь похуже? Вокруг него тянулись низкие барханы. Лишенные отличительных черт, они убегали в терцающую даль, где суша и небо сплавлялись в ленту миража, паривщую над пустыней.

Он приподнял подбородок и посмотрел прямо вверх. Чужое небо поражало буйством красных и коричневых тонов. Достаточно красиво, подумалось ему, но и ужасно уныло. Облачный покров нависал очень низко. Где-то глубоко внутри его ежесекундно вспыхивали молнии, не достигавшие поверхности пустыни. Оскар заметил над собой рассеянное зарево местной звезды, однако ее свет даже в полдень с трудом проникал сквозь слой облаков. Из-за этого, как понял Вульфе,

везде было темно. Середина дня на Голгофе напоминала ему поздние кадийские сумерки.

Хольц проследил за его взглядом.

— Начальство говорит, что мы должны благодарить этот облачный покров. Если бы не он, свет звезды убил бы нас в одно мгновение.

— Миллионы способов, — прошептал Оскар.

— Ты не мог бы повторить, сержант?

— Это слова терранского поэта... Не помню его имени. Он сказал, что у чертовой Голгофы найдутся миллионы способов уничтожить людей.

Поморщившись от боли, Вульфе с трудом переместился в сидячую позу. Хольц промолчал. Он уже не пытался удерживать сержанта в неподвижном положении. Стрелок лишь молча покачал головой, показывая свое неодобрение.

— Сиглер в порядке? — спросил его Оскар. — И как там Мецгер? Что с Бессом и его экипажем?

— Сиглер и Мецгер живы и здоровы, — ответил Хольц. — Ни одной царапины. То

же самое и с Вессом, хотя его водилу сильно потрепало.

Он с задумчивым видом приподнял руку и потер пальцами отвратительный белый шрам, исковеркавший всю левую сторону его лица. Семь лет назад на планете Модесса Прим шальной раскольник-партизан выпустил в танк Вульфе кумулятивный снаряд. Хольц находился в одном из спонсонов. Брызги расплавленного металла превратили его из симпатичного балагура в самого ворчливого человека, какого когда-либо знал Вульфе. Однако изредка он видел образ старого Хольца, проглядывавший сквозь новый неприглядный облик, — прямо как солнце Голгофы.

— Клянусь разорванным Оком! — внезапно вскричал Оскар. — Ван Дрой был наверху с пилотами. Он не погиб при круше...

— Нет, все в порядке, — перебил его Хольц. — Только отколол край зуба. Из-за этого он злой, как черт. Лейтенант недавно приходил сюда, с любимым огрызком сигары, торчавшим изо рта.

Похоже, он хотел узнать, насколько сильно ты ранен. Сказал, чтобы ты доложился ему, как только сможешь встать на ноги. Он собирает у себя всех командиров танков.

Это породило новый вопрос.

— А как насчет Ленка? — спросил Вульфе, пытаясь не вкладывать в голос излишне большую надежду.

Хольц фыркнул. Он тоже питал неприязнь к самонадеянному новобранцу. Оскар догадывался, что причиной здесь была зависть, а не что-то другое. До той поры, как лицо Хольца оплавилось и превратилось в руины, он пользовался большим успехом у женщин. А Ленк слыл любимчиком многих медицинских сестер и женщин из офицерского состава «Руки сияния». Судя по слухам, доходившим до Вульфе, парень без стеснения делился с друзьями пикантными подробностями своих любовных похождений.

— Этот тип первым начал выгружать убитых и раненых, — нахмурившись, ответил Хольц. — Он сейчас вернулся в посадочный бот.

проверяет свой танк.

— Проклятье! — проворчал Оскар.

Он снова взглянул на небо и, адресуясь к Императору, угрюмо спросил:

— Неужели моя просьба была такой уж чрезмерной?

Хольц сухо засмеялся.

— Подумай и о светлой стороне. Если твой терранский поэт говорил правду, то у нашего приятеля будет много возможностей сыграть в ящик перед тем, как мы слиняем отсюда.

Вульфе переместил вес тела и осторожно поднялся на ноги. У него кружилась голова, но он мог стоять без поддержки друга. Поймав равновесие, он повернулся и бросил взгляд на обломки разбитого бота. Его взору предстало печальное зрелище. Пустыня была устлана на сотни метров обломками различных форм и размеров. Из хвостовой части судна валил черный дым, завиваемый горячим бризом в широкую спираль. Увидев этот столб, поднимавшийся вверх к облакам, Оскар сердито покачал головой.

«Вот же дерьмо, — подумал он. —

Дым выдаст оркам нашу позицию. С таким вымпелом мы не сможем оставаться здесь долго».

Он осмотрел смятый корпус посадочного бота. Десятки вспотевших бойцов суетились вокруг судна, вынося из брешей в корпусе большие ящики с амуницией. Другой отряд пытался открыть вручную массивный аварийный шлюз на корме корабля, через который можно было бы извлечь бронетехнику Десятой роты. Они старались изо всех сил, но шансы на удачу казались небольшими. Грузовой шлюз с выдвижным трапом оказался непригодным для использования. При падении бота его прижало к земле. Еще одна небольшая группа людей выполняла печальное задание. Подходя к безжизненным телам и опускаясь перед ними на колени, бойцы снимали с погибших солдат армейские жетоны.

Взгляд Вульфе задержался на одном из погибших танкистов. Этот юноша — совсем еще подросток — лежал в двадцати метрах от него. На фоне темно-красного песка его бледное лицо выглядело ярким

пятном. «Клоповья еда», — подумал Оскар. Он прикоснулся пальцами к серебристому значку на левом нагрудном кармане и прошептал заупокойную молитву о душе молодого танкиста. Проведя почти всю жизнь на полях сражений, он уже привык к таким трагическим картинам. Жизнь в Гвардии диктовала свои правила: либо ты смирялся с близостью смерти, либо комиссары делали тебя своим подопечным.

«Миллионы способов для уничтожения людей, — размышлял сержант. — И мы уже имеем первых павших. Добро пожаловать на Голгофу!»

— Похоже, я в порядке, — взглянув на Хольца, сказал Оскар. — Увижусь с медиками позже. Я лучше навещу ван Дроя. Найди Сиглера и Мецгера. Придумайте, как вытащить из корабля нашу кучу утиля. Когда управитесь с этим, разыщи меня.

— Все понятно, сержант, — ответил стрелок. — Только сделай мне одно одолжение, ладно? Не относись с презрением к нашему танку. Если ты и дальше так будешь продолжать, это

навлечет на нас неудачу. И потом, ты не можешь судить о танке по маневрам на борту корабля.

— Как скажешь, — нехотя согласился Вульфе. — Может, ты и прав, но мы-то с тобой знаем, что этой «девочке» потребуется вся ее удача для того, чтобы уцелеть во время сражений.

Он повернулся и, игнорируя огонь в суставах и мышцах, пошел искать лейтенанта ван Дроя.

Глава 3

Ситуация к северу от позиции Вульфе была иной, поскольку большая часть подразделений Восемнадцатой группы армий успешно приземлилась на поверхность планеты. Их четвертый вечер на Голгофе ознаменовался прибытием генерала Мохамара де Виерса, который спустился с орбиты на личном посадочном боте, украшенном имперским орлом. Ему не терпелось ознакомиться с результатами высадки на плацдарме Хадронского плато, где еще недавно находился лагерь орочьих рабов.

Предварительная стадия операции «Гроза» уже близилась к завершению. Благодаря усилиям Адептус Механикус сооружение армейского штаба было почти закончено. Передовые технологии марсианских жрецов, их впечатляющие

блочные структуры и бесперебойный труд легионов биомеханических рабов со стертым разумом позволили опередить первоначальные сроки. В рекордное время бугристую поверхность плато выровняли лазерами и укрепили стальными платформами. На следующее утро Десятая бронетанковая дивизия готовилась выступить в поход. Ее первая миссия заключалась в захвате нескольких аванпостов, имеющих стратегическое значение для создания линии поставок в восточном направлении. Поскольку его личные покои уже были возведены и готовы к заселению, генерал де Виерс решил, что личному составу на Голгофе не хватало присутствия их главнокомандующего. «Пора, — подумал он, — напомнить им, кому принадлежит это шоу».

Ранним вечером посадочный бот с нарисованным на борту орлом без происшествий приземлился на посадочной полосе военной базы. Последний свет дня угасал на западе красно-коричневым заревом. На территории плацдарма постепенно, один за другим, загорались

мощные прожекторы. Едва трап корабля коснулся скалистой поверхности плато, генерал де Виерс спустился к ожидавшим офицерам и начал отдавать приказы. Этот худощавый, гладко выбритый мужчина со впалыми щеками и напомаженными серебристыми волосами был заметно выше средних кадийцев. Он прожил девяносто один год и семьдесят шесть из них провел на военной службе. Тем не менее де Виерс выглядел на удивление молодо — на первый взгляд, не старше шестидесяти. Постоянная забота о здоровье и перенесенные им дорогие пластические операции оказались весьма эффективными.

Он много ставил на внешность. Эта чрезмерная забота о своем облике угадывалась в безупречной форме, изготовленной на заказ у лучших портных Кадии, и в блеске начищенных медалей, которые сияли над его левым нагрудным карманом. Голос генерала, когда он отдавал приказы, был резким и чистым. Иногда де Виерс подчеркивал сказанное короткими движениями подбородка.

Первым делом, сообщил он подчиненным, они проведут осмотр территории. И нет, он не отложит проверку до утра.

Инспекция, инициированная генералом, вполне ожидаемо началась с огромного моторного парка, заполненного танками. Затем офицеры генштаба обошли всю базу против часовой стрелки, проверяя инфраструктуру подразделений и оборонительные сооружения. Обход по этому маршруту занял два часа. Задавая вопросы и комментируя ответы, де Виерс тщетно пытался свыкнуться с плотным неприятным воздухом. В конце проверки он признался майору Груберу — своему заскучавшему адъютанту, что его впечатлили проведенные работы. Похоже, начальный этап операции проходил неплохо — даже без его непосредственного руководства.

С высокими укрепленными стенами, с «Мантикорами» и «Гидрами» противовоздушной обороны, установленными на башнях, с артиллерийскими платформами «Сотрясателей», которые шеренгами

стояли на широких выступавших парапетах, новый лагерь Восемнадцатой группы армий «Экзолон» представлял собой мощный и неприступный бастион во враждебном мире. Де Виерс убедился, что здесь он сможет противостоять даже несметной орде орков. И он одолеет их! По всей вероятности, такая атака последует спустя несколько дней. Голгофские орки увидели огни спускавшихся посадочных ботов. Рано или поздно они придут проверить это место. Не важно, сколько их соберется в пустыне. База выдержит любую осаду. Она станет источником поставок для операции де Виерса.

Плато, на котором возводили базу Хадрон, располагалось почти на линии экватора. Плоская вершина представляла собой неровный круг с диаметром в четыре километра. Это место выбрали по двум важным причинам. Во-первых, отвесные склоны и небольшое количество пологих спусков — даже без учета фортификационных укреплений — позволяли сделать базу максимально защищенной. Во-вторых, и что важнее

всего, плато находилось в шестистах километрах от конечной цели генерала. То есть данная геологическая формация была достаточно близкой к последнему определенному местоположению «Крепости величия».

Когда обход территории закончился, де Виерс устроил совещание с тремя командирами дивизий: генерал-майорами Реннкампом, Киллианом и Бергеном. Де Виерс планировал ограничиться короткой беседой, так как позже этим вечером он собирался устроить роскошный банкет, знаменующий начало их наземной операции. Естественно, началом он считал не спуск посадочных ботов с бойцами и танками, а свое прибытие на планету. Генерал не позволил бы, чтобы такой исторический момент не был отпразднован должным образом. Прежде всего, операция «Гроза», как он постоянно напоминал своим офицерам, была героической миссией, аналоги которой лишь изредка встречались в анналах Имперской Гвардии. Так почему же не отпраздновать финал начальной стадии?

Во всяком случае, таков был план. Однако вскоре приподнятое настроение де Виерса стало ухудшаться.

— Сколько? — прошипел он. — Повторите еще раз!

Его лицо покраснело от ярости. Пальцы, лежавшие на гладкой столешнице, сжались в кулаки.

— Шесть ботов, сэр, — ответил генерал-майор Берген. — У нас нет никакой информации о них. Седьмой обнаружен в пятидесяти километрах к северо-востоку от плато. Его обломки разбросаны на два с половиной километра по барханам пустыни. Весь личный состав погиб. Вы хотите ознакомиться со списком пропавших подразделений?

— Конечно хочу! — рявкнул де Виерс. — Семь посадочных ботов в первый же день экспедиции! Клянусь Оком Ужаса!

Когда Берген начал зачитывать список, его голос по-прежнему оставался твердым. Но интонация и хмурое лицо генерал-майора выдавали, насколько он расстроен случившимся.

— Посадочный бот Е-Сорок четыре-а3

Сто шестнадцатый полк кадийских стрелков, роты Первая и Вторая погибли в пустыне. Посадочный бот Джи-Двадцать два-а: Сто двадцать второй полк тирокских стрелков, роты с Первой по Четвертую пропали без вести. Посадочный бот Джи-Сорок один-б: Восемьдесят восьмой полк мобильной пехоты, роты Третья и Четвертая пропали без вести. Посадочный бот Эйч-Семнадцать-с: Триста третий полк карабинеров Скелласа, роты с Восьмой по Десятую пропали без вести. Посадочный бот Эйч-Девятнадцать-а: Девяносто восьмой полк механизированной пехоты, роты с Первой по Шестую пропали без вести. Посадочный бот Кей-Двадцать два-с: Семьдесят первый полк пехотинцев Цедуса, роты с Восьмой по Десятую пропали без вести.

Перед тем как закончить список, Берген сделал небольшую паузу. На исчезнувшем судне летели его танкисты.

— Посадочный бот Эм-Тринадцать-джей: Восемьдесят первый бронетанковый полк, Десятая рота пропала без вести. У нас нет никаких контактов с

перечисленными подразделениями.

Генерал де Виерс молча выслушал доклад и слегка покачнулся, осознав, какие потери понесли его силы при высадке на чертову планету. Тысячи людей пропали. Это было возмутительно. Тем более что в их числе оказалась танковая рота. Кровавый Трон! Целая танковая рота затерялась в пустыне, возможно полностью разбившись при крушении. Наверное, мерзкие орки уже грабили все, что от них осталось. Конечно, людские потери тоже были достойными траура, однако человеческая жизнь в Империуме ценилась дешево. На многочисленных планетах всегда нашлись бы новые солдаты. Для этого и создавались резервы. Но танки? Танки — совсем другое дело. Здесь, на Голгофе, де Виерс не мог надеяться на замену боевых машин. Каждый выбывший из строя танк оставлял невосполнимую брешь. Учитывая мобильную природу их миссии, силы бронетанкового полка являлись наиважнейшим фактором всей операции. Когда генерал оценил последствия плохих

новостей, его ярость еще больше усилилась. Он вскочил на ноги, отбросил стул к стене и ударил кулаками по столешнице.

— Это чертов провал! Как мы могли потерять семь ботов в первый же день? Это артиллерия орков? Влияние бурь? Какие оправдания приводят наши флотские офицеры? Что говорят жрецы Механикус? Я хочу услышать их ответы, черт возьми!

Вены вздулись на его шее. Казалось, еще немного, и глаза генерала выскочат из орбит. Пока он изливал свой гнев, три офицера, сидевшие перед ним, оставались неподвижными, как статуи. Они уже видели все это прежде — причем с нараставшей регулярностью в последние месяцы. Они знали, что лучше не перебивать его. Пусть он выплеснет свое возмущение. Любой, кто попытался бы успокоить его, нарвался бы на проблему. Когда де Виерс наконец перестал изрыгать проклятия и снова сел во главе стола, Киллиан — самый коренастый и, по мнению генерала, наименее приятный из

трех дивизионных командиров — отважился ответить на его вопросы:

— Техножрецы выслали в пустыню небольшой отряд сервиторов. Они планируют изучить обломки бота, найденные на северо-востоке от плато. Возможно, им удастся выяснить причину крушения. Пока никакой информации от них не поступало. Они находятся за пределами дальности наших средств коммуникации.

Киллиан поморщился. Он понял, что своими словами лишь подлил горючего в огонь. Естественно, де Виерс ухватился за такую возможность.

— За пределами дальности?! — вскричал он, готовясь выдать еще одну обличительную речь. — Наших чертовых средств коммуникации?!

Имперские средства связи, которые, исходя из многолетнего опыта генерала, подводили даже в самых благоприятных условиях, на Голгофе оказались почти бесполезными. Техножрецы говорили, что постоянные бури в густых облаках создавали мощные электромагнитные

помехи. Приписанный к «Экзолону» технический контингент Механикус обещал решить эту проблему по ходу операции, но на данное время радиосвязь на дистанции свыше дюжины километров вырождалась в белый шум. Разборчивый сигнал на расстоянии шести километров требовал огромных затрат электричества — больше, чем для суточного освещения базы. Поэтому контакты с флотом, ожидавшим на орбите планеты, поддерживались на абсолютном минимуме и проводились только в случаях крайней необходимости.

Де Виерс выругался и замычал, как невменяемый. Наконец он затих. Это не заняло много времени. Несмотря на бравый вид, он был стариком, и интенсивность эмоциональных вспышек быстро истощала его. Генерал понимал, что ему следовало сдерживать свой нрав. И он знал, что в следующие месяцы ситуация будет лишь ухудшаться. «В былые времена, — подумал он, — ничто на свете не могло бы расстроить меня. Так что же изменилось? Почему я теперь столь яростно реагирую

на слова подчиненных? Нельзя позволять напряжению момента влиять на мое психическое состояние».

Он знал, что крикливая брань по отношению к дивизионным командирам служила слабой терапией и приносила мало пользы. Он понимал, что в грядущие дни ему придется всецело полагаться на этих людей. Они будут отвоевывать предмет его желаний — его наследие, его место среди великих воинов Империума. Нет, кричать на таких людей было абсолютно неэффективно. Де Виерс умерил тон голоса до нормального уровня. Через десять минут после краткого обсуждения их дальнейших действий по развертыванию экспедиционных сил он отпустил офицеров, предложив им переодеться и подготовиться к банкету. Когда дивизионные командиры отдавали ему честь, де Виерс хотел было извиниться перед ними за свою вспышку гнева. «Нет, — сказал он себе. — Пусть моя ярость покажет им, что я ожидаю еще больших усилий. Я не хочу, чтобы они сочли меня слабаком». Мохамар Антоний

де Виерс не терпел никаких проявлений слабости — особенно со своей стороны.

* * *

После совещания генерал урвал час для краткого сна. Когда адъютант разбудил его мягким толчком, ему показалось, что прошло лишь несколько секунд. Но нужно было еще умыться и переодеться для торжественного ужина. Через два часа он стоял в освещенном зале с высоким потолком, во главе длинного стола из драгоценного кремла. Звякнув серебряной вилкой о хрустальный бокал, де Виерс попросил всех присутствовавших уделить ему внимание.

— Офицеры Восемнадцатой группы армий и мои почетные гости, — лучась улыбкой, с театральным великодушием он начал свою речь. — Я благодарен вам за то, что вы нашли время присоединиться к этому банкету. На самом деле мы не могли обойтись без такого праздника.

Сегодня вечером мы отмечаем начало нашего священного похода со всеми силами, которые нам позволили собрать обстоятельства. Взгляните на себя! Я думаю, что Император сейчас с гордостью смотрит на вас — таких нарядно одетых, таких способных и жаждущих выполнить его божественные указания. И он будет еще сильнее гордиться нами, когда мы найдем нашу реликвию! Этот момент станет достойным любых исторических книг! Я уверен, что вы, как и я, мечтаете о подобном: о публичной известности и вечной славе. Группа армий «Экзолон» вернет легендарную «Крепость величия»! Мы уведем ее прямо из-под носа старого врага! Люди с благоговением будут читать о наших подвигах. И пусть никто из вас не сомневается в успехе нашей миссии. Ничто не вызывает такого вдохновения, как героический поступок, совершенный твоими же собратьями по оружию.

Он осмотрел лица собравшихся гостей, призывая каждого из них отнестись к его словам с абсолютным

вниманием.

И ему понравилось, что их глаза — включая даже некоторые механические и немигающие линзы — были направлены в его сторону.

— Нам оказана огромная честь, — продолжил де Виерс. — В начале экспедиции я, как и вы, слышал ропот наших солдат. Они желали присоединиться к комиссару Яррику и кадийским братьям на Армагеддоне. Я ожидал таких разговоров. В «Экзолоне» множество прославленных воинов, и они хотят ускорить нашу победу. Я ценю их рвение, и мне тоже хочется как можно скорее оказаться рядом с Ярриком, чтобы силы нашей группы армий смогли повернуть ход сражения. Но всему свое время. Мы можем сделать большее, если сейчас одержим победу здесь, на Голгофе. Успешно вернув и восстановив «Крепость величия», мы дадим нашим братьям — не только кадийцам, но всем людям Империума — обновленную решимость и силу цели. Такой огромной помощи никто пока не может предложить. «Крепость»,

как вы знаете, это не просто танк класса «Гибельный клинок». Она является символом всего того, что связано с Гвардией. Это могущество и честь, долг и мужество, несгибаемое сопротивление мерзким изменникам и ордам чужаков, которые стремятся стереть нашу расу с лица галактики. Я могу сказать, что возвращение легендарного танка запоздало, но мы вернем его Яррику. Поэтому прошу вас наполнить бокалы и присоединиться к моему тосту.

Де Виерс с улыбкой ждал, пока его гости наливали прохладный золотистый напиток в бокалы из черного хрусталя. По большей части это были старшие офицеры. Его дивизионные командиры сменили полевые туники на изящную форму. Они производили прекрасное впечатление. Золотые украшения на лацканах и нагрудных карманах ярко сверкали в свете ламп над их головами. Остальные офицеры являлись полковыми командирами из Восьмой механизированной дивизии и Двенадцатой дивизии тяжелой пехоты — полковники и

майоры. Они тоже принарядились соответствующим образом, но хрящеватые шрамы на лицах многих из них нарушали атмосферу элитарного общества. Тем не менее даже они, с их обезображенной в битвах внешностью, были приятнее техножрецов, сидевших рядом с ними. Эти трое марсиан в красных мантиях с капюшонами были старшими представителями Адептус Механикус на Хадронской базе: техномаг Сеннесдиар и техноадепты Ксефо и Армадрон.

Генерал позвал их на банкет из вежливости. Де Виерс был уверен, что они откажутся от приглашения, иначе он и не просил бы жрецов прийти на праздничный ужин. Теперь, когда они сидели за столом, генерал сожалел о своем необдуманном поступке. Он так и не понял, почему они решили согласиться. Марсианские техножрецы нарочито сообщили ему, что не могут питаться пищей, приготовленной его поваром. Один из них — вечно сопящий и дерганый Армадрон — казалось, вообще не имел аналога рта.

Судя по деталям, которые генерал увидел под капюшоном адепта, голова Армадрона состояла из двух гладких стальных полусфер, абсолютно лишенных черт, но с одним мерцающим зеленым глазом. В терминах эстетики два других тарсианина тоже определялись не иначе как отвратительные.

Сеннесдиар, самый старший по званию — хотя его облачение не несло никаких знаков различия, — отличался высоким ростом. Его бесформенная фигура была вдвое выше любого из присутствующих в зале. Из многочисленных дыр в красной мантии (особенно на спине) выступали змеевидные придатки, которые, спускаясь к полу, обвивались вокруг ножек его кресла. Их металлические сегменты блестели в свете ламп. Лицо Сеннесдиара — то малое, что виднелось из-под капюшона, — выглядело как нелепый гротеск. Бледная бескровная плоть и небольшие куски кожи, скрепленные стальными скобами. Тонкий рот без губ напоминал де Виерсу рубленую рану. В целом лицо магоса казалось маской, пародировавшей человеческие

черты.

Третий техножрец, Ксефо, не отличался в лучшую сторону. В некотором смысле, он был даже хуже, поскольку сложное расположение его жвал и визуальных рецепторов придавало ему вид кошмарного биомеханического краба. Издаваемые им прерывистые щелчки не добавляли к этому впечатлению ничего хорошего.

«Клянусь Золотым Троном Терры! — подумал де Виерс. — Этой троицы достаточно, чтобы испортить аппетит обычному человеку».

Тем временем остальные гости наполнили бокалы и отодвинули стулья, чтобы подняться на ноги и присоединиться к тосту генерала. Де Виерс отвернулся от техножрецов, радуясь, что его адъютант, рассудительный Грубер, разместил тарсиан на дальнем конце стола. Рядом с генералом усадили куда более симпатичных людей: епископа Августа и верховного комиссара Мортена.

Епископ, стоявший по правую руку от де Виерса, был высоким мужчиной

восьмидесяти лет. Он напоминал скелет и выделялся невероятно длинным носом. Его загорелая кожа блестела от очень дорогих благовонных масел. На каждом пальце сияли кольца, украшенные драгоценными камнями. Епископ Август носил широкую мантию, однако, в отличие от техножрецов, его изящная одежда была ослепительно-белой, символизируя духовную чистоту, непостижимую для понимания других, менее важных и не столь обученных людей.

«Смех, да и только», — подумал де Виерс. Если сплетни о епископе имели хотя бы толику достоверности, то он обладал чем угодно, но только не духовной чистотой. На Кадии его публично казнили бы за неортодоксальные пристрастия, хотя, как убеждал себя генерал, слухи могли оказаться пустой болтовней. Епископ считался прекрасным собеседником. Он уже заслужил улыбки и смех многих старших офицеров, пока рассказывал им анекдоты перед тем, как гостей позвали к столу. Во всяком случае, это здесь ценилось больше, чем все, что

демонстрировали его марсианские коллеги.

Верховный комиссар Мортен, стоявший по левую руку генерала, блистал неоспоримыми чертами своего прославленного кадийского рода. Он был одет в черную шелковую рубашку, элегантные брюки и тунику с золотыми шнурами. Своей прекрасной внешностью он мог сравниться лишь с одним человеком — генерал-майором Бергеном, который, по мнению де Виерса, выглядел как образец солдата, сошедший прямо с плаката для набора новобранцев.

Следуя правилам приличия, верховный комиссар оставил свою жесткую фуражку на столе. Но, глядя на Мортена, все видели ее призрак, венчавший его голову, — такой была сила созданного им образа. Де Виерс считал его квинтэссенцией политического офицера. Непреклонный и бескомпромиссный в выполнении своих обязанностей, он служил в Восемнадцатой группе армий уже одиннадцать лет. И хотя они с де Виерсом не дошли до дружеских отношений, генерал с

удовольствием принимал уважение этого профессионального военного и отвечал ему тем же. Отсутствие дружбы не являлось большой потерей. К тому же де Виерс давно усвоил правило, что с комиссарами лучше было вести себя настороже.

Все гости встали и повернулись к нему с наполненными бокалами. Генерал тоже поднял хрустальный кубок и, глубоко вздохнув, произнес:

— За успех, джентльмены! За успех и победу!

— За успех и победу! — с энтузиазмом подхватили офицеры.

Все гости, не считая Механикус, поднесли бокалы к губам и выпили крепкий напиток. После этого де Виерс с широкой улыбкой жестом попросил их занять свои места. «Посмотри, Мохамар, они едят с твоей руки, — подумал он о подчиненных. — За успех и победу! Но еще и за бессмертие, поскольку я должен получить ту славу, которую ищу. И пусть Трон накажет любого ублюдка, который встанет на моем пути!»

* * *

Генерал-майор Джерард Берген с тоской и отвращением посмотрел на тарелку. Что за мерзость они туда набросали? Первое блюдо оказалось ужасным на вкус и непристойно дорогим по составу: охлажденный пузырчатый краб с эрмином и каприумом. Живот Бергена буквально раздулся, хотя другие гости расхваливали генеральского повара и, судя по их лицам, наслаждались необычной пищей. Теперь официанты притащили главное блюдо: дрожащие горы темно-красного мяса, которое выглядело опасно недоваренным.

Адъютант Грубер приблизился к креслу старика и гордо объявил:

— Легко прожаренное сердце зубра, фаршированное желированной печенью грокса и лепестками догвурта!

Шум восхищенных голосов пронесся по рядам вокруг стола. Однако Джерард рассматривал тарелку, как будто в ней находилась зловещая форма инопланетной

жизни. Пища влажно поблескивала в свете ламп, и ее острый запах щекотал ноздри Бергена. Он надеялся, что его восхищенные восклицания, добавленные к возгласам других офицеров, обманут бдительность капризного де Виерса. Он непроизвольно приподнял голову и тут же пожалел об этом. Генерал поймал его взгляд. Берген, приложив усилия, изобразил на лице притворную улыбку. Старик купился на нее и усмехнулся в ответ. Джерард вновь посмотрел на темно-красное мясо. Возможно, на вкус оно было лучше, чем выглядело, но он сильно в этом сомневался.

Несмотря на звание и полученное воспитание, Берген считал себя практичным человеком. Фактически эта черта характера нравилась ему больше всего остального. Тем не менее он должен был соблюдать субординацию, столь важную для высших эшелонов Имперской Гвардии. На поле боя и во время походов он жил, как его солдаты, питаясь типовыми пищевыми комплектами и засыпая на стандартной скатке. Джерард мылся и брился с той же регулярностью, которую

могли позволить себе его бойцы. Так он лучше понимал условия, сформировавшиеся в его подразделении. Он знал, как далеко мог подтолкнуть гвардейцев, прежде чем они начнут роптать. Такая информация обладала огромной важностью для хорошего командира. Офицеры старой школы — некоторые из тех полковников и майоров, что сейчас сидели за столом, — также придерживались этого правила, но их здесь было меньшинство. Полковым командирам Бергена — Виннеманну, Мэрренбургу и Грейвсу — разрешили не участвовать в генеральском банкете. Им предстояло подготовиться к завтрашнему походу. Джерард завидовал своим подчиненным. Де Виерс не дал ему такой поблажки. Старик был непреклонен в своем решении. Он настоял на том, чтобы все командиры дивизий присутствовали на торжественном ужине.

Взяв в руки столовое серебро, Берген начал отрезать небольшие кусочки от недожаренного сердца зубра. Он наколол один из них вилкой и поднес его ко рту. «Ничего не поделаешь, — подумал генерал-

майор, — придется пробовать». Текстура мяса показалась ему неприятной, но он заставил себя проглотить пережеванный кусок. На вкус тот был лучше, чем выглядел.

Пока гости генерала уплетали главное блюдо, разговоры стихли. Люди жевали, орудовали ножами и вилками, жадно тянулись с набитыми ртами к бокалам с амасеком. Но затишье продлилось недолго. Вскоре на многих тарелках остались лишь пятна соуса, и тогда к столу из боковых коридоров хлынула толпа официантов. Берген молча наблюдал за действиями главных персон. Его желудок проявлял попытки бунта.

Епископ Август приподнял белую шелковую салфетку, промокнул ею уголки рта и сказал:

— Какое изысканное благолепие, генерал! Мне очень жаль, что во время варп-перехода вы не акклиматизировали нас с таким чудесным блюдом. Надеюсь, вы понимаете мое огорчение? Я подозреваю, что Голгофа не предложит нам ничего столь вкусного и аппетитного.

Генерал де Виерс улыбнулся епископу и повернулся к техномагу Сеннесдиару:

— Уважаемый магос, скажите, если ты проглотим что-нибудь из местной фауны и флоры, это приведет к смертельному исходу? Я прав?

— Если вы спрашиваете меня, генерал, — монотонно и резко прогудел техножрец, — то позвольте ответить так.

Его трубный голос походил на рев мегафона, включенного на максимальную громкость. Берген, как и многие другие гости, поморщился.

— Вероятность смерти зависит от количества и типа проглоченной материи, конституции и веса тела предполагаемого человека, а также доступности и качества медицинской помощи...

Несколько человек, сидевших слева от Бергена, отодвинулись от стола. Похожий на краба техноадепт Ксефо издал высокотональный писк, напоминавший скрип мела по классной доске. Его начальник ответил сходным скрежетом.

Джерард знал, что это было. Техножрецы общались друг с другом с помощью бинарного кода — древнего машинного языка, распространенного на Марсе. Когда через мгновение Сеннесдиар вновь перешел на стандартный готик, его голос стал тихим и мягким.

— Мои извинения, джентльмены. Адепт Ксефо информировал меня, что мои вокальные настройки вызвали у многих людей дискомфорт. Скажите, такой уровень громкости приемлем для вас?

— Да, магос, — ответил генерал. — Так значительно лучше.

— Тогда я продолжу перечисление тех переменных, которые относятся к вопросам токсичности...

Де Виерс поднял руку и прервал техножреца на полуслове:

— Спасибо, магос. В этом нет необходимости. Скажите нам «да» или «нет». Нас устроит короткий ответ.

— Это не простой вопрос, — возразил Сеннесдиар. — Я велю своему прислужнику составить для вас полный отчет. Мы

обладает целой базой данных по фауне и флоре планеты.

— Как угодно, — сказал де Виерс, подмигнув епископу Августу. — Мне только хотелось попросить вас об одной услуге. Чтобы вы дали предупредительный гудок, если я попытаюсь съесть нечто опасное, чего глотать не стоит.

«Просто не откусывай того, что не сможешь прожевать», — подумал Берген.

— А сейчас, — отвернувшись от техномага, продолжил генерал, — я хотел бы услышать суждения верховного комиссара о выпитом амасеке. Коммодор Гэлбрайз великодушно подарил мне для нашего банкета восемнадцать бутылок этого напитка. И мне очень жаль, что он не смог отведать его вместе с нами.

— Не смог? — грубым тоном спросил генерал-майор Реннкамп. — Или не захотел? Я слышал, старый астронавт не ступал на твердый грунт уже лет двадцать, если не больше. Вам пришлось бы испрашивать приказ верховных лордов, чтобы стащить его вниз со «Звезды Геликона».

Офицеры поддержали его шутку вежливым смехом.

— Между прочим, отличный корабль, — прошептал полковник, сидевший рядом с Бергеном.

Это был фон Холден, командир двести пятьдесят девятого механизированного полка — один из заместителей Реннкампа. Берген не удивился его комментарию. Он тоже втайне восхищался двумя тяжелыми крейсерами линейного флота. Гвардейцы не часто хвалили вслух флотские корабли. Между Гвардией и Флотом существовали давние разногласия, порожденные чередой незабытых обид, которые тянулись в прошлое до Эры отступничества.

Верховный комиссар поднялся на ноги и с легким поклоном ответил генералу:

— Прекрасное вино. Коммодор был очень добр. Это дорогой напиток. Могу поспорить, в нем использован какой-то цитрусовый ингредиент. И смысл его подарка...

— Смысл? — спросил епископ Август. — О чем вы говорите?

— О происхождении этого амасека, ваша милость, — ответил Мортен. — Он производится лишь префектурными винокурнями Джалдайна на Терракс Секундус и считается довольно редким за пределами сегмента Ультима.

— Какой тонкий намек! — с сияющей улыбкой воскликнул де Виерс. — Вполне под стать вкусу напитка.

— Прошу прощения, — нахмурился епископ Август, — но я по-прежнему не вижу связи.

— В прошлую Голгофскую войну терранский и кадийский полки сражались бок о бок на этом самом плато, — пояснил верховный комиссар. — Объединив свои силы, они успели доставить комиссара Яррика и его штабных офицеров на борт орбитального подъемника. Когда подъемник взлетал с поверхности планеты, все плато уже кишело орками. Мне кажется, что этот эпизод был детально описан в нескольких книгах, посвященных битве.

После слов Мортена в зале наступила тишина. Собравшиеся офицеры молча

произносили молитвы о павших героях. Неловкую паузу нарушил генерал-майор Киллиан.

— Неужели никто из вас не читал Майклоса? — спросил он. — Даже мои бойцы временами суют носы в его потрепанные книги.

— Клот, ты хочешь сказать, что научил своих парней читать? — с усмешкой спросил Берген.

Киллиан захохотал, разгоняя прочь остатки мрачного настроения, повисшего в зале.

— Кто бы говорил, стальная башка! Твои-то парни все еще думают, что в столовую нужно брать мотки туалетной бумаги. Как подойдешь к танкистам, так дух перехватывает от их выхлопных газов.

Полковники, сидевшие рядом, громко рассмеялись. Они добродушно начали тыкать локтями в ребра товарищей. Затем де Виерс покашлял в кулак, и смех отсекло, как лазножом. Поджатые губы генерала послали всем ясное сообщение: здесь не место для подобных шуток.

«Ну, конечно, — с сарказмом подумал

Берген. — Это же твое шоу».

Верховный комиссар склонился вперед, прищурив холодные синие глаза, обратился к Киллиану:

— Лично я не одобряю ваши действия, генерал-майор. — Увидев, как покраснело лицо дивизионного командира, он добавил: — Я имею в виду вашу симпатию к солдатам, читающим Майклоса. Его произведения пронизаны фатализмом. Это неподходящие книги для фронтовиков и ужасный материал для рекрутов. Вспомните хотя бы, как он называл службу в Гвардии «кровавой мясорубкой». Будь моя воля, я наложил бы на его произведения запрет по статье номер шесть.

Берген с трудом подавил желание закатить глаза. Проступки, подпадавшие под шестую статью, наказывались плетью. Не слишком ли сурово за чтение поэзии?

— Кончайте, комиссар, — сказал Реннкамп. — Разве книги этого поэта не пользуются популярностью у гражданских лиц?

— У гражданских лиц? — переспросил Мортен. — Я так не думаю. Мне говорили, что жители ульев по-прежнему предпочитают комиксы с неудержимыми героями и беспрерывным сексом.

— Вам не нравятся неудержимые герои? — ухмыльнулся Киллиан. — Я так думаю, что сейчас вы ужинаете как минимум с одним из них.

Генерал поднял бокал и со смехом сказал:

— А вот за это я выпью!

Его адъютант Грубер вновь появился из боковой двери и, подойдя к генеральскому креслу, зычным голосом объявил десерт: кусочки засахаренных цитрусовых фруктов с горячим кофеином. Берген подавил тихий стон. Он вряд ли справится с новым блюдом. Но у него не оставалось выбора. Правила приличия налагали строгие требования. Он сомневался, что сможет покинуть банкет, не отведав подслащенных фруктов.

Хотя генерал уже выпил несколько бокалов амасека, его взгляд не пропускал ни одной детали. Берген с самого начала

заподозрил, что этот праздничный ужин был неплохо срежиссирован и служил двойной цели. Он знал, что де Виерс действительно хотел отпраздновать начало операции, поскольку генерал проявлял маниакальную ненасытность ко всему, что касалось славы, внимания и уважения. Однако Джерард не удивился бы и другому желанию старика — например, если бы тот использовал банкет для оценки настроений офицерского корпуса с целью устранения потенциальных смутьянов. В этом не было ничего оригинального. Со временем один из дивизионных командиров мог заменить престарелого генерала. Берген знал, что Реннкамп давно мечтал занять должность де Виерса — причем в любой момент и при любых обстоятельствах. Возможно, и Киллиан вынашивал схожие планы. Когда амасек лился в бокалы и зал звенел от разговоров, беспечные люди теряли сдержанность, надеясь, что все вокруг них охвачены таким же добродушием. Однако Берген был осторожен. Он медленно потягивал

напиток, зная, что перед рассветом ему придется выступать в поход. И он не расслаблялся, чувствуя, что генерал, как ястреб, наблюдал за офицерами.

«Варп побери этого старого болвана, — подумал Джерард. — Миллионы наших кадийских братьев погибают в Третьей войне Армагеддона. А генерал устраивает пирушки в мире, наводненном орками. Почему он так изменился? В былые времена, когда он был тверд, как скала, я восхищался им. Но теперь де Виерс стал другим человеком. Как будто им овладела какая-то паника. Я ненавижу того ублюдка, в которого он превратился».

Берген ткнул вилкой в засахаренный фрукт и начал медленно жевать его, почти не чувствуя вкуса. По крайней мере, завтра он снова выйдет из генеральской тени.

* * *

«Вот человек, который понимает

смысл миссии, — подумал де Виерс. — Хороший офицер! Джерард Берген! Посмотри, как он мало пьет, как ограничивает себя в пище. Он думает о завтрашнем дне и о поставленных перед ним задачах. Он не набивает щеки деликатесами, как некоторые из присутствующих. Черт возьми, он нравится мне! Действительно нравится! Напоминает меня самого в далекие дни молодости».

Прекрасный амасек коммодора Гэлбрайза расслабляюще подействовал на генерала. В его голове словно лопались легкие пузырьки воздуха. В мышцах возникло приятное онемение. Кровь согрелась. Он был немного пьян и очень доволен тем, как проходил его праздничный банкет. Грубер приблизился к нему и, склонившись, напомнил о времени. Славный и верный Грубер. Он делал все, что ему велели. Он не задавал вопросов и решал любые, даже неприятные дела.

Де Виерс встал и, слегка покачиваясь, вновь обратился к гостям — в последний раз за этот вечер:

— Джентльмены, мой адъютант сказал мне, что час уже поздний. Всем вам известно, что завтра Десятая бронетанковая дивизия выступает в поход к намеченному нами опорному пункту. Поэтому я отпускаю генерал-майора Бергена в койку. Вы можете идти. Наверное, остальные тоже были бы не против погрузиться в красивые сны, но, прежде чем вы отправитесь спать, я хотел бы сказать несколько слов.

Гости повернули к нему головы.

— Операция «Гроза» выходит на стремительный старт. Я благодарен вам, что этим вечером вы порадовали меня своей компанией и помогли мне соответствующим образом отметить данное событие. — Он вновь обвел взглядом присутствовавших офицеров и, удовлетворенно кивнув, продолжил: — Впереди нас ожидает опасная экспедиция. Мерзкие орки не дадут нам никаких поблажек. Они одержимы сражениями. Узнав, что люди вновь вернулись в эти места, они бросят в бой миллионы своих сородичей. Тем не менее в ближайшие дни,

впервые после сорокалетней паузы, генерал-майор Берген попотчует их имперским свинцом, за которым, клянусь Троном, последуют наши новые удары! Мы заставим этих ублюдков страдать! Пора напомнить им, чья это чертова Галактика!

— Отлично сказано! — прокричал один из полковников Киллиана, заслужив улыбку генерала.

Несколько офицеров уже подняли свои бокалы.

— Да, — сказал де Виерс, — наполните кубки для последнего тоста.

Горлышки высоких графинов весело зазвенели о края бокалов. Гости встали — некоторые с меньшей устойчивостью, чем остальные. Де Виерс повернулся к епископу Августу.

— Пусть молитвами совета святейшего Министорума Императора наша вера становится сильнее!

Епископ утвердительно кивнул, как будто он лично работал над этим.

— Слава Императору! — ответили люди, стоявшие вокруг стола.

Де Виерс повернулся к верховному комиссару Мортену.

— Возблагодарим бескомпромиссную бдительность наших неутомимых комиссаров, и пусть наши сердца не дрогнут в бою!

Мортен склонил голову в знак признательности.

— Слава Императору!

Генерал поочередно указал рукой с бокалом на каждого из техножрецов.

— Пусть мудрость и научные знания Адептус Механикус наделяют наши орудия жгучей свирепостью! Пусть наши моторы никогда не глохнут!

— Слава Императору! — прокричали офицеры.

Техножрецы ответили иначе:

— Слава Омниссии!

Де Виерс услышал, как епископ Август прошептал себе под нос тихое проклятие.

— Но превыше всего Трон, — продолжил генерал, — и Флот является его частью!

Некоторые полковники и майоры

неодобрительно заворчали.

— Да ладно, парни, — с улыбкой упрекнул их де Виерс. — Коммодор Гэлбрайз прислал нам лучший амасек. И он обещал мне группу воздушной поддержки «Вулкан», когда мы закончим строительство ангаров. Я не буду исключать его из тоста.

— А почему бы нам не поднять бокалы за генерал-майора Бергена? — спросил верховный комиссар Мортен. Повернувшись к Бергену, стоявшему по другую сторону стола, он громко добавил: — Удачи вам, сэр, в грядущей атаке на Каравассу. Пусть орки разбегаются перед мощью ваших славных танков!

— Отлично сказано! — шумно согласились офицеры.

— Спасибо вам, верховный комиссар, — ответил Берген. — Я уверен, что моя дивизия оправдает все ожидания генерала де Виерса.

Епископ Август приподнял бокал в его направлении.

— Пусть Свет всего человечества наблюдает за вами и вашими людьми,

генерал-майор. Пусть Император дарует вам победу. Вы пойдете в бой с благословением святейшего Министорума.

— Да защитит нас Император! — резко выкрикнул де Виерс, раздраженный тем, что верховный комиссар украл его тост.

— Да защитит нас Император! — хором подхватили гости и вместе, за исключением техножрецов, осушили бокалы.

По знаку Грубера из боковых проходов вышла стайка официантов. Они начали отодвигать стулья, сигнализируя об окончании званого ужина. Гости, направляясь к широким двойным дверям зала, салютовали генералу на прощание. Внезапно де Виерс услышал монотонный голос техномага Сеннесдиара. Тот вел беседу с генерал-майором Бергеном.

— Я ошибся, рассчитывая вероятность вашего появления на этом банкете, — сказал магос. — Вы уже подготовились к походу? Полагаю, ваши инженеры завершили работы по оптимизации техники?

— Да, они постарались, — ответил Берген. — Что касается моего присутствия на званом ужине, то на этом настоял генерал. Наверное, он хотел, чтобы я немного отвлекся от дел. Иногда перед началом операции полезно расслабиться.

— Эпинефрин, — прогудел техноадепт Армадрон.

— Что вы сказали? — спросил Берген.

— И норэпинефрин, — добавил техноадепт Ксефо. — Армадрон прав. Ваши люди, ожидая столкновения с врагом, демонстрируют повышенный уровень обоих гормонов. Выделение таких веществ опасно для здоровья. Но к этому можно привыкнуть, если правильно упражнять особые участки мозга. К примеру, наши легионы скитариев не испытывают подобных проблем.

Проходивший мимо епископ вставил едкое замечание:

— Наверное, после такого тренинга они млеют от восторга.

Техномаг Сеннесдиар повернул закрытую капюшоном голову и посмотрел

на представителя Министорум:

— Восторг скитариев никому не интересен, священник. Важна их эффективность.

Генерал увидел, как лицо Августа запылало румянцем. Он поспешил разрядить обстановку. Прежде чем епископ успел ответить на замечание магоса и еще больше обострить ситуацию, де Виерс подхватил его под руку:

— Ваша милость, я был весьма польщен вашим присутствием на банкете. Надеюсь, вы насладились угощениями в такой же мере, как и я. Прошу вас не забывать: если вам что-то понадобится от меня, свяжитесь с моим адъютантом Грубером. Он сообщит мне о вашей просьбе, и я возьму ее под личный контроль.

Епископ Август открыл рот, затем кивнул и ответил, все еще хмурясь:

— Вы очень добры, генерал. Я не забуду ваших слов. Примите мои поздравления по поводу чудесного праздничного ужина. Я буду ждать вашего следующего банкета при условии, что список гостей будет более... эксклюзивным.

Метнув высокомерный взгляд на техножрецов, священник приподнял полы мантии и покинул зал. Офицеры, салютуя генералу и выражая благодарность, неторопливо выходили из широких дверей. Техножрецы без дальнейших разговоров тоже воспользовались этой возможностью. Пока оставшиеся гости направлялись к выходу, де Виерс нагнал удалявшегося Бергена и потянул его в сторону.

Генерал отметил, что их глаза располагались на одном уровне. Берген, как и де Виерс, был выше многих кадийцев. Его мускулистое тело казалось более тяжелым, но главное отличие заключалось в возрасте — он был на сорок лет моложе генерала. Никакие геронтологические лекарства не могли отменить этот факт. Глядя на Бергена, де Виерс видел, насколько гладкой и плотной выглядела его кожа. Иногда, просыпаясь по ночам для вынужденной пробежки в туалет, генерал ловил свое отражение в зеркале и замирал на месте, пораженный видом своего лица. При тусклом освещении его голова напоминала

череп скелета. Он знал, что никакие омолаживающие процедуры во всей Галактике не удержат его от старения. Сколько времени ему еще осталось?

— Пара слов перед тем, как вы уйдете, Джерард, — сказал генерал. — Я хотел бы пожелать вам удачи и всего наилучшего.

Берген молча смотрел на него. На миг де Виерсу показалось, что они состязались в упражнении по удержанию взгляда. Это был странный момент, но, когда Берген заговорил, неловкое чувство, вызванное паузой, исчезло.

— Я ценю вашу заботу, сэр. Хотя, на мой взгляд, роль удачи часто переоценивается. Я никогда не полагался на нее.

Де Виерс кивнул.

— Не тревожьтесь, Джерард. Мы с вами выйдем из этой экспедиции героями.

Он помолчал, пытаясь обрести контроль над мыслями, скакавшими в его голове. Атасек коммодора оказался крепче, чем он ожидал. Ему никак не удавалось подобрать слова. Испытывая редкий

приступ честности, вызванный изрядным количеством спиртного, он решился сказать правду:

— Знаете, Джерард, моя линия крови... моя семейная родословная закончится на мне. Возможно, я уже говорил вам об этом.

Рот Бергена сжался в тонкую линию.

— Так точно, сэр. Вы говорили.

— Мне не удалось обзавестись детьми. Я делал все, что мог! Клянусь Троном! Но мое семя оказалось жидким, как вода. Во всяком случае, так объяснили мне эксперты.

— Я уверен, что это не мое дело, сэр, — сказал Берген.

Его холодный безразличный тон удивил де Виерса больше, чем произнесенные слова. Генерал мгновенно протрезвел. Сжав руку Бергена, он тихо произнес:

— Наверное, вы правы, Джерард. Я лишь хочу, чтобы вы поняли меня. Мне нужно оставить след в Империуме. История должна запомнить меня. Я посвятил всю жизнь служению нашему

Императору.

Берген молча смотрел на него несколько секунд.

— Мы все так поступаем, сэр.

— Да, конечно, — подтвердил де Виерс. — Примером тому является наше подразделение. Восемнадцатая группа армий. Я уже говорил это. Мы ведем в бой хороших солдат.

— Отличных солдат, — добавил Берген. — Хотя порой я не уверен, что мы заслуживаем быть их командирами.

Эти слова показались генералу хуже пощечины. Он не мог объяснить свои чувства. Задохнувшись на миг, де Виерс не знал, что ответить. Но Берген и не дал ему такой возможности.

— С вашего позволения, сэр, я хотел бы уйти, — сообщил он. — Мне нужно отдохнуть перед походом. Я должен быть сильным при встрече с врагом.

— Вы свободны, — ответил де Виерс.

Берген щелкнул каблуками и отдал четкий салют, на который генерал ответил взмахом руки. Командир дивизии повернулся и строевым шагом вышел из

зала. Де Виерс, не мигая, смотрел ему вслед. Несколько минут он стоял в тишине, размышляя над тем, как сильно в его фразе о хороших солдатах местоимение «мы» походило на «вы».

Глава 4

После завершения генеральского банкета Берген вышел из штабного ангара в горячую ночь. Адъютант Катц, ожидавший в штабной машине, завел двигатель, чтобы отвезти его в офицерскую гостиницу. Несмотря на поздний час и тот факт, что на рассвете его дивизия выступала в поход, Берген не хотел отправляться в постель. Махнув рукой Катцу, он сказал, что вернется в гостиницу пешком. Хотя он свел потребление алкоголя до вежливого минимума, крепкий амасек Гэлбрайза вызвал легкое онемение пальцев, поэтому Берген решил прогуляться. Его живот был непривычно полным, а разум — беспокойным и затопленным противоречивыми мыслями. Он знал, что сон придет не скоро. Возможно, время,

проведенное на открытом воздухе — пусть даже со зловонным запахом серы, — поможет ему немного расслабиться.

Берген бесцельно шагал вперед, выбирая участки земли с умеренным освещением и относительно ровной поверхностью. Через несколько минут он оказался в южном секторе базы. Джерард не впервые воевал в подобных регионах. Он ожидал, что к ночи температура понизится, как это часто бывало в пустынях на других планетах. Но слой облаков, постоянно накрывавший Голгофу, удерживал тепло в нижней части атмосферы. Для ослабления жары потребовалось бы немало времени. Берген расстегнул китель и пуговицы на вороте рубашки.

Завернув за угол недостроенного барака, он едва не столкнулся со взводом пехотинцев, направлявшимся к палаткам столовой. Солдаты остановились, отдавая ему честь. Цвет их беретов указывал на принадлежность взвода к дивизии Реннкампа. Не замедляя шага, Берген ответил им, быстро вскинув руку в

приветствии. Он рассеянно заметил, что не узнал ни одного из бойцов. Хотя в этом не было ничего странного. На базе Хадрон размещалось около тридцати тысяч гвардейцев: две полные пехотные дивизии и его бронетанковая. Каждая дивизия насчитывала примерно по десять тысяч человек, не считая потерь при десантировании. А еще имелся гражданский персонал, принимавший участие в операции.

«Итого, по скромным подсчетам, тридцать тысяч бойцов», — подумал Берген. Собранные на плато в кольце высоких защитных стен, они казались огромной и неудержимой силой. Однако Джерард знал, что подобное впечатление обманчиво. Преодолевая трудности, возникшие при сканировании планеты с плотной облачностью, их инженеры выяснили, что Голгофа по-прежнему кишит врагами. Несколько зондов-сервиторов, которым удалось вернуться на базу, сообщили о том, что в более прохладных регионах к северу и югу — там, где позволяла пустыня, — располагаются

огромные поселения. Возможно, теперь, заметив в небе огни посадочных ботов, легионы орков мчались через темные барханы к скалистому плато в надежде на свирепую и кровопролитную битву. «Паразиты, — подумал Берген. — Зеленокожие мрази стали чумой галактики».

Он подошел к основанию южной защитной стены и начал подниматься по зигзагообразной лестнице, которая вела к верхней площадке с зубчатым парапетом. В ближайшей башне располагался грузовой лифт. Однако Берген, страдая от избытка калорий после генеральского банкета, решил воспользоваться лестницей. Поднимаясь по ступеням и наслаждаясь равномерным ритмом поступи, он вновь подумал о голгофских орках.

За эти тридцать восемь лет беспечного покоя они распространились по всей планете, занимая имперские базы и собирая каждую часть брошенной бронетехники. Даже с учетом неисчислимой орды, которая покинула

этот и ближайшие миры, приткнув к наступлению Траки на имперский космос, здесь обитали миллионы орков. Возможно, даже миллиарды. Кто мог сказать наверняка, сколько тварей расплодилось на Голгофе?

При такой численности орков Восемнадцатая группа армий «Экзолон» представляла собой ничтожного противника, и любой, кто говорил иначе, являлся либо психом, либо рупором пропаганды — либо тем и другим, как это часто бывало. Несмотря на высокопарную речь генерала о важности их миссии, Берген разделял плохие предчувствия своих солдат и считал, что лучше бы они приткнули к битве на Армагеддоне. То сражение было бы действительно достойным испытанием для его бронетанковой дивизии, потому что при потере Армагеддона над Святой Террой, священной колыбелью человечества, нависла бы прямая угроза нашествия — впервые с тех пор, как божественный Император прошел по сияющим звездам. Соответственно, Голгофа даже в темные

времена не представляла большой опасности для сохранения Империума.

Когда Берген, тяжело дыша, добрался до верхнего уровня стены, его лоб покрылся потом, а мышцы ног налились свинцовой тяжестью от напряжения. Он повернулся и посмотрел вниз на базу Хадрон. Ее вид производил большое впечатление. Вся территория мерцала огнями, словно остров света в море абсолютной темноты. Джерард взглянул на небольшой аэродром, располагавшийся в северо-восточном секторе. Строительство ангаров близилось к завершению. Ожидалось прибытие истребителей «Вулкан», обещанных коммодором генералу. Чуть южнее плотными и ровными рядами, как солдаты на смотровом плацу, стояли десятки водозаборных башен и складских бараков. На восточной стороне, рядом с массивными армированными воротами, размещались ремонтные мастерские и большой моторный парк. Обе зоны освещались прожекторными мачтами. Сотни техников и инженеров в красных робах

сновали среди танков и бронетранспортеров, проводя профилактические работы. Тут же суетились каптенармусы, одетые в форму ржавого цвета, — пожилые бойцы из эшелона поддержки, раздававшие боеприпасы и сухие пайки. Техническая служба работала, невзирая на время суток. До рассвета оставалось несколько часов. Большие гвардейские грузовики — надежные и верные «тридцатьшестерки» — направлялись к складам на загрузку амуниции, вооружения и бочек с горючим. Десятки механизированных «Часовых» поджали металлические ноги и присели группой, словно домашние птицы. Бригады обслуживания заливали в них масло и проводили проверку оружия.

Подобное зрелище грело душу Бергена. Каждый раз, когда он видел подготовку боевых колонн, его сердце замирало от восторга. Проходили минуты, а он стоял как вкопанный, наблюдая за сбором экспедиционных сил. Джерард ощущал радость от того, кем он был. С шести лет — с момента, когда

мать сказала ему, что он был выбран для военной службы, — Имперская Гвардия стала для него единственно реальным смыслом жизни. Она сформировала его характер и определила ход судьбы.

Повернувшись к базе спиной, он подошел к парапету, за которым простиралась ночная тьма. Слева от него дремали пушки «Сотрясатель». Их духи машин отдыхали, ожидая зова к кровопролитным сражениям, в которых им не было равных. Большинство солдат из орудийных расчетов отсутствовали — артиллеристы, вероятно, спали в бараках или ужинали в столовой. В случае вражеской атаки они по звуку аварийной тревоги прибежали бы обратно к пушкам. Лишь несколько команд несли дежурство в карауле. Бойцы сидели у орудий, курили и играли в карты. Некоторые затачивали ножи или практиковались с товарищами в приемах ближнего боя. Дозорные прохаживались парами вдоль парапета. Они ежеминутно приподнимали к глазам магнокуляры ночного видения и осматривали подступы к плато. Впрочем,

там, в пустыне, не на что было смотреть.

За спиной Бергена послышались шаги. Он обернулся и увидел маленького пухлого солдата, который нес в руках поднос с зеленым кувшином и чашками.

— Не желаете ли горячего кофеина, сэр? — нервозно предложил солдат.

Он с тревогой рассматривал золотые глифы и витые ленты на кителе генерал-майора.

— Ты уверен, что он горячий, сынок? — с улыбкой поинтересовался Берген.

Из открытого горлышка кувшина не поднимался пар. Солдат утвердительно кивнул:

— Наш сержант говорит, что это из-за атмосферного давления, сэр. На Голгофе не бывает пара. По крайней мере, при нормальных температурах. Сардж сказал, что, если я увижу пар, меня уложат в медицинский блок с ожогами. Я не совсем понимаю причину, но верю ему на слово. Мой сержант — бывалый солдат.

Берген снова улыбнулся и вежливо отказался от предложенной чашки. Джерард знал, что, выпив глоток кофеина,

он вообще не уснет этой ночью.

— Твое имя и звание, сынок? — спросил он.

— Риттер, сэр. Два-один-пять-три-пять. Из Восемьдесят восьмого полка артиллерии Фероса.

— Это ваши пушки? — Берген указал через плечо большим пальцем.

Маленький боец гордо кивнул:

— Так точно! Наши, сэр. Красавицы, правда? Я надеюсь скоро войти в орудийный расчет. Сейчас я у них на побегушках.

— Неплохие пушки, между нами говоря, — заметил Берген, оглянувшись через плечо. — Отличные орудия. Ты должен гордиться, солдат, что твой полк участвует в нашей операции. О ней будут писать в книгах по истории.

— Я тоже так думаю, сэр. Мне нравится служить в артиллерии. Пока мои товарищи рядом, я не ломаю голову, в какой ад мы идем. Хотя воздух тут немного пованивает. И женщин тут нет, кроме сестер Медикае. А с ними только у офицеров имеются какие-то шансы. Даже с

самыми несимпатичными. Ну, вы понимаете. Разве не так?

Берген рассмеялся.

— Я рад, что ты поделился со мной тяготами службы. Главное, ты знаешь, к чему стремиться, верно?

— Так точно, сэр.

— Тебе лучше вернуться к орудию. Готов поспорить, что твоим товарищам понадобится добрый глоток кофеина, чтобы не заснуть в карауле. Держи нос по ветру, боец.

— Буду стараться, сэр. Спасибо, сэр.

Риттер неуклюже помялся с подносом, пытаясь высвободить руку для салюта. Кувшин и кружки угрожающе зазвенели. Солдат торопливо повернулся и направился к своему орудийному расчету, к которому так яро хотел присоединиться.

Посмотрев ему вслед, Берген зашагал вдоль парапета в сторону офицерской гостиницы. По пути он быстро останавливал жестами отдыхавших бойцов, которые поднимались для приветствий и рапортов. Разговор с юным Риттером улучшил его настроение. Он

высоко ценил беседы с рядовыми солдатами. Их честные ответы освежали его. В них отсутствовали скрытые мотивы, всегда управлявшие словами офицеров-карьеристов. Некоторые молодые гвардейцы буквально излучали оптимизм и блаженную наивность. Когда-то он и сам был таким одержимым романтиком. Наверное, здесь проявлялись социально-классовые отношения. До его вступления в кадетскую школу родители и близкие Джерарда — пусть святые пребудут с ними — без устали готовили мальчика к солдатской жизни. Сотни шрамов на его спине доказывали верность старой поговорки: «Нет ничего тверже характера кадийской бабушки».

Пока он шагал вдоль зубчатого парапета, его мысли вернулись к генералу де Виерсу. Настроение Бергена снова испортилось. Мохамар Антоний де Виерс. Тревожные предчувствия, как колокольчики, уже несколько месяцев звенели в голове Джерарда. Других толкований не было: после уничтожения Палтероса их генерал утратил чувство

реальности.

Кампания на Палмеросе должна была увенчать их старика неувядаемой славой. Де Виерсу давно полагалось уйти в отставку, и, если бы ему удалось отбить орков и спасти часть мирной популяции планеты, он получил бы долгожданную медаль Почета и, возможно, имперское звание лорда. Это полностью удовлетворило бы его жажду славы. Но Газкулл Трака направил на Палмерос семнадцать гигантских астероидов. Он убил миллиарды имперских граждан и стер цивилизованный мир со звездных карт галактики. Де Виерс не получил той вечной славы, которую он ожидал. Наверное, старик думал, что жители планеты возведут в его честь огромные монументы. «Наверняка он мечтал об этом», — усмехнулся про себя Берген. Но без победы статуй не бывает.

Опозоренный генерал искал иные возможности и, на свою беду, был отправлен в эту безнадежную экспедицию. Другие генералы всеми силами и ловкими маневрами уклонялись от безумной миссии

по возвращению танка Яррика. И тут появился «козел отпущения». Командование сектора пообещало де Виерсу, что он получит наконец заслуженное место в анналах истории. Они просто пожертвовали старым маразматиком, мрачно подумал Берген. Де Виерс был последней ветвью на своем фамильном древе. Но он хотел, чтобы память о нем сохранилась. Он с такой одержимостью пытался оставить после себя какое-то наследие, что подверг группу армий смертельному риску.

Спускаясь с защитной стены, Берген пошел медленнее. Его клонило в сон. Прогулка сделала свою работу. Усталость накрыла Джерарда, подобно тяжелому одеялу. Пока его ботинки звенели по металлическим ступеням одной из южных лестниц, он вспомнил совещание у генерала. Перед тем как отпустить командиров дивизий, де Виерс сказал ему:

— Каравассу вам придется брать штурмом. Можете не сомневаться, что каждый чертов аванпост, возведенный Яррико в прошлую войну, будет наводнен

паразитами. Клянусь Троном, у них было много времени, чтобы окопаться там. Остается надеяться, что сорок лет покоя сделали их мягкими и благодушными. Тем не менее я требую, чтобы вы выполнили мой приказ. Прежде чем двинуться дальше и заявить свое право на священную реликвию, мы должны обезопасить маршрут доставки дополнительных припасов.

— Вы по-прежнему считаете разумным ваше личное участие в экспедиции? — спросил Берген, зная, что спорить с генералом бесполезно.

Ему хотелось оставить де Виерса на базе. Переглянувшись с Реннкампом и Киллианом, он рассудительно добавил:

— Мне кажется, мы трое должны отговорить вас от этого. Зачем так рисковать?

— Я не изменю своего решения! — вскричал де Виерс.

Берген подумал, что сейчас начнется новое извержение старческого гнева. Но его не последовало. Генерал покачал головой и, понизив голос, сказал:

— Ценные вещи требуют рискованных действий. Если бы чертовы жуки в Мунторум сочли меня слишком ценным, чтобы рискнуть мною, они не послали бы меня сюда. Разве не так? Но сейчас это не важно, Джерард. Я молился о том, чтобы такая возможность оказалась на моем пути. Я заслужил эту миссию. Мне на роду написано вернуть «Гибельный клинок». И если кто-то из вас думает, что я собираюсь командовать из тыла, вы сильно ошибаетесь!

«Один из нас выжил из ума, — вспоминая беседу, подумал Берген. — И это точно не я».

Джерард спустился на скалистое плато и, прибавив шагу, увидел офицерскую гостиницу — низкое двухэтажное здание, которое он делил с полковниками Виннеманном, Мэрренбургом и Грейвсом. Там его ожидали прохладный душ и накрахмаленные простыни. Подумав об этих скромных, но приятных удобствах, он зашагал еще быстрее. Однако, несмотря на усталость, его мысли по-прежнему

крутились, словно масло в маслобойке.

Он знал, что в ближайшие дни погибнет множество людей. Неожиданные потери при спуске на планету уже сократили их силы как минимум на пару тысяч человек. И худшее было впереди. Голгофа показала свои зубы. Десятки солдат угодили в медблок, а дивизии еще не спустились в пустыню. Некоторых бойцов свалила «взвесь» — частицы красной пыли, настолько мелкие, что они проникали в человеческое тело сквозь клеточные мембраны. Медики ничего не могли поделать. Они использовали антитоксические средства, вызывавшие рвоту и судороги. Но реальное решение предполагало незамедлительное бегство с этой чертовой планеты. Вторым источником болезней были клещи — покрытые хитином маленькие кровососущие существа с мощными трехсторонними челюстями. Казалось, они находились везде, даже внутри машин. Если человек пытался оторвать клеща от кожи в тот момент, когда тот кормился, жирное красное тельце насекомого

расчленялось. Оторванная голова углублялась в плоть и, попав в кровоток, начинала выделять токсичный антикоагулянт. Неосторожный человек мог умереть от внутренних и внешних кровотечений. Лучше было не мешать питательному циклу клещей. Чтобы удалить такую тварь без осложнений, люди накрывали присосавшееся насекомое ватой, обильно смоченной в спирте или в крепком алкоголе. Данный способ страдал двумя недостатками. Во-первых, солдатам не нравилось расходовать ценную жидкость на удаление клещей. Во-вторых, использование спирта всегда грозило опасными инцидентами. Несколько злостных курильщиков уже поняли это на собственном опыте.

Кроме клещей и «взвеси» люди страдали от и других неприятностей. Возникали многочисленные трудности, связанные с атмосферным давлением; с аллергией на необычный, но пригодный для дыхания воздух; с гравитацией в 1,12 g. Бергену казалось, что Голгофа, встав на сторону врага, уже вела свою войну против

Кадии. А ведь орки пока даже не заметили их вторжения.

Берген не был склонен впадать в уныние. Скорее, наоборот. Внешность Джерарда была настолько романтической и привлекательной, что, когда он учился на кадетских курсах, его порою приглашали на съемки коротких пропагандистских фильмов для вербовки добровольцев. Но когда Берген вошел в гостиничный номер и увидел Катца, спавшего в кресле за столом, он еще больше убедился в трех своих пессимистических предположениях.

Первое: что его командир все больше терял рассудок. Де Виерс утратил чувство объективной реальности. Его окружала аура отчаяния, и каждый, кто ощущал ее наличие, интуитивно знал, что Восемнадцатой группе армий грозила неминуемая беда.

Второе: что «Экзолону» не удастся найти легендарную «Крепость величия». Будь это священная реликвия или обычный танк, но орки правили на Голгофе тридцать восемь лет. За такое долгое

время они ободрали ее до болтов и винтиков. И если хоть что-то осталось от нее, она уже будет неузнаваемой. Нет, «Крепость величия» служила чем-то вроде морковки, которую Адептус Механикус подвесили перед носом Мунитарум. Берген мог поспорить, что марсиане вернулись сюда не ради поисков любимого танка Яррика. У них имелись иные причины.

Третье и последнее, что заботило Бергена больше всего и в чем он ни капли не сомневался: если сам Император не спустится с небес, чтобы предложить им свою божественную помощь, ни один человек в его дивизии не покинет живым эту планету. Таких слабых шансов у них никогда еще не было. Годы назад здесь, в Голгофской войне, погибли миллионы людей. И теперь такая же судьба ожидала солдат Бергена. Их кровь тоже впитается в этот красный песок.

Конечно, он будет сражаться до последнего дыхания. Он дал клятву Кадии. Берген был рожден для битв. И только так он мог смотреть на смерть своих людей в подобной авантюре. «Если

потребуется, я переступлю через старика, — подумал Джерард. — Киллиан и Реннкамп поддержат меня. Вместе мы надавим на комиссара Мортена и...»

Мысль осталась незаконченной. Усталость навалилась на Бергена, словно приливная волна. Он рухнул на кровать и заснул за миг до того, как его голова коснулась подушки.

* * *

Где-то на базе, в километре к западу от гостиничного номера Бергена, три старших представителя Адептус Механикус вернулись в свои жилища. Их тут же окружила стайка детишек-рабов. Настоящие дети мгновенно погибли бы в таком необычном месте — едкие пары, туманившие воздух, растворили бы ткани их легких. Но это были ненастоящие дети. Когда-то, давным-давно, они родились живыми, затем хирургия превратила их в неподвластную времени смесь из плоти и

металла. «Дети» стали похожими на техножрецов, которым они служили. Неразумные послушные подобия. Лишившись некоторых частей мозга, они не могли независимо мыслить. У них не было голосовых связок, а значит, и голоса. Их единственная функция заключалась в безграничном подчинении, и поэтому они пребывали вне греха, за пределами зла и страданий. По этой причине жрец, придумавший «детей», изготовил им бронзовые маски — лица с застывшими красивыми улыбками. Они выглядели как полуживые изваяния херувимов.

Собравшись вокруг своих владык, детишки сняли с них мантии, удалили периферийные устройства и вытащили разъемы от гнезд, вживленных в плоть. Затем они помогли техножрецам погрузиться в глубокие округлые контейнеры, наполненные густой мерцающей субстанцией молочного цвета, ее переменчивое сияние отражалось на металлическом потолке. Завершив работу, «херувимы» удалились в тенистые альковы, встроенные в стены. Там они

деактивировались и стали похожими на кукол в поднятых на торцы гробах.

Не считая зала, освещенного мерцающими контейнерами, все остальные покои Механикус оставались погруженными во тьму. Воздух был насыщен неприятными запахами. Впрочем, для техножрецов это не имело значения. Их механические глаза могли видеть в любом диапазоне светового спектра. Запахи регистрировались как списки компонентов в их различных концентрациях. Здесь не было деления на «приятное» и «неприятное». Просто отмечалось наличие химических веществ.

Пройдя вброд к дальней стороне контейнера, техномаг Сеннесдиар погрузил свое бесформенное тело в густую жидкость. На поверхности осталась только голова. Адепты Ксефо и Армадрон последовали его примеру. Мерцающая субстанция забурлила пузырями, как горячий суп.

Первым нарушил молчание Армадрон. Его слова передавались в той форме механической речи, которую он

использовал за столом генерала.

<Если де Виерс еще раз устроит такой прием, я попрошу вас официально освободить меня от него. Опыт был неприятным. Экстаз, демонстрируемый людьми при употреблении органических компонентов, вывел меня из равновесия>.

Техномаг ответил сжатым высокотональным скрежетом:

<Века назад вы питались так же, как они. Вас научили преодолевать эту слабость. Мы можем славить нашу технологию, но вы не должны забывать хронологию прошлого. Особенно свою. Люди нуждаются в нашем руководстве, а не в презрении. К сожалению, в отличие от нас, они не могут понять славы Отниссии>.

Армадрон промолчал. То был знак, что он задумался над словами начальника.

<Магос, в будущем я тоже хотел бы воздержаться от подобных банкетов>, — сказал Ксефо.

В конце фразы его жвалы громко щелкнули. Сеннесдиар покачал головой. Он считал это плохой привычкой.

<Я подсчитал вероятность в три

кома семьдесят девять процентов>, — продолжил техноадепт, — <что органика, потребленная за генеральским столом, заставит одного и более гостей страдать паразитарными заболеваниями нижних отделов кишечника. Я не понял, почему вы не позволили мне предупредить гостей де Виерса. Ваши доводы показались мне трудными для осмысления. Вы хотите, чтобы у них в кишках завелись паразиты?>

<Конечно не хочу>, — ответил Сеннесдиар. — <Но риск инфекции приемлемо мал. Поверьте, адепт, генерал не поблагодарил бы вас за такую информацию. Как, впрочем, и его гости. На свете имеется множество фактов, которые люди стараются не замечать>.

Ксефо шевельнулся, послав медленную рябь на поверхности молочной субстанции.

<Предпочтение невежества? Какая обидная концепция>.

<Согласен>, — произнес Армадрон.

Сеннесдиар перевел жужжащие линзы с одного адепта на другого.

<Принятие личной обиды указывает на чрезмерно высокий уровень

субъективности. Не забывайте, что ваше следующее техническое улучшение будет зависеть от моей характеристики, данной вам как исполнителям. Генерал-фабрикатор настаивает, что мы должны сохранять объективность во всех наших делах. Вы либо будете придерживаться этих принципов надлежащим образом, либо пройдете процедуру насильственной регулировки. Давайте лучше ограничимся оценкой высокопоставленных гостей генерала».

«Конечно, магос», — ответил Армадрон. — «Представитель Министорум, епископ Август, старался приглушить остаточный запах сексуальной активности».

«Безуспешная попытка», — добавил Ксефо. — «По моим подсчетам, епископ входил в интимную близость с другим человеком примерно за четыре часа до банкета. Его партнером наверняка был...»

«Специфика поступков этого священника понятна мне не хуже вас, Ксефо», — прервал адепта Сеннесдиар. — «Но в данный момент она не относится к

делу».

«Он экклезиарх», — возразил Ксефо. — «Человек Имперского символа веры. По законам церкви ему запрещается участвовать в таких сношениях. Может быть, нам нужно сообщить де Виерсу о его порочном поведении?»

«Нет, не в этот раз. Люди часто совершают запрещенные законом поступки. Епископ Август, как и вся его абсурдная организация, настроен против нас, и было бы полезно дать ему урок уважения. Однако в настоящее время его похотливые забавы не интересуют меня. Хотя мы, конечно, запротоколируем полученную информацию. Давайте продолжим. Что вы можете сказать о других?»

«Многие военные оказались предсказуемо несложными людьми», — отметил Ксефо. — «Я считаю их типичными представителями кадийского офицерского корпуса. Их жизни посвящены Императору. Они жаждут славной смерти в бою и всеми силами добиваются уважения сослуживцев. Я не нахожу в этом ничего интересного. В данный момент

никто из них не угрожает нашим планам».

«Вы согласны, Армадрон?» — спросил техномаг. Адепт склонил гладкую голову, туго натянув сегментные кабели, которые соединяли упакованный в сталь мозг с различными информационными портами, размещенными на его обнаженных металлических позвонках.

«Мне думается, что заявление моего достопочтенного коллеги имеет несколько важных исключений. Например, непроизвольные гримасы генерал-майора Киллиана, замеченные мной во время банкета, позволяют предполагать, что он питает неприязнь к генералу де Виерсу. Тем не менее он вел себя достаточно осторожно и умело скрывал свое недовольство».

«Я не зарегистрировал никаких гримас», — возразил Ксефо.

«Я согласен с вашим выводом, Армадрон», — произнес техномаг. — «Мне хотелось бы выяснить причину этой неприязни. Информация может пригодиться нам, если генерал де Виерс станет неуправляемым. Организуйте

наблюдение за Клотом Киллианом».

«Магос, я заметил, что вы начали использовать сослагательные наклонения», — сказал Армадрон. — «Неужели ваши планы изменились? Генерал почти не противодействует нам, хотя раньше вы постулировали такую возможность».

«Я постоянно пересматриваю планы. Генерал де Виерс представляет собой сложную систему противоречий. Сила его личных амбиций позволяет нам надеяться, что мы проникнем в Дар Лак и найдем Ифарода. Однако эти же амбиции создают огромную опасность для нашей миссии. Я не исключаю вероятности того, что он прогонит нас прочь, когда узнает истинное положение вещей. Если дело дойдет до прямой конфронтации, нам понадобятся сильные союзники, чтобы отстранить его от власти. Я присматриваюсь к генерал-майору Бергену. Это наиболее перспективный офицер для компромиссного сотрудничества с нами. Он всю жизнь связан с бронетехникой — то есть долго и тесно работал с нашими инженерами.

Возможно, он будет симпатизировать нам больше, чем остальные командиры дивизий».

«Я наблюдал за ним некоторое время», — сообщил Армадрон. — «Джерард Берген создает впечатление человека, убежденного в своей скорой и неминуемой гибели. Может быть, нам лучше выбрать кого-то другого?»

«Я внесу ваше наблюдение в мои расчеты», — ответил Сеннесдиар. — «Хотя это ничего не меняет».

«Значит, вы намерены придерживаться плана?» — спросил Ксефо. — «С тех пор как наши предшественники покинули Голгофу, прошли десятилетия. Мы не рассчитывали, что уровень электромагнитных помех окажется таким высоким. Духи машин беспокоятся. Они начинают уклоняться от сотрудничества. Привезенные нами логические матрицы вообще не функционируют. Голосовые коммуникаторы остаются...»

«Я уже настроил свой разум на решение этих технических проблем», —

перебил его Сеннесдиар. — <Армадрон, завтра утром вы отправитесь в поход вместе с генерал-майором Бергеном. Объявите техножрецу Аурину о своих полномочиях. Он старший инженер Десятой бронетанковой дивизии. Я дам вам сервиторов-телохранителей и надежный транспорт. Уверен, что генерал-майор будет рад иметь под рукой адепта, наделенного вашими опытом и знаниями>.

Армадрон склонил голову и издал краткий скрип, выражая таким образом понимание поставленной перед ним задачи и абсолютное подчинение. Сеннесдиар поднялся на ноги и активировал код для «херувимов», ожидавших в альковах. Как только он выбрался из контейнера, они метнулись к нему, готовые к любым услугам. Густая жидкость стекала по его бескровному телу вдоль клапанов и кабелей, выступавших из остатков бледной плоти, которая досталась ему при рождении четыре века назад. Серебристые капли падали с металлических пальцев на решетчатый пол, пока он ждал, когда рабы оденут его. Накинув мантию на плечи, он

направился в личные покои.

На пороге магос остановился и, повернувшись, сказал:

<Не забывайте о ваших обязанностях, адепты. Мне тоже предстоит много дел. Да снизойдет благословение Бога-Машины на вас обоих>.

<Слава Омниссии!> — почтительно воскликнули они.

<Пусть ваша логика будет безупречной, магос>, — добавил Армадрон.

<И ваша, адепт>, — сказал Сеннесдиар. — <Не разочаруйте меня>.

Он вышел из зала, оставив адептов в пузырящихся контейнерах. Вскоре они тоже отправились выполнять свои многочисленные обязанности.

Глава 5

— Отгоняйте их назад! — прокричал полковник Стромм. — Не позволяйте им прорвать внешнюю линию обороны! Он выстрелил из хеллгана в атаковавшую массу орков и, щурясь от пота и дыма, попытался оценить ущерб, нанесенный врагу. Полковник схватил адъютанта за воротник, притянул его к себе и прокричал ему на ухо:

— Ганс, где, черт возьми, мои каскрины?! Почему их нет на участках прорыва?

Воздух сиял от трассирующих пуль и снарядов. Когда орки вышли на дистанцию ближнего боя, их огромные пистолеты и стабберы запылали лазерными лучами. Кадийцы отстреливались смертоносными шквалами огня. Из окопов, укрепленных мешками с песком, вырывались яркие

полосы плазмы. Они разрезали фонтаны пыли, которые были подняты противопехотными минами, взрывавшимися под ногами зеленокожих в первых рядах несметной орды. Тяжелые коричневые тела взлетали в воздух, вращались там, будто тряпичные куклы, и падали кровавыми сгустками плоти. Другие орки переступали через них, нисколько не страшась подобной смерти. Они весело улюлюкали, ревели по-звериному и орали боевые кличи.

Стараясь перекричать оглушительный шум битвы, треск лазганов и грохот болтеров, лейтенант Кассель приложил рот к уху полковника:

— Взвод Воннела на правом фланге понес тяжелые потери, сэр. Касркины двинулись туда. Там почти никого не осталось.

«Проклятье! — ругнулся про себя Стромм. — Пять дней! Пять дней мы проторчали в пустыне и не получили ни одного чертова сигнала от своих. Ни одного сообщения по воксу. Вообще ничего! А зеленокожих все больше и больше.

Десятки солдат уже погибли. Много раненых. Наш периметр сжимается с каждой орочьей атакой. Похоже, что для Девяносто восьмого полка это будет последнее сражение».

Он вспомнил о семье, находившейся на борту «Раскаленного» — тяжелого транспортного корабля, паривщего на высокой орбите вместе с остальным флотом. Его сын, совсем еще младенец, родился во время кампании на Палмеросе. Стромм надеялся увидеть, как он вырастет и окрепнет, как станет однажды офицером и заменит своего отца. Нет, мальчик будет лучше. Дети всегда стремятся к ярким достижениям и часто превосходят своих родителей. Несмотря на все беды и трудности, Стромм хотел бы прожить еще лет двадцать и полюбоваться на взрослого сына. К сожалению, он предполагал, что немощный и старый де Виерс привез их на Голгофу, чтобы разбить вдребезги его ожидания. И сегодня прямо перед его глазами эти предположения обретали реальность.

«Будь проклят пыльный мир

Голгофы! — подумал полковник. — Пусть он исчезнет в кровавом вареве! Почему мы не разбомбили планету из космоса? Хотя бы вирусными бомбами? Так было бы справедливо. Мы отомстили бы за всех людей, погибших под градом астероидов подлого Траки. Если бы не чертов танк Яррика...»

Орки приближались. Шестьсот метров. Пятьсот девяносто. Пятьсот восемьдесят. Кадийские мины почти не замедляли их наступления. Массивные тела разрывались на куски в фонтанах дыма и песка. Но численность врага была огромной. Ксеносы могли позволить себе такие потери. Орки, пригибаясь от ударных волн, продолжали идти, не останавливаясь даже на мгновение.

В первый день, когда посадочный бот уткнулся носом в красный песок, Стромп и его офицеры решили остаться у обломков корабля. Они верили, что генерал-майор Реннкамп направит разведгруппы во все стороны и найдет потерявшийся полк. Но радиосвязь на Голгофе была почти бесполезной. В пустыне быстро темнело.

Полковник не стал тратить время впустую. Он приказал отрядам окопаться и возвести укрепления. Работы велись при свете факелов и масляных ламп, что замедляло их ход.

Обилие песка решило вопрос с материалами. Стромп неохотно тратил бесценную воду на что-нибудь иное, кроме питья, но мешки с песком, смоченные жидкостью и высохшие, становились крепче застывшего бетона — такой эффект вода оказывала на голгофскую пыль. Куски металла, вытащенные из разбившегося корабля, тоже шли на строительство дотов. Используя доступные ресурсы, солдаты Девяносто восьмого полка создали два оборонительных рубежа — внешний и внутренний. Гнезда тяжелых орудий были усилены бронированными плитами, вырезанными из смятых переборок посадочного бота. Конечно, эти укрепления не давали надежной защиты, но они были лучше, чем открытые барханы. Во всяком случае, сейчас, стреляя в орду орков из хеллгана, Стромп не жалел об усилиях,

потраченных на возведение оборонительных сооружений.

Потоки огня, изливавшиеся из орудийных гнезд, сжигали десятки гротескных тел чужаков. Несколько «Химер» и полугусеничных бронетранспортеров полка, уцелевших при крушении бота, были окружены окопами и стенами из песка и стали. Их огневая мощь оказывала огромную поддержку в отчаянной битве кадийских пехотинцев. Тяжелые болтеры на башнях «Химер» выстукивали гулкую дробь. Разрывные снаряды превращали врагов в кровавые куски мяса. Турельные мультилазеры шипели и трещали, наполняя воздух яркими лучами. Некоторые из «Химер» были оснащены автопушками с длинными стволами. Они использовали мощные тридцатимиллиметровые патроны. Автопушки при стрельбе издавали резкие пыхтящие звуки. Пули изливались смертоносными очередями. Там, где они находили свои цели, мускулистые коричневые тела растворялись в мареве красных лохмотьев.

Не только «Химеры» и орудийные гнезда создавали огневой заслон. На стятом корпусе посадочного бота уцелело несколько лазпушек. Их тощные лучи пронзали орков сверху. При аварийной посадке кабина пилота сложилась в гармошку. Из флотской команды осталось только несколько матросов — в основном технарей. Им поручили управлять уцелевшими орудийными башнями. Стромм видел на их лицах страх и панику. Когда он направил этих парней к лазпушкам, они едва не плакали от радости. Их пугала встреча с орками в рукопашном бою. Полковнику не нравилась такая трусость, но он не мог осуждать безвольных слабаков. Они не выросли на Кадии. Они уже в силу своего рождения были немощными и робкими людьми. Лично для него это объясняло все. Несмотря на легкое презрение к флотскому «мазуту», он теперь радовался тому, как сноровисто они обращаются с орудийными башнями. Они направляли пузырившийся огонь вниз на головы орков, убивая дюжины за раз, выжигая их тела до

сморщенной шелухи.

Из-за плотности совокупного огня кадийцев каждый метр пустыни в зоне боевого столкновения был покрыт десятками павших орков. Тем не менее враги сокращали дистанцию. Стромм уже понял, что сил полка недостаточно для длительной обороны. Как и в любом сражении с орками, все в конечном счете сводилось к численности, а в этом он значительно уступал противнику.

Каждый день, оставаясь у разбитого корабля, Стромм и его люди в отчаянии тщетно пытались связаться с остальной группой армий. Хоть с кем-нибудь вообще! Вокс-передатчики не работали. Вокруг них собиралось все больше и больше орков. Отряды чужаков тянулись к месту крушения, привлеченные хвостом черного дыма, который бот оставил при падении. Он виднелся за сотни километров в каждом направлении.

Стромм сожалел, что окопался здесь. «Я мог бы двинуть полк в пустыню, — думал он. — Подальше от места падения. Я мог бы увести людей отсюда». Однако он

понимал, что подобный вариант был невозможным. Такие размышления об упущенных возможностях всегда показывали, что можно было предпринять нечто лучшее. Однако Стромп считал, что при той скудной информации, которая у них имелась, он сделал правильный выбор. Направив полк в пустыню, он оставил бы пехотинцев без защиты. После крушения бота у них уцелела лишь часть машин. Они не могли взять на борт каждого солдата. Кроме того, у них были раненые. И главное, полковник не знал, куда им идти и каковы координаты «Экзолона». Где, черт возьми, находилась их группа армий?

Его хеллган щелкнул, послав очередной заряд в гущу орочьей орды. Стромп не задумываясь нажал на кнопку извлечения, и пустой силовой пакет упал на землю. Он вырвал из кармана на поясе новую батарею, вставил ее в паз и возобновил стрельбу. Первый же выстрел оставил дымящуюся черную дыру в голове отвратительного орка. То, что полковник теперь мог видеть наносимый им ущерб,

не сулило ничего хорошего.

— Сэр! — настойчиво прокричал Кассель. — Нам нужно отступить за внутренний периметр защиты. Мы начинаем терять ключевые позиции на внешних рубежах.

Стромм кивнул и, не прекращая стрельбы, начал медленно отступать назад в направлении разрушенного бота.

— Передай мой приказ, — велел он адъютанту. — Я хочу, чтобы наши парни одновременно отступили на более безопасные позиции.

Он аккуратно выбирал свои цели, стреляя в темных и крупных орков. По многолетнему опыту Стромм знал, что они были самыми яростными и безжалостными воинами. Их закаленная на солнце кожа казалась твердой, как кость. На обнаженных торсах виднелись боевые шрамы и следы грубых хирургических операций. И именно эти кровожадные ветераны-убийцы вели в бой своих сородичей. «О Трон! — подумал полковник. — Они просто чудовища! Как только вселенная терпит таких ужасных

существ?»

Неудивительно, что человечество пыталось уничтожить орков. Зеленокожие являлись порождением кошмаров. Они сражались до тех пор, пока противников вообще не оставалось. Иногда создавалось впечатление, что они вели войны для забавы, наслаждаясь немотивированными убийствами. Или, возможно, сама резня была для них достаточным мотивом? Стромт видел, как орки шли в атаку, желая искромсать его людей. Он видел, как они безумно смеялись, словно страдания и смерть представляли для них азартную игру. Нет, обоюдная терпимость не могла решить межпланетный конфликт. С того момента, как две расы встретились, Галактика поставила их друг против друга.

В клубах кружившейся пыли уже проступали первые ряды приближавшихся орков. Стромт различал малейшие черты их свирепых лиц: проблеск дикого бешенства в каждом взгляде красных глаз, звериный оскал, безумную жажду крови. Их маленькие плоские носы были проколоты

кольцами и полосками металла, утыканы костями каких-то мелких животных. Большие, широко раскрытые пасти, которые могли бы сомкнуться на голове кадийского гвардейца, сочились густыми нитями слюны. Короткие зубы напоминали острые ножи. Из нижней челюсти торчали вверх два длинных изогнутых клыка.

Стромм многое повидал в своей жизни. Но только орки порождали у него такое чувство отвращения. Казалось, их расу изготовили на заказ для того, чтобы пробуждать в людях древний примитивный страх, заставляя их сердца трепетать от ужаса. Словно нечто звериное, присущее человеческому виду, усилили в тысячи раз и наделили мощным телом. Вот с кем Империум вел кровавую и непрерывную войну. Интересно, откуда взялись эти отвратительные твари?

Пехотинцы приступили к выполнению приказа Стромма. Он видел, как солдаты покидали песчаные доты и организованно отступали назад. Несколько бойцов не успели выбраться. Полковник выругался от досады, когда орки рассекли их плотными

очередями стабберов. Это было кровавое зрелище. Крупнокалиберные пистолеты противника издавали такие же громкие звуки, как болтеры. Они посылали град пуль и превращали людей в полужидкое месиво. Орки почти не целились. Они стреляли наугад, не жалея патронов. Но плотность их огня брала смертельную пошлину. Пока гвардейцы отступали к укреплениям второго рубежа, десятки солдат получили ранения, не совместимые с жизнью. В их спинах зияли огромные дыры. Выходные рваные отверстия на торсах были еще больших размеров. Те, кому пули попали в затылок, умерли мгновенно. Даже прочные кадийские шлемы «Марк-VIII» не могли защитить их от орочьих пуль. Черепа взрывались, словно перезрелые дыни, и обезглавленные тела падали на залитый кровью песок.

«Мы будем стоять до последнего человека, — скрипя зубами, подумал Стромм. Он отстреливался до тех пор, пока не кончился еще один силовой заряд. — Мы умрем здесь, но будем биться до последнего бойца. Черт бы побрал де

Виерса! Надеюсь, он получит свою проклятую славу».

— Артиллерия! — прокричал через вокс-связь один из взводных командиров. — Орочья артиллерия подходит с севера. Они стреляют! Ложись!

Стромм услышал рвущий нервы свист. Звук усилился до невыносимого воя. «Все ближе и ближе. Черт! Неужели они целятся в орудийные башни?»

Он бросился на землю. Кассель последовал его примеру. Огромное облако песка и пыли поднялось в воздух между кадийцами и орками. За оглушительным грохотом последовала ударная волна. Через мгновение до Стромма дошло, что он еще дышит. Никаких серьезных ранений. Это был пристрелочный выстрел, но следующий мог радикально сократить ряды гвардейцев.

— Они подогнали крупные орудия, сэр! — поднимаясь на ноги, прокричал адъютант.

— Пошевеливайся, Ганс! — рявкнул Стромм. — Передай тем карликам в орудийных башнях, что я хочу от них

подвига! Пусть сосредоточат огонь на вражеской артиллерии. Только у них есть чистая линия обзора. Быстрее, парень. Поспеши!

Кассель выдернул микрофон из зажима переносного вокс-передатчика, закрепленного на его спине. Он четко и внушительно изложил приказ полковника и получил подтверждение. Стромм мог бы и не беспокоиться. Флотские парни на орудийных башнях уже нацелили пушки на массивные САУ, появившиеся из облака пыли в полутора километрах от посадочного бота. Орочьи боевые машины имели короткие и толстые стволы. Они стреляли снарядами с повышенным содержанием взрывчатки, хотя при этом терялась точность наведения. Конструкция самоходок выглядела настолько ветхой, что машины, казалось, были готовы развалиться при первом же выстреле. Судя по виду, они вообще не могли функционировать. Но, как в случае с любой орочьей техникой, артиллерия работала исправно. С огромным выбросом пламени и сотрясающим землю грохотом

они выпустили еще один смертельный залп, целясь в лазбашни, открывшие по ним огонь.

Большая часть снарядов прошла мимо цели, просвистев над ботом и взорвав песок на значительном удалении. Однако случились и попадания. Два снаряда угодили в корпус, начиненный таким количеством взрывчатки, что разорвалась обшивка корабля. Ударная волна от двух мощных взрывов смела почти все орудийные башни. Флотские стрелки наверняка погибли.

При виде столь ужасных разрушений Стромп застыл на месте. Через секунду он пригнулся, защищая голову руками от града горящих обломков. Хвала Императору, их с Касселем не задело. Но молодой боец, стоявший справа, беззвучно рухнул на песок. Тяжелый осколок горящего армапласта пробил его голову.

Полковник повернулся к Касселю. Зная, что такая просьба тщетна, он крикнул адъютанту:

— Попробуй вызвать парней в уцелевших башнях!

Кассель сделал несколько запросов, но не получил ответа.

— Еще раз, Ганс! Мы не можем остаться без их огневой поддержки. Если самоходки продолжат обстрел, мы не продержимся ни минуты!

— Не отвечают, — доложил адъютант.

Его третья попытка закончилась тем же.

— Они погибли, сэр.

— О великий Трон! Следующий залп разорвет нас на части. Какие тяжелые орудия мы можем направить на орочью артиллерию? Где сейчас наши минометы? Они могли бы обойтись без линии огня.

Кассель вызвал по воксу огневой расчет мортир, но вместо ответа получил лишь свистевшую статику и уверенность в гибели еще одного полкового подразделения.

— Сэр, вы должны покинуть поле боя. Оркам не понадобится много времени на перезарядку орудий. Вы можете взять одну из «Химер». Касркины откроют вам коридор и помогут вырваться из кольца

окружения.

— Если ты предложишь мне это еще раз, я пристрелю тебя, Ганс. Ты понял меня? Мог бы и сам догадаться. Я никогда в жизни не бежал от врага.

— Прошу прощения, сэр. Я...

— Побереги свои извинения, парень. Просто продолжай стрелять. Орки дорого заплатят за наши жизни. Передай мой приказ. Девяносто восьмой стрелковый полк будет стоять до последнего солдата. Мы сражаемся за честь Кадии!

— Девяносто восьмой полк, вовеки славься! — выпятив грудь, отозвался Кассель.

Страх в его глазах сменился решимостью. Если им суждено умереть, они сделают это правильно — по-кадийски, сражаясь до последнего солдата. Император будет приветствовать их души в Зале славы. Он предложит им лучшие места за своим столом.

На внешних оборонительных укреплениях уже роились ксеносы. Стремясь добраться до гвардейцев, они неистово рвались вперед. Орки рычали,

толкались и брыкались, занимая лучшие позиции. Им отчаянно хотелось превзойти в жестокости своих ближайших сородичей. Их жажда битвы была столь велика, что между ними разгорались кровавые ссоры. Стромм увидел, как один из орков в тяжелой броне и в заостренном шлеме — с кожей, имевшей текстуру подгоревшего мяса, — повернулся к более мелкому соратнику и попытался отобрать у него большой топор. Маленький орк сопротивлялся. Тогда крупный ксенос вонзил в сородича длинный ржавый нож и разрезал живот соратника от грудины до пупка. На землю хлынула густая кровь. Розовые кишки блестящей спиралью скользнули на песок. Овладев топором, крупный орк издал боевой клич и бросился в атаку, стремясь навязать противнику жестокий рукопашный бой. Шесть гвардейцев с трудом уложили его из лазганов.

«Клянусь Террой! — подумал Стромм. — Эти существа безумны! Им не страшны ни раны, ни смерть. Даже если ты отыщем несколько Ярриков — даже

будь их тысячи или целый миллион, — человечество все равно не сможет отразить это нашествие дикарской орды».

Стромм прислушался к сообщениям, поступавшим по вокс-связи от уцелевших подразделений. Их рапорты постепенно перерастали в какофонию панических криков. Орки подходили все ближе. Как только сражение перейдет в рукопашный бой, с кадийцами будет покончено. Тогда ничто не сможет спасти их жизни.

— Мы теряем позиции второго рубежа обороны. Болтерные доты захвачены!

— Что делать, сэр? Отступать к посадочному боту? Но они тогда уничтожат его артиллерийским огнем!

— Мне нужны тяжелые орудия для поддержки правого фланга. Варп на ваши головы! Где минометы? Направьте туда отделение с тяжелыми болтерами. Хотя бы что-нибудь!

Полковнику казалось, что он слышит свои слова с большого расстояния. Им овладело неожиданное спокойствие. Воздух вокруг него вскипал от жары и грохота.

Рядом свистели пули и трещали лазерные заряды. Но в его сознании царила кристальная ясность. Он почти выполнил свой долг перед Кадией. Вернувшись мыслями к семье на «Раскаленном», Стромм безмолвно взмолился, обращаясь к Императору: «Пусть моя жена вспоминает меня с гордостью. Пусть мой сын достигнет большего, чем я. Император, я вручаю тебе души гвардейцев нашего полка. И пусть святой Джосман приведет нас к твоему престолу».

— Ганс! — крикнул он. — Дай мне флаг!

— Он здесь, сэр.

— Тогда разверни его, солдат.

— Я мигом, сэр, — снимая чехол, ответил Кассель.

Стромм закинул за спину дымящийся хеллган и принял тяжелый флаг от адъютанта. Схватив древко обеими руками, он зашагал навстречу врагу. Размахивая знаменем в горячем пыльном воздухе, полковник призывал людей к атаке.

— За мной, кадийцы! — прокричал он сквозь грохот битвы. — За мной, солдаты!

Мы больше не будем отступать. Мы примем здесь последний бой!

Флаг был украшен золотисто-красным трафаретным оттиском. В центре располагался символ с колоннами кадийских врат. По бокам размещались два ухмылявшихся черепа с пшеничными стеблями в зубах. Пшеничный стебель намекал на славную победу, одержанную полком полстолетия назад на полях Разарха во время печально известной битвы за Воген. Стромп решил, что, если их полк уцелеет после голгофской экспедиции де Виерса, он дополнит изображение на флаге новым символом — стилизованным облаком и молнией.

Солдаты, услышав его голос, повернулись к полковнику. Он стоял, размахивая знаменем. Флаг трепетал и хлопал на ветру. Стромп выглядел как картинка с военного плаката. Гвардейцы воспрянули духом. Их глаза засияли от гордости. Стромп видел, как они смотрели на него. Он видел, как в них пробуждалась решимость — желание воинов принять смерть в сражении.

— Честь и слава! — прокричал сержант, поднявшийся из ближнего окопа.

— Честь и слава! — проревел его отряд.

Что-то изменилось в атмосфере битвы. Казалось, гвардейцы получили заряд храбрости и силы. Даже истекавшие кровью раненые поднимались на ноги. Увидев полковника и реявший флаг, они вновь прижимали лазганы к бронированным плечам и встречали орков свирепым прицельным огнем. Каждый хотел отправить в преисподнюю как можно больше зеленокожих бестий.

«Сражайтесь, превозмогая боль, — безмолвно побуждал их Стролт. — Еще немного терпения. Еще больше упорства! Мы знаем, что Император сейчас смотрит на нас».

Их отделяло от орков несколько сотен метров. Вскоре ксеносы окажутся в гуще гвардейцев, и тогда сражение перейдет в рукопашную схватку. Мощная физиология зеленокожих позволяла им рвать кадийцев, как мокрую бумагу. Только бесстрашные каскрины, от роты

которых осталось три неполных взвода, имели какой-то шанс на выживание — да и то один на тысячу.

— Примкнуть штыки! — приказал Стромм.

Кассель повторил приказ по воксу. С таким же успехом он мог бы сказать: «Приготовиться к смерти». В рукопашном бою с орками это означало практически то же самое.

Офицеры и сержанты распространили команду по всей линии обороны. Дистанция, разделявшая две противоборствовавшие стороны, сократилась до сорока метров, затем до тридцати. Лазерный огонь сиял сплошной стеной. Перед тем как сойтись клинок к клинку, люди отчаянно пытались проредить орду врагов. Орки падали сотнями. Смертельные разряды с короткой дистанции наносили огромный урон. Но если это и давало гвардейцам какую-то отсрочку, то она измерялась секундами.

Орочья артиллерия неуклонно приближалась к полю битвы. К тому времени их пехота почти уже смешалась с

кадийцами. Боясь попасть в своих бойцов, орудийные расчеты прекратили обстрел. Зеленокожие пушкари отчаянно спешили к центру событий. Им тоже не терпелось окропить свои руки в крови умиравших людей. Их машины продолжали двигаться вперед.

В двадцати метрах от Стромма большой орк со сломанным клыком срубил гвардейца топором и отшвырнул другого солдата в сторону. Он прорывался к передовому отряду гвардейцев. Привлеченный ярким флагом, орк направился прямо к полковнику. Он выстрелил из массивного стаббера, и пуля попала в правое плечо Стромма. Крепкая армапластовая броня частично отразила удар, но мощный толчок сбил полковника с ног. Вскрикнув от боли, он упал на красный песок. Лучевая кость была сломана. Полковое знамя выпало из его рук.

Лейтенант Кассель торопливо бросился к командиру, подхватил флаг на лету и поднял его над головой, не опозорив полк и не дав священной реликвии коснуться земли. Он вонзил древко в песок

и, придерживая его одной рукой, склонился к полковнику:

— Вы живы, сэр? Скажите что-нибудь! Прошу вас, не молчите!

Стромп застонал и, прижав к себе сломанную руку, встал на колени. Кассель помог ему подняться на ноги. Полковник взглянул на солдат, образовавших вокруг него оборонительную линию. Отбивая удары орочьих топоров и зазубренных клинков, они отчаянно сражались лазганами, штыками, заостренными лопатами — всем, что попалось им под руку.

— За Кадию! — рявкнул Стромп.

Оставив Касселя с флагом, он снова вытащил хеллган — на этот раз левой рукой.

— За Кадию! — отозвались гвардейцы.

Они сражались из последних сил, когда воздух вдруг снова наполнился оглушительными разрывами больших орудий. Стромп вздрогнул, подумав, что орочья артиллерия возобновила обстрел. Неужели ксеносам не жаль было убивать своих воинов? Он пригнул голову, ожидая

ударной волны, которая могла оборвать его жизнь в любую секунду.

В любую секунду... Но этого не случилось. И он не слышал завывающего свиста снарядов над своей головой.

— Танки! — прокричал по вокс-связи один из ротных. — Клянусь Святой Террой!

— Орки подогнали танки? — спросил кто-то из взводных командиров.

— Нет, — ответил ротный. — Это не орочьи танки! Это наши! Имперские! С запада приближаются танки «Леман Русс»!

Стромм услышал второй залп выстрелов, и, к его изумлению, целая толпа орков, наседавших на левый фланг, исчезла в огромном фонтане пыли и огня.

— Их артиллерия! — радировал командир Второй роты. — Орочьи самоходки горят. Их разорвало на куски!

Третий залп, прозвучавший с запада, принес смерть еще большему количеству зеленокожих. Орда раскололась на несколько частей. Ее сегменты исчезали в разрывах снарядов. На землю падали кровавые и обгоревшие куски. Тех, кого не

убивало напрямую, калечило шрапнелью. Раненые орки рычали и вопили от боли. Имперские танкисты продолжали косить их ряды.

Зеленокожие, сражавшиеся врукопашную, почувствовали неладное. Выстрелы пушек остудили их пыл и отвлекли внимание. Они повернулись к источнику звуков, и гвардейцы Строгта моментально воспользовались возникшим преимуществом. Уложив десятки врагов, они создали достаточную брешь между собой и противником. Это позволило им пустить в ход лазганы и тяжелое оружие. Два взвода касркинов вклинились справа в образовавшуюся брешь и переместились ближе к полковнику, обеспечив ему более надежную защиту.

В открывшемся пространстве Строгт увидел тех, кто обеспечил его роте неожиданную передышку. Там, на западном фланге, в пустыне клубилось огромное облако пыли, впереди которого атакующим клином мчались десять кадийских танков. За ними, едва заметные в пыльном кильватере, шли

полугусеничные бронетранспортеры «Геракл», под завязку нагруженные людьми и ящиками с припасами. Все это походило на бронетанковую роту. В какое-то мгновение полковник подумал, что он бредит.

— Сэр, мы получили срочное сообщение, — возбужденным тоном доложил адъютант. — Извините... Повторите еще раз ваше имя... Да, слушаю вас... Сэр, сообщение от лейтенанта ван Дроя.

— От ван Дроя?

Стромм не знал такого лейтенанта. Большая часть бронетехники «Экзолона» принадлежала Десятой дивизии. А он и его люди были из Восьмой.

— Не тяни, Ганс. Что говорится в сообщении?

Кассель лучился улыбкой.

— Чтобы мы оставались на месте, сэр. Ван Дрой сказал, что Безбашенные разберутся с врагом.

Глава 6

Безбашенные Госсфрида мчались вперед. Их орудия грохотали как гром и даже громче, потому что в снарядах использовался прометий. Сердца танкистов клокотали от ненависти и отвращения. Бойцы в больших грохочущих машинах стремились отомстить зеленокожим за все страдания людей. Они мчались вперед, уничтожая врагов, с настойчивым желанием спасти своих собратьев-пехотинцев, пока не будет слишком поздно.

Спасение кадийской пехоты было первостепенной задачей для Госсфрида ван Дроя. После нескольких дней похода через пустыню — без малейшего намека на то, что другие подразделения «Экзолона» уцелели при десантировании, — он наконец нашел приятное подтверждение своей

заветной надежды. На планету высадились не только Безбашенные. Кто-то еще уцелел при посадке. Теперь это меняло всю ситуацию. Но пехотинцы отчаянно нуждались в помощи. Если танкисты не успеют вовремя, их товарищи не выдержат натиска орков. А ведь к этому и шло. С башни танка он видел, что кадийская пехота сражалась из последних сил. Несмотря на пыль и черный дым, скрывавшие хаос боя, он тут же понял, в каком затруднительном положении они находятся.

— Всем командирам танков, рассредоточиться, — приказал ван Дрой по вокс-связи. — Вести стрельбу по ходу движения. Как только вы выйдете на огневую дистанцию, начинайте обстрел из второстепенных орудий. Не медлите, бойцы. Там гибнут наши братья-кадийцы!

В ответ он услышал залпы танковых пушек. Впереди — чуть более километра, но с каждой секундой все ближе — в воздух взлетали колонны песка и кровавых ошметков. Стрельба в движении приводила к потере точности. Однако,

учитывая численность орков, танкисты могли позволить себе несколько промахов. Единственное, что им не дозволялось, это промедление.

Впрочем, волноваться об этом не приходилось. Моторы ревели, изрыгая густые черные шлейфы. Боевые машины по шестьдесят тонн весом мчались с удивительной скоростью. Из-за шума двигателя и выстрелов мощной пушки ван Дрой не слышал гула сражения вокруг разбившегося бота. Но он и так уже видел, в какую трудную ситуацию попали окруженные солдаты. Когда его танки вышли на километровую дистанцию, он поднялся к тяжелому болтеру на куполе башни и приготовился открыть огонь.

Большая часть обезумевшей орды перенесла агрессию на танки. Орки понимали, что бронетехника людей представляет собой реальную угрозу. Их огневая мощь была на несколько порядков выше, чем у пехотинцев. Лейтенант перевел взгляд на огромных орков с длинными клыками. Эти темнокожие твари в стальных доспехах сжимали в

руках нелепые зазубренные клинки. Он видел, как они запрокидывают головы назад и выкрикивают боевые кличи, призывая в атаку своих сородичей.

«Идите к нам, безбожные мерзавцы, — подумал ван Дрой. — У вас нет ни малейшего шанса против моей роты. Гореть вам в аду!»

— Безбашенные! — проревел он по командному каналу. — Рвите их в клочья! «Меч» и «Молот», построение в линию. Раймес, переведи свой эскадрон на левый фланг. Прореди их тылы. Вульфе и Рихтер, направляйте ваши эскадроны прямо вперед. Давите тварей гусеницами! Никто из этих ублюдков не должен уцелеть. Чтобы ни один не сбежал!

— Эскадрон «Копье» докладывает ротному, — отозвался сержант Раймес. — Вас понял, сэр. Скоро орки пожалеют, что выползли из грязи и песка.

— Эскадрон «Меч» докладывает ротному, — вторил сержант Вульфе. — Движемся вперед линией.

Сержант Рихтер отрапортовал последним:

— Эскадрон «Молот» выполняет ваши указания, сэр. Передавим всех зеленокожих!

Осмотревшись по сторонам, ван Дрой увидел, что танки образовали широкую фронтальную линию на одном уровне с его машиной. «Старая костедробилка», «Яростный Империй» и «Несокрушимый» свернули на северо-восток, чтобы атаковать зеленокожих с фланга и зажать их в зоне поражения. Пока ван Дрой оценивал обстановку, из пушечных стволов продолжали вылетать сгустки пламени. Воздух содрогался от звуков взрывающегося пропеллента.

Справа от него мчались танки двух эскадронов — «Копья» и «Молота». Не все они были оснащены стандартным вооружением. Рота ван Дроя представляла собой смесь из разных боевых машин, которые удалось получить из резервов. Но, как он часто говорил новобранцам, там, где Безбашенные теряли в единообразии, они добавляли в многоцелевой и гибкой эффективности. И кому какое дело, что командиры других рот посмеивались над ним? Цюрлох и

Бриманд издевались над ван Дроем больше всех. Высокомерные ничтожества! Их роты были укомплектованы новыми однотипными машинами. Однако ван Дрой знал, что слишком узкая специализация всегда приводила к беде, когда какие-то штабные ублюдки внезапно меняли правила. Его Безбашенным такое не грозило.

Танк лейтенанта — «Врагодав» — был редким и ценным «Леманом Руссом» класса «Покоритель». Сто лет назад его сделали в кузницах Ризы, и лишь святые знали, сколько орков он уничтожил после своего рождения. Его гладкоствольная пушка калибра 120 мм, с особыми кумулятивными снарядами, разрывала орочьи машины на куски. Ни один другой «Леман Русс» не мог стрелять с такой точностью на дальней дистанции, и ван Дрой ежедневно молился духу машины танка, воспевая ему литании, одобренные полковыми инженерами.

Такая любовь воздавалась сторицей. Очередной выстрел добавил еще одну подбитую мортиру к победному счету

этого дня. Стрелок ван Дроя — Болтливый Дитц — превратил отвратительное орочье орудие в обгоревшие обломки. Над ними теперь поднимался черный шлейф густого дыма. Но Дитц не прекращал стрельбы. Заряжающий ван Дроя — сварливый маленький коротышка по имени Уоллер — вбивал снаряды в жерло пушки с удивительной скоростью. Стрелок не тратил их попусту. Каждый раз, когда пушка изрыгала огонь, десятки орков возносились в небо и падали ливнем красного дождя, который орошал песок пустыни.

Оставались считаные секунды. Большие пальцы лейтенанта мягко прижались к гашеткам тяжелого болтера. Еще несколько секунд. Горячий пустынный ветер задувал за воротник. Адреналин струился по венам знакомым приятным потоком. Боевой опыт ван Дроя насчитывал дюжину спорных миров и две с половиной декады лет выслуги. Но начало схватки по-прежнему возбуждало его, как ничто иное. Он не уставал воевать. Никогда не уставал сражаться.

Когда дальность поражающего огня была достигнута, он нажал на гашетки тяжелого болтера и выпустил очередь разрывных снарядов. Несмотря на плотные наушники для защиты барабанных перепонок, шум казался тошнотворно оглушительным. Сильную отдачу болтера смягчали поглощающие насадки и пружинные амортизаторы. Орудие скакало в его руках, выбрасывая из эжектора медный дождь гильз.

Пока ван Дрой расстреливал врагов, орочьи пули и лазерные лучи искрились на передних щитовых пластинах танка. Но он не останавливался. Снаряды его болтера вонзались в мясистые тела и через миг детонировали с ужасным эффектом. Командиры других танков поступали так же. Они стреляли из болтеров и тяжелых стабберов, установленных на губе каждой башни. Несколько танков были оборудованы спонсонами, которые трещали громче остальных орудий. Автоматические плазменные турели выкашивали орков, заставляя уцелевших ксеносов бежать, спасая свои жизни.

Во время стрельбы ван Дрой хранил молчание. Он не кричал, не рычал и не заливался безумным смехом, как это делали некоторые неуравновешенные бойцы. По его мнению, так вели себя только новички и психи. Во время боя он старался ни о чем не думать. Утрачивая чувство самого себя, он становился частью некой общей единицы, объединявшей танк и экипаж. И каждый раз, когда это происходило, сражение шло плавно, как по маслу. Все инстинктивно знали, что им делать. Никаких излишних вопросов. «Признак хорошей команды, — подумал он. — Нет! Только этого экипажа».

Внезапный треск статики в шлемофоне вывел ван Дроя из транса. В наушниках прозвучал ворчливый голос заряжающего:

— Вокс-панель мигает, сэр. Похоже, вас вызывает на связь какой-то пешеход.

Ван Дрой снес еще десяток орков вблизи «Врагодава» и спустился в башню. Пригнувшись к пульту, он крикнул Дитцу:

— Враги наседают на наши машины! Поддай огоньку! — и переключился с

интеркома на вокс-канал: — Говорит лейтенант Госсфрид ван Дрой. Восемьдесят первый бронетанковый полк, Десятая рота. Прием?

Человек, ответивший ему, принадлежал к офицерской элите. Его голос звучал устало и озабоченно:

— Это полковник Стромм из Девяносто восьмого полка механизированной пехоты. Вы слышите меня, ван Дрой?

— Слышу вас, сэр.

— Пусть Император благословит ваши бронированные задницы, парень! Вы прибыли сюда в самый подходящий момент. Отгоните орков от наших защитных рубежей. Нам нужно немного пространства, чтобы отбиваться. Я потерял кучу бойцов в рукопашной схватке...

Он прервался на полуслове, чтобы отдать приказ своим людям. Ван Дрой услышал звуки интенсивного сражения, которое велось на другом конце линии. Бой шел в непосредственной близости от позиции полковника.

— Ван Дрой, вы еще здесь? — спросил, задыхаясь, Стромм.

— Да, сэр. Вы продержитесь несколько минут? Один из моих эскадронов обходит орков с тыла. Два других работают слева от вас. Вам придется немного потерпеть. Мы не можем вести пушечный огонь в непосредственной близости от ваших окопов. Похоже, один из наших залпов едва не побрил вас осколками.

— Мне по-любому не мешало бы побриться, — пошутил полковник. — Но ситуация у нас рискованная. Потеря артиллерии огорчила орков. Когда вы начали обстрел, они отвлеклись на вас, и мы отогнали их на сотню метров. Теперь, разделившись, они отстреливаются на два фронта. Однако здесь их по-прежнему много. Мы находимся на грани рукопашного боя. И мне не нужно говорить вам, что на такой дистанции мы долго не продержимся. Они тут, на Голгофе, вырастили крепких ублюдков, а наши спины уже прижаты к стене... в буквальном смысле слова. Конечно, мы можем укрыться в обломках посадочного бота.

Нам больше некуда идти. Но я не хочу оказаться в ловушке. Это чистое самоубийство. У нас появился бы шанс на спасение, если бы вы создали коридор. Несколько моих взводов каскринов держали бы его открытым, пока мы не отойдем.

Ван Дрой задумчиво кивал.

— У вас будет коридор, полковник. Я направлю один из эскадронов к посадочному боту. Они проложат вам путь. Оставайтесь в окопах до самой последней минуты. В воздухе будет много свинца.

— Чем больше, тем лучше, — пожелал Стромм.

Рев и крики заглушили его слова. На фоне сражения отчетливо слышались орочьи боевые кличи. Несмотря на относительную безопасность, ван Дрой почувствовал, что кровь застыла в его венах. Он решил направить к боту эскадрон под командованием Вульфе. В группе «Меч» находился единственный «Леман Русс» класса «Экстерминатор». «Новый чемпион Цербера» лучше всех подходил для такого задания.

— Торопитесь, ван Дрой, — добавил

Строттт. — И пусть нас защитит Император. До связи.

Лейтенант переключился на командный канал роты:

— Ротный вызывает «Меч». Вульфе, отвечай.

— «Меч» слышит вас, сэр, — передал по воксу сержант. — Говорите.

Его слова прерывала барабанная дробь тяжелого стаббера.

— Сержант, нашим друзьям-пехотинцам очень нужен коридор для отхода, — сказал ван Дрой. — Я направляю туда «Нового чемпиона». Короче, бери свой эскадрон и сделай просеку до корпуса бота. Пусть обломки корабля прикрывают спины пешеходов. Проведи их до безопасного места. Связь держи с полковником Строттом. Канал «Эф», шестая полоса частот.

Через миг пришел ответ от Вульфе:

— «Меч» ротному. Эскадрон уже в движении.

Ван Дрой услышал в его голосе сердитые нотки. Возможно, Вульфе сейчас матерился. «Новый чемпион

Церберы» был машиной капрала Ленка.

* * *

— Идем на помощь пехотинцам, — сообщил Вульфе, обращаясь к экипажу по интеркому. — Мецгер, если сможешь, найди нам местечко в трехстах метрах от бота. Ожидается много огня.

Танк «Последние молитвы-II» помчался вперед. Тяжелые гусеницы терзали пустыню, выбрасывая позади машины волны песка. Вульфе спустился в башню и, сев перед вокс-панелью, вышел на связь с эскадроном:

— Командир «Меча» вызывает первый и второй номера. Передаю приказ ван Дроя. Мы вступаем в бой. «Новый чемпион» идет справа от меня и открывает коридор для пехоты. Прорежь им путь на одной линии с рухнувшим ботом. Пусть корабль прикрывает их спины. И, Ленк! Осторожнее с «дружеским огнем». Мы с «Передовым крестоносцем» держим центр и левый

фланг. «Крестоносец», двигайся параллельно со мной. Дистанция — пятьдесят метров. Эскадрон «Молот» поддержит нас с тыла. Прошу подтверждения.

Капрал Сименс отозвался первым:

— «Передовой крестоносец» подтверждает получение приказа. Прикрываю тебя слева. Да защитит нас Император!

— Слава Императору! — автоматически ответил Вульфе.

— «Новый чемпион» подтверждает получение приказа, — через секунду доложил Ленк. — Смотри и учись, сержант.

— Отставить шуточки, капрал! — оборвал его Вульфе. — Выполняйте задание.

Во время тренировочных занятий в огромных трюмах «Руки сияния» он иногда следил за Ленком и знал, что парень был хорош в стратегии — фактически намного лучше, чем стоило ожидать от новичка, учитывая уровень его боевого опыта. Но Вульфе не признавал его достижений. Он

считал капрала заносчивым выскочкой.

Танк «Последние молитвы-II» вел эскадрон навстречу нападавшим оркам. Вульфе поднялся в купол и ухватился за рукоятки тяжелого стаббера. Взглянув на орущих коричневых монстров, которые мчались к нему сплошной стеной, он понял, что ему не нужно целиться. Куда бы он ни стрелял, пули все равно попадали в орков. С трудом сделав паузу, чтобы выровнять линию прицела, он вновь нажал большими пальцами на «бабочки» гашеток. Стаббер оглушительно затрещал, уничтожая дюжины ксеносов. Это было странное и немного комичное зрелище, уже виденное Вульфе прежде. Казалось, громоздкие дикари танцевали джигу, пока град свинца кромсал их мощные тела.

Капрал Мецгер остановил «Последние молитвы-II» за небольшой дюной — ничтожная защита, но все-таки лучше, чем никакая. Уязвимая нижняя часть танка оказалась прикрытой. Броня корпуса отражала шквалы вражеского огня. Через некоторое время Мецгер начал обстрел из тяжелого болтера, установленного на

корпусе танка. Он добавил огневую мощь к стабберу Вульфе, рассекая врагов, которые пытались приблизиться к машине, чтобы закрыть телами обзорные щели.

На такой дистанции Вульфе видел каждую деталь их свирепых и гротескных лиц. Они напоминали ему других зеленокожих, с которыми он сражался годами. Некоторые бойцы утверждали, что все орки выглядят одинаково. Но Вульфе думал иначе. Одно лицо отпечаталось в его памяти, словно выжженное клеймо: кривобокое, покрытое бородавками рыло огромного орка, оставившего ему на горле длинный шрам. Когда Вульфе волновался, этот старый шрам чесался до безумия. Хотя орки Голгофы сильно походили на своих дальних сородичей и пробуждали в нем неприятные воспоминания, они были другими. Их кожа имела коричневый цвет, впитав в себя, как он предполагал, красную пыль, в которой они жили почти сорок лет. Гибкие и поджарые твари обладали огромным проворством. Мышцы проступали на их телах, как стальные кабели. Голгофа

оказала на этот вид орков огромное влияние. Она сделала их опаснее и крепче.

Вульфе быстро осмотрелся по сторонам и убедился, что «Передовой крестоносец» и «Новый чемпион Церберы» остановились в боевом порядке, направив свою огневую мощь на истребление противника. Потери орков были ужасными. Более умные ксеносы пытались покинуть поле боя. Они уклонялись от приливного давления наступавших соплеменников, протискивались между рядами и убегали от смертельных дуг огня, которые валили наземь их глупых сородичей. Впрочем, это никого не спасало. Вульфе покачивал ствол стаббера слева направо, без жалости срезая врагов. «Не жди любви от чужаков и не дари им сострадание».

Капрал Хольц, оставшийся в башне, не нуждался в руководстве Вульфе. Он и сам знал, что делать. Его боевого опыта хватило бы на целый эскадрон. Как и многие другие танки «Леман Русс», «Последние молитвы-II» имел на вооружении спаренные автопушки, которые с легкостью «жевали» пехоту и легкую

бронетехнику, позволяя стрелку беречь ограниченные снаряды основного орудия. Хольц работал теперь на «спарке», медленно вращая башню на девяносто градусов и устилая дюны безжизненными останками орков. Заряжающий Сиглер, сидевший в другой стороне башенной «корзины», вытащил из складского ящика свежую ленту патронов для стаббера. Орудие Вульфе отличалось огромной скоростью огня и поэтому нуждалось в частой перезарядке.

— Не трать время, Ленк! — прокричал по воксу Вульфе. — Сделай чертов коридор. Пехота долго не продержится!

— Уже в деле, сержант! — рявкнул в ответ Ленк.

Вульфе увидел, как тяжелые болтеры «Экстерминатора», пробудившись к жизни, стали пробивать кровавую дорогу прямо в гуще врагов. Проводя тотальную зачистку, они создавали адское месиво. Сержант почувствовал, что кто-то дважды постучал его по голени. С трудом оторвав взгляд от жуткой бойни, он опустил руку в башню и принял от

Сиглера ленту с патронами. Орочьи пули грохотали по броне вокруг него, вышибая искры. Он низко пригнулся, не желая спускаться с купола.

— Присмири этих тварей, Хольц! — крикнул он по интеркому. — Здесь наверху такой огонь, что я скоро зажарюсь.

— Вот если бы ты разрешил мне пальнуть из пушки, сардж, — ответил стрелок.

— Нельзя, приятель. Никаких снарядов. Мы слишком близко к пешеходам.

Хольц снова развернул башню и, используя автопушки, выпустил смертельную очередь, позволившую Вульфе перезарядить оружие. Сержант быстро вставил ленту в тяжелый стаббер, дернул зажимной рычаг и приготовился возобновить стрельбу. Внезапно что-то большое и темное взметнулось в воздух на луче из синего огня. Пролетев по широкой дуге, оно с тяжелым грохотом опустилось на башню. На один метр ближе, и Вульфе оказался бы раздавленным тяжелыми сапогами чудовищного орка с безумным

взглядом. На спине огромного ксеноса дымилась красная ракета. Это был какой-то вид зеленокожего истребителя танков.

На долю секунды их взоры встретились. Голубые глаза посмотрели в красные. Вульфе понял, что его жизнь подошла к концу. Ржавый топор уже был занесен над головой и нацелен для удара. Еще мгновение, и его рассекут на части. Ствол тяжелого стаббера оказался зажатым между мощными ногами орка. «Вот черт!» — подумал Вульфе.

Приливная волна адреналина замедлила ход времени. Она блокировала все в поле зрения, оставив только фигуру массивного чудовища, готового оборвать его жизнь. Вульфе не услышал звонкой очереди, раздавшейся справа. Он не заметил, как его имя прозвучало по вокс-каналу эскадрона. Но сержант увидел, как рука орка, сжимавшая топор, растворилась в кровавом тумане. За ней исчезла массивная голова с торчавшими клыками. Она взорвалась, будто перезревший фрукт, и Вульфе почувствовал зловоние крови орка, которая горячим дождем обдала его

лицо и форму. Тяжелый топор со звоном упал на башню. За ним последовало обезглавленное тело. Рухнув назад, оно соскользнуло на красный песок у гусеницы танка. Пару секунд Вульфе не двигался, потрясенный тем, что остался жив. Он не замечал, как орочьи пули свистели рядом с его головой.

Однако соленая влага на губах и отвратительный вкус во рту привели его в чувство. Он сплюнул орочью кровь и, утершись рукавом, повернулся направо. Там на куполе «Нового чемпиона» стоял капрал Ленк. Его тяжелый стаббер все еще был нацелен в направлении Вульфе. На краткий миг сержант почувствовал уверенность, что Ленк застрелит его. В глазах наглеца сияли искорки триумфа. Он мог бы прикончить Вульфе одним движением пальца. Но смертельной очереди не последовало. Прошла еще одна напряженная секунда, и Ленк со смехом навел стаббер обратно на орков. Он выглядел до тошноты самодовольным. «Клянусь взорванным Оком! — подумал Вульфе. — Значит, теперь я в долгу у

него? Проклятье! Гори все огнем! Ну почему меня спас именно Ленк?»

Проследив траекторию трассирующих снарядов, выпущенных Ленком, он увидел, что «Новый чемпион» создал глубокий и широкий проход в рядах орков — вполне достаточный, чтобы вывести пехотинцев Стромма из-под обстрела. Орки, стремясь скрыться от огня автопушек и потоков разрывных пуль, поспешно отходили от разбитого посадочного бота. Они оставили за собой сотни мертвых — огромные кучи дымящегося мяса. Взглянув на эти кровавые холмы, Вульфе увидел пехотинцев, храбро сражавшихся почти у самого корпуса корабля. «Как же можно было окапываться там, — подумал он. — Без вариантов отхода?» Лишь слепая удача или, возможно, шутка божественного Императора привела Безбашенных к Стромму. Если бы лейтенант ван Дрой принял слабый сигнал сообщения чуть позже, танкисты нашли бы здесь только мертвых людей и орков, грабивших трупы.

Вульфе говорил это раньше и снова повторил теперь: он никогда не будет пехотинцем! Ни за какое золото Агрипинии. Какой вид слабоумия заставлял людей идти в бой без сотни миллиметров крепкой брони между ними и врагами? Неудивительно, что жизнь пехотинцев была столь короткой. Так или иначе, но многие из них умирали в первые полгода воинской службы. Средний возраст танкистов превышал этот срок почти вдвое. Он знал, что некоторые солдаты считали такую ситуацию несправедливой. Но ведь и пользы от танкистов на полях сражений было больше, чем от пехоты.

Через шлейф дыма и пыли Вульфе заметил человека, который мог быть полковником Строттом. В его осанке и движениях чувствовался дух лидера. Он и его люди отчаянно отстреливались от орков, которые все еще наседали на них с тыла. Эти чертовы твари были защищены от огня танков теми людьми, которых они стремились убить. По оценке Вульфе, от полка осталось не более роты. На ногах стояло двести, максимум

триста бойцов. Некоторые из них погибали прямо на его глазах. Орки шли в атаку, взбираясь на груды мертвых тел. Они стреляли из больших пистолетов и стабберов, а затем бежали к пехотинцам Стромма, высоко подняв клинки и топоры. Песок, устеленный ковром из павших орков и людей, превратился в кровавое болото.

Вульфе спустился в башенную «корзину» и пригнулся над вокс-панелью. Он настроился на канал «Ф» и подключился к шестой полосе частот.

— Полковник Стромм, — доложил он хриплым голосом, — мы пробили для вас коридор, но он не продержится долго.

Стромм не стал тратить время на благодарности.

— Понято, броня, — ответил он. — Мы идем на прорыв. Прикройте нас огнем, как сможете. Конец связи.

Связавшись с Ленком и Сименсом, Вульфе передал им сообщение полковника. В какой-то момент он хотел выразить Ленку признательность. Но презрительный взгляд капрала все еще царапал его память. Он решил поговорить

с ним позже... если они доживут до конца сражения. Вульфе снова поднялся в купол, собираясь оказать поддержку пехотинцам Стромма. Он увидел, что два взвода касркинов, защищавшие полковника, быстро заняли позиции для удержания открытого коридора. Они двигались как единое целое. Их скоординированные выстрелы из штурмовых винтовок наносили оркам огромный урон. Вульфе был впечатлен их действиями. Касркины считались особым подразделением. Сержант не мог понять, как им удавалось оставаться такими рассудительными и бесстрашными в окружении смерти и ужаса — тем более что орки превосходили их в численности в три или четыре раза. Он поражался их спокойствию и смертоносной эффективности.

Касркины, как и танкисты, вызывали неприязнь у обычной пехоты. Они проходили специальное обучение и получали лучшее оружие. Командование не использовало их в кровопролитных сражениях на истощение противника. Для этого были доступны другие резервы. Но

сейчас их закалка и вооружение спасали жизни многих пехотинцев. Вульфе не понимал, почему обычные солдаты не могли смириться с привилегированным статусом каскринов.

После того как временное удержание прохода было гарантировано, остатки уцелевшей пехоты начали покидать окопы и отбегать под прикрытие трех танков эскадрона «Меч». При отступлении они попеременно останавливались, поворачивались к врагу и, опускаясь на одно колено, отстреливались от атаковавших орков. Когда люди, бежавшие сзади, догоняли их, они снова поднимались и продолжали отступление, пока другие пехотинцы прикрывали их отход. Вульфе удивлялся синхронности их действий и прекрасной выучке. Он впервые видел такой четкий, организованный и хорошо отработанный маневр.

Тем временем орудия танкового эскадрона вели мощный обстрел противника, помогая каскринам выбивать орков из коридора, открытого для отступления пехоты. Вульфе отметил,

что полковник Стромм бежал к его танку вместе с офицером связи. Связист держал в руках полковое знамя с ало-золотой символикой, нанесенной трафаретным способом. Флаг развевался над его головой. Освященная боями ткань зияла пулевыми отверстиями. Правая рука Стромма была подвязана к телу. Очевидно, сломана. Но полковник действовал по той же схеме, что и остальные солдаты. Он часто останавливался, поворачивался к врагу и стрелял из раскаленного хеллгана в рычавших преследователей.

Вскоре уцелевшие пехотинцы оказались в относительной безопасности за танками. Как только последний солдат покинул поле боя, касркины начали отступление. Орки обрушили на них всю свою ярость и огневую мощь. Несколько штурмовиков погибло, сражаясь до последней капли крови. Они отстреливались, презрев страх смерти и раны, которые свалили бы наповал любого менее закаленного бойца.

«Меч» давал им максимальную огневую поддержку. Многие из касркинов

воспользовались этим. Когда они нашли укрытие за танками, Вульфе велел эскадрону продолжать обстрел противника и готовиться к отступлению. Затем он связался по воксу с полковником Строммом:

— Сэр, у вас много раненых. Поднимайте самых тяжелых на танки. Используйте защитные кожухи над гусеницами и задние палубы. Только не закрывайте жалюзи двигателя и решетки радиатора. Мы вывезем ваших людей, пока будем прикрывать отход. Остальным придется пробежаться. Что скажете, сэр?

Стромм тут же отдал приказ, и гвардейцы начали укладывать окровавленных товарищей на защитные кожухи гусениц трех танков. Вульфе мог бы помочь им подняться, но он вел непрерывный огонь, отражая атаку орков.

— Приказ для эскадрона «Меч», — передал он Сименсу и Ленку. — Отступаем на позицию «Молота». По ходу движения продолжаем вести огонь по врагу. Пушки использовать только после приказа ван Дроя. Иначе орки разбегутся во все

стороны.

Последовали два коротких ответа с подтверждениями. Эскадрон начал медленно откатываться назад. Внезапно двигатель «Крестоносца» закашлял и заглох. Вульфе услышал по воксу яростную брань капрала Сименса. В его голосе слышалась паника:

— О Трон! Мы встали. Сержант, дальше без нас. «Передовой крестоносец» в большой беде!

Вульфе увидел, как Сименс ударил кулаками по ограждению купола. Раненые солдаты, сидевшие на задней платформе и на трековых кожухах «Крестоносца», встревоженно осматривались по сторонам. Орки приближались к заглохшему танку. Некоторые из раненых спрыгивали вниз и ковыляли по песку, не веря в починку двигателя. Другие оставались на броне, храбро срезая лазерным огнем надвигавшихся врагов. Это не могло продлиться долго. Вульфе видел, как солдаты погибали под градом орочьих пуль. Они падали у гусениц, как безжизненные тряпичные куклы.

Вульфе передал приказ Ленку. «Новый чемпион» и «Последние молитвы-II» повернули орудия влево, отчаянно пытаясь дать «Крестоносцу» время для ремонта двигателя. Но Вульфе знал, что Сименсу требовалось нечто больше, чем время. Ему нужно было чудо. А его не предвиделось.

Пока стаббереры и болтеры разрывали атаковавших зеленокожих, три орка с ракетами на спинах взлетели в воздух на хвостах из синего огня. Они опустились в нескольких метрах от бронированных боков «Крестоносца». Вульфе мельком заметил в их руках громоздкие цилиндрические орудия, которые они тут же пустили в ход. Как только орки приземлились, они подняли на плечи свои смертоносные трубы, прицелились в бока неисправного танка и выстрелили кумулятивными снарядами. Три взрыва быстро прозвучали один за другим. Облако пыли и огня скрыло «Передовой крестоносец» из виду.

— Сименс! — крикнул Вульфе по вокс-связи.

Ему никто не ответил. Он тут же

навел стаббер на орков-ракетчиков, превратив двоих из них в куски мертвого мяса. Прицелившись в третьего, он попал в красную ракету, закрепленную на спине зеленокожего. Она взорвалась, разметав сожженные части орка во все стороны.

Когда завеса песка вокруг «Крестоносца» осела адским красным дождем, Вульфе увидел труп Сименса. Капрал по-прежнему находился в куполе. Его плоть почернела. Одежда, волосы и кожа все еще горели. Одна обугленная рука лежала на стволе тяжелого стаббера. В броне танка зияли дыры. Осмотрев два отверстия, Вульфе заметил, что пластины брони были проплавлены насквозь. Из них и из люков, открытых экипажем в последние мгновения жизни, вырывалось яркое пламя.

Четверо товарищей — людей, которых Вульфе знал и уважал, — погибли в огне. Ярость вспыхнула в нем, как сухой трут. Он вновь навел свой стаббер на орду приближавшихся орков.

— Пусть великий Трон проклянет всю вашу вонючую расу! — крикнул он врагам.

— Вульфе, доложите обстановку, — потребовал по вокс-связи озабоченный, сердитый голос.

Это был лейтенант ван Дрой, говоривший по каналу роты.

— Мы потеряли «Передовой крестоносец», сэр, — немного успокоившись, сообщил Вульфе. — Его поджарили тремя снарядами.

— Я и сам это видел! — проревел ван Дрой. — Проклятье! Продолжайте отступать. Эскадрон «Копье» вышел на позицию. Пора накрыть их пушечными залпами.

Сержант заскрипел зубами. Сименс был хорошим парнем — не близким другом, но танкистом и кадийским братом. Он входил в число тех нескольких бойцов, которые служили в роте еще до миссии на Паллерос. Его смерть в горящей «корзине» казалась нечестной! Вульфе не хотелось думать о том, как члены экипажа пытались выбраться наружу, пока огонь пылал на их руках и спинах. Так уж сложилось, что каждый раз, когда он встречался с орками, ему приходилось

оплакивать погибших товарищей.

Он приказал Мецгеру продолжать отступление. Хольц по-прежнему вел обстрел противника из автопушек. Через некоторое время они поравнялись с «Врагодавом» ван Дроя и эскадроном «Молот», которым командовал сержант Рихтер. «Новый чемпион» обогнал танк Вульфе. Ленк не стал тратить время, изливая гнев на орков. Похоже, смерть Сименса не взволновала сукина сына.

Когда танки вытянулись в линию, полковник Стромм приказал уцелевшим бойцам спустить раненых с защитных кожухов и задних платформ. Их перенесли под прикрытие машин и бронетранспортеров. От пехотинцев теперь было мало пользы. Мощные звуки пушечных выстрелов могли бы разорвать их барабанные перепонки.

Райтес, командовавший эскадроном «Копье», обстреливал орков слева и теснил их под перекрестный огонь «Молота». «Последние молитвы-II» и «Новый чемпион» подрезали врагов справа, не позволяя зеленокожим прорваться и

сбежать с поля боя. Тем временем орки, воодушевленные подбитым танком, ринулись в лобовую атаку. Их завывающая масса из плоти и металла направлялась именно туда, где ее поджидал ван Дрой. И тогда лейтенант отдал приказ:

— Огонь из основных орудий!

То, что случилось дальше, не было битвой. Началась кровавая и терзкая бойня. Туповатые зеленокожие не имели ни шанса против лютой ярости Безбашенных.

Глава 7

Госсфрид ван Дрой осматривал обломки посадочного бота и, как обычно, жевал кончик отсыревшей сигары. Вокруг него суетились люди. Пехотинцы Стромма опознавали погибших товарищей и снимали с мертвых тел все, что могло понадобиться в будущем. «Да, трачная работа», — подумал лейтенант. Но он понимал ее важность. Здесь, в пустыне, любые вещи, которые они привезли с собой, были единственно доступными припасами. Недавно Стромм подтвердил наихудшие страхи ван Дроя: он не получил ни одного сообщения от других полков и рот «Экзолона». Судьба группы армий оставалась под завесой тайны.

«Какие тревожные дни, — продолжал размышлять ван Дрой. — И еще не известно, что ждет нас впереди. Капрал

Сименс, пусть святые ведут тебя в рай. Ты был хорошим солдатом. Я надеюсь, Император дарует тебе мир и покой».

Посадочный бот, который нес на Голгофу шесть рот Девяносто восьмого стрелкового полка, находился в жалком состоянии — в более худшем, чем бот Безбашенных ван Дроя. Он выглядел как труп огромного животного — серое, разорванное и разложившееся тело гигантского зверя. Опоры посадочных шасси изогнулись и скрутились в спирали. В местах, где оболочка каркаса была взорвана или содрана, торчали шпангоуты суперкаркаса из несокрушимого титаниума. Это выглядело чудом, что кто-то из людей полковника уцелел при падении. И то, что они так долго отражали атаки орков, тоже было чудом. Ван Дрой попытался представить, сколько людей и машин он потерял бы, если бы велел «Безбашенным» окопаться на месте крушения их бота. Кто первым нашел бы их роту? Разведчики «Экзолона» или орки?

Он выругал себя. Такие размышления не имели смысла. Он направился на поиски

главной базы. Это оказалось правильным решением. Трон тому свидетель! Если бы он так не поступил, то пехотинцы, деловито суетившиеся сейчас вокруг него, были бы трупами — возможно, безголовыми, учитывая склонность орков собирать трофеи.

Смерть Сименса легла на его плечи тяжким бременем. Из десяти танков роты осталось девять. Потерян целый экипаж. Все это ослабляло дух бойцов, хотя его танкисты были рады воссоединиться с другими людьми, которые уцелели при спуске на планету.

Осматривая смятый корабль, лейтенант услышал шаги за спиной — скрип песка под армейскими ботинками. Он повернулся и увидел перед собой человека с обветренным, покрытым шрамами лицом. Судя по внешности, незнакомец был старше ван Дроя лет на двадцать. На самом деле их разница в возрасте составляла лишь одну декаду. Несмотря на мятую одежду, покрытую кровью и пылью, полковник Стромм сохранял вальяжный и величественный вид.

— Сэр! — отчеканил ван Дрой.

Полковник уступал ему ростом, но находился в хорошей физической форме — мускулистый, гибкий, словно специально подготовленный для сражений. У ван Дроя возникло подозрение, что Стромм был каскрином. Его предположение казалось вполне очевидным, однако лейтенант не стал вдаваться в уточнения. Это его не касалось. Он четко отсалютовал и получил такой же ответ. Покончив с формальностями, полковник широко улыбнулся.

— Знаете, ван Дрой, я с радостью пожал бы вам руку, но моя правая рука раздроблена орочьей пулей. — Он указал на забинтованную конечность.

Его белая повязка уже была перепачкана пылью.

— Чертовы твари едва не прикончили нас. Поэтому было приятно увидеть ваши танки, возникшие из глубин пустыни. Вы прямо как святой Игнатий, приехавший в Персип. Мне показалось, что я грежу.

Ван Дрой улыбнулся в ответ:

— Вы не найдете ни одного святого

среди моих парней. Но я готов поспорить, сэр, что мы рады вам не меньше, чем вы рады нам. Пять дней мы не получали никаких сообщений, и вдруг, по чистой удаче, вы оказались на нашем пути.

— По чистой удаче или по воле Императора, — согласился Стромм. Указав на разбитое судно, он продолжил: — Падение оказалось очень неприятным. Техножрецы предупредили нас, что ожидается жесткая посадка. Я думал, они имели в виду магнитную бурю. Но эти парни ничего не сказали о том, что мы просто свалимся с небес в пустыню. И почему, черт возьми, никто не сообщил нам об ограниченной дистанции вокс-связи? Я хотел бы получить ответы на свои вопросы.

— А я хотел бы дать их вам, сэр. На Голгофу спускались сотни посадочных ботов. Возможно, некоторые из них повторили нашу судьбу. Но должны быть и те, кто долетел до Хадрона. Если мы будем чаще смотреть на светило и звезды, то в конце концов доберемся до плато.

Стромм мрачно кивнул и поманил

ван Дроя за собой. Они направились к большой палатке, которая служила временным командным пунктом. Там их ожидал адъютант полковника. Когда они вошли, лейтенант Кассель вскочил со стула и отдал салют. Стромм кратко представил их друг другу.

— Рад познакомиться с вами, — сказал ван Дрой.

Лейтенанты обменялись рукопожатием. Полковник сел на ящик из-под боеприпасов.

— Эти танкисты настоящие герои. Правда, Кассель?

— Так точно, сэр, — улыбнулся адъютант.

Он налил два стакана воды и поставил их на длинный ящик, служивший столом.

— Вот наша следующая головная боль, — глядя на стаканы, произнес полковник. Он хмуро посмотрел на ван Дроя: — Как у вас с запасами воды, лейтенант?

Танкист в свою очередь нахмурился:

— Хвастаться нечем, полковник.

Вода на исходе. Скоро возникнут проблемы с горючим. Еды тоже не хватает. После крушения я выдаю своим бойцам лишь половину рациона. Но смерть от голода нам не грозит. Мы умрем гораздо раньше, если не добудем воду и горючее.

— Вы проделали адскую работу, — заявил Стромм. — Вам удалось сохранить жизнь ваших солдат и провести их через пустыню. Клянусь Троном! Если бы не вы, мои парни были бы мертвы... И я вместе с ними. Поэтому мне бы не хотелось, чтобы вы считали меня человеком, использующим свое звание...

— Вы хотите присоединить мою роту к вашему полку, — закончил его мысль ван Дрой.

Он ожидал такого поворота событий. В этом была своя логика.

— Только временно! И ради четкой командной структуры. Так будет лучше и для вас, и для нас.

— Не возражаю, сэр. Совместно танки и пехота работают эффективнее, чем по отдельности.

— Мне тоже так кажется. Я не

тиран, ван Дрой. Обещаю советоваться с вами по каждому вопросу. Вы будете в курсе всех моих замыслов.

— У вас есть план?

— Трудно назвать это планом. Однако я уверен, что оставаться здесь опасно. Если командование «Экзолона» до сих пор не нашло наши подразделения, значит, нас вообще вряд ли будут искать. Следовательно, нам нужно отправляться к плато. В тот день, когда мы рухнули с неба, я направил в разные стороны несколько групп разведчиков. Только одна из них вернулась назад. Разведчики сообщили, что видели скалистую возвышенность на северо-востоке. Мы не успели осмотреть эту местность. Орки начали непрерывные атаки, и нам потребовался каждый боец. Но я думаю, что мы можем наладить связь с «Экзолоном», если будем находиться на возвышенности. Что скажете, лейтенант?

— Это может быть подножие Ишварских гор. В таком случае наши боты приземлились намного дальше, чем я ожидал. Если ваши разведчики видели

Ишварскую гряду, то ее предгорья на северо-востоке выведут нас к Бэлкару. Путь займет всего несколько дней. Предположим, что операция «Гроза» будет проводиться по утвержденному графику. Тогда остальная группа армий окажется как раз у Бэлкара. Ведь «Крепость величия» была утрачена в северо-восточном регионе Хадара. Поэтому я согласен, сэр. Ваш план лучший из всех возможных.

— Приятно знать, что мы мыслим одинаково, — заметил Стромм. — Давайте поговорим о численности наших сил. Какой техникой вы обладаете?

— Девять танков «Леман Русс» различных модификаций. Все укомплектованы экипажами. Также имеются четыре полугусеничных бронетранспортера «Геракл» и восемь грузовиков. Пять из них везут амуницию и припасы. Большая часть нашего технического персонала перемещается на бронетранспортерах.

— Какова численность личного состава? — спросил полковник.

— Сто двадцать девять бойцов. Сорок из них — экипажи танков. Остальные — резервисты, техники и интенданты. Шесть раненых. Двое находятся в критическом состоянии.

Стромм повернулся к Касселю:

— Это снимает вопрос о транспорте.

Адъютант молча кивнул.

— Сэр? — не понял ван Дрой.

Стромм склонился к импровизированному столу и взял один из стаканов с водой.

— У нас уцелело несколько «Хитер» — в основном машины касркинов из отряда «Бронированный кулак». Кроме них у нас есть два полугусеничных транспортера и несколько грузовиков. При крушении бота около семидесяти процентов наших машин пришло в негодность. — Стромм посмотрел на воду. — Именно этот фактор и повлиял на мое решение остаться здесь. Плюс большое количество раненых.

— Даже если мы соберем транспорт для перевозки людей, — напомнил Кассель, — нам понадобятся машины для припасов,

необходимых в длительном походе.

— В моих ремонтных командах найдется множество талантливых специалистов, — ответил ван Дрой. — Скажите, машины, которые вы считаете неисправными, по-прежнему находятся в боте?

— Вы надеетесь, что ваши спецы починят их? — усмехнулся полковник.

— Конечно, это не техножрецы, но попытаться стоит.

— Тогда подключите их к работе прямо сейчас. Кассель, проследи, чтобы люди ван Дроя получили все, что им потребуется.

— Так точно, сэр.

Стромм встал и направился к выходу из палатки.

— Джентльмены, нам предстоит многое сделать. Приступим.

Оба лейтенанта последовали за полковником к разбитому боту. По оценкам ван Дроя, у них оставалось лишь несколько часов светлого времени. Его техническим командам придется работать при свете ламп. Для них эта

ночь будет долгой. Но они смогут отдохнуть во время похода через пустыню.

— Если вы позволите, лейтенант, я покажу вам отсеки, в которых находятся неисправные машины, — сказал Кассель.

— Ведите.

Они зашагали к дальней стороне разбитого корабля, где чернел большой шлюз транспортного трюма.

Проводив двух лейтенантов усталым взглядом, полковник Стромп покачнулся на ослабших ногах. Его плечи поникли. С губ сорвался тихий стон. Несмотря на инъекции анестетика, рука пульсировала адской болью. Убедившись, что никого рядом нет, он вытащил из нагрудного кармана самодельную иконку Императора и поднес ее к лицу.

— Светоч всего человечества! — взмолился он. — Нет ничего во вселенной, что я не сделал бы для тебя. Ты знаешь это. Так почему бы тебе не слезть со своего чертового Трона и не помочь нам немного?

* * *

Вульфе провел оценку внешнего ущерба танка. Передние фары «Последних молитв-II» были разбиты на куски. Некоторые блоки визоров нуждались в замене, складские ящики на левой стороне башни зияли дырами от пуль. Все это можно было починить. Он решил, что заслужил небольшой отдых. Команда технической поддержки уже приступила к работе. Лейтенант ван Дрой приказал экипажам танков отдыхать и восстанавливать силы. Он знал, как люди устали после сражения. Такая доза адреналина, выпущенная в кровь, могла бы сбить с ног любого из парней, однако Вульфе не чувствовал желания спать. Его шрам по-прежнему чесался, хотя он точно не знал от чего — от близости орков или от чертовой пыли. Попив немного воды — все, что он мог себе позволить, — сержант надел дыхательную маску и вышел прогуляться. В горле першило от пыли. Респиратор должен был уменьшить

раздражение слизистой оболочки.

Прогулка оказалась не очень приятной — даже с маской. На пологих дюнах чернели воронки от снарядов. Их края устилали обгоревшие трупы. Хорошо, что только трупы врагов. Пехотинцы Строгга уже убрали павших товарищей с поля боя. Вульфе радовался этому, проходя мимо сваленных в кучи орочьих тел. На многих из них виднелись толстые бронированные пластины, покрытые ржавчиной и черными пятнами от лазерного огня. В прорехах защитной брони Вульфе замечал кровавые раны, покрытые прилипшим песком. Он еще раз похвалил себя за то, что воспользовался дыхательной маской. Без ее мощного фильтра он задохнулся бы от трупной вони.

Его танк уничтожил множество тварей — он не смог бы сосчитать их количество. Однако Вульфе не рисовал отметки на башне. В их бронетанковой роте убийство орочьих пехотинцев не считалось престижным, будь это даже целая орда. Бронетехника — другое дело!

То было сражение машин против машин, экипажей против экипажей. Вот чем гордились командиры танков. Пока «Последние молитвы-II» не сжег ни одной вражеской гаубицы, ни одной бронемашины. Поэтому у Вульфе не было повода испытывать гордость.

Впрочем, его экипаж смотрел на это по-другому. После битвы его парни выразили танку благодарность, предлагая его духу машины скромные дары и санкционированные молитвы. Они видели, что случилось с «Передовым крестоносцем». Они видели тело Сименса, зажаренное в красном огне. Почему в сознании людей так ярко отпечатывались самые ужасные картины боя? Вульфе этого не понимал. Почему он никогда не мог вспомнить в таких же ярких подробностях улыбку какой-нибудь милой девушки или прекрасный закат у тихого озера?

У «Крестоносца» заглох двигатель. И теперь он стоял, покрытый красной пылью. За те пять дней, пока Безбашенные пересекали пустыню, у одиннадцати

машин случилась та же поломка — у пяти танков, четырех транспортеров и двух больших грузовиков. Пыль набивалась в топливные патрубки и оседала на контактах. Стоило вам избавиться от пыли, и вы могли ехать дальше. Вам только требовалось несколько минут на дополнительную работу. Но как только двигатель Сименса заглох, его экипаж был обречен на смерть. У них не было ни шанса на выживание. Такое могло произойти с каждым из роты. Танк Вульфе тоже мог застрять навеки. Он знал это. Печально, что жребий пал на Сименса, но Вульфе не мог отрицать, что испытывает облегчение, хотя и стыдился этого. Его экипаж уцелел. И он не сгорел в своем куполе.

Ноги сами привели его к обломкам «Передового крестоносца». Он остановился в нескольких метрах от танка. Закопченный каркас — вот что осталось от некогда гордого «Леманна Русса». Дух погиб. Танк превратился в труп, как и многочисленные тела, окружавшие его. Похоронная команда убрала останки

Сименса из башни. Вульфе надеялся, что они позаботились и о сгоревшем внутри экипаже. Пусть Трон благословит людей из вспомогательного взвода. Они выполняли тяжелую, но нужную работу. В свое время Вульфе повидал ужасные вещи: красные от крови башенные «корзины»; снаряжение, усыпанное крошевом костей; почерневшие тела, спекшиеся друг с другом в пламени, когда нельзя было сказать, где заканчивался один человек и начинался другой. Неудивительно, что пехотинцы назвали танки стальными гробами. Последние годы эту мрачную обязанность брал на себя исповедник Фридрих. Он быстро и тихо, без просьб и жалоб вырезал солдат из месива. Никто не просил его нести такую ношу, но он говорил, что танкисты не должны видеть подобные сцены. Вульфе попросил Императора, чтобы исповедник сейчас находился в безопасном месте под защитой их полка. Он был хорошим человеком. И, учитывая ужасы, с которыми Фридрих сталкивался в сгоревших танках, неудивительно, что он так часто уходил в запой.

Приблизившись к почерневшему корпусу, Вульфе вновь увидел два больших отверстия на боку «Крестоносца». Бронированные пластины оплавились в местах попаданий и образовали под каждой дырой наплывы металла. Он ощупал их рукой и удивился тому, что металл был холодным. Обойдя танк с другой стороны, сержант нашел еще одно отверстие. Орки уничтожили машину, обстреляв ее с двух сторон тремя кумулятивными снарядами. Их «трубы» были гранатометами. Этот вывод имел зловещий смысл. За двадцать лет сражений Вульфе испытал на себе целую гамму противотанкового оружия — от магнитных мин до портативных лазпушек. Он видел, как танки его роты взрывались от кумулятивных снарядов повстанцев и еретиков, но орки никогда не обладали подобным оружием. Изредка они использовали простые ракеты — стехотворную чушь для «Лемана Русса». А теперь их гранаты, с реактивным двигателем из плавленой меди, пробивали броню толщиной до двухсот миллиметров. Отныне командирам танков следовало

быть осторожными. Раньше на близкой дистанции орки представляли собой опасность только для пехоты. Сейчас они стали угрозой и для танкистов.

Покинув обломки «Крестоносца», Оскар направился к одной из разбитых гаубиц орочьей артиллерии, которую «Врагодав» ван Дроя уничтожил с дальней дистанции. В десяти метрах от нее лежали искромсанные гусеницами тела — орудийный расчет зеленокожих. От них остались только кучки дымившихся хрящей и костей. Еще до того, как превратиться в обгоревший хлам, выглядела гаубица отвратительно. Не верилось, что эти машины могли функционировать. Массивный ствол расплющился и загнулся назад, как фруктовая кожура. Очевидно, когда орудие подбили, в казенной части находился снаряд, который взорвался от детонации. Судя по тому, что осталось от гусениц, они были большими и широкими — почти в человеческий рост. Вульфе не понимал, зачем оркам требовались такие огромные размеры — тем более, в условиях пустыни.

Плоская и открытая территория была идеальной для гусеничных машин. Вульфе знал, что оркам нравились дополнительные шипы и клинья. Их нательная броня была украшена так же. Зеленокожие любили все крупное, громкое и тяжелое. Глядя на их искореженные гаубицы и неподвижные тела, Вульфе испытывал злорадное удовольствие.

— На этот раз мы задали им трепку, — раздался голос за его спиной. — Не так ли, танкист?

Вульфе повернулся и увидел неподалеку касркина. Штурмовик сидел на корточках, склонившись над мертвым орком. Сжав клещами торчавший клык зеленокожего, он с силой тянул его на себя. Шлем солдата лежал на песке. Похоже, вонь от орочьих трупов не беспокоила его. Он был моложе Вульфе, но несколько крестообразных шрамов на его скуластом лице добавляли ему еще десяток лет. На фоне смуглой кожи белокурые волосы касркина казались почти белыми. Этот парень был из южных ульев, догадался сержант. Наверное, родился в Каср Терра

или в Каср Виклас. Там, на Кадии, люди с юга и севера обычно не ладили друг с другом. Но за пределами их мира все разногласия исчезали. В конечном счете кадийцы становились братьями, забывая вражду ульев, в которых они когда-то жили.

— Да, всыпали как следует, — согласился Вульфе.

Касркин не смотрел на него. Он еще раз дернул клык и вырвал орочий зуб из массивной челюсти. Фонтанчик густой крови брызнул ему в лицо. Он выругался, стряхнул с ресниц красные капли и вытер клещи о песок.

— Какой был твоим? — спросил он.

— В смысле?

— На каком танке ты сражался?

— «Последние молитвы-II». Типовой «Леман Русс».

— Я не о том, — произнес касркин. — Номер какой?

Парень подцепил клещами другой клык и возобновил работу, расшатывая зуб взад и вперед. Он пытался высвободить корни из нижней челюсти.

— Девять-два-один, — ответил Вульфе, слегка удивляясь интересу солдата.

Каскрины не славились болтливостью. Беседы с ними считались редкостью.

— Девять-два-один, — между рычанием и пыхтением повторил штурмовик. Второй клык выходил с большим трудом. — Я видел тебя. Ты подвозил наших раненых, верно?

Раздался хруст. Вульфе поморщился. Клык высвободился с алой струйкой крови. Усмехнувшись, каскрин приподнял свой трофей и показал его сержанту.

Белый конический зуб был величиной со средний человеческий палец, с отвратительным острым концом. Штурмовик бросил вырванный клык в холщовый мешочек, лежавший у его правого колена.

— Жаль того парня, который сгорел. Твой товарищ, верно? Он не смог бы выбраться. Времени было мало. Сварился, как в консервной банке.

«Спасибо, что напомнил об этом», —

разозлился Вульфе, вслух же произнес:

— Танкисты в той машине были славными людьми. Теперь они вместе с Императором.

Касркин промолчал. Он поднял мешочек с клыками и, вскочив на ноги, направился к очередному трупу. Сержанту не нужно было спрашивать, почему солдат вырывал орочьи зубы. Он видел это прежде. Некоторые говорили, что орки, находя своих сородичей с вырванными клыками, испытывали суеверный ужас. Вульфе сомневался в таких предположениях. Орки не ведали страха. Но он знал гвардейцев, торговавших клыками. Зубы обменивали на сигареты или алкоголь. В каждом полку имелся хотя бы один человек, мастеривший из них брелки и амулеты. На некоторых планетах торговцы предлагали за них высокую цену. Конечно, торговля велась нелегально и нарушала закон об инопланетных артефактах. Несколько лет назад комиссар Слайт наказал за это двух солдат — рецидивистов в этом виде преступлений. Он мог бы расстрелять их, но перерезал

им глотки перед всем полком. Это не добавило ему популярности.

Каскрин начал выдирать еще один клык. Вульфе решил вернуться к своему экипажу. Возможно, ван Дрой уже передал им новые приказы. Чем скорее они уедут отсюда, тем лучше. Не попрощавшись с пехотинцем, сержант зашагал мимо кучи обгоревших трупов. Через несколько шагов он услышал окрик:

— Эй! Девять-два-один!

Вульфе повернулся.

— Сувенир! — крикнул каскрин и бросил в воздух что-то блестящее.

Предмет полетел по дуге к сержанту. Тот поймал его и, разжав пальцы, увидел длинный изогнутый клык с четырьмя корнями. Зуб был скользким от крови. Вульфе посмотрел на каскрина, ожидая объяснений, однако солдат уже согнулся над следующим зеленокожим. Орудуя клещами, он насвистывал веселую мелодию.

Сержант вытер клык о рукав и, сунув его в карман, направился к «Последним молитвам». Мутное зарево местного светила зависло над западным

горизонтом. До наступления ночи оставалось чуть больше часа. Вульфе надеялся, что ван Дрой выработал план спасения. Хотя, возможно, лейтенант уже не командовал ими.

* * *

Когда сержант подошел к их танку, капрал Ведер Ленк лежал на защитном кожухе и наслаждался эйфорией, вызванной легким наркотиком. Остальной экипаж сидел на песке и, играя в карты, передавал по кругу палочку лхо, содержавшую в себе несколько нестандартных ингредиентов. Услышав шаги, Ленк приоткрыл один глаз. «А вот и ты, — подумал он. — Угрюмый криворукий прыщ, которого я спас от смерти».

Нос сержанта наморщился, и он как вкопанный остановился у гусеницы «Чемпиона». Его сердитый взгляд был направлен на обкуренных солдат. А те, поглощенные игрой, с притуплёнными

чувствами и одурманенными мозгами, даже не замечали его.

— Ха-ха! — ликующе вскричал рядовой Рисманн. — Трахни себя, Варнус! Я уже второй раз поимел тебя в этой партии. Научись играть в «еретика», жирная задница грокса.

Рядовой Варнус, мужчина с толстой шеей и низкими бровями, взъерошил руками копну оранжевых волос и взревел как бык:

— Рисманн! Если я узнаю, что ты мухлюешь, считай себя покойником! Я откушу тебе нос и выплюну его в твое мерзкое рыло!

Несмотря на угрозу, он сунул руку во внутренний карман и вытащил оттуда два флакона с прозрачной жидкостью. С мрачным видом он передал их Рисманну. Тот, хитро усмехаясь, сунул флаконы в карман брюк и начал тасовать колоду.

— Джентльмены, — громко заговорил Вульфе. — Вы должны знать, что игра в «еретика» запрещена имперским указом.

Трое мужчин, сидевших на песке, выронили карты из рук и вскочили на ноги.

Палочка лхо упала на землю, продолжая дымиться и наполнять воздух одуряющим запахом.

— С-сержант В-вульфе, — заикаясь, произнес низкорослый рядовой Хоббс. — М-мы не играли в «еретика». Сэр, это просто безобидная игра...

Вульфе игнорировал его. Он сделал пару шагов, склонился и поднял палочку лхо. Понюхав ее, сержант мрачно поинтересовался:

— Неужели я так хреново выгляжу, что ты, Хоббс, считаешь меня полным идиотом? — Он поднес палочку к лицу коротышки. — Это дерьмо грокса плавит мозги. Вот, наверное, почему ты думаешь, что твое вранье сойдет тебе с рук!

Ленк открыл глаза, повернул голову в направлении сержанта и с усталым вздохом спрыгнул вниз с борта «Нового чемпиона». Пора было понять, насколько он ошибся, спасая жизнь этого долбаного солдафона.

— Моя вина, сержант. Я признаю, моя вина. Прошу прощения.

Вульфе прищурился.

— Вы принимаете полную ответственность за проступки ваших подчиненных, капрал? Мне трудно поверить в это.

Расстегнутая рубашка Ленка была завязана узлом вокруг его узкой талии. Он потянул ее вверх, продел руки в рукава и медленно застегнул все пуговицы. Во время этих действий его солдатские жетоны тихо позвякивали.

— Пока нас муштровали в учебном лагере на Итирее, я научил их новой игре. Называется «корабль дураков». Да-да, «корабль дураков». Верно, парни? Хорошая игра. Я не спорю, сержант. На первый взгляд она действительно напоминает «еретика». Вот почему вы спутали ее с запрещенной игрой.

Вульфе метнул на него свирепый взгляд:

— О чем вы говорите, Ленк? Я своими ушами слышал, как Рисманн говорил о «еретике». Но черт с вами! Допустим, я поверил вам. А как насчет наркотиков?

Он второй раз приподнял палочку лхо.

— Этот вопрос не ко мне, сержант, —

дружелюбно ответил Ленк. — Ароматическую палочку нам подарил один из пехотинцев Стромма. Честно говоря, мы тоже заподозрили что-то странное. Я правильно говорю, парни? Пехотинцы не часто делятся палочками лхо с танкистами. Понимаете, сержант? Уж очень сомнительная щедрость. Я попросил их не курить ее. А нужно было приказать.

— Вы знаете имя этого пехотинца? Он представился вам? Сколько «дымков» вы получили от него? Отвечайте!

Ленк, не мигая, покачал головой. Он не сводил взгляда с командира эскадрона.

— Только одна палочка лхо, сэр. Честное слово. Если хотите, можете забрать ее себе. Курите на здоровье. Я никому не скажу.

Ведер видел, как лицо сержанта меняло цвет, и знал, что он приблизился к опасной черте. Но ему хотелось понять, как далеко он мог зайти в общении с этим занудой. Вульфе ненавидел его, однако он был обязан ему своей жизнью. Сержант бросил палочку на песок и придавил ее ботинком. Рисманн жалобно поморщился.

Шагнув к Ленку, Вульфе тихо прошептал:

— Ты думал о мести, капрал? Сегодня днем? На поле боя?

— О чем вы говорите? — невинно переспросил Ленк.

— Не валяй дурака. Я видел это в твоих глазах. После того как ты убил того орка. Ты хотел тогда нажать на гашетку и выпустить в меня пару снарядов. Разве не так? Тяжелые стабберы — опасное оружие. Они скачут в руках, как взбесившиеся зубры. Никто не удивился бы, если бы несколько пуль прошли мимо цели. Да и кто бы узнал? Все поверили бы твоим словам.

Ленк моргнул, изобразив праведное возмущение. Понизив голос до такого же шепота, он холодно произнес:

— Ты несешь полнейшую чушь. И я не удивлен, Оскар. Ты относишься ко мне предвзято с того самого дня, как я примкнул к полку. Не понимаю, в чем дело. Наверное, у тебя какие-то комплексы. Сегодня я стрелял только в орков. Мы перебили целую орду. Если тебе хочется

поделиться своими проблемами, я весь во внимании. А если нет...

Вульфе отступил назад и сжал кулаки. Ленк пригнулся, готовый отразить удар. Но сержант, зарычав, покачал головой. Он произнес лишь одно слово:

— Данст.

— Что-что?

— Фамилия Данст ничего не говорит вам, капрал? Виктор Данст!

Сержант ожидал какой-то реакции, но эта фамилия была незнакома Ленку. Он с усмешкой пожал плечами:

— А она должна что-то говорить?

Вульфе смущенно взглянул на него. Колючие искры гнева потускнели в его глазах, и он ответил:

— Нет. Я думаю, что нет. О Трон! Тот Данст теперь в два раза старше вас.

Ленк презрительно усмехнулся. «Ублюдок начал заговариваться, — подумал он. — Долгое пребывание в громыхающем танке опасно для мозга. Он такой же псих, как его заряжающий».

— В благодарность за вашу помощь на поле боя я забуду о том, что видел сейчас,

— заявил Вульфе. — Теперь мы квиты, понятно? Вам, Ленк, и вашим людям пора научиться дисциплине. Возможно, жизнь в чертовом резерве была для вас курортом. Но позвольте мне рассказать вам о Безбашенных Госсфрида. Мы гордимся этим прозвищем. Мы выполняем долг перед Кадией. Вы либо вольетесь в наши ряды, либо я, клянусь Троном, заставлю вас сожалеть о своем разгильдяйстве!

Сержант жег Ленка пронизывающим взглядом, бросая ему вызов. Но он напрасно надеялся увидеть страх в глазах капрала. Ленк смотрел на него с неприкрытой усмешкой.

— Вы пример для нас, сержант, — отчеканил Бедер. — Джентльмены, поблагодарите сержанта за то, что он удерживает вас от несанкционированных карточных игр и спасает от потенциально опасных даров и палочек лхо.

Его экипаж, без малейшего намека на искренность, дружно прокричал:

— Благодарим вас, сержант!

Вульфе не сводил взгляда с Ленка.

— Значит, вы, капрал, вообще тут ни при чем? — спросил он.

— Конечно, сержант, — нарочито невинно ответил Ведер. — Я в это время спал. Я не играл с ними в карты и за всю жизнь не выкурил ни одной наркотической палочки лхо. Это истинная правда. Клянусь Императором!

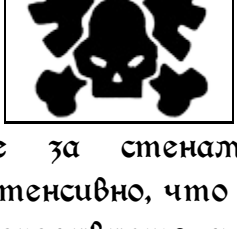
Вульфе усмехнулся. Однако ему нечего было сказать. Он повернулся и зашагал к своему танку. Его кулаки по-прежнему сжимались и разжимались от бурлившей ярости. Ленк смотрел ему вслед, не понимая, какого черта сержант приплел этого Виктора Данста. Он хотел бы узнать, кем был Данст и что их связывало с Вульфе.

Капрал вытащил из нагрудного кармана свежую палочку лхо и, подбросив ее в воздух, подхватил «дымок» губами. Он достал из другого кармана блестящую зажигалку, прикурил косячок и глубоко затянулся дурманящим дымом.

— Прекрасного дня тебе, ослиная задница, — сказал он вдогонку сержанту и сел на песок, собираясь присоединиться к

партии «еретика».

Глава 8



Сражение за стенами Каравассы велось так интенсивно, что низкие облака над головой переливчато мерцали, будто испорченные лампы.

— Следите за теми оврагами на юго-востоке, — крикнул Берген в крохотную бусину шлемофонной гарнитуры. — Не дайте им зайти с фланга и атаковать наши роты!

Самоходные артиллерийские установки «Василиск», расположенные вокруг его «Химеры», вели обстрел противника. Из длинных стволов вырывались шлейфы черного дыма. Воздух вибрировал от оглушительного грохота канонады. В полевые магнокуляры генерал-майор видел огромные вихри огня и песка, которые возникали в местах падения больших снарядов. На данное время они

наносили разрушительный ущерб зеленокожим пехотинцам.

Его Десятая бронетанковая дивизия добралась до скалистых холмов у бывшего имперского аванпоста примерно спустя час после рассвета. Шел одиннадцатый день операции. Силы Бергена отставали от графика генерала де Виерса на целых два дня. Условия на Голгофе могли бы свести с ума любого командира. Каждый час его дивизия прерывала движение на восток и проводила ремонтные работы. Чертова пыль как будто насмехалась над имперскими машинами. Да и людям она не приносила ничего хорошего. Десятки солдат уже выбыли из строя по болезни. У Бергена появился скрипучий кашель. Мокрота из легких окрасилась в розовый цвет.

Когда шесть дней назад его дивизия покидала базу Хадрон, генерал-майору в последнюю минуту навязали техноадепта Армадрона. Берген был вне себя от возмущения. Он знал, что никто в Восемнадцатой группе армий не просил Адептус Механикус о такой «великой

чести». Берген счел это еще одним доказательством того, что существовал какой-то тайный план, которому следовали марсиане. Пока ничто из слов Армадрона не убедило его в обратном. Техножрец говорил, что присоединился к дивизии Бергена по приказу начальства, движимый лишь стремлением обеспечить успех операции. Вот же дерьмо грокса! Служители машинного культа манипулировали имперскими силами. Генерал-майор намеревался разобраться в их интригах. Рано или поздно он выведет жрецов на чистую воду. Тем не менее услуги Армадрона оказались полезными. Несмотря на подозрения Бергена, техноадепт старался, как мог. Он являлся членом жреческой ветви техникус и, работая в одной связке со старшим инженером Ауриной, делал многое, чтобы танковые колонны продолжали движение. Без его опыта и неустанных усилий дивизия вряд ли добралась бы сюда за такое короткое время. А любое промедление вызывало ярость у де Виерса.

Какими бы ни были трудности пути,

поход представлял собой легкую часть их миссии. Теперь, когда они вступили в бой с врагами, выбегавшими из железных ворот аванпоста, чертова пыль доставляла столько же неприятностей, что и во время перехода через пустыню. Через полчаса после начала осады несколько танков из полка Виннеманна намертво встали с заглохшими двигателями. Им приходилось сражаться на стационарных позициях. Тонкая пыль проникала куда угодно. Если бы храбрецы на ремонтных тягачах «Атлас» не рисковали собой под вражеским огнем и не вытягивали эти танки с поля боя, многие экипажи погибли бы ужасной смертью.

Глядя в магнокуляры, Берген удивлялся тому, с каким остервенением зеленокожие толкались у ворот, стремясь присоединиться к сражению.

— Перенесите огонь на главные ворота, — приказал он артиллеристам. — Бейте по оркам, пока они собрались в кучу. Но старайтесь не повредить конструкцию стен. Помните! Аванпост должен остаться нетронутым!

Его дивизии не удалось застать ксеносов врасплох. На самом деле Берген и не надеялся на это. Мощные наблюдательные башни Каравассы, сделанные из красного песчаника и возведенные на базальтовом утесе, позволяли обозревать огромную территорию. Впрочем, тревогу подняли не с них. Кадийцев заметили в тридцати километрах от аванпоста. Их обнаружил орочий мотопатруль, объезжавший окрестности Каравассы. Мощные фары танков отбрасывали в темноту широкие конусы света. Внезапно в одном из них промелькнул мотоциклист, чей байк вылетел из-за высокой дюны. Он едва не столкнулся с имперской машиной. Последовала кратковременная перестрелка. Обе стороны ввязались в бой. Шумные орочьи мотоциклы, оборудованные чрезмерно массивными колесами и громогласными выхлопными трубами, отличались большими размерами. Однако это не влияло на их скорость. Орки показали удивительную ловкость. Они развернулись и помчались к

крепости, чтобы предупредить остальную орду. Танкам Виннеманна удалось подбить несколько байков, но половина мотопатруля успела скрыться за дюнами.

Когда дивизия приблизилась к бывшему имперскому аванпосту, густые облака окрасились рассветом. Окрестности пылали адским красноватым румянцем. Берген выглянул из башни и увидел огромное войско — многотысячную орду зеленокожих. Ее поддерживали танки, артиллерия, легкая бронетехника и большое количество нелепых деревянных приспособлений, столь любимых орочьими инженерами. Эти дредноуты выглядели как огромные красные ведра на поршневых конечностях. Свисавшие вниз отвратительные «руки» беспрерывно раскачивались вперед и назад. Их лезвия жужжали, когти сталкивались друг с другом в надежде зацепить противника. Тяжелый корпус был покрыт многочисленными орудиями: огнеметами, ракетными установками, тяжелыми стабберами и всем, что могло нести смерть. Они представляли для пехоты

большую опасность, но не шли ни в какое сравнение с имперскими танками. Экипажи Виннеманна уже подбили с дальней дистанции около тридцати махин, превратив их в горящие обломки, падавшие на головы орков.

— Всем подразделениям продолжать наступление! — скомандовал Берген. — Полковник Виннеманн, поддержите пехотинцев на левом фланге. Отправьте туда три ваши роты. Остальные пусть действуют в центре. Нам нужно уничтожить бронетехнику противника и дать пехоте развернуться. Вбейте клин в середину орочьей обороны!

Командная «Химера» Бергена — «Гордость Цедуса» — заняла позицию на выступе скалы в паре километров к юго-западу от стен аванпоста. Нижняя часть бронетранспортера была прикрыта валунами, но место все равно оставалось опасным. Его экипаж скорее оборонялся, чем нападал. По приказу генерал-майора здесь же находились несколько самоходных артиллерийских установок. Этот был хороший наблюдательный пункт. Наверное,

орки уже догадывались, где разместился кадийский командир. Но хватит ли им ума для дерзкой контратаки? Берген предполагал такую возможность. Тем не менее ради хорошего обзора он пошел на значительный риск.

Услышав серию взрывов, генерал-майор перевел взгляд на северо-восток. Одна из рот механизированной пехоты — десять «Химер» с отрядами закаленных гвардейцев — прорывалась к залегшим в укрытиях пехотинцам. Им противостояла фаланга орочьих танков — имперских машин, завоеванных или похищенных на прошлой войне. Их почти невозможно было узнать из-за странных украшений, пик, колючек и дополнительного вооружения. Эти танки улизнули от роты «Леманов Руссов» Виннеманна и помчались к «Химерам» Мэрренбурга, обстреливая их на средней дистанции.

Берген увидел, что два бронетранспортера были подбиты. Один лежал вверх гусеницами, чадя сизым дымом. Задний люк горевшей машины открылся, и оглушенные люди начали

выбираться наружу. Они знали, что снаряды и запасы горючего скоро взорвутся. Многие получили серьезные ранения. Они падали на песок. Ослабевшие ноги уже не держали контуженых солдат. Они отчаянно карабкались вверх по дюне, надеясь перевалить через хребет. Увы, слишком поздно. Раздался сильный взрыв, вслед за которым вырос гриб огня и алого дыма. «Химеру» подбросило в воздух. Только двум бойцам удалось уцелеть. Берген выругался и отвернулся от горевших трупов.

Другой «Химере» повезло чуть больше. Ее кабина пылала. Водитель наверняка погиб. Но солдатам внутри удалось открыть задний люк, и они быстро выбрались наружу. Их лазганы не могли противостоять орочьим машинам. Берген потянулся к переключателю вокс-связи. Он хотел запросить у Виннеманна помощь для пехотинцев. Внезапно сбоку от горевшей «Химеры» появились три танка «Леман Русс». Они синхронно развернули пушки направо и дали залп по вражеской бронетехнике. Один из орочьих танков

разорвало на куски. Очевидно, при попадании снаряда сдетонировал весь боезапас. Берген увидел, как после мощного взрыва башня взметнулась в воздух и завертелась на ослепительном столбе оранжевого пламени.

Две другие орочьи машины по-прежнему двигались к оставшейся без прикрытия пехоте. Солдаты стреляли по ним хорошо организованными залпами, но все это было напрасно. Лазерные заряды отскакивали от толстой брони. К счастью, через несколько секунд три «Лемана Русса» еще раз выстрелили в танки противника. Машины загорелись и заскользили вниз по пологому склону дюны. Орки начали выбираться из люков. Некоторые зеленокожие завывали от боли, пока пламя лизало их коричневую плоть. Кадийские пехотинцы набросились на них, изливая лазерные заряды на каждого танкиста и выжигая врагов до углей, до черных кусков дымящейся плоти.

В наушниках Бергена раздался хриплый голос:

— Командир полка вызывает

командира дивизии. Прошу вас ответить.

Генерал-майор узнал полковника Виннеманна.

— Я слушаю вас, броня, — ответил он. — Говорите.

— Вражеские легкие машины совершили прорыв на левом фланге. Они атакуют наши передние линии. Мы не можем стрелять по ним. Они вклинились между нами и пехотой. Справа и спереди на нас наседают вражеские танки, и с территории аванпоста по нам ведет интенсивный огонь их артиллерия.

Берген выругался.

— Все ясно, броня. Я позабочусь об этом. Конец связи.

Он подстроил магнокуляры и увидел орочьи машины, о которых шла речь, — десять боевых «жуков», блестевших тяжелыми стабберами, ракетными установками и прочим оружием. Они неслись прямо на передние ряды кадийской пехоты. Людям негде было укрыться. Они отбивали атаки орочьей орды. Огонь «жуков» мог уничтожить целое подразделение, если только...

— Командир дивизии вызывает вторую разведгруппу, — передал Берген по воксу. — Как слышите? Прием!

— Вторая разведгруппа слышит вас прекрасно, сэр. Прием.

— Легкая бронетехника противника быстро приближается к нашей пехоте. Направление на два градуса. Парни нуждаются в огневой поддержке «Часовых». Вы можете обеспечить ее?

Его приказ принимал капитан Манзер. Берген представил себе усмешку на его лице, обезображенном шрамами.

— «Часовые» уже двинулись на перехват, — доложил капитан. — Мы сожжем ублюдков, сэр. Можете полюбоваться спектаклем.

Через несколько секунд генерал-майор увидел, как двуногие машины Манзера выпрыгнули из-за скалистого холма чуть левее «жуков». Они открыли шквальный огонь. Каждый «Часовой» нес вооружение, позволяющее уничтожать быстро перемещающиеся цели. Тела орков буквально таяли под смертоносным градом пуль. Баки с горючим взрывались.

Машины подпрыгивали в воздух, переворачивались, перекатывались и разбрасывали ксеносов по красным дюнам.

Берген не мог слышать пехотинцев, однако он видел, как солдаты одобрительно махали руками, встречая пилотов «Часовых». Их радость мгновенно исчезла, когда пять «Часовых» сгорели в огромном малиновом огненном шаре. Из ворот Каравассы выехало несколько черных машин — еще один вид орочьей артиллерии, присоединившейся к кровавому сражению. Уцелевшие «Часовые» развернулись, чтобы отразить атаку противников, но большое расстояние не позволяло им нанести ответный удар. Берген услышал по воксу, как капитан Манзер приказал своим бойцам рассредоточиться и в следующий раз не подставляться под вражеские снаряды.

— Командир дивизии вызывает броню! — настойчиво прокричал генерал-майор. — Нас атакует орочья артиллерия. Она только что появилась у главных ворот. Доложите ваш статус!

* * *

«Каков мой статус? — подумал Виннеманн. — Хреновый. Чертова спина меня доконает».

Полковник выругал себя за собственную глупость. Когда дивизия приблизилась к авангарду, он, занимаясь подготовкой к скорой битве, забыл взять жизненно необходимые лекарства, которые подавляли его иммунную систему. Прошли годы после вживления импланта, однако его тело по-прежнему отказывалось принимать искусственный позвоночник. Для нормального функционирования ему требовались большие дозы иммунодепрессантов и болеутоляющих средств. К сожалению, теперь он не мог вернуться в походный лагерь, где остались лекарства.

— Мы по-прежнему ведем сражение с танками орков. Четвертая и Пятая роты несут большие потери. Девятая рота сократилась до половины. Мы атакуем, обходя «жуков» справа, и если бы не их

чертова артиллерия... Извините, сэр, но я вынужден еще раз просить вас перенести огонь «Василисков» за стены крепости. Это изменило бы ход битвы.

— Ответ отрицательный, полковник, — с явным сожалением проворчал генерал-майор. — Аванпост нужно взять целым и невредимым. В данный момент нас обстреливает артиллерия, расположенная перед главными воротами. Пусть одна из ваших рот уничтожит ее. Я знаю, вы хотели бы обойтись без больших потерь, а там сейчас чертово месиво. Но сделайте все, что сможете.

«Клянусь взорванным Оком!» — подумал Виннеманн.

— Все понятно, сэр. Приступаем к уничтожению артиллерии. Конец связи.

Полковник похлопал по кнопке на шлемофоне и, отключившись от вокса, перешел на интерком.

— Поступил новый приказ, — сообщил он экипажу. — Наши парни гибнут под огнем орочьих гаубиц. Не только танкисты, но и пехота. Отряды

Мэрренбурга и Грейвса. Поэтому «Ангел» должен разобраться с артиллерией.

Слова командира были встречены радостными криками. В каком-то смысле танк Виннеманна — «Ангел Апокалипсиса» — оказался жертвой превосходного проекта. Это был сверхтяжелый танк класса «Меч тени» — древний и невероятно смертоносный. Его пушка «Вулкан» с девятиметровым стволом проектировалась для уничтожения титанов предательских войск. Из-за ее узкой специализации она редко использовалась в обычном бою. Однако сегодня их орудие могло показать себя в деле. Одной этой мысли было достаточно, чтобы Виннеманн превозмог боль в спине.

— Беккер, — обратился он к водителю, — уведи нас за скалистую гряду, которая находится справа. Прикрой корпус, но найди пространство для огня из пушки. Остальным приготовиться к стрельбе. От нас ждут чуда. Давайте устроим его.

С басовитым пыхтением мощного двигателя их грозный «Ангел Апокалипсиса» пришел в движение.

* * *

Берген увидел, как «Меч тени» помчался к небольшой возвышенности и занял позицию для стрельбы. К тому времени орочья артиллерия открыла огонь по приближавшимся кадийским пехотинцам. Гвардейцев разрывало на части, и куски их тел сыпались на землю кровавым дождем. При каждом выстреле погибали десятки солдат. Орочья пехота, воспользовавшись заградительными залпами артиллерии, кровожадно бросилась в атаку, надеясь навязать противнику неминуемый рукопашный бой. Танки Виннеманна по-прежнему сражались с технически слабыми, но многочисленными машинами зеленокожих. Дымящиеся обломки устилали землю, давая прикрытие для небольших групп людей, обезумевших от грохота взрывов. Подстроив магнокуляры, Берген увидел одну из таких групп. Солдаты сбились вместе, как напуганное стадо. Глаза закрыты, ладони прижаты к ушам. Обзору

мешали огонь и дым. Но генерал-майор понял, что это были необстрелянные новички. «Свежее мясо». Куда, черт возьми, подевался их сержант?

Если бы полковой комиссар заметил прятавшихся бойцов, застывших на месте от страха и паники, они никогда не смогли бы стать «старым мясом». Наказания за трусость были безжалостными и скорыми. Никаких оправданий не принималось. Бергену не нравились подобные расправы, но главное правило Гвардии гласило: «Умри с честью, выполняя долг, или умри без чести, убегая с поля боя». Он почувствовал жалость к этим солдатам. Нелегко было сохранять контроль над собой, когда мир вокруг тебя превращался в ад. Он вызвал по воксу полковника Грейвса:

— Это командир дивизии. Похоже, твои новички потеряли офицера и сержанта. Взгляни на горящие танки справа от тебя. Направление на десять часов. Грейвс, нужно вытащить парней оттуда. Верни их в бой. Если орки подойдут к ним первыми, мальчишек

вырежут в одно мгновение.

Ответ полковника был кратким и утвердительным. Через несколько секунд генерал-майор увидел отряд гвардейцев, направлявшийся к новобранцам. Затем внимание Бергена привлек вибрирующий вой, раздавшийся справа. Он узнал этот звук, поскольку слышал его прежде — к сожалению, в очень редких случаях. Высокотональный вой вызвал в его теле дрожь, которая пробежала по позвоночнику. Он навел магнокуляры на «Меч тени» Виннеманна и увидел белое сияние, вырвавшееся из жерла огромной пушки. Зная, что случится дальше, он перевел взгляд на вражескую артиллерию у ворот аванпоста. Мускулистые зеленокожие подносили к самоходным установкам большие бочкообразные снаряды. Они вставляли их в казенные части огромных пушек, намереваясь уничтожить передовую линию кадийской пехоты.

Раздался громкий треск, похожий на близкий разряд грома. Генерал-майор ощутил отзвук выстрела в своих костях и в животе. Пространство у главных ворот

крепости было залито ослепительно-белым светом. Берген мельком увидел, что траектория выстрела пересекла по диагонали ряд орочьих машин. Затем ему пришлось закрыть глаза. Он больше не мог смотреть на белое сияние.

Сияющий отпечаток смертоносного луча остался на внутренней стороне его век. Открыв глаза, он понял, что значительная часть вражеской артиллерии перестала существовать. Вместо грозных орудий на земле пузырились лужи жидкого металла. Уцелевшие пушки тоже не представляли собой угрозы. Их боевые расчеты сгорели в серебристо-белом пекле. Луч «Вулкана» не пощадил их жизни.

Когда кадийская пехота увидела, что произошло, над полем битвы зазвучали крики радости. Гвардейцы, воодушевленные невероятной демонстрацией силы, пошли в атаку. В воздухе витало предчувствие победы. Этого момента ожидает каждый командир. Берген знал, что они сломили сопротивление противника. Он связался по воксу с полковником Виннеманном:

— Командир дивизии вызывает броню. Прекрасный выстрел, Кочаткис. Великолепный выстрел. Он напугал зеленокожих до смерти. Теперь мы покажем этим грязным дикарям.

Ответом было затрудненное дыхание. Затем послышался хриплый голос полковника:

— Спасибо, сэр. Всегда рад пальнуть из «Вулкана» — особенно после такой долгой паузы. Каждый выстрел требует огромной энергии. Оба наших генератора опустошены до предела. Теперь нам требуется заправщик «Троянец».

— Вы в порядке, мой друг? Похоже, вы задыхаетесь...

— Не тревожьтесь обо мне, генерал-майор, — ответил Виннеманн. — Чувствую себя, как обычно. Когда бой закончится, я буду в норме.

Берген осмотрел поле боя. Его дивизия мчались вперед, нанося врагу огромный урон.

— Вам не придется ждать долго, полковник. Наши парни давят зеленокожих. Клянусь Террой! Вы воодушевили их своим

выстрелом. Они проходят сквозь оборону орков, как штык сквозь масло.

И он говорил правду. Зеленокожим не хватило грубой силы, ярости и кровожадности. Они не могли сопротивляться хорошо организованной атаке имперских гвардейцев. Через час Каравасса была очищена от орков.

Глава 9

На узких улицах аванпоста продолжали греметь выстрелы, но их звуки казались слабым эхом того кровавого безумия, которое царило здесь двадцать минут назад. Каравасса снова стала крепостью Имперской Гвардии. Берген добился поставленной цели. Генерал де Виерс получил первую позицию, от которой зависели маршруты поставок между базой Хадрон и конечным пунктом назначения, располагавшимся далеко на востоке.

Проводя зачистку бывшего центра связи на главной площади аванпоста, один из взводов механизированной пехоты полковника Мэрренбурга отыскал и убил предводителя местных орков — мерзкое существо необычайных размеров и невероятной мускулатуры. После того как

территорию обезопасили от возможных угроз, генерал-майора пригласили на осмотр поверженной твари. И вот теперь Берген стоял в просторном зале с низким потолком, глядя на огромный труп, лежавший на каменном полу почти у самых его ног. Воздух был пропитан отвратительной вонью, похожей на запах конского пота и разложившихся внутренностей.

Павший орочий военачальник поражал своими размерами — два с половиной метра в высоту и около двух метров шириной в плечах. Его грубая броня состояла из нагрудника и железного наплечника, усиленного сбитыми вместе стальными пластинами. Чтобы бродить по зданию, зеленокожему, видимо, приходилось горбиться. Но орки горбились всегда — из-за массивной брони и чересчур развитых мышц, покрывавших их тела. На угловатом нагруднике виднелся символ клана, которым командовал этот терзавец. Череп и кинжал. Берген прежде не встречал подобного глифа.

— Не самая приятная тварь из тех,

что мне доводилось повстречать, — сказал полковник Мэрренбург.

Он сделал шаг вперед и остановился рядом с генерал-майором.

— Приятного мало, — согласился Берген. — Эдвин, вы уверены, что это их предводитель?

— Он самый крупный из всех, — ответил Мэрренбург. — При нем было несколько телохранителей. Мы потеряли одиннадцать человек, прежде чем перебили их.

Полковник с отвращением пнул мясистое предплечье мертвого орка. Огромная безжизненная рука зеленокожего соскользнула на пол. Наверное, такие большие и толстые пальцы могли растереть человеческую кость в порошок.

— Он заплатил нам за это собственной жизнью, — добавил Мэрренбург. — Вы не будете против, если я закурю?

— Курите. Возможно, табачный дым отобьет его вонь.

— К вечеру здание очистят и продезинфицируют, сэр, — сказал

полковник, вытаскивая из нагрудного кармана мятую пачку «дымков». — Хотите один?

— Нет, спасибо.

— Извините, — усмехнулся Мэрренбург. — Я всегда забываю, что вы не курите. В любом случае, если эта тварь больше не интересует вас, мои технари начнут устанавливать здесь приемо-передающую аппаратуру. Как вы думаете, сэр, когда проблема с вокс-связью будет решена? Когда мы наконец сможем передавать сообщения на дальние расстояния?

Берген отвернулся от мертвого орка.

— Я полагаю, решение уже найдено. Техножрецы проложат кабель до самого плато. Они утверждают, что такая наземная линия защитит нас от электромагнитных помех. Техноадепт Армадрон обещал мне связь с Хадроном в ближайшие часы. Это позволит нам не посылать связных к генералу.

— Вы уже отправили сообщение о победе?

Берген кивнул.

— Даже два. На всякий случай. Курьеры на «Шершнях» с закодированными пергаментами. Я отправил их, как только ты вошли в ворота крепости. Возможно, Армадрон подготовит наземную линию еще до того, как мои посыльные доберутся до базы. Но мне хотелось гарантировать доставку сообщения.

Мотоциклы «Шершень» являлись современной модификацией старых байков «Черная тень». Эти шумные машины, не оснащенные броней и оружием, были самыми быстрыми в Десятой дивизии. Если с ними ничего не случится в пути, то, по оценкам Бергена, курьеры прибудут в штаб «Экзолона» на следующий день.

— Очень мудро, сэр, — согласился полковник.

Берген не считал себя мудрым. Сегодняшняя победа подняла его дух. Он видел, как неудержимая мощь их бронетанковой дивизии сровняла с землей огромное количество врагов. Но он тоже понес потери — немало отважных людей, которые заслужили почести за храбрость. Генерал-майор по-прежнему не мог

свыкнуться с глупостью всей операции. Взятие Каравассы было бессмысленной затеей. Их победа ни черта не будет стоить, когда де Виерс, добравшись до финальной точки, не найдет там легендарного танка. Берген хотел бы оказаться в то мгновение рядом с генералом, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Что у нас с госпиталем? — спросил он, вернувшись к насущным делам. — Медикае уже подобрали себе здание?

Мэрренбург молча пожал плечами, и тогда Катц, адъютант Бергена, шагнул вперед.

— Штат Официо Медикае присмотрел несколько двухэтажных зданий у западных ворот, — доложил он. — Там раньше располагались казармы. Все помещения проверены на отсутствие угроз и очищены от орочьих трупов. Техническому персоналу походного госпиталя присвоен высший приоритет.

— Хорошо. Убедитесь, чтобы они получили все необходимое. Меня беспокоит здоровье полковника Виннеманна. Пусть

его осмотрит специалист по протезированию. Причем как можно быстрее. Сами понимаете, гравитация, пыль и все остальное. Здесь даже лучшие машины приходят в негодность. А у него имплантированный металлический позвоночник.

Мэрренбург хотел вставить какое-то замечание, но в этот момент в зал вошел полковник Грейвс. Его каблуки громко застучали по каменному полу. Бросив взгляд на мертвого орка, он остановился напротив Бергена, отдал салют и доложил:

— Я получил сообщение от одной из команд зачистки. Они обнаружили неприятную находку. Думаю, вам нужно взглянуть на это.

* * *

Находка действительно оказалась неприятной. Она еще больше отравила невеселое настроение Бергена.

— Рабы, — проворчал он. — Человеческие рабы.

Он стоял на площади в паре сотен метров от северной стены. Перед ним возвышалась груда мертвых тел — обнаженных мужчин и женщин. Их ошейники были сомкнуты одной цепью; запястья и лодыжки плотно скованы. На костлявых торсах и ягодицах виднелись выжженные клейма с тем же глифом, что красовался на нагруднике местного предводителя орков. На каждом трупе виднелись раны от топоров или мечей. Людей убили, как гроксов. Но почему? Генерал-майор предполагал, что во время сражения те зеленокожие, которые оставались в крепости, вышли из себя и, пылая кровожадной яростью, набросились на рабов. Они вспарывали скованным людям животы и вырывали их внутренности. Если бы сердце Бергена не было наполнено до краев кипящей ненавистью к орочьей расе, он, возможно, содрогнулся бы при виде такой расправы. По холодным трупам ползали клещи. Однако паразиты напрасно кусали мертвые тела. В почерневших

венах больше не пульсировала кровь.

— Этого следовало ожидать, — прошептал адъютант, стоявший за правым плечом генерал-майора.

— Почему, Джэррил?

— Я вот что думаю, сэр. Орки годами совершали набеги на ближайшие звездные системы. А сколько сборщиков трофеев они захватили в рабство! Флот не защищает тех, кто нарушает космические правила и ограничения. Но риск сулит высокую награду. Поэтому число контрабандистов никогда не сокращается.

— Я рад, что мой адъютант так хорошо информирован, — с усмешкой сказал Берген.

— Извините, сэр, — склонив голову, произнес лейтенант. — Я не хотел, чтобы мои слова прозвучали...

— Нет, Джэррил, я говорю совершенно искренне. Ты же знаешь, мне нравится слушать твои комментарии. Я просто не ожидал увидеть ничего подобного.

— Скорее всего, их привезли сюда с плато Хадрон. Там находился

единственный орочий космопорт на этой стороне планеты. Наш флот сжег его при посадке, но он был довольно большим. Нам известно, что орочьи кланы иногда торгуют друг с другом. Этих несчастных пленников могли обменять на патроны и горючее.

— Пусть святые ведут их к Императору, — прошептал генерал-майор.

Он прижал ладонь к нагрудному знаку орла, и Катц последовал его примеру. Вместе, склонив головы, они помолились за мертвых. Чуть позже Берген тихо спросил:

— Мы найдем еще немало наших сородичей, верно?

Катц мрачно кивнул:

— Похоже, что так, но не живыми. Я думаю, другие дивизии, захватив Бэлкар и Тайреллис, обнаружат такие же кучи трупов. К сожалению, орки убьют рабов прежде, чем гвардейцы успеют их спасти. — Он с печалью указал на кучу тел. — Мы не сможем им помочь.

Берген согласился с адъютантом, но это не улучшило его настроения. Мерзкие

орки безжалостно крали жизни людей. С другой стороны, души убитых жертв по-прежнему принадлежали Императору.

— Позаботься, чтобы исповедники совершили необходимые ритуалы. Джэррил, я хочу, чтобы души этих мужчин и женщин были переданы Императору как можно быстрее. Знаю, что священники сейчас заняты нашими погибшими гвардейцами. Но эти тела нужно сжечь! Я не хочу, чтобы здесь вспыхнула эпидемия — особенно теперь, когда мы вернули аванпост себе. Ты понял?

— Так точно, сэр. Разрешите идти?

— Свободен.

Берген прислушался к шагам адъютанта, затихавшим за его спиной. Тусклое небо над Каравассой возвещало начало вечера. Низкие коричневые облака бурлили, словно суп в котле. В их глубине сверкали молнии. Гулкие раскаты грома сотрясали воздух.

Потрескивание в правом наушнике объявило о поступившем вокс-вызове. Через секунду он услышал голос полковника Грейвса:

— Грейвс вызывает командира дивизии. Вы на связи, сэр?

Берген пощелкал пальцем по кнопке вокс-гарнитуры.

— Берген на связи. Говорите, Деррик.

— Один из моих поисковых отрядов обнаружил два склада орочьей амуниции, сэр. Плюс мы нашли значительные запасы горючего. Похоже, они собирали его для обмена. Это в юго-восточной части крепости. Я выставил на стенах дозорные патрули, как вы приказали. Там нет площадок для «Тарантулов». Боюсь, нам придется расширять парапеты. И еще одно сообщение, сэр. Капитан Итрих просит разрешения на заправку танков из резервов зеленокожих.

— Итрих? — спросил Берген.

— Да, сэр. Он сейчас вместо Виннеманна. Вы же сами приказали, чтобы полковника осмотрел протезист.

— Хорошо. Пусть Итрих заправляется из орочьих резервов. Но сначала топливо нужно проверить на примеси. Пусть он попросит техножрецов провести химический анализ горючего. Только один

Император знает, что орки добавляют в свой прометий.

— Пришла приятная новость, сэр, — сказал Грейвс. — Техноадепт Армадрон сообщил, что все его приготовления закончены. Вокс-антенна установлена и подключена к наземной линии. Техники только что открыли канал связи со штабом группы армий. Качество звука приемлемое. В течение ближайших тридцати минут генерал де Виерс ожидает вашего доклада.

— Понял вас, полковник. Вернусь на коммутационную станцию через десять минут. Встретимся там. Конец связи.

Генерал-майор повернулся и зашагал к центральной площади аванпоста. Он шел по улицам, заваленным ржавым мусором. В воздухе стоял запах экскрементов и орочьей крови. Ему хотелось как можно дальше уйти от кучи убитых рабов, но их образ уже отпечатался в его сознании. Он знал, что отныне это воспоминание останется с ним навсегда. Оно будет питать его ненависть к зеленокожим все последующие дни операции.

* * *

Через три дня после взятия Каравассы Восьмая механизированная дивизия генерал-майора Реннкампа захватила старую имперскую базу Тайреллис. Этот бывший склад припасов в пустыне Джаррандо располагался к юго-западу от позиции Бергена. Сопротивление орков не было таким интенсивным, как в Каравассе. Гвардейцы могли бы радоваться, если бы не участившиеся болезни и инфекции, от которых страдало все больше солдат. Зарывавшиеся в кожу клещи доставляли изнурительное и постоянное неудобство. Бойцам приказали сбрить все волосы — на голове и на теле. Это помогало быстрее находить присосавшихся паразитов. Некоторые гвардейцы отказывались тратить выдаваемый рацион алкоголя на удаление клещей. Из-за пристрастия к крепкому напитку они часто становились разносчиками отвратительных инфекций. Другие бойцы поступали в госпиталь с

такой пропитанной «взвесью» кожей, что казалось, будто их выкупали в ананасовом соке. Шутки и насмешки закончились. Пораженные «взвесью» люди страдали от жутких болезней и в конце концов умирали. Это была болезненная смерть. Внутренние органы, засоренные пылью, отказывали один за другим, пока не погибало тело. Здоровые люди пребывали под гнетом зловещих ожиданий. Они знали, что их грядущие болезни были лишь вопросом времени. Они чувствовали, что их собственные клетки уже задыхаются от зловещей «взвеси». И они ворчали, что чем быстрее генерал найдет проклятый танк, тем будет лучше для всех.

По крайней мере, военная операция проходила с относительным успехом. Де Виерс был уверен, что количество зеленокожих, обитавших между базой Хадрон и примерным местоположением «Крепости величия», было значительно преувеличено. Вероятно, последний набег Газкулла Траки на человеческий космос увел с Голгофы больше орков, чем предполагали умники из Официо

Стратегос. Но это не слишком помогало «Экзолону». Несмотря на то что орки оказались меньшей угрозой, планета все равно брала свое.

Берген и его дивизия оставались в Каравассе, патрулируя окрестности и с нетерпением ожидая генеральского приказа о выдвижении в восточном направлении. Приказ де Виерса должен был прийти по наземной линии связи, но прежде «Экзолону» следовало захватить укрепленное поселение Бэлкар — последний аванпост, необходимый для защиты маршрута между базой Хадрон и предполагаемым местом цели. Осаду Бэлкара поручили Двенадцатой пехотной дивизии генерал-майора Киллиана.

Пока Берген маялся от безделья и ожидал приказа де Виерса, он начал замечать едва уловимые мелочи, которые встревожили его, — например, менявшийся оттенок кожи. Каждый раз во время бритья он, глядя в зеркало, содрогался от нараставшего количества розовых пятнышек, покрывавших белки его глаз. И не он один страдал от этого. Врачи из

штата Медикае проверяли всех солдат и раздавали им пакеты с детоксикаторами. К сожалению, они не знали, как бороться со «взвесью». Берген вызвал к себе сержанта Бера — своего личного медика — и расспросил о худшем сценарии в развитии болезни. Ответ сержанта не утешил его.

Люди сильно отличались уровнем иммунитета. Самые крепкие из них могли держаться месяцами — возможно, даже стандартный имперский год. Но симптоматика постоянно ухудшалась. С головными болями и тошнотой справлялись довольно легко — с помощью таблеток. Изменения в оттенках кожи и пигментация глазных белков оставались неизлечимыми. Замена поврежденных органов была невозможной при том оборудовании, которое Медикае имели здесь под рукой. Несмотря на пессимизм сержанта, Берген решил не сдаваться. Он разослал по дивизии новый приказ: гвардейцы все время должны были носить защитные очки и дыхательные маски.

Если от болезней страдали даже самые крепкие бойцы Десятой дивизии, то

мучения полковника Виннеманна были вообще неописуемыми. Берген удивлялся упорству полковника. Виннеманн никогда не жаловался — по крайней мере, не в компании офицеров. Но из-за пыли и увеличенной гравитации имплантированный позвоночник беспокоил его, как никогда раньше. Военный протезист, нарушая клятву о конфиденциальности, продолжал информировать генерал-майора о состоянии полковника. Он предписал Кочаткису более сильные дозы иммунодепрессантов и анальгетиков. Однако эти лекарства, принимаемые в больших количествах, губили печень и почки. Берген, питавший сильную привязанность и уважение к упрямому полковнику, начал ежедневно молиться Императору и его святым о скорейшем завершении нелепой операции «Гроза». Преждевременная смерть Виннеманна нанесла бы удар по экспедиции — и тем более по людям, знавшим его.

Наконец, на пятнадцатый день после спуска на планету, Император услышал

молитвы Джерарда Бергена.

По наземной линии связи начали поступать штабные сообщения. После взятия Каравассы и Тайреллиса, которые отныне надежно защищали имперскую линию доставки, Двенадцатая пехотная дивизия Киллиана захватила полуразрушенную крепость в Бэлкаре и превратила ее в передовой опорный пункт. Сражение было тяжелым. Цифры потерь вызывали глубокую скорбь и свидетельствовали о многочисленной популяции орков вблизи конечной точки намеченного маршрута. Но Киллиан с честью выполнил поставленную задачу и основал передовую базу, столь важную для успешного завершения экспедиции. Хадрон, Каравасса, Тайреллис и Бэлкар снова стали имперскими крепостями. Их почти сорокалетняя оккупация завершилась. И хотя некоторые офицеры-пессимисты предрекали ответный удар зеленокожих, «Экзолон» начал готовиться к финальной стадии операции.

Получив эти новости, Берген почувствовал огромное облегчение. Еще

большую радость принес приказ, поступивший на рассвете с базы Хадрон. На шестнадцатый день экспедиции Десятая бронетанковая дивизия вновь выступала в поход. Генерал де Виерс приказал Бергену оставить в Каравассе соответствующие гарнизонные силы, а затем на максимальной скорости выдвинуться к аванпосту Вэлкар. Там им предстояло объединиться с двумя другими дивизиями и дождаться прибытия генерала. Далее де Виерс намеревался возглавить группу армий и лично направить ее в регион Хадар, к предгорьям Ишварской гряды, где должна была завершиться их миссия.

Разговаривая с Бергеном по наземной линии связи, старик едва не задыхался от экстаза. Он походил на возбужденного ребенка перед Днем Императора. Наверное, он чувствовал, что долгожданная бессмертная слава была уже в паре шагов от него. Генерал надеялся найти «Крепость величия» или то, что от нее осталось. Затем началась бы финальная стадия. Жрецы Механикус запустили бы

вокс-маяк, который, попав в верхние слои атмосферы, передал бы флоту координаты их позиции. «Потомок Тарсиса» должен был спустить подъемник. Священный танк подняли бы с песков пустыни в космос и разместили на борту «Рекламатора». За время полета к системе Армагеддона машину отреставрировали бы до прежнего состояния. Чуть позже комиссар Яррик, получив дорогой подарок, проехал бы на танке по полям сражений Армагеддона Прим. Он поднял бы дух уставших солдат, вдохновив их силой легендарной машины. И тогда воодушевленные солдаты отбили бы натиск врага.

Это звучало чудесно, и в своем сердце Берген надеялся на осуществление тактических планов де Виерса. Но его внутренний голос продолжал утверждать, что такие милые наивные мечты присущи только старикам и детям. В реальности все происходит иначе.

«Прошло тридцать восемь лет, — подумал он. — Неужели генерал действительно верит, что танк по-

прежнему находится там...»

Когда де Виерс закончил разговор и закрыл вокс-канал, Берген вызвал к себе полковых командиров. Узнав о новых указаниях, все трое радостно заверили его, что через несколько часов они смогут подготовить своих людей к боевому походу. В голосе Виннеманна чувствовалось явное облегчение. Генерал-майор, беспокоясь о здоровье полковника, хотел оставить его в Каравассе. Но он понимал, что храбрый воин обидится на него и сочтет такую заботу оскорблением. Виннеманн был танкистом до мозга костей, а Берген знал, какое счастье испытывает истинный танкист, находясь в своей «корзине», попирая врагов и отплевываясь от пота и пыли, пока рев двигателя сотрясает его тело мощной вибрацией. Поэтому, несмотря на очевидные страдания Виннеманна, командир дивизии решил не отправлять его в госпиталь. У полковника был неплохой заместитель, и капитан Итрих мог помочь ему в любую минуту, если это потребуется.

После совещания полковые командиры

передали приказ генерала своим заместителям и командирам рот. Новость быстро разошлась по гарнизону. Вскоре Каравасса жужжала, как растревоженный улей. Десятая бронетанковая дивизия готовилась к продолжению экспедиции.

* * *

При всей этой спешке, погрузке снарядов и заправке топливом, когда перед началом похода проводилась последняя проверка техники, почти никто не думал о судьбе тех рот, которые исчезли в первый день операции. Но кое-кто вспоминал о них — например, полковник Виннеманн. Игнорируя боль и личные проблемы, он регулярно молился о душах лейтенанта ван Дроя и его людей. Прошло больше двух недель, а от них не поступило ни одного сообщения. Полковник был уверен, что они погибли.

Выезжая из ворот Каравассы во главе

колонны Восемьдесят первого бронетанкового полка, он даже не мог подумать, что Безбашенные Госсфрида по-прежнему ведут борьбу за существование. Через десять дней пути после сражения с орочьей ордой они находились к юго-востоку от его нынешней позиции.

Глава 10

Полковник Стромм оказался человеком слова. Он относился к танкистам как к важной части своего подразделения, и это нравилось ван Дрою. Хотя лейтенант держал сомнения при себе, дальнейшее сотрудничество с полковником вызывало у него серьезные опасения. Фактически он отдал людей и танки в распоряжение незнакомого человека. Конечно, начальство могло бы сказать, что он знал о полковнике все необходимое. Он видел Стромма в бою, а именно там раскрываются лучшие качества воина. Действия полковника во время сражения показывали, каким командиром он будет дальше. Но их окружал мир Голгофы. Они не могли сражаться с таким безликим и жестоким врагом. Бесконечная пустыня снижала

моральный дух кадийцев. Казалось, сколько бы километров песка они ни оставляли за своими спинами, столько же возникало и впереди их колонны.

Ван Дрой знал, что его танки замедляли движение более быстрых «Химер» и «тридцатьшестерок». Однако без танков они стали бы легкой целью для зеленокожих мародеров. Стромм вел колонну плотным и широким строем. Лишь несколько «Химер» поочередно удалялись от нее и проводили разведку. Неужели полковник не злился на медленные «Леманы Руссы», которые двигались со скоростью тридцать километров в час? Если он и испытывал раздражение, то никак не показывал этого.

После битвы с орками прошло уже несколько дней. Усталая, грязная и потрепанная колонна продолжала путь на северо-восток. Постепенно ландшафт начал меняться. Покатые дюны сменились скалистой равниной. Было ли это хорошим знаком? Ван Дрой терялся в догадках. Если отсутствие песка означало близость предгорий, то почему они не

видят Ишварскую гряду? Горизонт на северо-востоке закрывала розовая дымка. Никаких горных пиков. Никаких намеков на какую-то возвышенность.

Настроение людей было таким же мрачным, как облачное небо. Его ухудшали сообщения, передаваемые от танка к танку. Дюжина бойцов ван Дроя серьезно заболела. Стромм говорил о тридцати шести больных пехотинцах. После ужасного крушения бота и атак зеленокожей орды в Девяносто восьмом стрелковом полку остались только два медика. Они осмотрели больных танкистов, посовещались друг с другом и сказали ван Дрою, что по крайней мере трое из двенадцати умрут в течение дня. Ничто не могло спасти несчастных парней. Они стали жертвами «взвеси». Печень, почки, легкие — все внутренние органы отказывались функционировать. Другие девять больных почти наверняка должны были погибнуть в ближайшее время. Им требовался срочный специализированный медицинский уход. А поскольку надежда на воссоединение с

«Экзолоном» стремительно приближалась к нулю, смерть ребят казалась практически неизбежной. Ван Дрой кусал губы от гнева и разочарования. Позже он уединился в куполе танка и излил свою ярость в потоках нецензурной брани. Его крики и проклятия тонули в реве двигателя.

Полковник Стромм принял трудное решение и ограничил рацион воды и провизии для тяжелобольных гвардейцев. Он не хотел тратить скудные ресурсы на обреченных людей, которым оставалось жить не больше двух-трех дней. Конечно, это не понравилось друзьям умиравших солдат. Их протесты доходили почти до полного неповиновения, но командиры взводов в конечном счете наводили порядок.

Ван Дрой не осуждал полковника за крайность мер. Стромм, естественно, выслушал бы его возражения, однако Госсфрид, будучи практичным человеком, счел решение полковника правильным, хотя и излишне суровым. Позже медики ввели тяжелобольным гвардейцам большие

дозы анестетиков, и несчастные люди мирно скончались в медикаментозном сне.

Колонна сделала краткую остановку, чтобы трачные и истощенные солдаты похоронили своих погибших товарищей. В Девяносто восьмом полку не было представителей Министорум, которые могли бы помолиться о погибших воинах, но один из лейтенантов Стромма — парень по имени Бойд — перед вступлением в Гвардию обучался в школе исповедников, «шагая к истине по праведной дороге». Он прочитал литанию о душах мертвых, и колонна двинулась дальше, потеряв в своей численности и еще больше отяжелев от бремени безысходной тревоги.

Когда Стромм раздал лейтенантам ночные горшки и дополнительные таблетки для очистки воды, настроение гвардейцев ухудшилось до критической черты. Полковник сказал, что тем, кто захочет прожить еще несколько дней, придется пить жидкость, которой они раньше не пользовались. Им придется пить свою мочу.

* * *

И словно Голгофе было мало гибели их товарищей, рассвет шестнадцатого дня принес совсем дурные новости. Когда солнце приподнялось над горизонтом и запуталось в облаках, окрасив равнину в тускло-красный свет, вокс-каналы взорвались от тревожных сообщений. Интерком «Врагодава» тоже не умолкал.

— Их там, наверное, миллионы! — кричал Болтливый Дитц. — Такое чертово количество, что просто всех не перебить. И это не пешие орки! Они перемещаются на нехилой скорости.

Дитц не ошибался. К колонне приближалась орочья орда. Судя по темной линии, которая с приходом дня появилась на юго-востоке, зеленокожих было слишком много, чтобы ввязываться с ними в сражение. Ван Дрой приподнял голову и посмотрел в визоры танка. Он все еще надеялся, что это мираж — что его разум сыграл с ним злую шутку и преувеличил размеры вражеской армии. Но это было не

так. Весь горизонт кишел зеленокожими. Какое расстояние их разделяло? Ван Дрой не мог судить об этом из-за пыли и дрожавшего марева. Но их орда была видна. Значит, они находились чертовски близко.

Похоже, орки перемещались даже ночью. Вот почему уставшие и обезвоженные дозорные Строгга не заметили их. Изнуренные болезнями часовые сражались со сном. Им было не врагов человечества. А те преследовали колонну кадийцев. Вероятно, армия зеленокожих наткнулась на последствия кровавой бойни у разбитого посадочного бота. Орки выследили людей по глубоким следам, которые танки оставили на песке. Теперь их колонна была на виду.

— Гвоздь, веди машину на предельной скорости, — приказал ван Дрой. — Если ты почувствуешь что-то неладное — пусть даже слабые шумы или стук мотора, скрип и удары зубчатой передачи, — тут же сообщи об этом мне. Ты понял? Надеюсь, тебе не нужно напоминать о том, что случилось с Сименсом? У нас не будет времени на ремонт.

— Не волнуйся, босс, — ответил Гвоздь. — У нас с этой малышкой обоюдная симпатия. Симпатико, как я говорю. Она не даст нас в обиду.

Пожалуй, ничто на свете не могло напугать или расстроить Карла «Гвоздя» Налзига. Он получил свое прозвище еще до того, как вошел в экипаж ван Дроя. В те далекие дни отчаянных сражений он заслужил несколько медалей за храбрость. Ван Дрой хотел бы поверить словам самоуверенного водителя, но «Врагодав» после спуска на планету уже дважды сталкивался с серьезными проблемами с двигателем. И конечно, не без участия Голгофы.

Старая «девочка» ван Дроя могла заглохнуть так же, как и любая другая машина. Каждый час какой-нибудь из танков останавливался и не желал заводиться до тех пор, пока с контактов двигателя не удаляли красную пыль. Впрочем, в его роте имелось одно исключение. Колымага Вульфе еще ни разу не ломалась. Танк «Последние молитвы-II» выглядел на все свои годы, но

под крышкой его двигателя обитал упрямый дух машины. Ван Дрой не сомневался в этом.

Лейтенант знал, что сержант Вульфе обиделся, когда из всех танков, полученных ротой после бегства с Палтероса, ему вручили древний «Леман Русс» марки «Марс-альфа». Вульфе сильно переживал потерю прежней машины. Какой танкист не влюблялся в свою «девочку»? Такие же нежные чувства ван Дрой питал к «Врагодаву».

Его не удивило, что Вульфе принял новый танк в штыки. Суровый сержант не скрывал враждебного отношения к «Последним молитвам-II». Очевидно, он думал, что ван Дрой специально, по какому-то злому умыслу, дал ему древнюю рухлядь. Лейтенант надеялся, что со временем Вульфе привыкнет к своей машине, но с учетом орков, гнавшихся за ними, этого времени могло и не оказаться. Какую скорость могла развивать орочья техника? Наверное, там сотни «жуков». И оснащенные оружием мотоциклы. А что, если у них есть поддержка с воздуха?

бомбардировщики? Зеленокожие были настолько безумными, что вполне могли летать при такой облачности.

На панели вокса замигал красный огонек. Ван Дрой развернулся на командирском сиденье, включил микрофон и, когда светодиод стал бледно-зеленым, четко произнес:

— Командир Десятой роты слушает. Прием.

— Десятая, это полк, — отозвался полковник Стромм. — Похоже, мы оказались между предгорьем и большой неприятностью. Вы уже смотрели на юго-восток?

— Смотрел, сэр. Увиденное мне не понравилось. На таком расстоянии трудно оценить боевую мощь их сил, но, честно говоря, мне кажется, что мы уступаем им в численности. Вероятно, основная часть зеленокожих перемещается на колесах. Они могут догнать нас к середине дня.

— Да, галактике нравится подкидывать нам неприятности, — пошутил полковник.

— Я понимаю, что в легких победах

нет славы. Но все-таки человек должен знать свои пределы.

— Или пределы машин, как в нашем случае, — согласился Стромм. — Я думаю... Минуту, лейтенант.

Стромм прервал вокс-соединение. Через несколько секунд на пульте ван Дроя вновь замигал огонек. Лейтенант нажал на кнопку ответа.

— Сэр?

— Прошу прощения за паузу, ван Дрой, — сказал полковник. — Только что пришло сообщение от разведгруппы. Сами судите, насколько оно хорошее или плохое. Мои люди рапортуют о массивном облаке пыли, которое надвигается на нас спереди. Наведите магнокуляры на восток. А теперь на десять градусов правее. Что это, по-вашему?

— Пылевая буря, сэр?

— По-видимому, да. Облако быстро приближается. Если мы повернем на юго-восток, то, возможно, избежим фронтального столкновения, но...

— Это поставит нас под огневой удар орков. Клянусь кровавым Оком!

— Совершенно верно, лейтенант. Я не готов бросаться в бой, который мы не сможем выиграть. Предлагаю двигаться навстречу буре. Риск большой, но, если мы уцелеем, пыль скроет наши следы. И тогда ублюдки потеряют нас из виду. Что скажете, лейтенант?

«Действительно рискованный шаг, — подумал ван Дрой. — Многое может пойти не так. Хотя, с другой стороны...»

— Духам машин это не понравится, сэр, — ответил он. — Ставлю на то, что будут механические поломки. И как долго продлится пылевая буря? Попав в нее, мы не сможем видеть ничего вокруг. Нам придется двигаться на ощупь. Очень медленно.

— Я не знаю, как долго продлится эта буря, — произнес полковник. — Погодные сводки, составленные техножрецами во время варп-перехода, давали неопределенную картину. Некоторые бури утихали через несколько часов. Другие тянулись днями и даже неделями.

— Похоже на игру в кости, сэр.

— Вы азартный человек, лейтенант?

— Думаю, что сегодня я им стану.

— Отлично. Тогда бросайте кубики и будем надеяться на лучшее. Да пребудет с нами удача Императора. Конец связи.

Глава 11

Когда бахрома пылевой бури ударила по колонне, полковник приказал остановиться. Видимость упала до пятидесяти метров. Воздух потемнел от шквалов песка. Ветер с воем раскачивал машины на рессорах. Багровое небо исчезло из виду. По приказу полковника гвардейцы могли выходили из танков и машин только в защитных очках и дыхательных масках. Их тела должна была защищать плотная одежда, непроницаемая для жалящих красных гранул песка. Голоса терялись в шуме бури. Слова, приглушенные дыхательными масками, звучали невнятно и тихо. Ван Дрою приходилось кричать во весь голос.

— Торопитесь. Я хочу, чтобы все танки были связаны друг с другом толстыми цепями. Нужно управиться с

этим до того, как усилится ветер. Начинайте сейчас же! У нас осталось несколько минут. Все за работу! Живее! Живее!

Безбашенные вытаскивали из задних складских ящиков тяжелые стальные цепи. Они крепили их к буксирным крюкам спереди и сзади машин.

— Дистанция между танками — двадцать метров! — прокричал ван Дрой.

Сейчас он мечтал о простом мегафоне. Вокс-гарнитура шлемофона связывала его только с командирами танков. Члены экипажей не были оснащены такой продвинутой техникой. Они получали приказы по интеркомам танков. Ван Дрой мог бы вернуться в машину и воспользоваться вокс-усилителем. Но время не позволяло такой роскоши. Ветер усилился до штормового уровня. Люди, несмотря на жажду и усталость, работали быстро и слаженно. Некоторые боролись с приступами кашля, сгибаясь пополам от колющей боли. И все же они продолжали работу. Приказы лейтенанта выполнялись четко и правильно. Через

несколько минут танки были сцеплены цепями. Порывы ветра превратились в свирепую бурю. Видимость упала до сорока метров. Затем еще и еще. Ван Дрой различал лишь красные силуэты танков позади и впереди «Врагодава». Когда он начал карабкаться на башню, его едва не сбило с ног шквалом мелкого песка. Лейтенант с трудом забрался в «корзину», захлопнул люк и повернул запирающий вентиль. Включив интерком, он спросил у экипажа:

— Все юбочки застегнуты?

— Крепче, чем на дочери губернатора, сэр! — ответил за всех Уоллер.

Он был заряжающим ван Дроя уже больше десяти лет. Коренастый краснолицый мужчина показывал себя в бою хорошим специалистом, но стоило ему наступить на бутылочную пробку, он превращался в драчливого дьявола.

— Вот и ладно, — произнес лейтенант. — Мы подождем, когда люди Строма закончат связку, а затем двинемся вперед. Аккуратно и медленно.

Зная, что члены экипажа не видят

его, ван Дрой с сомнением покачал головой. «Это чистое безумие, — подумал он. — Если бы не орки за нашими спинами...»

— Броня вызывает командира полка, — передал он по воксу. — Вы слышите меня, сэр?

— Не очень хорошо, ван Дрой, но терпимо, — ответил Стромм.

Качество связи было ужасным. Пылевая буря вызывала жуткие электромагнитные помехи даже вблизи. «Если ситуация ухудшится, — подумал ван Дрой, — мы вообще останемся немыми и глухими. Тогда нам придется остановиться и дожидаться окончания бури».

— Мои драндулеты связаны и готовы к движению. Ожидаю вашего приказа, сэр.

— Подождите еще одну минуту, лейтенант. Мои парни заканчивают сцепку последних машин. Даже не верилось, что будет так плохо. Великий Трон! Помоги нашим людям в открытых кузовах. Надеюсь, два слоя брезента защитят их от ветра и пыли.

Ван Дрой поморщился. Он тоже

тревожился о пехотинцах. К сожалению, нельзя было пересадить всех гвардейцев из открытых грузовиков и полугусеничных машин в кабины и салоны «Хитер». Впрочем, парни подготовились к суровым испытаниям. В незащищенных машинах находилось не так уж много солдат. Им выдали спальники и дополнительный брезент. Однако ван Дрой не знал, какой будет буря. Смогут ли люди выдержать ее смертельный натиск?

— Я думаю, что все будет в порядке, сэр. — В голосе лейтенанта прозвучала уверенность, которой он не чувствовал. — Минуту, лейтенант.

Последовали пауза и перемигивание ламп на вокс-панели. Затем полковник вернулся.

— Все мои машины сцеплены, ван Дрой. Пусть ваши танки ведут колонну. Выдерживайте постоянную скорость. Десять километров в час. Не больше и не меньше.

— Десять, сэр. Отдавайте приказ.

— Хорошо, броня. До связи.

— Вы готовы? — обратился

лейтенант к экипажу.

Сердитое ворчание, раздавшееся по внутренней связи, показало ему отношение танкистов к езде вслепую. Они не скрывали своей тревоги. Ван Дрой переключился на вокс-канал роты:

— Ротный всем танкам. Подтвердите готовность к движению.

— Командир эскадрона «Копье» подтверждает, — пробился сквозь статику лаконичный ответ сержанта Райтеса.

За ним последовали подтверждения от «Копья-I» и «Копья-II». Затем поочередно отозвались другие командиры танков.

— Двигайтесь на постоянной скорости. Десять клотов в час. Строго сохраняйте это направление. Я не хочу никаких инцидентов. Колонну возглавляет «Хладнокровный вердикт». Капрал Мюллер, выводите нас отсюда.

Танки Десятой роты двинулись вперед — один за другим, вслепую, скованные между собой толстыми цепями, которые при натяжении издавали металлические стоны.

Рев двигателя «Врагодава» стал на два тона ниже. Машина мягко накренилась, когда сцепление поймало зубчатую передачу. Цепное колесо мотора передало силу на ось. Тяжелые колеса завращались, железные зубья потянули звено за звеном, перемещая танк на медленной скорости. «Яростный Империй», идущий впереди «Врагодава», был практически невидим. Ван Дрой посмотрел в задний визор и с трудом разглядел контуры «Несокрушимого», который двигался позади его машины. Скрип молотившего металла заглушал завывавший ветер и рев мотора. Буксирные крюки натягивали толстые цепи.

— Гвоздь, ты ведешь машину ровно? — спросил ван Дрой.

— Определенно, сэр, — ответил седой водитель.

Его голос прозвучал отчетливо и чисто. Буря не влияла на интерком так сильно, как на вокс-каналы.

— Так же ровно, как руки Уоллера держат бутылку с крепким пойлом.

Ван Дрой нахмурился. Сравнение показалось ему неубедительным.

* * *

Люди Ленка были встревожены и, не стесняясь, демонстрировали это. Пока «Новый чемпион» вслепую двигался вперед, они ворчали и шипели, ругались друг с другом и давали выход нараставшему напряжению нервов. Ленк игнорировал их.

Буря усиливалась. Порывы ветра и песка колотили по танку, раскачивая его, словно консервную банку, — как будто он не весил шестьдесят три тонны. Ведер сидел на командирском сиденье и лениво поигрывал зазубренным ножом, который он обычно хранил в ботинке. Это было запрещенное оружие. За такой клинок могли лишить звания. Но нож несколько раз спас ему жизнь в учебном лагере резервистов, когда большие и крепкие парни, горя гневом, приходили к Ленку, чтобы наказать его за мошенничество в

карточной игре или за амурные похождения с их женщинами. Многие потом сожалели об этом — особенно те, кого он порезал. С помощью ловкости и ножа Ленк создал себе репутацию.

С тех пор как его перевели в Восемьдесят первый бронетанковый полк, он ни разу не пускал в ход своего маленького помощника. Но Ленк верил, что его время придет. Рано или поздно кто-то припрется к нему и постарается навредить. Он чувствовал, что это будет сержант Вульфе. Многие танкисты Десятой роты уступали Ленку в возрасте — молодое пополнение, по той или иной причине искавшее его компании. У Ведера всегда находились для каждого нужные вещи — то, что он использовал для собственной выгоды. Например, он славился своими победами над женщинами. Солдаты завидовали ему. Им хотелось узнать секрет его успеха. Они не понимали, что никакого секрета нет. Он просто превосходил их во всем. Кому-то требовалось его умение добывать забавные штучки, без которых гвардейская жизнь

казалась некоторым чертовски невыносимой. Речь шла о «дымках», алкоголе или наркотиках. Прежде чем посадочный бот рухнул в красные пески, Ленк заключил небольшое соглашение с одним из офицеров Медикае, чьи греховные делишки он угрожал раскрыть парням из Министорум. Офицера ожидало бы строгое наказание. Трон знает, где теперь был этот глупый клоун. Наверное, спустился на другом корабле. Или умер в пустыне. Какая разница? Когда Ленк выберется из этой заварухи — а он знал, что выберется, поскольку непреклонно верил в свою врожденную удачу, — он найдет другой источник для поставок дури. Никто не мог противостоять его воле.

Эта мысль привела его к любопытному вопросу. Кем был Виктор Данст, который так сильно досадил сержанту Вульфе? Он почувствовал внезапный приступ раздражения. Из-за этого Данста сержант срывал теперь свой гнев на нем. Ведер хотел бы выяснить детали, которые позволили бы ему

шантажировать Вульфе. Но он не знал, как получить необходимую информацию. Экипаж «Молитв» питал к нему такую же неприязнь, как и их тупой командир, — особенно ублюдок Хольц, с лицом, похожим на раздавленный гроксбургер.

— Ты слышал, Ленк?! — прокричал по интеркому Варнус.

— Нет, не слышал. Но ты можешь продолжать свою глупую болтовню.

Заряжающий хмуро повернулся к нему. Татуировки на его плечах и шее пришли в движение, когда он грозно заиграл мускулатурой. Однако, увидев нож в руках Ленка, он передумал задирать командира и, отвернувшись, тихо проворчал:

— Я сказал, что ситуация становится все хуже. Посмотри на визоры. Похоже на непроглядную ночь. Только теперь там все красное. Мы же не знаем, куда едем. Нам нужно остановиться.

— По крайней мере, мы не впереди, — вмешался в разговор рядовой Рисманн. — Не хотел бы я оказаться на месте «Хладнокровного вердикта». Вторым

идти в связке лучше, чем первым. Предложи мне сейчас перебраться в экипаж Мюллера, я не пошел бы туда ни за какие деньги. Даже если бы у них в башне сидели голые девчонки.

— Это о многом говорит, — съязвил Ленк. — Ты же повернут на деньгах и сексе. Ладно, расслабьтесь, парни. Считайте, что я приказал вам не трястись от страха. Берите пример с Хоббса. Вы слышали, чтобы он жаловался?

— Он вообще молчит с тех пор, как ты пригрозил ему трепкой, — с кислым видом ответил Рисманн. — Боится, что ты расскажешь всей группе армий, что он якобы гей.

— Правильно делает, что боится, — хмыкнул Ленк. — То же самое ожидает и вас. Короче, успокойтесь. Думайте об этом так: пока снаружи бушует буря, ван Дрой и героически махавший флагом полковник по уши заняты своими делами. Мы в связке не первые. Машину ведет Хоббс. Значит, нам остается только наслаждаться поездкой.

Его собеседники ничего не ответили. Они прислушивались к завыванию ветра и

скрипу буксирных цепей. Стрелок и заряжающий нервозно переглянулись друг с другом.

— Что там говорят по воксу? — спросил Рисманн.

— Ничего, — ответил Ленк.

— Ты уверен? Огоньки горят. Кто-то болтает.

— Это просто помехи, — проворчал Ленк.

Он потянулся к складскому ящику и вытащил зеленую металлическую флягу. Она была чуть меньше тех контейнеров, в которых они хранили свою мочу. Ведер медленно отвинтил крышку, приложил флягу к губам и сделал небольшой глоток.

— Эй, капрал! — вскричал Варнус. — Если ты придерживал от нас воду...

— Это не вода, — самодовольно возразил Ленк. — Это волшебный напиток, который я держал про запас. — Он кивнул. — Чертовски крепкая штука. Хорошо прочищает мозги.

Варнус и Рисманн повернулись к нему боком — то есть максимально, с учетом тесноты их башенной «корзины». Стрелок

потянул носом воздух и благоговейно произнес:

— Спиртное! Тебе лучше поделиться, Ленк. Мы помогаем тебе, ты заботишься о нас. Сам так сказал, помнишь?

— Верно, — поддержал Варнус. — Это твои слова, капрал.

— Вот же дурни! Я помню, о чем говорил. Достали уже своим нытьем! Как будто я сам не поделился бы с вами.

Он передал флягу Рисманну, и тот жадно прильнул к ней губами. Но прежде чем он успел сделать глоток, «Новый чемпион Цербры» с внезапным рывком помчался вперед, а затем так же резко остановился. Передняя подвеска танка натянулась и со стоном сжалась до предела. Задняя часть машины приподнялась в воздух. Затем раздался резкий лязг. Танк встряхнуло, и передняя подвеска подпрыгнула вверх.

Людей сбросило с сидений. Ленку чудом удалось не разбить голову об угол ящика. Варнусу не повезло. Кровь хлынула из глубокого пореза на его макушке. Рисманна швырнуло на траверсный

вентиль, и он охнул от боли, когда металлическая рукоятка вонзилась в его бок. Спиртное Ведера выплеснулось ему на форму.

— Какого черта?! — взревел Ленк. — Хоббс, что там случилось, варп тебя подери?

Когда водитель ответил по интеркому, его голос от страха и изумления перешел на фальцет:

— Клянусь гребаным Оком, Ленк! Я думаю... Я думаю, мы только что потеряли «Хладнокровный вердикт».

* * *

Вульфе пришлось напрячь слух, чтобы разобрать слова лейтенанта. Тот повторно прокричал свое сообщение:

— Всем танкам, стоп! Это приказ! Остановитесь там, где вы есть! Никакого движения дальше!

Сержант не тратил время зря.

— Мецгер, стоп! — рявкнул он.

Танк «Последние молитвы-II» незамедлительно остановился.

— Что происходит, сардж? — спросил Хольц, прильнув к видеоскопу пушки.

— Тише, парень, тише! — отмахнулся Вульфе.

Сержант прищурился от усилий, внимательно прислушиваясь к голосу на вокс-канале. Через миг он ответил:

— «Хладнокровный вердикт» исчез. Судя по звукам, машина куда-то упала.

— Куда? — обернулся к нему Сиглер.

— Вряд ли мы это узнаем, пока буря не пройдет, — ответил Хольц. — Я верно говорю?

Вульфе вновь прислушался к сообщению ротного. Через мгновение он мрачно сказал:

— О происшествии сообщил «Новый чемпион». Ленк говорит, что их передний буксирный крюк вырвало к черту. Им повезло, что они не сорвались в расщелину.

— А я считаю это невезением, — проворчал стрелок Хольц. — Все зависит от того, с какой стороны посмотреть.

Вульфе понял его намек. Однако если

кто-то из экипажа Мюллера остался жив, то им тоже повезло, что танк Ленка не упал на их головы.

— Что говорит ван Дрой? — спросил Сиглер.

Вульфе прислушался к переговорам на ротном вокс-канале. Он безрадостно покачал головой:

— Пока мы не можем им помочь. При такой свирепой буре нам даже из люков не удастся выбраться. Или рукой пошевелить. Мюллеру и его ребятам придется ждать, как и всем остальным.

— Но им требуется медицинская помощь! — вскричал Сиглер.

— Я знаю, Сиг! — рявкнул Вульфе. — Только ты выгляни наружу! Что ты сможешь сделать в такой круговерти?

Расстроенный Сиглер посмотрел на свои ладони. Вульфе почувствовал себя виноватым. Он склонился и похлопал заряжающего по широкому плечу.

— Извини, Сиг. Я знаю, ты волнуешься о них. Мне тоже сейчас хреново.

«Пусть все летит в варп! — подумал он. — Сколько ударов судьбы нам еще нужно

выдержать? Где остальная группа армий?» Переведя дыхание, он сказал экипажу:

— Давайте успокоимся. Безбашенные никогда не сдаются, верно? Мы будем бороться до конца. Без вариантов!

Сиглер немного смягчился. Взглянув на сержанта, он тихо произнес:

— Может, дух Борщта снова поможет нам.

Кровь Вульфе превратилась в ледяную воду.

— Что ты сказал?

— Проклятье, Сиглер! — прошипел Хольц. — Я же просил тебя не болтать!

Заряжающий, похоже, понял, какую ошибку он совершил. Сиглер в панике перевел взгляд от Вульфе к Хольцу.

— Извините, парни! Просто вырвалось.

Вульфе повернулся к Хольцу:

— Объяснитесь, капрал. Это не просьба, а приказ.

Стрелок покачал головой и печально вздохнул.

— А чего ты ожидал, сержант? Думал, мы слишком глупые, чтобы все сопоставить? Ты не зря обогнул тот

каньон на Паллеросе. У тебя была веская причина. Парни Страйбера помчались напрямик и подорвались на мине. Позже нам показали медицинский рапорт. Старина Борщт умер именно в тот момент, когда ты услышал голос по интеркому. Голос, который никто, кроме тебя, не слышал.

Вульфе тяжело опустился на сиденье.

— Вы все время знали об этом? Такая байка неплохо разошлась бы по дивизии. Чокнутый сержант считает, что он видел дух убитого товарища. О Трон! Мецгер, ты тоже знал о моем видении?

— Да, сардж, — признался водитель. — В основном из твоих варп-снов. Пока мы висели между двумя системами, ты часто болтал во сне.

Вульфе был ошарашен.

— Мы не думали, что ты спятил, — успокоил его Сиглер.

— Верно, — подхватил Хольц. — Мы просто огорчились, что ты не рассказал нам об этом. Понимаешь, дух ведь спас не только тебя. Он спас всех нас. Мы будем молиться о Борщте. Весс тогда очень

обиделся. Сказал, что ты мог бы доверять своему экипажу.

Вульфе понял, каким он был глупцом, считая, что парни не смогут сложить два плюс два.

— Я не мог сказать вам правду. Я сам сомневался в увиденном. Даже теперь сомневаюсь. Честно! Но знаете... я не хочу, чтобы ван Дрой считал меня чокнутым идиотом. Не хочу, чтобы меня списали в утиль.

— Ты реально сошел с ума, если думаешь, что лейтенант не знает правды, — заявил Хольц. — Вспомни, разве он потребовал тогда от тебя детальный рапорт? Он просто принял твой поверхностный отчет и ни о чем не спросил.

Вульфе задумался над словами стрелка. Похоже, Хольц был прав. Лейтенант действительно на удивление легко принял его отчет.

— Кто еще знает о моем видении? — осведомился он.

Хольц пожал плечами.

— Никто, кроме нас и Весса.

Возможно, еще ван Дрой.

— Пусть все так и останется, — проворчал сержант. — Вы сами знаете, что будет, если мной займутся комиссары.

— Может, тогда расскажешь нам, что там действительно случилось? — решил поторговаться Хольц.

Вульфе даже не успел ответить. На вокс-панели замигал огонек, отмечавший канал их роты.

— Командир эскадрона «Меч» на связи, сэр, — отчеканил Вульфе.

Он выслушал сообщение лейтенанта. Статические помехи по-прежнему заглушали слова. Однако он отметил, что за последние минуты вокс-сигнал значительно улучшился. Чуть позже Вульфе снова переключился на систему внутренней связи.

— Ну, что там? — спросил Хольц.

— Буря идет на убыль, — ответил сержант. — Ван Дрой хочет, чтобы экипажи проверили свои машины и оценили полученный ущерб. Я пойду вперед. Попробую узнать, что случилось с Мюллером и его парнями.

Глава 12

Ветер все еще завывал, тянул за полы одежды и с жалящей силой швырял песок в его лицо. Но Госсфрид ван Дрой не мог ждать дольше. Если в танке капрала Мюллера оставались живые люди, они нуждались в медицинской помощи и срочной эвакуации. Главное — найти их машину.

— Сюда, сэр! — крикнул танкист, едва заметный в шквалах пыли.

Ветер унес его слова, однако лейтенант успел понять их смысл. Он поспешил на голос.

— Тут обрыв, — предупредил солдат, когда ван Дрой подошел ближе.

Другие танкисты тоже направились к нему.

— Осторожно! — сказал солдат. — Вы можете сорваться вниз.

Лейтенант остановился рядом с ним и, покосившись на полоску, пришитую к левому нагрудному карману, прочитал его имя. Рядовой Бруннер из экипажа Рихтера.

— Показывайте, Бруннер, — велел ван Дрой.

Рядовой сделал несколько шагов и поманил за собой лейтенанта. Он указал рукой на участок земли перед своими ногами. Ван Дрой подошел к нему и посмотрел на край отвесной расщелины. Бруннер вновь привлек его внимание, указав налево, где два следа от гусениц вели прямо к обрыву. «Проклятье! — подумал ван Дрой. — Десять клотов в час оказались слишком большой скоростью. Они не успели остановиться и упали вниз. Цепи не выдержали полного веса танка».

Он заглянул в расщелину, но она была слишком глубокой. Темнота внизу не позволяла разглядеть машину, лежавшую на дне. Буря все еще ярилась и затрудняла обзор, хотя уже и затихала понемногу. Что откроется их взглядам, когда она закончится? Увидят ли они орков за

своими спинами? Как близко находилась их орда? Здесь некуда было бежать. Путь к спасению перекрывала расщелина. Как далеко она простиралась влево и вправо?

Ответы придут позже. Сейчас оставалось только ждать. Ван Дрой решил поговорить с полковником. Он приказал танкистам вернуться в свои машины и направился к «Врагодаву». Забравшись в башню и задраив люк, лейтенант склонился над вокс-панелью.

— Командир брони вызывает полковника Стромма. Прошу выйти на связь.

— Слушаю вас, лейтенант. Как дела?

— Плохо, сэр. Как я и боялся, одна из моих машин упала в расщелину. Обрыв начинается в десяти-двенадцати метрах от ведущего танка. Я не знаю, насколько глубока пропасть. Из-за пыли ничего не видно. Но, похоже, до дна далеко. Путь вперед отрезан.

— Какова протяженность расщелины? Если орки преследуют нас...

— Мы не сможем сейчас это выяснить, сэр. Впрочем, буря быстро

затихает. По моим оценкам, через полчаса видимость улучшится до нормального уровня. Я предлагаю немного подождать.

— Конечно, лейтенант. Я не хочу других инцидентов. Как вы думаете, мог ли кто-то из людей в упавшем танке уцелеть?

Ван Дрой ответил не сразу. При всей прочности «Лемана Русса», дизайн которого не менялся многие тысячи лет, башенная «корзина» представляла собой опасное место. Центральную часть тесного и шумного пространства занимал огромный механизм пушки. По одну его сторону размещался стрелок, по другую — заряжающий. Прямо за стрелком, в непосредственной близости от всего необходимого — карт, аппаратуры связи, второстепенных орудий — сидел командир. Главную опасность создавали складские ящики, закрепленные на каждой поверхности. Их металлические края и углы наносили куда больше ран, чем вражеский огонь. Запирающие рычаги люков тоже добавляли свою долю ранений.

Они торчали на люках, словно металлические усики. Ветераны, привыкшие к ним, ежегодно получали лишь несколько ранений, но «свежему мясу» приходилось несладко.

— Шансы есть, сэр, — наконец ответил ван Дрой. — Я полагаю, что члены экипажа получили тяжелые ранения. И там будет по крайней мере один погибший.

— То есть вы считаете, что в танке остались уцелевшие люди?

— Пока я не могу говорить об этом наверняка. Все зависит от высоты обрыва, сэр.

Какое-то время Стромм молчал. Ван Дрой слышал только белый шум, шипевший в его правом ухе.

— Знаете, лейтенант, если орки будут близко, я не смогу дать вам время для спасательной операции.

Ван Дрой раздраженно покачал головой.

— Я понимаю, сэр. Но если остается какой-то шанс на спасение моих ребят, я должен вытащить их оттуда.

На самом деле он думал, что Девяносто восьмой стрелковый полк был в долгу перед ними. Конечно, лейтенант не стал говорить об этом. И правильно сделал, потому что через секунду полковник добавил:

— Пехотинцы сделают все, чтобы помочь вам, ван Дрой. Но время играет здесь важную роль. Минутку.

Стромм отключил канал и вернулся к разговору чуть позже.

— Выгляньте наружу, лейтенант, — сказал он. — Похоже, буря почти прошла.

Ван Дрой приподнялся и посмотрел в передний визор, установленный над командирским сиденьем. Он увидел танк, стоявший впереди. Гусеницы на подветренной стороне были полностью засыпаны красным песком. За машиной он заметил горизонт и... Неужели правда? Ему показалось, что вдали виднеется бледный силуэт гряды. Вероятно, он ошибся. Солнце на западе пряталось за густыми коричневыми облаками. После жаркого дня на горизонте мерцала линия марева. Но если там действительно

возвышались горы...

Внезапно ван Дрой вспомнил о зеленокожих. Он повернулся к заднему визору, однако обзор был перекрыт «Несокрушимым».

— Что-нибудь известно об орках, сэр? — спросил он по воксу. — Я слышал, вы направляли разведчиков для проверки наших тылов.

Стромм вновь переключил канал, чтобы связаться с разведгруппой.

— Никаких признаков этих грязных бестий, — через минуту ответил полковник. — Я не могу поверить, что мы оторвались от них с такой легкостью. Однако разведка рапортует, что нас никто не преследует.

«Слава Императору! — подумал ван Дрой. — Неужели получилось? Неужели буря скрыла наши следы и орки помчались в другом направлении?»

— Вы все еще здесь, лейтенант?

— Да, сэр. Извините. Я просто пытаюсь понять, куда подевались «жуки» зеленокожих. Не могли бы вы выслать

разведчиков для рекогносцировки местности, сэр? Чтобы двигаться на северо-восток, нам нужно спуститься с этой возвышенности. И еще, с вашего разрешения, я хотел бы отправить моих людей к «Хладнокровному вердикту».

— Хорошо, лейтенант. Только действуйте без промедления. Я намерен двинуться в путь как можно быстрее. Если вам что-то понадобится, дайте мне знать. Конец связи.

* * *

Перевернутый танк лежал на дне двухсотметровой пропасти. Как только ван Дрой увидел его, он понял, что никто из экипажа Мюллера не выжил. Вместе с пятью другими гвардейцами он спустился по веревке на скалистую поверхность и, приблизившись к разбитой машине, осмотрел последствия падения. Ствол пушки был скомкан и согнут. Второстепенные орудия тоже сильно

пострадали. Их части валялись вокруг корпуса. Башня почти полностью зарылась в землю. Никто не смог бы выбраться из люков.

Он велел сержанту проверить, остался ли кто в живых. Вульфе взобрался на перевернутое дно машины и вытащил лазган. Он лег на броню и начал выстукивать сообщение на шифре номер один. Это был старый код, состоявший из комбинаций ударов и пауз. Хотя в эпоху вокс-коммутаторов шифр почти не использовался, кадийские военные изучали его на первом курсе кадетских школ. Ван Дрой удивился, что сержант помнил код. Прошло не меньше двух десятков лет с тех пор, как Вульфе был кадетом. Вспомнив собственные дни обучения, лейтенант с трудом расшифровал сообщение. Оно повторялось снова и снова: «Выжившие, ответьте. Выжившие, ответьте».

Вульфе прижал ухо к металлу. Внезапно его движения стали быстрыми и суетливыми. Заметив это, лейтенант затаил дыхание. Он не хотел отвлекать

сержанта вопросами. Кодированное сообщение изменилось: «Число потерь?» Ван Дрой увидел, как Вульфе снова прижал ухо к броне и затем, после короткой паузы, отстучал одно слово: «Жди». Спрыгнув с днища танка, сержант побежал к лейтенанту.

— Трое мертвых, один живой, сэр. Мне ответил водитель. Рядовой Краус.

— Он серьезно ранен? — спросил ван Дрой.

— Очень плох. У него сломаны кости. Имеются рваные раны.

— Проклятье! — проворчал лейтенант. — Я думаю, мы оба знаем, Вульфе, чем все это закончится.

Сержант опустил голову.

— Мы не можем бросить его там.

— Решение принимаю не я. Здесь командует Стромм. Только не злись на него. Он должен думать об остальных гвардейцах.

— Может, мы попробуем, сэр?

— Я бы с радостью, Оскар, — мрачно ответил ван Дрой. — Но с нашими инструментами мы провозимся остаток

дня и половину следующего. И то, если будем вырезать отверстие там, где броня тоньше всего.

Ван Дрой не видел лица сержанта. Его скрывали очки и маска, защищавшие легкие от аэрозольной пыли. Тем не менее лейтенант знал, что выражение на лице Вульфе было таким же, как у него: обиженным и виноватым.

— Поднимай отряд обратно к танкам. Стромм скоро даст приказ отправляться в поход. Его люди нашли спуск, пригодный для машин. И, Оскар... Сделай кое-что для меня, ладно? Скажи другим... Скажи, что выживших не было.

— Вы хотите, чтобы я солгал, сэр?

В голосе Оскара Вульфе звучала злость — неприкрытая и острая, как нож.

— Подумай головой, сержант, — сурово произнес ван Дрой. — Моральный дух солдат удручающе низкий. Он и без того почти сломлен! Поэтому поднимайся наверх и скажи ребятам, что никто не выжил. А потом мы двинемся дальше на поиски «Экзолона». Надеюсь, тебе все понятно?

Сержант щелкнул каблуками. Его голос обрел бесстрастность и твердость:

— Так точно, сэр. Примите мои извинения. Мне не следовало задавать вам этот вопрос, сэр.

— Нет, Оскар, — вздохнул лейтенант. — Не извиняйся. Просто выполни мою просьбу, ладно?

— Конечно, сэр. Вы можете рассчитывать на меня.

Вульфе повернулся, поманил за собой четверых танкистов и повел их назад к веревкам. Ван Дрой забрался на днище перевернутого танка. Почувствовав головокружение, он озабоченно нахмурился. Вот уже несколько дней его донимали симптомы обезвоживания. Он пил мало жидкости. Таблетки по очистке воды почти не убирали запах и соленый привкус переработанной мочи. Рацион был урезан втрое. За прошлые десять дней он потерял двенадцать килограммов.

Лейтенант вытащил из набедренной кобуры изящный автопистолет и лег на брюхо танка в том месте, которое минутами раньше занимал сержант

Вульфе. Он начал выстукивать рукояткой пистолета краткое сообщение для танкиста, запертого в башне: «Здесь командир роты». Ван Дрой прильнул ухом к броне. Через несколько секунд послышалась серия стуков. Он перевел код в слова: «Понял. Приветствую».

Ван Дрой простучал новую фразу: «Мы не можем вызволить тебя». На этот раз ответ пришел после долгой паузы. Всего одно слово: «Ясно».

«У тебя есть оружие?»

«Да», — ответил Краус. После очередной долгой паузы он добавил: «Я воспользуюсь им».

Ван Дрой хотел отстучать слово «извини», но что-то остановило его. Вместо этого он передал шифром: «Да будет Император добр к тебе, сынок».

Лейтенант прижал ухо к толстому металлу и прислушался. Водитель танка не отвечал. Затем внутри машины раздался звонкий хлопок. Звук выстрела. Ван Дрою не требовался шифр, чтобы понять смысл этого сообщения. Оно означало прощание.

Он спрыгнул с танка, подошел к веревке и начал карабкаться вверх. Его сердце гулко стучало. Казалось, тело весило, как шестидесятитонный танк. «К черту все! — подумал он. — Сколько можно гнать людей на верную гибель?» Ему навстречу протянулись руки. Кто-то помог ему перебраться через край расщелины. Он встал, стряхнул пыль с формы и посмотрел на группу танкистов. Они вытянулись в струнку по стойке «смирно».

— Почему вы не в танках? — сердито спросил ван Дрой. — Разве люди Стролта не нашли спуск вниз?

Сержант Райтес сделал шаг вперед и кратко доложил:

— Они нашли нечто большее, сэр. Переключите ваш вокс на девятый канал.

Ван Дрой раздраженно поднес ладонь к вокс-гарнитуре. Он переключился на девятый канал и замер от изумления. Лейтенант не верил своим ушам. По вокс-связи велись оживленные переговоры. Он узнал один из голосов — хриплый, резкий, но уверенный и вальяжный. Голос полковника

Стромма. Однако другой был незнакомым, и это само по себе представляло огромную важность.

— Командир патруля «Часовых», идентификационный номер девять-тета-девять-шесть-пять, подтверждает, что ваше сообщение передано в штаб. Ждите ответа.

Ван Дрой открыл рот и, задыхаясь от волнения, повернулся к Райтесу.

— Это то, о чем я думаю? — спросил он.

Лицо Райтеса скрывала маска, но лейтенант знал, что тот сейчас улыбается.

— Можете ставить на это свои яйца. Патруль «Часовых», сэр. Дозорные «Экзолона». Они охраняют базу, которая находится поблизости.

Ван Дрой почувствовал желание подпрыгнуть на месте.

— Клянусь Золотым Троном! Они уже успели захватить аванпост. Но я едва слышал их сообщение. Приказываю всем вернуться к машинам. На двойной скорости, ясно? Отправимся в путь, как

только получим инструкции Стромма.

Танкисты отсалютовали и разбежались по «коробочкам». Впервые за все последние дни ван Дрой почувствовал себя счастливым. Наконец-то спасение. А ведь минуту назад он верил, что они умрут в этих предгорьях от жажды и голода. Но теперь появилась надежда! Забравшись в башню «Врагодава» и воспользовавшись более мощным вокс-коммуникатором, он услышал очередное сообщение от командира патруля.

— Полковник Стромм, — ясно и четко произнес тот же голос. — Передаю приказ от генерал-майора Бергена. Вам следует двигаться на восток. Спускайтесь по пологому откосу. Мы встретим вас у основания утеса и проведем до базы Бэлкар. Подтвердите получение приказа.

«Бэлкар, — подумал ван Дрой. — Неужели мы настолько отклонились?» Он вспомнил совещание у генерала де Виерса. Крепость Бэлкар располагалась неподалеку от конечной точки миссии. Небольшой отрезок пути на восток, и где-то там находилось последнее известное

местоположение «Крепости величия». Когда они найдут ее, техножрецы Механикус отправят на орбиту вокс-маяк. За танком пришлют подъемник. «Экзолон» вернется на базу Хадрон. Затем их погрузят на флотские корабли... О Трон! Ситуация начинала улучшаться!

Внезапно мысль о скором окончании операции напомнила ему о рядовом Краусе — водителе, оставшемся в башне упавшего танка. Ван Дрой сказал, что они не смогут оказать ему помощь. Он своей рукой отстучал ему сообщение: «Мы не можем вызволить тебя». Но в то время они действительно не могли спасти его. Топливо и ресурсы были на исходе. Любая заминка могла привести к новому столкновению с орками. Им нужно было спасать жизнь других гвардейцев. Попытка вызволить Крауса поставила бы под удар всех уцелевших солдат. Ван Дрой считал, что он поступил правильно. Ведь только теперь оказалось, что времени хватало. К сожалению, спасать уже было некого.

Ему пришлось принять нелегкое решение. Усталость и осознание

собственной ошибки ударили по его психике тяжелой кувалдой. Он сел в задней части башни и закрыл лицо руками. «Клянусь взорванным Оком Ужаса!» Рассеянно, той частью сознания, которую не поглотила печаль, он слышал голос Стромма, прозвучавший по вокс-связи. Полковник подтвердил получение приказа. Он согласовал с пилотом «Часового» примерное время встречи у основания утеса. Затем Стромм провел инструктаж своих офицеров и вызвал ван Дроя:

— Чертовски хорошие новости, лейтенант. Не так ли? Особенно после всех бед, через которые мы прошли.

— Вы правы, сэр, — ответил ван Дрой. — Мои танки ждут вашей команды.

Стромм служил в гвардии долгое время. Он знал, когда на душе у его подчиненных возникала невыносимая тяжесть.

— Вы в порядке, ван Дрой? С учетом наших обстоятельств я ожидал от вас более радостного ответа... Ах! Танк! Прошу прощения, лейтенант. В этой

сумятохе...

— Все нормально, сэр. Конечно, я счастлив, что мы наконец нашли остальные соединения.

— Выжившие есть?

— Нет, сэр, — устало ответил лейтенант. — Ни одного.

— Еще раз прошу прощения. Когда мы доберемся до базы Вэлкар, всем погибшим будут оказаны надлежащие почести. По завершении кампании их наградят медалями за мужество. Трон знает, что они заслужили всеобщее уважение. Ван Дрой, мы пережили здесь тяжелое время. Каждый из нас потерял хороших солдат. Но мы прошли через это, парень. Мы прорвались к своим! А для тех, кому не повезло, исповедники организуют поминальную службу.

Ван Дрой не сомневался в наградах и почестях. Но это не успокаивало его. Когда Стромм закончил разговор, лейтенант подключился к каналу роты и вызвал семь оставшихся командиров танков. В их роте уцелело только восемь машин, включая его собственную.

— Мы двинемся колонной по двое. Два по четыре. «Врагодав» будет левым в первом ряду. «Старая костедробилка» — правым. Будем следовать на восток за «Химерами» полковника. Держите глаза открытыми. Орки где-то рядом. Я знаю, что вы устали, но мы почти дома. До встречи на базе.

Когда каждый командир танка подтвердил получение приказа, ван Дрой сформировал колонну, и они двинулись в путь.

Глава 13

Бэлкар, подобно всем старым имперским руинам в пустыне, представлял собой укрепленный аванпост, построенный на скалистом выступе. Это позволяло ему выдерживать натиск кочующих песков. Когда имперские силы покинули планету, орки захватили крепость, но за все эти годы они почти не изменили облик базы и лишь наполнили ее улицы ржавым хламом. Несколько зданий — в основном бараков и бетонных гаражей — обрушились под весом песка, устилавшего широкие крыши. Другие строения были в прошлом украшены гордыми имперскими образами. Ветер и песок уничтожили барельефы, отполировав все поверхности. Позже орки нарисовали поверх них свои глифы и каракули невразумительной письменности ксеносов.

Металл, используемый в конструкциях базы, шелушился от ржавчины. Все стальные балки и листы, которые годились для модификации орочьих машин, было вырезаны или содраны, оставив бункеры без дверей, а бараки — без ставен. Сверху база напоминала несимметричный шестиугольник. Неодинаковая длина стен объяснялась желанием как можно эффективнее использовать пространство широкой и плоской скалы, на которой был возведен аванпост. На территории крепости имелось несколько глубоких колодцев. К сожалению, Восемнадцатая группа армий не получила от них никакой пользы. Судя по всему, они высохли десятилетия назад. Прежние обитатели базы — зеленокожие, уничтоженные дивизией Киллиана, — превратили пустые колодцы в отхожие места. Генерал-майор приказал залить их бетоном.

Проблема экономии скудных запасов воды стояла очень остро. Полковник Виннеманн как раз обсуждал ее с личным составом, когда из офиса генерал-майора

Бергена прибыл посыльный. Он принес хорошие новости. Выслушав их, полковник засиял от радости. На его лице, покрытом боевыми шрамами, промелькнула тень недоверия. Но она исчезла, когда он посмотрел на штабных офицеров.

— Повтори еще раз свои слова, сынок, — попросил он посыльного.

Виннеманн не верил своим ушам. Молодой боец вновь озвучил чудесное известие:

— Лейтенант ван Дрой передал сообщение по вокс-связи. Он и его Десятая рота вместе с остатками Девяносто восьмого полка механизированной пехоты полковника Стромма приближаются к нашим позициям. Генерал-майор Берген решил, что вы должны узнать об этом первым, сэр.

Полковник захлопал в ладоши.

— Ты слышал, Алекс? — спросил он у адъютанта.

Его помощник с улыбкой кивнул. Виннеманн засмеялся.

— Какой же молодчина этот ван Дрой. Отличный офицер! Могу себе

представить, каких бед им пришлось хлебнуть. Их нужно встретить, как героев. Пойдемте, поприветствуем наших ребят! — Он повернулся к посыльному: — Откуда их ждать?

— С юго-востока, сэр, — ответил молодой боец.

Он тоже улыбался, заразившись радостным настроением полковника.

— Они в двух часах пути. Проедут через южные ворота. Их сопровождают пилоты «Часовых», которые приняли первые сообщения от полковника Стромма.

— Отлично!

Виннеманн схватил трость, вскочил на ноги и поморщился от боли, которая выстрелила ему в спину. Пора было делать инъекции, но в такое прекрасное мгновение он даже не хотел вспоминать о лекарствах. Его Десятая рота уцелела.

Безбашенные Госсфрида возвращались на базу. Он всегда поражался их удивительной жизнеспособности. Впрочем, то же самое могли бы сказать и многие другие офицеры.

Когда генерал де Виерс поведет

«Экзолон» на восток, чтобы вернуть легендарную «Крепость величия», все роты Виннеманна будут на счету. Теперь «Раскат грома» мог развернуться в полную силу. Оставалось восхищаться боевым духом их славного полка.

* * *

Сидя в куполе танка, Вульфе наблюдал, как сквозь розовую пыльную дымку, мерцавшую на расстоянии, начинали проступать стены старой имперской крепости. Они с легким наклоном поднимались вверх от скалистого основания и заканчивались дозорными и орудийными башнями. Он видел длинные стволы, выступавшие над парапетами старомодных зубчатых стен. «Наконец-то мы дома», — подумал он. Для него домом был полк. Конечно, между ротами Восемьдесят первого полка велась жесткая и не всегда безобидная конкуренция, но он не видел в этом ничего

плохого. Когда дело доходило до сражений против врагов человечества, все былые распри забывались. Танкисты становились просто кадийцами — и, следовательно, братьями. Вульфе предвкушал скорую встречу с полковником Виннеманном. Наверняка старик по-прежнему сражался на передовой и вел людей в бой, как только он один умел это делать. Сержант удивился, что мысль о полковнике согрела ему сердце. Лейтенант ван Дрой тоже был храбрым, честным и прямолинейным человеком, хотя иногда и поступал как ублюдок. Но Виннеманн считался в их полку легендой. В отличие от других ветеранов, он отказался уйти на покой. Полковник не захотел умирать от старых ран и тоски. Он словно воплощал в себе неукротимый дух, которым славился «Раскат грома».

— Не могу поверить, что мы вернулись в стаю, — произнес Хольц по внутренней связи. — Вот уж не думал, что ты доживет до такого события.

— А я не могу дождаться, когда упаду на настоящую кровать, — сказал Сиглер. —

Буду отсыпаться целые сутки.

Мецгер, как обычно, молчал, сосредоточившись на управлении машиной. Впрочем, и он то и дело поглядывал в смотровую щель на стены Бэлкара. Их танк «Последние молитвы-II» шел вторым в колонне.

— Как думаешь, сардж, у них найдется для нас вода и пища? — спросил Сиглер.

— Надеюсь, что найдется, — ответил ему Хольц. — Самого лучшего качества. Последние три дня я уже не могу смотреть на мочу. Если меня снова заставят пить эту дрянь, я просто застрелюсь. Смотри, как руки дрожат от слабости. Кому-то придется вытаскивать меня из люка.

— Я уверен, что парни из Официо Логистик пополнят наши припасы, — сказал Вульфе. — Бэлкар является опорным пунктом в большой игре генерала. Он ничего не оставит на волю случая. Первым делом, когда спешимся, отправлюсь в столовую. Если полковые командиры поволокут меня в штаб для каких-то рапортов и отчетов, я упаду

там в обморок.

Остальные весело засмеялись. Даже Мецгер. Они знали, что никто не будет требовать у него отчета, хотя командирам танков иногда приходилось писать целые кипы рапортов. И еще парни знали, что сержант падал в обморок только раз в жизни — много лет назад, когда орк перерезал ему горло. От потери крови он потерял сознание, но вовремя подоспевший медик забрался на танк и спас ему жизнь. Позже Вульфе сказали, что этот медик погиб через несколько дней. Зеленокожие пленили его и замучили до смерти в своем лагере. При прочесывании района гвардейцы нашли труп парня на виселице. Его сначала четвертовали, а затем повесили. Он попал в плен, спасая раненого бойца во время сражения.

Вульфе все еще мстил за него. Только смерть могла остановить его. В этом смысле он чувствовал большую симпатию к полковнику Виннеманну, хотя лишь дважды беседовал с ним лично. Вендетта Виннеманна тоже никогда не кончалась. Все знали, что он мстил за

свою погибшую жену. «А ведь какую боль он терпит!» — подумал сержант. Среди танкистов ходили истории о невероятных страданиях, которые так мужественно переносил полковник.

Пока танки и полугусеничные транспортеры приближались к Бэлкару, веселое настроение Вульфе внезапно испортилось. Он услышал странный шум, доносившийся из кормовой части танка. Вскоре стало ясно, что поломка носит серьезный характер. Мецгер доложил по интеркому об увеличении температуры двигателя. Вульфе повернулся к заднему визору и увидел черный дым, поднимавшийся из-под металлической крышки двигателя.

— Радиатор закипел, — сообщил он экипажу. — Мецгер, сожри тебя варп, мы можем дотянуть до ворот? Скажи, что можем! Я тебя умоляю.

Прежде чем водитель успел что-то ответить, танк содрогнулся и остановился. Мотор заглох. Вульфе ругался так громко и долго, что почти охрип. Он видел, как другие машины

приближались к ним, проезжали мимо и затем удалялись. Когда справа их обходил «Новый чемпион Церберы», на вокс-панели замигал огонек. Вульфе подумал, что это пришел вызов от ван Дроя. Он открыл канал.

— Ах, милый-миленький сержант, — раздался самодовольный голос. — Похоже, ты замучил свою старую корову. Придется бросить ее пастбище. Ты так не считаешь?

— Чего тебе надо, Ленк?! — рявкнул Вульфе. — Решил позлорадствовать? Необоснованное использование вокс-связи во время боевой операции... За такой поступок наказывают. «Старой дробилке» тоже понравится, когда с тебя сорвут погоны.

— Кончай, сержант. Я просто хотел спросить, не подвезти ли тебя и твоих парней до базы. Мы можем прокатить вас на задней платформе. Или ты будешь торчать здесь, как идиот, позоря лейтенанта и остальную роту.

Вульфе заскрежетал зубами. «Я лучше голым станцую на следующем

банкете генерала, — подумал он, — чем позволю этому сукину сыну насмехаться надо мной весь остаток жизни». Танк «Последние молитвы-II» ни разу не ломался с тех пор, как они покинули посадочный бот. Все остальные машины — буквально все — по той или иной причине останавливались на ремонт. Но только не его танк. Почему же, варп подери, он сломался именно сейчас?

Вульфе грохнул кулаком по стенке башни и сердито прокричал:

— Проклятье, девочка! Неужели ты не могла продержаться еще пару километров? — Нажав на кнопку передачи, он сказал Ленку: — Проезжай, капрал. Иначе мой стрелок пальнет тебе в задницу.

— Как грубо, сержант! Лучше сохрани свою злость для зеленокожих. «Новый чемпион» отправляется на базу. Возможно, увидимся в столовой. Мы попробуем оставить тебе немного еды, хотя не обещаем. Конец связи.

Вульфе отключил канал и зарычал от злобного негодования.

— Тупая старая жестянка! Как будто она не могла сломаться в другое время! Теперь вся база будет смеяться над нами.

— Она могла сломаться в другое время! — внезапно крикнул Мецгер.

— Что?

Мецгер редко говорил, а тут еще в его тоне прозвучал вызов. Все это удивило Вульфе.

— Она могла сломаться во время боя и обречь нас на верную гибель. Ты прекрасно знаешь это, сержант. Старая «девочка» вытерпела больше, чем мы могли бы просить у нее. Она сломалась последней во всей чертовой роте. И она дождалась самого безопасного момента с тех пор, как мы свалились на эту планету. Лично мне наплевать, будет ли кто-то смеяться над нами. Я отнесусь к таким шутникам, как к шлюхам, которые за пять медяков торгуют собой у мусорных баков. Но я горжусь нашим танком! Тем, что я водитель этой прекрасной машины. И мне кажется, что ты должен извиниться перед ней.

Вульфе изумленно захлопал

ресницами.

— Я тоже так думаю! — кивнув, добавил Сиглер.

Вульфе посмотрел на Хольца.

— А ты?

Стрелок почесал подбородок.

— Считай, что мы трое против тебя одного. Я не променяю наш танк ни на какой другой драндулет в роте — даже если это будет «Покоритель» лейтенанта. Тут ничего не попишешь, сержант. Таких машин больше не делают. Она, конечно, не красавица, но сработана как раз под меня.

Вульфе прислонился спиной к стенке и посмотрел на боевых товарищей, которые делили с ним крохотное пространство башни. Каждый в этом экипаже служил на «Последних молитвах-I», хотя Мецгер перешел к ним как раз перед тем, как они бросили тот танк. Первая машина была чем-то особенным — по крайней мере, в глазах Вульфе. Она так часто спасала его жизнь, что он буквально привязался к ней. Но в последний день, когда время играло против людей, скорость танка оказалась слишком

медленной. Им пришлось оставить машину на горной дороге. Вульфе понял, что любовь к прошлому танку ослепила его и не дала заметить лучшие стороны замены. Древняя машина — «Последние молитвы-II» — выглядела обшарпанной, как старые ботинки, но она обладала своими неоспоримыми достоинствами. И она довезла их до базы.

— Похоже, у нашей старушки появилось несколько фанатов, — усмехнулся Вульфе. — Признаю, что вел себя немного нечестно.

— Совсем немного, сержант, — согласился Сиглер. — Я тоже с трудом пережил потерю той машины.

Он служил с Вульфе дольше всех, и они всецело доверяли друг другу, причем не из-за детской наивности Сиглера.

— Она навсегда останется в нашей памяти, — сказал Вульфе. — Но вы правы, парни. Я думаю, что мне давно нужно было проявлять к нашей «коробочке» больше уважения. Кто-нибудь из вас, идиотов, мог бы сказать, что у меня крыша поехала.

Взгляды сослуживцев подсказали ему,

что они не смели обсуждать эту тему. Неужели его настроение в последнее время было настолько плохим, подумал Вульфе. Он считал себя открытым человеком. Неужели он так ослеп, что не видел истины?

На панели вокса замигал огонек. Ему не хотелось открывать канал. Наверняка один из Безбашенных вызывал его, чтобы пошутить и покуражиться. Скорее всего, Раймес. Самый старый в роте сержант никогда не упускал возможности подколоть кого-нибудь. Что он там придумал?

Потянувшись к панели, Вульфе пообещал экипажу:

— Клянусь, что, когда немного отосплюсь, я вознесу литанию благодарности духу машины нашего танка.

Члены экипажа улыбнулись, и он, отвернувшись от них, нажал на кнопку под мигавшим огоньком.

— Кто там, черт возьми? Что нужно?

Голос на другом конце линии не был

расположен к веселью.

— Почему бы для начала, сержант, вам не выказать чертово приличие? — сердито произнес ван Дрой. — Вы говорите со мной так, как будто я волоку вас к комиссару Слейту.

Вульфе побледнел.

— Извините, сэр, — ответил он. — Просто ждал вызова от другого человека. Чем могу быть полезен?

— Пока ничем. Просто ждите, пока мы не подгоним к вам «Атлас». Он отбуксирует вас на базу. Я уже передал по воксу сообщение. Какое неудачное время для поломки, Оскар. Там на стенах собрался весь командный состав — полковник Виннеманн и, наверное, генерал-майор Берген. Они пришли поприветствовать нас.

Посмотрев на заряжающего, Вульфе хитро подмигнул ему.

— При всем уважении к вам, сэр, — обратился он к ван Дрою, — лично я считаю эту поломку очень своевременной. Только мой танк из всей роты не имел в пути никаких проблем с двигателем.

Пусть уж лучше он ломается здесь, чем в пустыне, с ордой орков за нашими спинами.

Лейтенант помолчал несколько секунд. Когда он вновь заговорил, в его голосе прозвучали нотки одобрения:

— Очень верное замечание, сержант. Рад слышать, что вы наконец оценили свой танк. Хотя, на мой взгляд, вам потребовалось для этого много времени. Так, значит, вы по этой причине отказались от помощи Ленка?

Вульфе понимал, что ван Дрой намеренно задал ему последний вопрос. Конечно, он мог бы пожаловаться на капрала. Но у лейтенанта и без того хватало забот.

— Не хотел задерживать его, сэр, — ответил сержант. — Мы так долго сидели на моче и четверти рациона. Вот я и подумал, что новички упадут в обморок, если не получат хорошую еду.

— Вы не умеете лгать, — заявил ван Дрой. — И запомните! В моей роте больше нет новичков. Они проливали пот и кровь, как и все остальные. Они прикончили немало зеленокожих. Поэтому не нужно

делить экипажи на стариков и молодых. Надеюсь, вам это ясно? Я направляюсь к воротам. Когда прибудете на базу и поужинаете, найдите меня в офицерской столовой.

— Будет сделано, сэр.

Ван Дрой отключился, и на вокспанели замигал другой огонек. Вульфе щелкнул тумблером.

— Это «Последние молитвы-II». Прием.

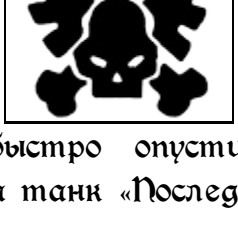
— «Последние молитвы-II», вас вызывает тягач «Орион-VI» марки «Атлас». Мы готовы сопроводить вас на базу. Дайте нам минуту, чтобы зацепить буксирный трос. До связи.

Голос командира «Атласа» звучал совсем по-мальчишечьи. Он заставил Вульфе подумать о словах ван Дроя: отныне никаких стариков и молодых. Сколько времени он не мог принять свой новый танк? Сколько времени он скрывал от экипажа правду о призраке в каньоне на Палмеросе? А что, если он так же упрям в отношении «свежего мяса»? Был ли Ленк таким плохим, как казался? Или,

возможно, Вульфе с самого начала спровоцировал конфликт между ними из-за сходства капрала с Виктором Данстом? Он начинал подозревать, что истинная причина состояла именно в этом.

— Вас понял, «Орион-VJ», — произнес он по воксу. — Дайте знать, когда будете готовы взять нас на буксир.

Глава 14



Вечер быстро опустился на базу Бэлкар. Когда танк «Последние молитвы-II» добрался до моторного парка, где ему был обещан долгожданный ремонт, небо стало абсолютно черным. Вульфе поблагодарил молодого водителя тягача, расспросил его о местоположении казарм, а затем повел экипаж в столовую. Несмотря на наступившую темноту, найти ее оказалось несложно. Улицы крепости уже освещались электрическими лампами. Провода и толстые кабели тянулись вдоль улиц и свисали с крыш зданий. Мощность ламп была небольшой. По ночам освещение специально оставляли тусклым, не желая привлекать внимание бродячих орочьих банд. Ранее в этот день отряды Двести пятьдесят девятого полка механизированной пехоты под

руководством полковника ван Холдена и Восьмого механизированного полка Реннкампа занялись уничтожением зеленокожих мародеров. Взвод моторазведки, патрулируя на «Шершнях» невысокие холмы на севере, заметил скопление орков в сорока километрах от базы. Позже эти разведчики повели отряды «Бронированного кулака» в атаку. Столкновение было коротким и кровавым, но главное, что никто из врагов не уцелел. Даже один убежавший орк мог привести к имперскому лагерю огромную орду. А «Экзолон» пока пытался избегать полномасштабных действий на передовых позициях. Командование отчаянно уклонялось от всего, что могло отсрочить успешное завершение операции, а осада крепости надолго затянула бы экспедицию.

Механизированным отрядам, сражавшимся с мародерами, удалось сделать нечто необычное: они привезли с собой двух живых орков. Естественно, оба были ранены и искалечены, но кадийцы, оценив их отвагу и нечеловеческое упорство, сохранили им жизнь. Пленение

зеленокожих оказалось трудным делом. Раненые орки часто становились более опасными.

Вульфе услышал об этом в столовой, пока доедал куски мясного брикета и запивал их теплой, но изумительно чистой водой. Он покачал головой. Брать орков в плен? Похоже, офицер, командовавший отрядами «Бронированного кулака», был юнцом, пускавшим пыль в глаза. Вульфе не повез бы зеленокожих на базу. Он расстрелял бы их на месте. Комендант Бэлкара решил извлечь из ситуации выгоду — судя по всему, для повышения боевого духа личного состава. Он велел установить на площади у восточной стены две стальные клетки. Солдаты, рассказавшие сержанту эту историю, считали, что захваченные ксеносы могли впоследствии стать хорошей приманкой.

Когда Вульфе поужинал, ему сообщили, что танкисты Десятой роты хотели пойти к клеткам, чтобы посмотреть на чужаков. Наверное, ван Дрой собирался внушить новичкам, что

орки не такие ужасные, какими они казались в бою. Люди говорили, будто зрелище униженных врагов снижает страх перед ними. «Какая чушь, — подумал Вульфе. — Чем ближе ты подходишь к оркам, тем отчетливее понимаешь, насколько они опасные и жестокие».

Несмотря на прежние обещания воздать благодарность духу машины его танка, он понял, что на ритуалы у него сегодня не хватит времени. Заглянув в казармы, он договорился с экипажем встретиться у клеток, а затем отправился на поиски ван Дроя. Перед тем как пойти в офицерскую столовую, Вульфе привел свою одежду в относительный порядок — что было непросто, учитывая предыдущий поход через пустыню. Чуть позже он зашагал к одноэтажному зданию из светлого песчаника. У дверей, отмеченных соответствующим глифом, стоял угрюмый скучающий караульный.

— Мне нужно повидаться с лейтенантом ван Дроем, — обратился к нему Вульфе.

Боец кивнул, попросил подождать и

зашел в столовую, чтобы получить согласие лейтенанта. Через минуту он снова вышел на крыльцо и пропустил сержанта внутрь. Войдя в помещение, Вульфе первым делом обратил внимание на низкий потолок с потрескавшейся штукатуркой и на красный пол с большими проплешинами кафельных плиток, где проглядывал голый бетон. Над длинными столами висели жужжавшие и мигавшие флуоресцентные лампы. После тусклого дня Голгофы их яркий свет слепил глаза. Осмотревшись по сторонам, сержант решил, что это место почти ничем не отличалось от солдатской столовой. Интересно, подумал он, а кормят здесь вкуснее?

Прежние обитатели крепости разрисовали стены здания обычными образами, будоражившими их жалкие умы: клинками, черепами и физиономиями странных богов. Орочьи надписи — невразумительные каракули — были так плохо воспроизведены, что он мог лишь догадываться об их смысле. Интендантская служба постаралась

избавиться от них, но глифы и рисунки зеленокожих виднелись повсюду. Проходя по широкому проходу, Вульфе видел свежую штукатурку на стенах и плакаты Департаменто Муниторум. По приказу комиссаров на колоннах разместили стенды с перечнем малых наказаний. Один из плакатов у стойки с холодными закусками гласил: «Убедись, что враг мертв!» На нем изображался здоровенный кадийский воин, разбивавший прикладом голову поверженного орка. Надпись внизу убеждала: «Вышибить мозг орку — наилучший способ добиться наилучшего результата».

Орк на постере выглядел чертовски маленьким. Вульфе не встречал таких зеленокожих. Но художник, без сомнения, был талантлив. Его рука угадывалась и на других плакатах, большинство из которых демонстрировали правила почтительности к Императору и его представителям во властных структурах — политических и теологических. Остальные образчики наглядной агитации предлагали краткие напоминания Адептус

Механикус о надлежащем уходе за стандартной полевой экипировкой.

Вряд ли офицеры нуждались в подобной информации. Кадийские сержанты строго следили за экипировкой бойцов. Тем не менее плакатов не хватало. Стены многих зданий базы оставались покрытыми орочьей иконографией, а это, по закону Императора, считалось распространением ереси среди солдат, каким бы ни был срок их пребывания на данной территории.

Просторный зал гудел от сотен голосов. Люди принимали пищу, беседовали друг с другом и не обращали внимания на озиравшегося сержанта. Вскоре Вульфе заметил ван Дроя, сидевшего слева за дальним столом. Лейтенант находился в компании других офицеров Восемьдесят первого бронетанкового полка. Подойдя к столу, Вульфе удивился тому, каким усталым выглядит его ротный. У остальных офицеров был такой же изнуренный вид. Голгофа никому не давала поблажек.

— Сержант Вульфе прибыл по вашему

приказанию, сэр, — отсалютовав, доложил сержант.

Люди, сидевшие за столом, приподняли головы.

— Вольно, Вульфе, — с набитым ртом ответил ван Дрой.

Сержант покосился на тарелку лейтенанта и увидел там темный кусок мясного брикета. Все тот же холодный и жесткий продукт. «Значит, пища у офицеров ничем не отличается от нашей, — подумал он. — Такой же рацион, как у солдат». Это наблюдение не доставило ему удовольствия. Он не стал бы завидовать лейтенанту, будь у того на тарелке что-то лучше мясного брикета.

— Присаживайся, Оскар. — Ван Дрой указал подбородком на пустой стул рядом с собой.

Вульфе с сомнением посмотрел на других офицеров. Многие были заняты пищей и разговорами с соседями. Некоторые приветствовали его улыбками и дружелюбно кивали. Сержант увидел среди них капитана Итриха — правую руку Виннеманна, готового возглавить полк,

если старый тигр когда-нибудь откажется от поисков возмездия.

— Я не хотел бы навязывать свое общество капитану и его товарищам, сэр.

— Вы не помешаете нам, сержант, — усмехнулся Итрих. — Садитесь. Только не воспринимайте мои слова как приказ. За этим столом вы не найдете самодовольных элитарных засранцев. Я прав, джентльмены?

Его коллеги-офицеры согласились, хотя некоторые менее охотно, чем другие. Вульфе благодарно кивнул капитану и сел за стол, прямой, как доска. Итрих с усмешкой покачал головой.

— Мы уже встречались, сержант, — сказал он. — На борту «Руки сияния». Помните?

— Да, сэр.

— Перед тем чертовым бегством с Палтероса вас послали на задание. — Взглянув на недоуменные лица офицеров, он пояснил: — Дело Кардхейма. — Затем он снова повернулся к сержанту: — Ужасное задание. Времени оставалось мало, и вы не должны были вернуться назад.

«Чертовски верно, — сердито подумал Вульфе, вспоминая людей, которые отдали в тот день свои жизни. — Мы и не вернулись бы». Впрочем, в этом не было вины Итриха.

Очевидно, капитан почувствовал его настроение.

— На нас тогда оказали огромное давление сверху. Чиновники из Официо Стратегос оставались непреклонными. Полковник Виннеманн поначалу отказался от выполнения задания, но никто не принял в расчет его возражений. Интересно, дошли ли до семей погибших их посмертные награды? Медали малинового цвета, второго класса, верно?

Вопрос адресовался не Вульфе, а ван Дрою. Лейтенанту пришлось проглотить кусок мяса, прежде чем ответить капитану. Его лицо потрачнело.

— Вы имеете в виду сержантов Кола и Страйбера? Никаких медалей, сэр. Хотя я подавал рапорт шесть раз. Стратеги проводили ту операцию под грифом «Взгляд в небо». Официально утверждалось, что ее вообще не было. Все

обычные каналы отрицали ее существование.

Улыбка Итриха исчезла.

— Пора привлечь Стратегос к ответу! — со злостью прошипел капитан. — Сколько имперских героев погибло невоспетыми в песнях из-за чертовых указов этих карандашных ублюдков! А разве сержант Вульфе не заслужил медаль за выполнение их задания? Знали бы они, через что он прошел!

— Капитан слишком добр, — рассеянно заметил Оскар.

Он думал не о медали, а о призраке, которого увидел в тот день. «Через что я прошел? Да вы и половины не знаете».

Какой-то офицер решил повернуть беседу в другом направлении:

— Награды будут сыпаться градом, когда наш генерал впишет свое имя в учебники истории.

Это был лейтенант Хал Кейсслер — крепкий парень с густыми бровями и глубоко посаженными глазами. Он командовал Второй ротой и считался в полку третьим человеком после

полковника Виннеманна и капитана Итриха. Вульфе недолюбливал его. Хотя Кейсслер являлся опытным боевым командиром, его любовь к дисциплине часто граничила с откровенным садизмом. Впрочем, ленты и бляхи на его груди были честно заслужены в сражениях.

Настроение Итриха тут же изменилось. Он саркастически рассмеялся:

— Мы знаем, Хал, как тебе и твоим ребятам нравятся награды. Но я не понимаю, почему ты медлишь? Если твоя рота отправится сейчас за «Крепостью величия», ты сможешь вернуть ее на базу к завтраку. Они даже пришлют за тобой космический корабль.

Офицеры захохотали. Вульфе вежливо хмыкнул, не желая привлекать к себе внимание. «К черту ваше олово, — подумал он. — Если Страйбер и Кол не получили свои награды, значит, медали достались кому-то другому. Клянусь взорванным Оком! Парни служили Золотому Трону с храбростью и честью. Они отдали за него свои жизни».

Пока офицеры добродушно шутили и

подстеивались друг над другом, Вульфе наклонился к ван Дрою.

— Извините, что отвлекаю, сэр, — тихо обратился он к лейтенанту. — Зачем вы хотели видеть меня?

Ван Дрой в тот момент прислушивался к шутке одного из собеседников. Когда он посмотрел на Вульфе, улыбка сошла с его лица.

— Маркус заболел.

— Раймес? — переспросил застигнутый врасплох сержант.

В их последнюю встречу Маркус выглядел вполне здоровым. Хотя он, как и все остальные, был тогда в маске и очках.

— Раймес сейчас в госпитале. Он держался из последних сил. Хотел довести свой экипаж до безопасного места. Но как только мы прибыли на базу, болезнь свалила его.

— Что с ним?

— Последствия «взвеси», — ответил ван Дрой. Он отпил глоток воды и опустил стакан на стол. — Кроме того, болезнь вызвала у него сильную аллергию. Он не может командовать танком в таком

ужасном состоянии.

— На сколько он выбыл из строя? На дни? На недели?

Ван Дрой с укором посмотрел на Вульфе:

— Я не собираюсь приукрашивать ситуацию, Оскар. Последствия воздействия «взвеси» неизлечимы. Речь идет о неминуемой смерти. Ты видел, что происходило с парнями, которые заболевали во время перехода через пустыню. Ты слышал, что говорили медики Строгга. В Бэлкаре оборудовали хороший госпиталь, но Маркус умрет, если его не увезут с этой чертовой планеты. И он не один такой. Почти все койки заняты больными солдатами. А сколько еще на подходе! — Лейтенант указал пальцем на тыльную сторону ладони Вульфе: — Не притворяйся, что тебя не беспокоят изменения цвета кожи.

Вульфе взглянул на свои пальцы. Их красный оттенок стал еще более заметным.

— Я одного не понимаю, сэр, — сказал он. — Голгофа столетиями была миром

Механикус. У них тут жили миллионы рабочих. Как они справлялись с болезнями?

— Если будет возможность, я спрошу об этом у техножрецов. И если они ответят мне, я дам тебе знать, старина. Возможно, с тех пор изменился здешний климат. Или они каким-то образом изолировали свои фабрики и поселения. Я думаю, их города в основном находились в полярных зонах. Сейчас об этом трудно говорить.

Сержант уловил оттенок злости в голосе ван Дроя. Они с Райтесом были закадычными друзьями еще до того, как Вульфе познакомился с ними.

— Мне жаль, что Райтес заболел, — сказал Вульфе. — Я помолюсь Императору, чтобы Маркус уцелел. При помощи святых и нашей удачи мы можем найти танк Яррика за несколько дней. Тогда больных поднимут на корабль. Я навещу его в госпитале.

— Нет, Оскар, — возразил ван Дрой. — Он не хочет этого. Будем уважать его волю.

Вульфе не знал, что сказать.

— Завтра ожидается прибытие де Виерса, — продолжил лейтенант. — Он прилетает в Бэлкар. Берген сказал, что генерал не будет тратить время впустую. Он сейчас находится в постоянном контакте с комендантами аванпостов. Техножрецы наконец наладили кабельную систему связи. Я не совсем понимаю, как она работает, но ее надежность выше, чем у вокс-коммуникаторов. В любом случае, генерал хочет, чтобы к его прибытию все части «Экзолона» были готовы к походу. То есть у нас в запасе остается лишь четырнадцать часов. Насколько серьезна поломка твоей машины?

— Танку нужны новый радиатор, замена топливных шлангов и фильтров. Плюс море любви от техников и жрецов, сэр. После этого машина будет в порядке. Я думаю, что за восемь-девять часов управимся.

— Хорошо. Однако меня сейчас заботит не только состояние танков. — Ван Дрой снова посмотрел на сержанта. — Послушай, мне очень жаль, но я вынужден забрать у тебя капрала Хольца.

Вульфе показалось, что ему дали пощечину.

— Хольца? Вы, наверное, шутите, сэр! Он единственный, кто может управляться с пушкой. Вы уже забрали у меня Весса. Неужели нет других экипажей? Может, там найдете кандидатов?

— Во всем виновата война, сержант, — с внезапным пылом заговорил ван Дрой. — Теперь, когда Маркус выбыл из игры, ты мой старший помощник. И ты должен понимать, что это означает. Команду «Старой костедробилки» собирали из резерва перед самым варп-переходом. Они — «свежее мясо». У Хольца есть боевой опыт. Он годами не вылезал из спонсона. К тому же у него жесткий характер. Молодым ребятам нужен командир, который проведет их через все испытания.

«Проклятье! — подумал Вульфе. — Не думаю, что Хольц захочет быть командиром...»

— Давайте, я буду командовать танком Райтеса, — предложил он лейтенанту. — У меня больше опыта, и я

справлюсь с экипажем новичков. Хольца поставите вместо меня. Ему будет легче с людьми, которых он знает.

Ван Дрой покачал головой:

— Я думал об этом. Честно говоря, твой экипаж нетипичный. Мне просто не хочется употреблять обидные слова. Пока ты у них в куполе, они действуют, но если у них будет другой командир...

— Нетипичный?

— Для начала ты получил водителя, которого многие бойцы считают проклятым. Они по-прежнему называют его Счастливчиком Мецгером. Парню будет чертовски трудно изменить свою репутацию после того, как он раз за разом оставался живым, теряя один экипаж за другим.

— Все это в прошлом, — возразил Вульфе. — Его «проклятие» не убило меня. Разве не так?

— Надеюсь, у тебя к нему иммунитет. Но есть еще Сиглер.

— А с ним что не так?

— Кончай, Оскар. Он жутко искалечен. Ты знаешь, на что похоже его лицо. Мало

того что новому командиру будет с ним тяжело, так и для Сиглера твой уход окажется огромной потерей. Единственная причина, по которой твой экипаж функционирует как гордость полка, это сила, которую ты даешь парням одним своим присутствием. Лично я уверен, что под командованием другого человека их боевой настрой будет полностью утрачен.

Сержант молча обдумал слова лейтенанта. Сиглер после взрыва, повредившего его мозг, цеплялся за Вульфе, как утопающий за соломинку, как моряк за обломок мачты в бушующем океане. В его личной вселенной произошло так много перемен, что сержант стал одной из нескольких констант, оставшихся от прежней жизни. Что он почувствует без друга, который раньше присматривал за ним? Ван Дрой прав.

— Обещаю тебе, что ты получишь лучшего стрелка, какого мы только сможем найти в резервных командах, — продолжал лейтенант. — Я уже присмотрел одного паренька из взвода Мюнтца. Хорошие баллы на стрельбах. И

думаю, он прошел неплохую выучку. Его не отправили на передовую только потому, что поймали на аморалке. Ничего серьезного, уверяю тебя. Комиссар Слейт отхлестал парня плетью, и всё. Но ведь и ты не был ангелом в его возрасте. Он тебе понравится.

Вульфе все еще сердился за Хольца, но он не мог оспаривать решение командира.

— У этого бойца есть имя, сэр?

Ван Дрой откинулся на спинку сиденья.

— Многие танкисты называют его Горошком. Слышал о нем?

— Горошек? — с подозрением спросил Вульфе. — Какого черта они его так называют?

— Я не буду раскрывать тебе все тайны, — усмехнулся ван Дрой. — Иначе вам не о чем будет поговорить. Он ожидает тебя в третьей казарме. Найдешь его там. И не забудь сообщить новости Хольцу.

— Это будет неприятный разговор, — мрачно проворчал сержант.

— Для тебя или для него? — поинтересовался лейтенант. — Поверь мне, Оскар! Хольц расцветет, как площадь Скеллас на День Императора. Сам прикинь. Если он справится с новыми обязанностями, то получит звание сержанта в конце экспедиции.

Вульфе никогда не задумывался об амбициях Хольца, но многие бойцы мечтали о сержантских лычках. В основном это было связано с привилегиями. Хольц определенно обрадуется увеличенному рациону табака и алкоголя... если, конечно, пройдет проверку.

Когда ван Дрой хотел отпустить сержанта по своим делам, за столом в дальней части зала вспыхнула ссора. Коренастый, седовласый и краснолицый мужчина в форме полковника вскочил на ноги и стукнул кулаками по столешнице. Стул упал за его спиной.

— Я не желаю следить за своим языком. Прашт, ты не мой командир! Пора кому-то откровенно высказать, что чувствует весь «Экзолон».

За их столом сидело пять человек.

Четверо из них смущенно оглядывались по сторонам, как будто хотели пересесть на другие места. Пятым был половник Прашт — командир Кадийского сто восемнадцатого полка кадийских стрелков, человек крупной комплекции, с черными глазами и аккуратно постриженной бородой. Он спокойно встал и сделал шаг к сердитому коллеге.

— Успокойся, фон Холден, — заговорил он, примирительно взмахнув руками. — Ты же не хочешь неприятностей. Подумай о своих людях. Что они скажут, увидев тебя в таком виде? Давай спишем твои слова на легкое опьянение и забудем о них. Я не могу позволить, чтобы ты говорил, как...

— Как кто?! — негодующе воскликнул фон Холден. — Как человек, который знает правду и смеет говорить о ней? — Он повернулся и окинул затуманенным взором встревоженных людей за другими столами. — У кого из вас хватит наглости отрицать чистую правду? — рявкнул он. — Где ваше чертово единство? Ведь каждый из вас чувствует то же самое! Я знаю, о чем говорю! Мы должны

сражаться на Армагеддоне! Вот где мы могли бы принести реальную пользу. Не здесь! Не в этой тошнотворной заводи! Наши солдаты умирают от пыли и клещей. И Трон знает от чего еще. А все ради куска металла, за который раньше никто не дал бы и кучи дерьма. Прошло сорок лет. Де Виерс мог бы...

— Мог бы что? — донесся резкий и громкий голос.

Вульфе повернул голову и увидел в дверном проеме высокую фигуру генерал-майора Бергена, по обе стороны которого стояли два комиссара. Его сердце пропустило удар, когда он узнал в одном из них Слейта. Кое-кто в полку клялся, что ничего не боится. Но эти хвастуны бледнели от страха, когда встречались лицом к лицу с человеком, которого за глаза называли Дробителем. Он был полковым комиссаром у Виннеманна и вызывал общую ненависть у личного состава всей дивизии. Впрочем, слово «ненависть» казалось Вульфе сильным преуменьшением.

«Клянусь Оком! — подумал он. —

Карьере полковника пришел конец. Открытый бунт на глазах у комиссаров? Не хотел бы я оказаться на его месте».

— Прошу вас, полковник, продолжайте, — сказал Берген, войдя в зал и сняв фуражку.

Свет ламп искрился на его медалях и золотых эполетах. Комиссары молча следовали за ним, словно пара бойцовых псов, готовых броситься в атаку.

— Я с радостью передам генералу ваши рекомендации для незамедлительного рассмотрения.

Покрасневший фон Холден открыл рот от изумления и в отчаянии посмотрел на Прашта в надежде на его поддержку. Но его друг не стал лезть в петлю. Он сел на стул и сделал глоток воды из стакана.

Увидев генерал-майора в зале, Вульфе почувствовал себя крайне неловко. Несмотря на радушие капитана Итриха, он находился там, где ему не полагалось быть. Он нарушил бы субординацию, если бы стал свидетелем выволочки уважаемого и награжденного орденами

полковника. Однако никакого наказания не последовало. К всеобщему удивлению, генерал-майор подошел к фон Холдену, поднял с пола его стул и вежливо предложил ему присесть за стол. Безмолвный фон Холден, вероятно, расценил это как затишье перед бурей. Он уселся, не отрывая взгляда от генерал-майора.

Вульфе осторожно посмотрел на Слейта. Выражение лица комиссара оставалось бесстрастным. Его взгляд был направлен вперед. Если он и заметил сержанта за офицерским столом, то никак не показал свое недовольство. Возможно, он ожидал намека от генерал-майора или какого-то знака, чтобы вцепиться в фон Холдена и разорвать его на куски. В отсутствие такого знака Дробитель лишь сжимал и разжимал стальные пальцы. Вульфе знал, что это действие вошло у комиссара в привычку. Наверное, он совершал его даже во сне.

Ван Дрой повернулся к нему и прошептал:

— Тебе лучше убраться отсюда,

Оскар. Займись делами, о которых мы говорили.

— Слушаюсь, сэр. Я с радостью покину это место.

Сержант встал и тихо попрощался с офицерами, сидевшими за столом:

— Хорошего вам вечера, господа.

Некоторые — в том числе капитан Итрих — улыбнулись ему на прощание. Вульфе отсалютовал и, повернувшись, зашагал к двери. Он с облегчением покинул офицерскую столовую и напряженную атмосферу, царившую там. Сержант знал, что среди офицеров попадались хорошие люди. Но как же они усложняли простые дела! К счастью, рядовые и сержанты могли говорить со своей ровней откровенно. Они даже могли подраться, и им не нужно было тревожиться о линиях крови, семейной чести и карьерных штучках. Вот почему братство солдат низших рангов делало жизнь в Гвардии более сносной. Во всяком случае, Вульфе так думал, пока не появился Ленк.

Парень не давал ему покоя. Ублюдок спас его жизнь, но он был

противоположностью всему тому, что Вульфе ценил и уважал в армейской службе. Ленк вел себя как хвастун и обманщик. Оскар чувствовал в нем запах бессердечия. Рано или поздно им предстояло разобраться друг с другом. Это было неизбежно.

Сержант подумал о новом стрелке — о Горошке. Так ли он хорош, как говорил ван Дрой? Сойдется ли он с Мецгером и Сиглером? Лейтенант не зря упоминал, что они представляют собой нетипичный экипаж. Тихо выругавшись, Вульфе направился к казарме С.

— Горошек. Почему его так называют? Надеюсь, это не то, о чем я думаю.

* * *

Солдат ожидал его у входа в казарму, с вещами, собранными в холщовую сумку. Он сидел на бетонной ступени, покуривал палочку лхо и рассматривал красную пыль

под своими ногтями. Подходя к нему, Вульфе пытался оценить характер парня. Судя по гладким щекам, ему было около двадцати стандартных лет. Форма висела на костлявой фигуре. Закатанные рукава красной полевой туники открывали татуированные руки. Возможно, тату означали какие-то гангстерские символы кадийского города, в котором прошла жизнь мальчишки, но Вульфе впервые видел такие. И он не удивлялся этому. В огромных переполненных ульях, откуда набирались люди «Экзолона», существовали тысячи банд.

— Горошек? — остановившись перед танкистом, спросил сержант.

— А вы — Вульфе?

Парень говорил высоким голосом и мягко растягивал гласные. Судя по произношению, он вырос в Каср фером.

— Я сержант Вульфе! Ты можешь называть меня просто сержантом или сарджем. А если назовешь как-нибудь иначе, я выбью тебе зубы.

Горошек вскочил на ноги, бросил палочку лхо на ступеньку крыльца и

раздавил ее каблуком ботинка. Он был на голову ниже Вульфе. Чтобы встретить взгляд командира, ему приходилось смотреть снизу вверх.

— Так точно, сержант. Клянусь Троном, я не хотел проявить непочтительность. Не хотел пойти с неправильной ноги. Я просто нервничаю.

Вульфе кивнул. По крайней мере, парень был честным.

— Почему тебя прозвали Горошком?

— Это из-за моего имени, сэр. Я Миркос Бин. А бин — это боб или горох. Понимаете?

Вульфе облегченно улыбнулся.

— Неужели вы подумали, что я порчу воздух в башне? — спросил юноша. — Нет, ничего подобного, сержант. Хотя не обещаю, что буду пахнуть только свежим тылом. Я ведь все-таки человек.

— Могу гарантировать, что наш экипаж не убьет тебя за первый выброс газов, — сказал Вульфе. — Хотя во время последних маневров в танке пахло так плохо, что никто не заметил бы лишней вони. Ты быстро научишься дышать через

рот. — Взглянув на испуганное лицо Горошка, Вульфе рассмеялся: — Не бойся, Горошек. Мои парни заботятся друг о друге. Это первое правило. Сейчас тебе предстоит нелегкое знакомство с ними. Постарайся понравиться им. Лейтенант сказал, что ты хороший стрелок. Он думает, что ты вольешься в наш экипаж.

Как Вульфе и предполагал, лицо мальчишки посветлело:

— Лейтенант так сказал?

— Он не дал бы мне плохого солдата. Оба моих последних стрелка стали командирами танков. Если будешь стараться, то же самое случится и с тобой. Теперь бери сумку и иди за мной. По пути мы оставим ее в казарме А.

Миркос перекинул сумку через плечо и зашагал рядом с Вульфе.

— По пути куда, сардж? — спросил он.

— Сходим посмотреть на орков.

* * *

К тому времени, когда Вульфе и Горошек приблизились к клеткам, там собралась большая толпа. Солдаты толкались, надеясь занять места с хорошим обзором. Два лейтенанта из Триста третьей роты кадийских стрелков пытались навести порядок. Какое-то время Вульфе выстатривал Мецгера, Сиглера и Хольца, но народу было слишком много. К счастью, появились два других сержанта, которые начали зазывать своих людей в казармы:

— Веселье закончилось, девочки!

— По койкам на второй скорости! Кому не ясно?

Около двадцати ворчавших солдат протиснулись сквозь толпу и вместе с сержантами зашагали по темной улице, устеленной песком. Воспользовавшись брешью, открывшейся в рядах людей, Вульфе и Миркос с помощью локтей и плеч пробились в середину сборища.

«Как много суеты, — подумал Вульфе. — Как будто я не видел тысячи таких чудовищ». Но он продолжал проталкиваться вперед, пока не оказался

рядом с Сиглером и Хольцем. До клеток оставалось несколько рядов.

— А вот и вы, — сказал он. — Где Мецгер?

— Пошел прогуляться, — ответил Сиглер. — Сказал, что это чертовски глупое зрелище.

Вульфе повернулся к Миркосу и с улыбкой произнес:

— Теперь ты должен догадаться, что Мецгер — самый умный парень в нашем экипаже.

— Я могу обидеться, — нахмурившись, пригрозил Сиглер.

— Я тоже, — возмутился Хольц.

— Ладно, хватит шуток, — приструнил их Вульфе.

— Что за паренек в твоем кильватере? — подозрительно прищурился Хольц.

— Это Горошек, — объявил сержант. — Он часто портит воздух в башне.

— Эй! — запротестовал юноша, но, взглянув на Вульфе, засмеялся.

— Хольц, мне нужно поболтать с тобой, — сказал сержант. — Давай

пройдется. Горошек, оставайся с Сиглером.

— Так точно, сардж, — отозвался парень.

Вульфе и Хольц выбрались из толпы, отошли к ветхому складскому зданию и прислонились спинами к щербатым кирпичам. Хольц потянулся к карману на бедре. Он вытащил «дымок» и зажал его между губами. Вульфе решил говорить с ним без обиняков:

— Тебя переводят в другой экипаж. Ты будешь командиром танка, Питер. Ван Дрой попросил меня сообщить тебе об этом.

Палочка лхо выпала изо рта Хольца.

— Ты решил посмеяться надо мной?

— Нет.

— Клянусь Оком! — прошептал Хольц. — Моя собственная «коробка»? Ты хочешь сказать, что тот паренек займет место у пушки?

— Выходит, что так. Его выбрал лейтенант. Мальчишка выбил много очков на тестовых стрельбах. Наверное, хороший стрелок. Но речь сейчас идет не о нем, а о тебе.

Хольц нервно хохотнул.

— Каждый может хорошо отстреляться на учебных курсах. Другое дело — стрельба в бою. Что, если он получит «веселуху»?

Вольфе тоже тревожился об этом. Он знал дюжину экипажей, которые, приняв новичков, чуть позже наблюдали, как те страдали «веселухой» — нервным срывом, сопровождавшимся сильными судорогами и спазмами. Медики говорили, что приступ вызывался грохотом пушки и ударами тяжелых вражеских снарядов по броне машины. Если танкист приобретал «веселуху», он становился бесполезным на полях сражений. На восстановление уходило несколько лет жизни. Большинство солдат уже не возвращались на службу.

— Ты не слушаешь меня, Хольц. Забудь о Горошке. Я его обучу. Он будет хорошим стрелком. Давай поговорим о тебе. Как насчет того, чтобы командовать танком?

— А о чем тут говорить? Покажи мне человека в нашем полку, который не

хотел бы командовать своей «коробочкой»!

Что-то в голосе Хольца насторожило сержанта.

— Кончай, Питер. Некоторым людям больше нравится исполнять приказы, а не отдавать их подчиненным. Иногда мне и самому хотелось бы...

— О каком танке идет речь? — спросил Хольц. — И почему теперь?

— Танк Раймеса «Старая костедробилка». Хорошая и прочная машина. Отличные служебные записи. Раймес заболел от последствий «взвеси». Серьезно заболел. Ван Дрой сказал, что замена будет постоянной. Он обещал, что, если ты справишься с обязанностями, тебе дадут сержантское звание.

Хольц пригнулся, поднял с земли палочку лхо и сдул с нее красную пыль. Затем сунул ее в рот.

— Раймес, — проворчал он. — Проклятье! Я лучше заменил бы кого-нибудь другого. Его экипажу это не понравится. Вряд ли они окажут мне теплый прием.

— У них там одни новички. «Свежее

тясо». Они недолго служили с Райтесом. Ты справишься. Им нужен командир с большим боевым опытом. Человек, который проведет их через будущие сражения. Если не ты, то кто с этим справится?

Хольц промолчал. Он был поглощен своими мыслями.

— Короче, твой новый экипаж располагается в казарме А, — продолжил Вульфе. — Тебе не придется далеко нести свои вещи. Завтра на базу прибывает генерал де Виерс. У тебя осталось мало времени, чтобы познакомиться с парнями. Вероятно, завтра мы уже отправимся в поход, поэтому тебе лучше поговорить с ними прямо сейчас.

Хольц кивнул, не в силах справиться с нервами. Одна сторона его лица, похожая на раздавленного грокса, оставалась неподвижной, но Вульфе, наловчившийся в чтении другой половины, знал, что чувствует Хольц.

— Просто никогда не забывай, что опыта у тебя больше, чем у них, — сказал он стрелку. — Ты командир. Из-за решений

командира молодые танкисты либо продолжают жить, либо умирают в первом же бою.

— Я в курсе. Никакого давления. Только шутки и советы. Я ценю твое доверие, сардж. Если ты уже закончил, я пойду в моторный парк. Попрощаюсь с «Последними молитвами» и представлюсь новой «девочке».

— Хороший план, — похлопал друга по плечу Вульфе.

Он вернул Питеру салют и пожелал ему всей удачи в галактике. Хольц быстро зашагал в направлении моторного парка. Командовать людьми всегда было нелегко, но с новичками дело осложнялось вдвое. Приходилось заботиться и о жизни членов экипажа, и о сохранности боевой машины. Такая ноша тяжелым грузом давила на плечи. Иногда Вульфе завидовал своим подчиненным. Он помнил свободу, которую солдаты получали на нижней ступени карьерной лестницы, где кто-то принимал за тебя все решения. Отличное место при хороших командирах. Примерно так же Вульфе доверял теперь ван Дрою, а тот, в

свою очередь, полковнику Виннеманну. Однако цепочка команд шла гораздо выше. Генерал-майор Берген имел хорошую репутацию, но насколько она была оправдана? Трудно судить о подобных вещах. Офицеры генштаба оставались слишком далекими от простых солдат.

Тем не менее Вульфе знал, что Питер Хольц столкнется с большими трудностями. По крайней мере, в первые несколько дней. Он либо выплывет, либо утонет. Тут все было просто.

Сержант направился обратно к хохотавшим у клеток солдатам. Толпа теперь заметно поредела. Многие бойцы уже разошлись по казармам. Ему почти не потребовалось усилий, чтобы пробраться в первые ряды, где он нашел Миркоса и Сиглера. Те дружески обсуждали существ, сидевших перед ними в клетках. Свирепость пойманных орков впечатляла, учитывая их жалкое состояние. Ксеносов не только посадили в стальные клетки, но и укоротили их ноги до взлохмаченных обрубков. Они рычали и плевались в мелких и слабых людей, стоявших перед

прутьями. Горошек в пылу настешек сделал шаг вперед. Вульфе тут же схватил его за воротник и притянул к себе.

— Не так близко, парень. Это очень опасно.

Новый стрелок выглядел разочарованным и даже немного рассерженным. Но он молча отступил назад, встав в линию с остальными. Сержант с отвращением осмотрел зеленокожих. Первый орк был немного крупнее второго. Оба существа выглядели так же отвратительно, как те их сородичи, которых Оскару когда-то впервые довелось увидеть. Их кошмарные черты с тех пор запечатлелись в его памяти. Тонкие носы, глубоко посаженные глаза и широкие челюсти с острыми как бритва клыками. Твердые темно-коричневые шкуры были покрыты красной пылью и многочисленными трещинами. На массивных плечах виднелись пятна шелушившейся кожи. Тела казались такими же высохшими, как пустыня. «Значит, Голгофа не щадит и этих

тварей тоже», — подумал Вульфе. Странно, но он не увидел на них чертовых клещей. Интересно, почему паразиты не трогают орков?

Его первый выход на поле сражения состоялся при операции на Фаэгосе-II, куда вторглись орды ксеносов с Мутных Звезд. После той битвы прошло двадцать лет. Менялись звездные сегменты, названия миров, а он по-прежнему сражался с тем же врагом, теряя друзей при каждой схватке. Иногда казалось, что все усилия человечества, вся пролитая кровь и выигранные битвы ничего не стоят. Разве они получили какое-то преимущество? Разве их достижения изменили расклад галактических сил?

Опасные мысли, предупредил себя Вульфе. Если каждый гвардеец усомнится в необходимости своих действий, Империум развалится и погибнет. Конечно, он влиял на расклад. Он склонял весы галактической истории. В течение своей жизни Вульфе убил тысячи врагов человечества. Если каждый гвардеец уничтожит столько же орков, зеленая

волна однажды обернется вспять. Ему хотелось верить в это. Он действительно верил! И это была его борьба. Интересно, сколько людских потерь приходилось на одну победу, отмеченную в книгах по истории?

Рассматривая одного из двух орков, он встретил взгляд существа и не отвел глаза в сторону. Чудовище сочло это вызовом. Орк с ревом начал биться о прутья клетки. Он хрипел, шипел и выл на какой-то тарабарщине, которая, по мнению сержанта, была его языком. Ходили слухи, что комиссар Яррик мог понимать их звериную белиберду. Однако Вульфе ни разу не встречал людей, способных общаться с орками. Вряд ли кто-то научился бы воспроизводить такие противные и ужасные звуки. Нечто подобное могли бы издавать лесные хищники, терзая свежий труп. Но в орочьей речи угадывался грубый синтаксис. Вульфе не сомневался, что слышит разумный язык.

Из-за яростных движений раны темнокожего орка снова открылись и

начали кровоточить — впрочем, очень медленно. Сочившаяся кровь казалась вязкой и густой. То есть она быстро сворачивалась. Вульфе понял, что это было вызвано малым количеством доступной воды. Такой механизм выживания сохранял баланс жидкостей в организме. Однако пустынная жизнь наделила зеленокожих и другими эволюционными дарами. Орки, сидевшие в клетках, сильно отличались от тех чудовищ, которых он видел раньше. Они выглядели тонкими и жилистыми по стандартам ксеносов, хотя по-прежнему превосходили людей в размерах и силе. Вульфе счел их более опасными и быстрыми.

Когда он хотел уйти, забрав с собой Миркоса и Сиглера, кто-то крикнул из задних рядов:

— Дайте дорогу! Немедленно освободите путь, чертовы придурки!

Вульфе тут же узнал этот холодный скрипучий голос. Он понял, что к ним приближается Дробитель — еще до того, как увидел остроконечный пик черной

шапки, перемещавшийся среди солдатских кепок и шлемофонов. Дробитель яростно проталкивался к клеткам.

— Комиссар Слейт, — отдав салют, произнес Вульфе. — Пришли посмотреть на экспонаты?

— Отставить, сержант, — прошипел комиссар, покосившись на лычки Вульфе. — Я пришел сюда, чтобы прекратить эту чушь!

Откинув полу длинного плаща, Слейт вытащил из кобуры на бедре большой болт-пистолет. Его движения были плавными и хорошо отработанными. Вульфе догадался, что произойдет. Он быстро отступил в сторону. Один из лейтенантов Триста третьей стрелковой роты начал протестовать:

— Кончайте, комиссар. Зачем портить всеобщую забаву? Пусть наши солдаты посмотрят на беспомощных врагов, посаженных в клетки. Это поднимет их боевой дух. Неужели вы не понимаете выгоду от такого зрелища?

Дробитель даже не взглянул на говорившего. Прицелившись в более

светлого орка, он нажал на курок аугментическим пальцем. Раздался громкий выстрел. Вульфе хотел посоветовать своим парням отступить назад, но было слишком поздно. Болт пробил в черепе чудовища черную дыру размером с монету, затем сдетонировал и оросил ближайших людей грязными брызгами крови и мелким крошевом тозгового вещества. Солдаты, прикрытые телами своих невезучих товарищей, громко захохотали. Безголовое тело орка упало на пол клетки.

Увидев гибель сородича, темный орк начал безумно размахивать руками. Гвардейцы, стоявшие в передних рядах, попытались нырнуть в толпу. Слейт спокойно повернулся к нему и повторил процедуру казни. Последовал еще один выстрел, и воздух снова наполнился кровавым туманом. Вернув болт-пистолет в кобуру, Дробитель обратился к солдатам с речью:

— Будь прокляты ваши глаза! Вы забыли о принципах нетерпимости, которые установлены в имперском

вероучении? Возможно, несколько ударов хлыста помогут вам вспомнить о них?

Толпа широко раздвинулась перед ним, когда он двинулся прочь от клеток, продолжая взывать к солдатам:

— Не жди любви от чужаков и не дари им сострадание!

— Проклятье! — выругался один из лейтенантов Триста третьей роты, вытирая носовым платком испачканную кровью тунику. — В каком полку служит этот болван? Я сочувствую парням, страдающим от рук такого комиссара.

— Это мой полк, лейтенант, — мрачно ответил Вульфе. — Восемьдесят первый бронетанковый.

— Полковника Виннеманна? — спросил другой офицер. — Пусть Трон поможет вам, сержант! Вы получили плохого надзирателя. И многих он уже отправил на тот свет?

Вульфе покачал головой:

— Старому Дробителю нравится наказывать солдат, но полковник обычно отговаривает его от убийств. Хотя, должен признаться, альтернатива не

лучше. Своими побоями он увечит людей.

— А почему вы прозвали его Дробителем? — полюбопытствовал первый лейтенант.

— Разве вы не заметили, сэр? — удивился Вульфе. — Его руки. Искусственные конечности. Несколько лет назад он потерял руки в пасти карнотавра. Но Слейт не изменился. В первые месяцы кампании на Палтеросе он поймал дезертира и устроил демонстрационную казнь. Парню было девятнадцать. «Свежее мясо». Солдат увидел, как погиб его кузен, и сбежал с поля боя от страха. Комиссар Слейт раздавил ему череп одной рукой. Раздавил, как яйцо.

Офицеры нахмурились и покачали головами.

— Парни из Двести пятьдесят девятой механизированной роты будут недовольны, — заметил один из лейтенантов. — Это они поймали орков. Только они имели право убить их.

— Можете расходиться! — прокричал второй офицер, обращаясь к ворчавшей толпе. — Смотреть больше не на что.

Солдаты пошли прочь, унося с собой атмосферу обиды и разочарования. Плененные враги отвлекали их от укусов клещей, чихания и кашля, вызванного пылью. Вульфе, задержавшись немного, взглянул на обезглавленные тела чужаков. Сиглер и Горошек безмолвно ожидали его неподалеку.

«Этого недостаточно, — подумал Вульфе. — Не важно, скольких мы убьем. Этого недостаточно. Они будут вторгаться в наш космос. Мы направляем отряды и изгоняем их из одного мира, а они уже грабят людей за нашими спинами. Найдем ли мы выход из тупика? Сможем ли когда-нибудь сделать нечто большее, чем сражаться за собственное выживание?»

Он провел кончиками пальцев по шраму на горле. Куда ушла его вера? На борту «Руки сияния» Вульфе обращался к исповеднику Фридриху, и тот укреплял его дух. С этим человеком он мог говорить откровенно. Фридрих был моложе сержанта, но он обладал спокойствием и мудростью, которым

завидовал Вульфе. Хотя он не смог бы пить так много, как священник.

По пути к казармам ему вдруг захотелось повидаться с исповедником. Однако было уже поздно. Их, скорее всего, разбудят на рассвете. Генерал де Виерс не даст им отдыхать. Это вполне соответствовало планам Оскара. Самыми тяжелыми этапами солдатской жизни были периоды отдыха: слишком много времени для размышлений, когда боец начинает замечать мелкие и незначительные вещи. Даже закаленные стоики теряли контроль над собой. Примером мог служить полковник фон Холден. И он был не единственным. Инакомыслие в среде офицеров не считалось чем-то особенным. Повсюду возникали ссоры. Возрастало количество инцидентов, связанных с пьянством. Некоторые гвардейцы тянулись к менее законным развлечениям. И прежде чем ты что-то замечал, комиссары уже наказывали людей слева и справа.

Он не мог дождаться момента, когда Восемнадцатая группа армий придет в

движение. Ничто не очищало ум так, как подготовка к битве.

Глава 15

Несмотря на раннее время, солнце уже палило вовсю. Ленк впервые видел на Голгофе такое светлое небо. Его любовная связь с одной из старших Медикае прервалась: всему персоналу в Бэлкаре велели оставаться в кабинетах до получения дальнейших указаний. Впрочем, после того как лейтенант ван Дрой приказал экипажам провести регламентные работы по уходу за танками, ему и думать не хотелось о каких-то медичках. Ленк старался, как мог. Прислонившись спиной к башне «Нового чемпиона», он дремал в теньке, пока его экипаж брюзжал и ныл, проводя необходимые проверки.

Едва забрезжило утро, Бэлкар зажужжал, как встревоженный улей. Конкретно никто ничего не знал, но

догадаться было нетрудно. «Экзолон» готовился выступить в поход. Начиналась финальная фаза операции «Гроза».

«Лично для меня это неплохо, — подумал Ленк. — Чем быстрее они выполнят свою тупую миссию, тем скорее ты уберется с этой чертовой планеты. Ошметок грязи и пыли. Если нас затем отправят в мир без населения и женщин, я убью кого-нибудь».

Варнус высунул голову из-за башни и хмуро доложил:

— Мы закончили с фарами.

Через миг рядом с ним появились Рисманн и Хоббс. Их убийственные взгляды говорили о том, как сильно они ненавидят регламентные работы.

— Мои поздравления, — сказал Ленк. — Можете начинать смазку гусеничных звеньев. Это пустяковая работа для троих мужиков.

— Час от часу не легче, — проворчал Хоббс. — Почему бы тебе не поднять свою задницу и не сделать что-то полезное?

Ленк приподнял брови и посмотрел на водителя:

— Потому что я добываю вам «дымки» и бухло. Ты должен отрабатывать мои подарки.

Хоббс сплюнул на землю и, шепча проклятия, исчез за гусеницей танка. Ленк поднялся на ноги и стряхнул с себя пыль.

— Пойду прогуляюсь, — сообщил он.

— Куда? — спросил Варнус.

— В одно веселое место под названием «не ваше дело». Вот куда. К тому времени, когда вы управитесь с гусеницами, я уже вернусь. Трон его знает, когда ван Дрой появится здесь для проверки.

* * *

В двухстах ярдах от «Нового чемпиона», на юго-восточном углу четвертой стоянки такие же процедуры обслуживания проводил экипаж «Последних молитв-II». Ван Дрой требовал, чтобы все танкисты умели проводить ремонтные работы в полевых условиях.

Если возникали поломки, с которыми экипаж не в силах был справиться, в дело вступали технические команды. Если и они не могли устранить неисправность, на помощь приходили инженеры и их полуразумные сервиторы.

— Сиг, убедись, чтобы они не болтались, — указал Вульфе на запасные звенья гусениц.

Сиглер крепил их к бокам башни. Позади танка работал Горошек. Его форма промокла от пота. Он проверял и опечатывал складские отсеки, которые тянулись от башни к задней платформе. Мецгер, сидя на водительском сиденье под открытым люком, проверял удаленное управление лазпушками. Он уже выполнил все остальные регламентные работы, за которые нес ответственность. Вульфе нравилось его молчаливое усердие.

Это был первый день Миркоса в экипаже. Новый стрелок неплохо влился в коллектив. Конечно, Вульфе еще требовалось проверить, как он управляется с пушкой, однако парень, несмотря на жару и тяжелый труд,

работал без жалоб. Наверное, его немного смущало прохладное отношение Мецгера. Их водитель не сразу принимал новых людей — да и позже оставался неразговорчивым. А вот Сиглер быстро подружился с новым стрелком. Он громко смеялся даже над самыми плохими шутками Горошка. Вульфе лишь усмехался над тем, какими старыми они были. Например, анекдот о двухголовой шлюхе, искавшей клиентов на День Императора, ходил по армии еще в те дни, когда он учился на кадетских курсах белощитников. Тем более что история не отличалась особым юмором.

Услышав чьи-то шаги, Вульфе повернулся, и улыбка исчезла с его лица. Он увидел тучного человека в коричневой форме, с золотыми листьями на рукавах и лацканах. На кожаном ремне покачивалась бронзовая цепь, к которой крепился томик с имперским вероучением.

— Исповедник!

Жрец кивнул в ответ и, остановившись, протянул руку Вульфе:

— Чертовски рад видеть тебя,

сержант. Я молился, чтобы ты вернулся в стаю. Похоже, Император услышал меня.

Вульфе показалось, что Фридрих хотел добавить «хотя бы один раз», но святой отец удержался от подобного кощунства.

— Спасибо, исповедник, — сказал Вульфе. — Наше спасение действительно выглядело как чудо — особенно когда мы услышали голос «Часового». Я иногда думал, что даже ван Дрой не верит в счастливый исход. К тому времени многие из нас потеряли надежду выбраться живыми из пустыни.

Священник кивнул:

— Я слышал о Сименсе и Мюллере. Трон упокоит их души. Я внес их экипажи в списки следующих поминальных служб.

Вульфе содрогнулся, вспомнив безвольное обгоревшее тело Сименса в куполе башни.

— Они умерли, выполняя свой долг, — сказал он. — Я слышал, что Голгофа не стала туристической поездкой и для остальной группы армий.

— Ты слышал правду, сержант. Мне

довелось повидать ужасные вещи... Порою кажется, что Путеводный свет всего человечества проверяет меня на прочность и веру.

— Вероятно, Император проверяет каждого из нас.

Исповедник печально поморщился.

— Да, только мертвые свободны от дальнейших испытаний. Вчера я вытащил десять тел, сгоревших в «Химере». Нельзя было отличить одного солдата от другого. Десять сморщившихся манекенов. Два трупа рассыпались в прах, когда я попытался поднять их на руки. Но по крайней мере для них проверка на веру закончена.

Вульфе кивнул и огорченно нахмурился. Опустив ладонь на локоть сержанта, исповедник Фридрих поманил его за собой:

— Давай поговорим в таком месте, где нас никто не услышит. Я отвлеку тебя лишь на минуту. Оскар, мне хотелось бы узнать о состоянии твоего духа.

Они остановились в тени пустой «тридцатьшестерки». Исповедник быстро

осмотрелся по сторонам и удостоверился, что рядом никого нет.

— Скажи, тебя еще мучают воспоминания о каньоне Луго? Я надеялся, что перелет на другую планету даст тебе новую перспективу и позволит пересмотреть увиденное на Палмеросе. Твои кошмары исчезли?

Вульфе выдержал взгляд священника.

— Я не могу судить об этом, потому что в последнее время почти не спал. Мы перемещались по пустыне без остановки. Прошлой ночью я неплохо выспался, но по-прежнему чувствую себя истощенным. Наверное, худшие кошмары остались позади. Надеюсь, вы правы. Эта экспедиция выдавила из меня дурные воспоминания.

— Я хотел бы освободить твой разум от прежних тревог, однако забывать тот опыт было бы ошибкой. Мы уже говорили о его положительной стороне. Ты стал свидетелем феноменального явления, которое жаждут увидеть многие люди. Ты получил доказательство жизни, существующей за пределами смерти. Разве этот факт не греет твою душу?

— Я уже рассказывал вам о Борите, исповедник. Его глаза были пустыми. Он не походил на радостного и просветленного человека. По пути к Бэлкару парни из экипажа признались мне, что они догадывались о сути моих переживаний. Я больше не должен скрывать от них правду. Вот это и стало моим освобождением от груза прошлых тревог. Но представьте, что скажут остальные...

— Если узнают, что ты видел призрака?

— Когда вы произнесли это вслух, я понял, что обо мне подумают другие. Наверное, мне лучше поверить в свое безумие.

— Я иного мнения. Впрочем, верь, если тебе так будет лучше. Некоторые скептики говорят, что даже Яррик безумен и одержим своей ненавистью к оркам. Многие герои Империума считались ненормальными по стандартам обычных людей. Но не так уж и плохо быть безумным. — Фридрих усмехнулся и добавил: — До некоторой степени, естественно.

— Мне кажется, исповедник, существует разница между безумием и лицезрением призраков. — Вульфе встряхнул головой, когда другие мертвые лица встали в его возбужденном сознании. — Видели бы вы Сименса...

Закрыв глаза, исповедник склонил голову:

— Конечно, это нелегко принять.

— Прошу прощения, — произнес Вульфе. — Вы, как никто другой, испили чашу ужасов. Я не хотел обидеть вас... Мне бы вашу силу духа. Почему вы делаете это? Очисткой танков от сожженных тел должна заниматься команда поддержки. Зачем вы мучите себя?

Фридрих посмотрел куда-то вдаль.

— Как я могу позволить тем парням смотреть на подобные сцены? Я же знаю, что однажды они сами сядут в танки. Им не нужно видеть такое. Они не должны осознавать, насколько отвратительной может быть смерть. И ты не должен был этого видеть.

— Орки не стали заботиться о моей психике.

Они погрузились в неловкое молчание. Внезапно, изменив тему, священник спросил:

— Ты слышал о прибытии генерала де Виерса?

Вульфе покачал головой:

— Разве он уже здесь? Я думал, офицеры, встречая его, выставят нас в линию, как на параде. Генералу нравятся красивые мероприятия.

— Это точно! Но генерал-майоры, посовещавшись между собой, решили, что подготовка к походу важнее. Если де Виерс хочет вывести войска из крепости еще до заката, ему придется обойтись без обычной помпезности.

— Он приехал или прилетел?

— Спустился с небес у западной внешней стены, — сообщил исповедник. — Генерал прибыл три часа назад на штурмовом транспорте «Валькирия» под эскортом четырех истребителей «Вулкан». Очевидно, коммодор Гэлбрайз, по доброте душевной, выполнил свое обещание о боевой поддержке с воздуха.

— Всего пять «птиц»? — удивился

Вульфе. — Не очень большое содействие.

— Лучше, чем четыре, — подмигнул ему священник. — В любом случае ты скоро отправишься в поход. Вот почему я пришел повидаться с тобой. Если хочешь, могу благословить тебя и твой экипаж.

— Вы не поедете с нами, исповедник?

— Не в этот раз. В полевом госпитале собралось много больных солдат. Ты, конечно, уже слышал о Маркусе Райтесе. Я останусь здесь. Буду предлагать последние молитвы тем, кто нуждается в них. Надеюсь, что ваша экспедиция завершится достаточно быстро. Вы найдете «Крепость величия» и вернетесь к нам. Я знаю, ты вернешься, Оскар.

Вульфе был бы не прочь разделить уверенность священника.

— Я думаю, мой экипаж с радостью примет ваше благословение, исповедник. Нам нужна любая помощь, которую мы можем получить.

— Прекрасно.

Они направились к «Последним молитвам-II».

Ленк, сидевший в тени ближайшей «Химеры», смотрел им вслед и ухмылялся во весь рот.

— Попался! — прошептал он себе под нос.

Глава 16

Через два часа после того, как исповедник Фридрих попрощался с ними, члены экипажа Вульфе приступили к последним проверкам. Сиглер и Миркос перещупали все звенья гусениц и смазали солидолом скреплявшие их железные зубцы. Мецгер осмотрел крепления буксировочных кабелей, окопных и пожарных инструментов, болторезов и многих других предметов первой необходимости, которые размещались на корпусе танка.

Сержант, не довольствуясь общим надзором за регламентными работами, убедился, что установленные и запасные блоки визоров целы и невредимы. Затем, переключив внимание на вокс-коммуникатор, он прошелся по всем каналам, отведенным для группы армий

«Экзолон». Когда Вульфе удостоверился, что настройка на любой из них осуществляется одним щелчком переключателя, он снял с головы вокс-гарнитуру и занял командирское сиденье.

«Проклятье, как жарко! — подумал он. — Скорее бы отправиться в путь. Тогда сквозняк через открытые люки немного освежит застоявшийся воздух».

Освободившись от наушников, Оскар услышал громкие голоса, раздававшиеся снаружи. Он узнал один из них. Быстро поднявшись в купол башни, он увидел слева Мецгера и Сиглера, стоявших перед экипажем Ленка. Горошек, отойдя в сторонку, смущенно переминался с ноги на ногу.

— Что тут происходит?! — крикнул Вульфе. — Какого черта ты забыл здесь, Ленк?

Он выбрался из купола и спрыгнул с подножки на землю.

— Мои извинения, сержант, — ответил капрал. — Мы с парнями возвращались со склада. Внезапно твой лишенный мозгов заряжающий налетел на

нас и пролил половину нашего охладителя.

Он указал рукой на две канистры, валявшиеся на песке.

— Сиглер? — спросил Вульфе.

— Чушь грокса, сардж! — возмутился заряжающий. — Они проходили мимо и специально столкнулись со мной.

— Все верно, — подтвердил немногословный Мецгер. — Ублюдки сами виноваты.

Он не спускал глаз с Хоббса, стоявшего перед ним. Судя по опущенным плечам, Мецгер был готов броситься в драку. Вульфе никогда не видел его таким. Он выглядел очень опасным: высокий, мускулистый, с оскаленными зубами и длинными руками, готовыми нанести молниеносные удары. В это мгновение он походил на настоящего бойца. Куда подевался скромный молчун, которого Вульфе знал последние несколько месяцев? Но ему не следовало доказывать свое боксерское мастерство. Если Дробителю донесут о драке, всех ждет порка.

— Ленк, убери отсюда своих дворняжек, — нахмурился сержант, — пока

не случилось того, о чем ты горько пожалеешь.

Крупный парень, Варнус, шагнул к нему и, покрутив плечами, вытянул вперед шею. Вульфе мельком увидел тату под воротом его туники. Интересно, подумал он, этот бездарь рисуется или реально так глуп, чтобы ссориться со старшим по званию? В данный момент обе возможности казались равновероятными. Тем не менее намерения Варнуса остались нераскрытыми. Ленк вытянул руку и остановил своего подчиненного.

— Пойдемте, парни, — с напускным гневом произнес капрал. — Похоже, нам лучше вернуться на склад за охладителем. Вот он, беспредел младшего командного состава.

Ворча и ругаясь, экипаж «Нового чемпиона» поплелся за Ленком. Внезапно капрал остановился и, повернувшись, указал рукой на Сиглера, хотя его взгляд был направлен на Вульфе.

— При всем уважении, сержант, не мог бы ты в будущем держать своего ручного идиота на коротком поводке?

Вульфе почувствовал, как что-то щелкнуло в его груди. Он метнулся к капралу и схватил его за воротник, заставив Ленка встать на цыпочки. Чьи-то руки, вцепившись в запястья Оскара, попытались помочь капралу. Однако его хватка оставалась прочной, как сталь.

— И что дальше? — насмешливо спросил Ленк, глядя на его нос без малейших признаков тревоги. — Ты знаешь устав.

Вульфе зарычал от ярости.

— Я вырву твой грязный язык, кусок дерьма!

— И заплатишь за это, — напомнил капрал.

— Вот тут ты ошибаешься. Правила не действуют в оба конца. Я могу избить тебя до полусмерти, а комиссар даже слова не скажет.

Ленк прищурился. Его голос превратился в шипение:

— Я не говорю о комиссарах.

Внезапно с башни «Последних молитв-II» донесся крик. Это был голос Горошка:

— Доброе утро, комиссар. Как поживаете?

Вульфе повернулся и увидел фигуру, появившуюся из-за группы танков в сотне метров от них. Его пальцы, вцепившиеся в воротник Ленка, автоматически разжались. Молодой человек быстро отступил на пару шагов. Когда сержант снова посмотрел на капрала, тот сардонически улыбнулся.

— Я уверен, мы еще вернемся к этому разговору, — сказал Ленк. — Мы с парнями будем приглядывать за твоим экипажем. До скорой встречи, начальничек.

Вульфе, сжав кулаки, посмотрел ему вслед. «Как далеко я зашел бы? — спросил он себя. — Убил бы его или остановился?» Он не мог забыть страх, испытанный им в тот день, когда давным-давно на Кадии его окружила банда Виктора Данста. Сержант поморщился, вспомнив боль от ножа, вонзившегося в тело. Он помнил смех бандитов, сменившийся проклятиями, когда они услышали вой сирены гражданского патруля.

Парни капрала, уходя, оборачивались и бросали на него презрительные взгляды. «Но Ленк не Данст! — доказывал самому себе Вульфе. — Великий Трон! Он не Данст».

Отойдя на двадцать пять метров, Ленк повернулся и окликнул Вульфе. Он произнес четыре слова. Четыре коротеньких слова. Но они потрясли сержанта, как шквал болтерных снарядов, взорвавшихся в его сознании. Вульфе застыл на месте. Ленк расхохотался и, отвернувшись, повел своих бойцов между двумя рядами «Химер».

Резкий голос, прозвучавший за его спиной, вывел Вульфе из ступора:

— Что происходит, сержант?

Оскар повернулся к комиссару и встретил его леденящий душу взгляд. Глаза Слейта блестели под козырьком черной шапки.

— Извините, — направившись к танку, ответил Вульфе. — Я не понимаю, что вы имеете в виду.

Комиссар шагнул к сержанту, и тот почувствовал, как тяжелая механическая

рука схватила его за предплечье. Дробитель посмотрел в том направлении, куда ушел Ленк, но экипаж «Нового чемпиона» уже исчез из виду. Выдержав небольшую паузу, Слейт склонился к Вульфе:

— Похоже, сержант, вы не слышали приказ, переданный по вокс-связи. Полковник Виннеманн велел полку собраться у восточных ворот. Мы покидаем Бэлкар через пятнадцать минут. Убедитесь, что ваши люди готовы к походу. Я отмечу каждого, кто не прибудет туда вовремя.

Вульфе посмотрел на металлическую руку.

— Мы будем готовы, комиссар.

— Постарайтесь, — произнес Дробитель.

Послышалось легкое жужжание механизмов, и он отпустил предплечье сержанта. Слейт направился к другому танку. Очевидно, ему нравилось запугивать простых гвардейцев. Когда он проходил мимо экипажа Вульфе, танкисты молча встали по стойке

«смирно».

— Все по местам! — прокричал сержант. — Выдвигаемся через пятнадцать минут.

Сиглер, Миркос и Мецгер без слов полезли в люки. Взглянув на мрачное лицо командира, они не стали задавать ему лишних вопросов. Вульфе, как всегда, забрался в танк последним. Спустив ноги в отверстие люка и заняв командирское сиденье, он подумал о словах Ленка. Они холодили его кровь и звенели в ушах. Неужели капрал узнал о его секрете? Каждое из четырех слов било по броне его мозга, как пушечный снаряд.

«Следи за призраками, сержант!»

Глава 17

Через два дня пути к востоку от Бэлкара экспедиционные силы достигли Варгаса — скалистого региона пустыни Хадар. «Экзолоном» командовал генерал де Виерс, перемещавшийся в специально экипированной «Химере». Длинная колонна кадийских машин медленно двигались по глубокому каньону, отмеченному на картах Официо Картография как Красное ущелье.

Каньон, представлявший собой почти триста километров извилистого пути, вел Восемнадцатую группу армий к месту самой важной и кровавой битвы последней Голгофской войны. Именно там генерал надеялся найти легендарную «Крепость величия». И именно там он ожидал встретить серьезное сопротивление орков. По отчетам историков, предгорья и

долины Ишварских гор были усеяны обломками бронетехники. Наверняка зеленокожие дикари построили в этом регионе несколько больших поселений.

Несмотря на вероятность жесткого противостояния, настроение людей было приподнятым. Многие солдаты радовались финальной стадии операции, считая ее концом мучительного времени во враждебном человеку мире. Впрочем, некоторые гвардейцы не разделяли их оптимизма. Часть офицеров — в том числе и генерал-майор Берген — предчувствовали, что по достижении координат, предоставленных Механикус, их ожидает большое разочарование. Но даже эти реалисты стремились завершить поход с тем же пылом, что и оптимисты.

С другой стороны, почти никто не испытывал счастья от того, что все экспедиционные силы оказались в Красном ущелье. К сожалению, других вариантов не было. Каменные утесы и ближайшие высокогорья изобиловали пропастями и расщелинами. Многие из них оставались

скрытыми до тех пор, пока не становилось слишком поздно. При других обстоятельствах истребители «Вулкан», переданные «Экзолону» коммодором Гэлбрайзом, могли бы сопровождать колонну с воздуха. Но полетные условия в пустыне Хадар оказались далеко не идеальными. Частые пылевые бури сбивали показания приборов и затрудняли видимость. Поэтому пилоты «Вулканов» летали лишь на низких высотах — фактически в нескольких метрах над головами кадийских солдат. Они патрулировали каньон и высматривали возможные засады орков.

Вульфе, сидя в куполе, наблюдал за пролетом истребителей. Черные птицы с ревом пересекли полоску красного неба над его головой. За ними тянулись шлейфы серого дыма, дрожавшие в воздухе, словно ленты на ветру. Сержант мучительно переносил эту фазу путешествия. Остроконечные скалы и глубокие затемненные овраги, вдоль которых двигалась колонна, напоминали ему о каньоне Луго. Когда каменные стены с двух

сторон поднялись до фантастических высот, его туника стала мокрой от холодного пота.

«Следи за призраками, сержант!»

Даже теперь, после двух дней похода, эта фраза, брошенная Ленком, проедала ему кишки. Что капрал имел в виду? Самым прямым ответом было признание, что он узнал о каньоне Луго. Но как? Исповедник Фридрих не выдал бы его. И Вульфе сомневался в том, что кто-то из экипажа выболтал его секрет капралу. Горошек вообще не знал о событиях на Палмеросе, поэтому его можно было исключить из списка подозреваемых.

Возможно, Ленк намекал на Виктора Данста? На призрак прошлого, а не на мертвого Борщта? Нет, это уже какие-то игры разума. Он сам назвал Ленку имя Данста. Разве не так? Вульфе мучительно вспоминал, кому он рассказывал историю о Дансте. Он редко говорил о ней. Она не входила в число его любимых баек. Но среди кадийских солдат существовал старинный обычай: гвардейцы хвалились своими шрамами и

рассказывали о том, как получили их. В ранние годы Оскар делился историей о Дансте со многими людьми. Неужели кто-то из них передал ее Ленку? Проклятье! Значит, чертов капрал уже знает, почему его внешность так сильно беспокоит Вульфа?

Когда день пошел на убыль, сержант попытался загнать эти вопросы в дальнюю часть сознания. Он по-прежнему сидел в куполе и смотрел по сторонам, пока его танк громыхал в облаке пыли, поднятом другими машинами. В каньоне имелась растительность — первая, какую он видел с момента крушения на Голгофе. Не много, конечно. В основном сухая трава и чахлые кусты, покрытые острыми колючками. Однако их наличие указывало на присутствие влаги. Он заметил и местную фауну — не только клещей, терзавших кадийцев. На скалах грелись большие ленивые ящерицы. Их кожу покрывали мелкие костяные пластины. Расцветка была такой же ярко-красной, как и у скал на этой территории. Когда имперские машины проезжали мимо

ящериц, они шипели и быстро исчезали в черных расщелинах.

Наблюдение за этими тварями дало сержанту лишь временную передышку от тяжелых размышлений. Он снова и снова возвращался к беспокоившим его вопросам. Когда полоска неба над Красным ущельем потемнела, он спустился в «корзину», оставив верхний люк открытым, чтобы прохладный ветер мог задувать в их башню.

Сиглер дремал на своем месте. Его толстые руки покоились на крышке ящика со снарядами. Голова склонилась на согнутый локоть. Миркос, используя свет внутренних ламп, читал потрепанный журнал с монохромными картинками каменноликих кадийских женщин, одетых в военную форму. Судя по состоянию страниц, журнал за последние годы имел огромное количество читателей. Вульфе улыбнулся и похлопал парня по плечу.

Чтобы не будить Сиглера, он подключил шлемофон к интеркому и шутливо сказал:

— Эта тема погубит твою душу.

— Вред уже нанесен, — усмехнулся Горошек. — Я так часто думаю о женщинах, что уже потерял былую чувствительность. Хотите полистать?

Вульфе засмеялся, но затем перешел на серьезный тон:

— Послушай, парень. Нам нужно поговорить.

— О чем именно, сардж?

— Я думаю, ты и сам знаешь.

Возможно, Вульфе это показалось, но, похоже, их новый стрелок покраснел.

— О том, что во время той ссоры я стоял в стороне и просто смотрел?

Сержант нахмурился и кивнул:

— Танкист всегда вступается за свой экипаж. Ты знаешь правила. Тебе повезло, что Сиглер и Мецгер не оглянулись. Но если я еще раз увижу, что ты держишься в стороне, тебе придется вернуться в резервную команду. Ты даже не успеешь прошептать молитву Императору, как я вышибу тебя из экипажа. О чем ты думал, черт возьми?

Горошек виновато пожал плечами:

— Если бы на нас катил бочку другой

экипаж, я первый начал бы махать кулаками... Но там был Ленк.

— И что это меняет?

— Многое.

Последовала пауза — момент неуютной тишины для обоих гвардейцев. Затем Вульфе попросил стрелка:

— Расскажи, что ты знаешь о Ленке?

Миркос приподнял подбородок.

— Я знаю, что лучше не связываться с ним. Офицеры считаются в Гвардии официальной силой, но такие парни, как Ленк, контролируют солдатскую жизнь из темных теней. В каждом полку есть такие. Да вы и сами знаете. Эти ловкачи добывают бухло, «дымки» и медикаменты. — Он помахал потертым порнографическим журналом. — Или такое чтиво. Они ведут свой бизнес, и офицеры позволяют им это, потому что солдаты так меньше ворчат. Сокращается количество ссор и драк. Я вообще не представляю жизнь в Гвардии без таких людей. Ленк — наш полковой маклер. Если ему предложить правильную цену, он достанет все, что угодно. Он больше похож

на главаря какой-то банды в крупном улье, чем на простого солдата. И он считает, что вы не сможете тягаться с ним.

Конечно, Вульфе знал о таких ловкачах. Горошек лишь недавно оказался в их полку, но у него был верный взгляд на вещи. Все, что он говорил, являлось чистой правдой. Полки нуждались в жуликах и перекупщиках. Без них жизнь в Гвардии становилась невыносимой. Это и объясняло таинственную популярность Ленка среди молодых танкистов. Но все же идея, что капрал будет получать послабления из-за нелегальной торговли в полку, не понравилась сержанту. Он почувствовал внезапную злость.

— Это Имперская Гвардия, а не чертовы задворки ульев. Ведер Ленк — самодовольная маленькая задница. Рано или поздно он пожалеет, что встретил меня.

— Но разве он не спас вашу жизнь? — смущенно спросил Миркос.

Вульфе прорычал проклятие.

— Он пристрелил орка, который хотел убить меня. Так велел ему

служебный долг. Любой боец сделал бы то же самое.

Гнев все больше проявлялся в голосе сержанта, потому что, по правде говоря, он был благодарен Ленку за свое спасение, и это сильно беспокоило его. Молодой танкист миролюбиво поднял руку:

— Я просто сказал, что слышал.

Вульфе заворчал себе под нос. Посмотрев через открытый люк, он увидел, что небо стало угольно-черным. Неужели чокнутый де Виерс решил не останавливать колонну на ночь?

— Мецгер, — обратился он к водителю, — хочешь, я подменю тебя на рычагах?

— У меня силенок хватит еще пару часов, — ответил Мецгер. — А вот потом ты можешь занять мое место.

За свою долгую карьеру Вульфе освоил каждую профессию на борту «Лемана Русса». Он не был таким талантливым водителем, как Счастливчик Мецгер, но мог держать «коробочку» в колее, пока его товарищ получал необходимый отдых.

— Договорились. Два часа. Дай знать, если устанешь раньше.

— Будет сделано, сардж.

Вульфе сел на командирское сиденье. Сон не шел. Его мысли бегали по кругу. Он по-прежнему слышал в своей голове слова проклятого капрала. Старый шрам на горле не давал покоя. Вульфе легонько почесал его. На вокс-каналах царила тишина. Только регулярные сообщения поступали от «Часовых» и моторазведчиков. Через минуту его отвлек голос Горошка.

— Может, все-таки хотите почитать? — спросил стрелок, предложив ему коллекцию порнографических снимков.

— Там нечего читать, — усмехнулся Оскар, но все-таки взял потрепанный журнал.

Глава 18

На шестой день после отъезда из Бэлкара у генерала появился сухой колющий кашель. У некоторых его офицеров кашель был гораздо хуже, но де Виерс запаниковал, потому что, с учетом преклонных лет, он считал свое здоровье более уязвимым к атакам Голгофы. Он видел, что красная пыль делала с некоторыми гвардейцами. Чертов штат Медикае был, на его взгляд, таким же бесполезным, как бутажный лазган.

Прошлым вечером высокие скалы Красного ущелья закончились широким выходом на открытые пески пустыни. Экспедиционные силы прошли весь путь без инцидентов и разбили лагерь у входа в каньон. Час назад наступивший рассвет показал, насколько мудрым и удачным оказалось решение остановить колонну.

Его решение, конечно. Если бы «Экзолон» продолжил движение на восток, они уткнулись бы в самое крупное укрепление орков, какое де Виерс видел в своей жизни.

Сейчас он рассматривал его. Генерал стоял у клапана торопливо возведенной палатки и, прижав магнокуляры к глазам, сканировал массивное сооружение. Казалось, эта стена тянулась от одного конца горизонта к другому. За ней едва заметным силуэтом, дрожавшим в утреннем неверном свете, виднелась цепь Ишварских гор. Высокие вершины терялись в пухлых облаках кровавого цвета.

— Почему, гори все огнем, мне не сказали об этой стене?! — сердито крикнул он. — Такое колоссальное сооружение! Как наши зонды-сервиторы могли пропустить нечто подобное? Позовите сюда техножрецов. Позовите магоса Сеннесдиара. Я хочу услышать его чертовы ответы!

Высота орочьей стены достигала сотни метров, и лишь Святой Трон знал о ее протяженности. От таких масштабов захватывало дух. На внешней поверхности

виднелись огромные бронированные плиты, окрашенные сверху донизу в красный цвет. На них красовались грубые орочьи глифы, намалеванные белой краской. Наверху, вдоль всей стены, тянулись острые неровные зубцы. Из-за них выглядывали цилиндрические стволы гигантских пушек. Но на парапетах не было воинов. За то время, что де Виерс рассматривал фантастическое сооружение, он не заметил никаких признаков жизни. Мог ли он доверять своим глазам? Дымка терцавшего воздуха не позволяла разглядеть детали с такого расстояния. На самом деле орудийные башни и ярусы стены могли кишеть свирепыми врагами.

Однако если они были там, то, видимо, не замечали Восемнадцатую группу армий. Пока не замечали. «У них зрение не такое хорошее, как у людей, — подумал де Виерс. — Но чем дольше мы будем смотреть на стену, тем больше времени у них окажется на то, чтобы обнаружить нас. Нельзя терять фактор внезапности. Незамедлительная атака даст нам лучший шанс на преодоление

препятствия. Мы должны начать штурм. Мохамар, тебя ждет слава!» Дело осталось за малым.

В стене виднелись несколько железных ворот, таких же высоких и укрепленных бронированными пластинами. Они располагались на равных интервалах по всей длине оборонительного сооружения. К сожалению, они были закрыты. Ворота выглядели очень прочными и массивными.

Один из генерал-майоров прочистил горло. Де Виерс не понял, кто именно.

— Значит, нам ничего не известно о протяженности стены? — спросил генерал. — Неужели нет никаких сведений?

Берген, Киллиан и Реннкамп стояли за его спиной, осматривая через магнокуляры орочье укрепление.

— У нас не было времени для проведения разведки, сэр, — доложил Берген. — Пилоты «Вулканов» ожидают вашего приказа. Если хотите, они могут пролететь вдоль стены. Возможно, им удастся найти обходной путь. По нашим оценкам, это сооружение тянется на сотни километров в обе стороны.

— Клянусь Золотым Троном! — прошипел де Виерс. — На сотни километров!

Он с пессимизмом относился к поиску окольных путей. Зуд интуиции в его кишках — инстинкт, развитый десятилетиями боевого опыта, — подсказывал ему, что эта ситуация являлась частью какой-то проверки. Вселенная выставила перед ним препятствие, желая посмотреть, достоин ли он вечной славы. Поэтому никаких обходных путей! Он пройдет любую проверку!

Размеры укрепления предполагали, что ее возводили, чтобы сдержать продвижение титанов. Конечно, глупая затея. Ничто не могло противостоять атаке механических колоссов. Но, видимо, зеленокожие построили стену, исходя из неких рудиментарных чувств. Наверное, это было реакцией на голгофскую кампанию Яррика. В прошлой войне комиссар использовал богоподобных титанов. Судя по всему, зеленокожие ожидали возвращения имперских сил.

— Соберите офицеров, — приказал де Виерс. — Я хочу, чтобы к концу дня мы прошли через эти ворота.

— Сэр! — запротестовал Киллиан. — Мы ничего не знаем о силе вражеского гарнизона. Необходима правильная рекогносцировка. Разрешите хотя бы выяснить численность противника...

— Я не спрашивал вашего мнения, Клот, — оборвал его генерал. — Надеюсь, вы видите эти ворота так же хорошо, как и я? Если вам нужна разведка, проведите ее. Но я вам сразу скажу: мы не будем искать обходных путей. Мы пробьем себе дорогу через те ворота. Меня не остановит эта чертова стена!

Берген, Киллиан и Реннкамп опустили магнокуляры и быстро переглянулись между собой. Де Виерс решил не обращать на это внимания.

— Может быть, направим туда «Вулканы», сэр? — предложил Берген. — Прикажите им провести первичный осмотр территории. Тогда мы поймем, с чем имеем дело. По крайней мере, они подскажут нам, что находится за стеной.

— Мы не будем растрачивать воздушную поддержку, Джерард, — возразил генерал. — Вы и сами знаете, что артиллерия орков порвет их на куски. Не думаю, что вам потом захочется сообщать об этом коммодору Гэлбрайзу.

— Ну хотя бы один истребитель, — взмолился Реннкамп.

— Всё лучше, чем атаковать вслепую, — поддержал его Берген.

— А вдруг наши молитвы подействовали и орки ушли отсюда? — произнес Киллиан. — Я не вижу никакого движения. Никаких признаков жизни. Кто знает, как давно построили эту стену.

— Нет, Клот. — Де Виерс покачал головой. — Они наверняка там. Орки вложили много сил и средств в возведение такого мощного укрепления. Наша цель находится по ту сторону стены. Я уверен, что враги, построившие это сооружение, оставили здесь большой гарнизон.

— Тогда давайте пошлем один «Вулкан», — сказал Реннкамп. — Он совершит быстрый облет, и мы получим необходимые сведения.

— И предупредим всю орду зеленокожих о своем прибытии? Нет, Аарон. Никакой воздушной разведки. При таких погодных условиях «Вулканы» не смогут набрать высоту. Их тут же обнаружат. Я жду других предложений.

— Тогда «Шершни», сэр, — произнес Берген. — Направим к воротам один разведывательный байк. Если нам повезет, орки примут его за своего курьера. Он не привлечет большого внимания, и наш разведчик осмотрит стену с близкого расстояния.

— Звучит вполне выполнимо, — кивнул де Виерс. — Так и сделаем. Пошлите лучшего разведчика. Кого-нибудь с большим опытом. Через час я жду донесения с перечнем обнаруженных уязвимых мест.

Берген отсалютовал и удалился, чтобы выполнить приказ генерала.

* * *

Рекогносцировка не заняла много времени. Через сорок минут специально отобранный моторазведчик вернулся с рапортом к полковнику Мэрренбургу. Тот остановил его на полуслове, велев поберечь силы для отчета в штабной палатке генерала, где их уже ожидали старшие офицеры «Экзолона» — более дюжины человек в званиях от полковника и выше. Они быстро двинулись к ней по красному песку. Мэрренбург провел своего бойца через полог палатки. День был жарким, как адское пекло. В прохладной тени штабной палатки полковник представил разведчика собравшимся офицерам.

— Джентльмены, — с гордостью произнес Мэрренбург, — это сержант Бассманн. Он лучший разведчик в моем подразделении. Вы можете полностью доверять его сообщению.

Так как сержант служил в дивизии Бергена, де Виерс назначил генерал-майора ответственным за проведение собрания. Остальным офицерам было предложено сосредоточиться на деталях рапорта. Новости оказались не очень

хорошими. Судя по отчету разведчика, стена по мере приближения производила все более устрашающее впечатление. Очевидно, то, что находилось за ней, представляло огромную ценность для зеленокожих. Они потратили колоссальные ресурсы на возведение этого укрепления — ресурсы, которые могли бы пойти на создание сотен, если не тысяч боевых машин.

Слова сержанта обеспокоили Бергена по двум причинам. Во-первых, они свидетельствовали о том, что орки располагают достаточным количеством ресурсов для строительства такой гигантской линии обороны. Он заподозрил, что где-то рядом находились фабрики по очистке руды. Как близко к поверхности залегали месторождения? Столетия назад Адептус Механикус заселили Голгофу из-за обилия металлов, залегавших в коре планеты. Но вряд ли орки использовали технологии для глубинной добычи руды. Значит, где-то были открытые месторождения. Во-вторых, такая щедрая трата ценных металлов могла означать

лишь одно: по ту сторону находилось что-то важное для орков. Да, люди считали их звероподобными и дикими, но они обладали интеллектом и смекалкой. Они не были безмозглыми тварями. Если орки построили стену, значит, для этого имелась веская причина.

Слушая отчет Бассманна, Берген подумал о «Крепости величия». Не могла ли она быть той вещью, которую защищали зеленокожие? Неужели они предполагали, что имперские силы вернутся на Голгофу и попытаются забрать этот танк? Неужели они построили стену, зная, что сражение с людьми неизбежно?

Разведчик сообщил о большом количестве артиллерии на парапетах. Некоторые стволы, торчащие из-за зубцов стены, имели широкие жерла и предназначались для снарядов большого размера. Такие орудия можно было бы устанавливать даже на носу межзвездных кораблей.

«Вот как, — подумал Берген. — Тогда орки точно там. Они не оставили бы

огромные пушки без присмотра. Клянусь взорванным Оком! Нам предстоит тяжелая битва».

Бассманну не удалось оценить толщину стены. Он не знал, как долго она выдержит огонь орудий Восемнадцатой группы армий. Но, судя по виду, она была готова к длительной осаде. Имелась и хорошая новость. Крепления некоторых бронированных пластин проржавели. К тому же орки никогда не славились аккуратностью. В конструкции наблюдались неровности, которые можно было использовать для подъема на ярусы. Однако сначала требовалось приблизиться к основанию укрепления. А вот шансов на это оставалось мало. Бассманн заметил на стене многочисленные пластины на петлях. Некоторые из них оторвались из-за ржавых болтов, открыв природу своего предназначения. Они прикрывали стрелковые бойницы, за которыми виднелись крупнокалиберные пушки.

В конце своего рапорта Бассманн смущенно посмотрел на полковника Мэрренбурга и затем, глубоко вздохнув,

сказал:

— По моему мнению, господа офицеры, прямая фронтальная атака на орочью стену закончится тяжелыми потерями. Если бы это зависело от меня...

— Сержант, — оборвал его Мэрренбург, — вашего мнения никто не спрашивал. Попридержите язык и отвечайте только на поставленные вопросы.

Бассманн покраснел. В его глазах сверкнули сердитые искорки, но он поспешно произнес:

— Извините, сэр, если я сказал что-то лишнее.

Генерал де Виерс прочистил горло и перевел взгляд на сержанта:

— На этот раз мы прощаем вас, сержант. Однако сами подумайте. Без твердости духа не бывает славы. Покажите мне достойное завоевание, которое не имело бы большой цены.

Бергену захотелось закатить глаза. Судя по мрачному взгляду сержанта, Бассманн чувствовал то же самое. Но прежде, чем разведчик смог выкопать себе

глубокую яму, генерал-майор поднялся на ноги и заговорил:

— Спасибо за подробный отчет, сержант. Ваше усердие будет учтено в служебных записях. Если у генерала больше нет вопросов...

Де Виерс покачал головой.

— Вы можете идти, — закончил Берген.

Сержант отсалютовал и, повернувшись, вышел в свет дня.

— Давайте поговорим о воротах, — произнес Киллиан. — Разведчик сообщил, что они подвешены на петлях. Створки открываются наружу. Но они слишком велики, чтобы таранить их. Как, черт возьми, мы выломаем такие громадины?

На его вопрос ответил Виннеманн. Полковник горбился на стуле, словно горгулья на стене кафедрального собора.

— Мы все знаем орков. Есть шанс, что, увидев наше приближение, они сами откроют ворота и хлынут навстречу волной, будто крысы из горящего здания. Нам останется лишь пробиться через их орду, не дав им закрыть створки.

Джерард поймал взгляд де Виерса. Тот смотрел на искалеченную фигуру Виннеманна с почти нескрываемым отвращением. Впервые после плато Хадрон Берген почувствовал мощную волну презрения к старому генералу.

— А если они не захотят бросаться в атаку? — спросил темнокожий полковник по фамилии Мейерс.

Этот высокий сухощавый мужчина походил на стервятника. Один его глаз выглядел как белый шар без намека на зрачок и радужную оболочку. Полковник служил под началом Киллиана.

Полковник Виннеманн криво усмехнулся:

— Тогда вперед выйдет «Ангел Апокалипсиса» и выбьет пинком их чертову дверь.

Взглянув на собравшихся офицеров, Берген заметил, что замечание полковника вызвало на их лицах улыбки. Однако атмосфера была накаленной. Никто не ожидал задержки в пути. Они не готовились к долгой осаде. От передовой базы их отделяло больше сотни

километров. Если бы между ними и орками возникла патовая ситуация, они попали бы в прямую зависимость от резервных поставок. При наличии у орков воздушной поддержки, способной бомбить каньон Красного ущелья, экспедиционные силы «Экзолона» оказались бы отрезанными от контактов с Бэлкаром. Данные разведки с самого начала вызывали сомнения — отрывочные сведения от вокс-зондов Механикус, военные карты сорокалетней давности и смутные догадки Официо Стратегос. Берген никогда так остро не осознавал сомнительную природу их миссии.

— Значит, прямая фронтальная атака, — без энтузиазма произнес Киллиан. — Никакого прикрытия. Все машины будут действовать на открытой местности. Если Император не поможет нам, это будет кровавая бойня на средней дистанции. Вы же слышали, что Бассманн говорил о пушках на стене.

— Я думаю, мы можем не принимать в расчет его слова, — нахмурившись, сказал де Виерс. — В половине случаев орочьи

пушки дают осечки при выстрелах.

— А другая половина случаев? — пылая взором, поинтересовался Реннкамп. — Их орудия порвут наших парней на куски!

Де Виерс покраснел от гнева. Не будь в штабной палатке такого количества офицеров, он впал бы в ярость. Однако, взглянув на сосредоточенные лица подчиненных, генерал подавил вспышку гнева.

«Он едва не выставил себя старым дураком, — подумал Берген. — Реннкамп и Киллиан заводят с его с половины оборота. Лично я не против подобных демонстраций. Но нужно ли это видеть полковникам?»

Берген не осуждал коллег. Они просто озвучили мысли, которые витали в его голове. После многих дней пути «Экзолон» оказался в сложной ситуации. Гоняясь за реликвией, которой, скорее всего, больше не было, они оставили позади километры скал и песка. Теперь перед ними возвышалось самое большое препятствие, с каким они когда-либо сталкивались. За этой стеной из железа и стали — в какой-

то долине у подножия Шиварской гряды — находился конец их кошмара. Они либо найдут там танк Яррика, либо не найдут. В любом случае прорыв через стену приближал их к концу миссии. Они могли завершить игру генерала. Они могли направиться на Армагеддон, где действительно шли важные сражения с орками.

— Я скажу, что мы сделаем, — произнес Берген.

Все офицеры, собравшиеся в палатке, повернулись к нему.

— Нам предстоит прямая фронтальная атака. Будем бить врагов из всего, что у нас есть. Если мы сфокусируем огневую мощь на достаточно малом участке, то сможем пробиться на ту сторону. Я думаю, мы прорвем их оборону.

— Прекрасно, что вы видите ситуацию так же, как я, — сказал восхищенный де Виерс.

Он склонился к Бергену и похлопал его по плечу. Генерал-майору понадобились большие усилия, чтобы не уклониться от

руки старика.

«У меня нет выбора, — со злостью подумал он. — Прости меня Трон, но я хочу ускорить конец экспедиции. Это ты привел нас сюда, ублюдок, жаждущий славы. Клянусь Императором, я в последний раз служу под твоим началом. А если нам немного повезет, ты больше никого не поведешь за собой».

— Полковник Виннеманн, вы возглавите авангард, — сказал де Виерс. — Я хочу, чтобы ваш «Меч тени» был готов к выстрелу по воротам. Если орки, как ожидается, пойдут в атаку, вы отойдете на безопасное расстояние и поступите в распоряжение генерал-майора Бергена. Однако, если зеленокожие решат остаться за стеной, я хочу, чтобы вы показали им ярость Императора. Вам понятен приказ?

— Укажите ворота, сэр, — ответил Виннеманн, — и моя «девочка» разнесет их на куски. Вам стоит посмотреть на это.

Берген понял, что должен вмешаться. Он с укором посмотрел на Виннеманна, но обратился к де Виерсу:

— Доблестный полковник не сообщил

вам важную деталь, генерал. Выстрел из пушки оставит его танк неподвижным на несколько минут. Он превратится в легкую мишень. И все это время «Ангел Апокалипсиса» будет принимать на себя огонь вражеской артиллерии.

Виннеманн обиженно поморщился. Похоже, он подумал, что Берген критикует его танк.

— Моя машина оснащена лучшей броней во всей группе армий, — произнес он в ответ. — «Ангел» выдержит их атаку. А если положение будет слишком тяжелым, мы используем дымовую завесу.

Берген нахмурился.

— Тогда так и порешим, — сказал генерал, страстно желая начать операцию.

Он постучал двумя пальцами по мятому листу пергамента, который лежал перед ним на маленьком столе. Это была карта, нарисованная разведчиком Мэрренбурга.

— Теперь слушайте меня внимательно. Мы будем атаковать эти ворота. Они наиболее удалены от

остальных, что позволит нам дольше не обращать внимания на орочьи вылазки с флангов. Я думаю, когда мы нападем, они вышлют отряды из ближайших ворот. В любом случае, это наша цель. Я определяю ее как точку «альфа». За исключением полковника Виннеманна, все офицеры рангом от майора и выше остаются за этой чертой.

Он нарисовал пальцем воображаемую линию, где, как ему казалось, орочья артиллерия не могла нанести огневой удар.

— Я не верю, что орудия орков могут преодолеть такую дальность. Руководство операцией беру на себя. Я буду командовать из моей «Химеры». Реннкамп, Киллиан и Берген, вы будете передавать мои приказы вашим дивизиям. Вам все понятно?

— Так точно, сэр, — ответил Киллиан.

Берген промолчал. Он заметил новый блеск в бесцветных глазах генерала.

— Тогда за дело, джентльмены, — обратился к полковникам де Виерс. —

Подготовьтесь к атаке. В течение часа ваши дивизионные командиры разработают детальный план наступления. Разойтись!

Командиры полков отсалютовали и вышли из палатки. Берген хотел отозвать Виннеманна для личного разговора, но де Виерс никак не мог успокоиться:

— Командиры дивизий, останьтесь. Я хочу уточнить нашу диспозицию во время штурма.

Неужели Виннеманн не понимает, на что он идет, размышлял Берген. Когда орки увидят неподвижный «Ангел Апокалипсиса», они ударят по нему из всех своих орудий. Танк был достаточно легкой целью — он в три раза превышал размеры машин, которые эскортировали его. И, как у Каравассы, он будет абсолютно неподвижным, пока его конденсаторы вновь не зарядятся для питания генераторов. После выстрела «Вулкана» взгляды всех орков будут прикованы к «Мечу тени». Экипажу потребуется несколько минут, чтобы вновь переключить генератор на

питание ходовой установки. Когда вокруг начнут падать снаряды, им понадобится каждая секунда. Если ветер не усилится, дымовая завеса скроет «Ангел» от вражеских артиллеристов. Но любой порыв ветра отгонит дым в сторону.

Конечно, Виннеманн все понимал. Он просто хотел выполнить свой долг. И он не желал, чтобы кто-то помешал ему в этом. А может быть, полковник устал от постоянной боли и решил найти почетную смерть? «О великий Трон! — подумал Берген. — Надеюсь, я не прав».

Глава 19

Когда орки заметили их, на кадийцев обрушился адский хаос. Как и предполагал генерал де Виерс, все ярусы стены были укомплектованы личным составом. Фактически им противостоял многотысячный гарнизон. Едва зеленокожие увидели облако пыли, поднятое имперской бронетехникой, они тут же заняли места у своих мощных орудий.

Танки Восемьдесят первого бронетанкового полка двигались свободным строем — широкой линией, с Безбашенными ван Дроя на дальнем правом фланге. Первая рота капитана Итриха сопровождала «Меч тени» полковника Виннеманна. Полуденный зной сиял зыбким маревом. Над полем сражения бурлило зловещее небо Голгофы.

— В атаку! — прокричал по воксу ван Дрой.

Безбашенные помчались к стене. Их гусеницы вспарывали песок, лежавший между ними и врагом. Весь полк Виннеманна шел на противника одной массивной волной: десять бронетанковых рот, хотя ни одна из них не могла похвастать полной комплектацией. Каждое подразделение понесло потери во время похода. Но они по-прежнему представляли собой силу, с которой следовало считаться. Когда они мчались по песчаной равнине, от них нельзя было отвести глаз. Взрывы и шлейфы черного дыма говорили о плотном артиллерийском огне с парапетов укрепления. Горячий воздух пустыни наполнился басовитым грохотом канонады. В песке, в местах падения первых снарядов, возникали большие кратеры с черными краями. Орки безнаказанно били по кадийцам с дальней дистанции. Вскоре их заградительный огонь начал собирать людские жертвы. Три танка Второй роты лейтенанта

Кейсслера были разорваны на куски мощными взрывами. Первые потери этого сражения. Кейсслер уплотнил звено уцелевших машин и выровнял линию.

По крайней мере, эти экипажи погибли быстро. Огромные орочьи снаряды несли большое количество взрывчатки. Подбитые танки разрывало взрывами в клочья. Люди не варились внутри, не горели заживо в стальных гробах, а просто погибали внезапной смертью. Три черных остова, в которых едва угадывались очертания «Леманов Руссов», стояли, изливая дым, пока другие танки проносились мимо них. Поскольку орки пристрелялись, полковник Виннеманн приказал всем ротам рассредоточиться. Идти сплоченной группой под таким массированным артиллерийским огнем было бы чистым самоубийством.

Танки маневрировали, уклоняясь от снарядов. Им следовало выйти на дистанцию прицельной стрельбы. Учитывая притяжение Голгофы, пушки стандартных «Леманов Руссов» могли бить по целям с расстояния свыше двух

километров. Однако дальность обстрела вражеской артиллерии была вдвое больше. Перед танкистами стояла задача первостепенной важности: сократить дистанцию и уничтожить огневые точки зеленокожих.

Как и остальные машины, танк «Последние молитвы-II» мчался с закрытыми люками по пологим дюнам. Вульфе сидел в задней части башенной «корзины» и наблюдал за атакой через блоки визоров, которые шли кольцом по кромке купола. Время от времени он выкрикивал указания водителю:

— Сейчас прямо, Мецгер! Держи «малышку» на скорости.

Взглянув влево, он увидел рядом «Врагодава» ван Дроя. За ним в одной линии неслись десятки других танков. Это было славное зрелище. Внезапно яркий свет резанул его по глазам, и сержант взревел от боли. Когда он снова поднял веки, с его губ слетел вздох облегчения. Танк ван Дроя по-прежнему двигался сбоку. Вульфе повернулся и, взглянув назад, увидел черные горящие обломки. Кого-то

подбили. Густой дым поднимался к облачному небу. «Это могли быть и мы», — подумал сержант.

Мецгер выжимал из старой «девочки» максимальную скорость. Танк мчался вперед, как безумный карнотавр. Мотор ревел. Подвеска тряслась и подскакивала, швыряя людей в «корзине», словно кукол. По сторонам мелькали вспышки. Взрывы снарядов сотрясали кости. Вульфе заметил еще два горевших остова, оставшихся позади кадийской линии. Впереди и по бокам взлетали вверх фонтаны грязи и песка. Зеленокожие продолжали обстреливать атаковавшие имперские силы. «Покоритель» ван Дроя вырвался вперед. Вульфе увидел, как танк лейтенанта резко отклонился в сторону, огибая огромный столб огня и пыли, который гейзером поднялся в воздух. Водитель ван Дроя, Налзиг, показал свой изумительный талант. «Врагодав» был на волосок от уничтожения. Мецгер тоже увидел это. Спустя секунду он уклонился от кратера, возникшего на месте взрыва. Горошек ударился головой о

металлический кожух прицела.

— Проклятье!

— Будь внимателен! — прокричал Вульфе сквозь какофонию боя. — Держи лицо прижатым к мягкой окантовке прицела.

Общаться друг с другом было трудно даже по интеркому. Артиллерийский огонь, взрывы и шум двигателя заглушали все остальные звуки.

— Я хочу, чтобы наша «коробочка» открыла огонь, как только мы достигнем нужной дистанции, — продолжил Вульфе. — Осколочными снарядами. Нам нужно уничтожить настенные орудия, иначе пехоту порубит в крошево, когда она последует за танками.

Впереди и левее несколько танков из других рот уже открыли ответный огонь по противнику. Машины передвигались слишком быстро для точной стрельбы, но Вульфе видел яркие разрывы в тех местах, где снаряды попадали в стену. Эта контртера не вызвала заметного эффекта. Заградительный огонь зеленокожих уничтожил еще несколько

танков из Пятой и Восьмой рот.

— Клянусь Оком Ужаса! — прорычал сержант. — Как мы подавим их огневые точки при таком спринте? Кто придумал этот гиблый план?

Мецгер прокричал по внутренней связи:

— Мы на дистанции! Можно стрелять!

— Горошек, наведи пушку на одно из настенных орудий, — велел Вульфе. — Чем оно будет больше, тем лучше.

— Понял, — ответил стрелок. — Средний ярус стены. На два часа от нас. Надеюсь, подойдет? Бойница сверху и слева над воротами, сардж.

Вульфе взглянул на стену и нашел указанную цель. Это была самая большая пушка в зоне видимости. Хорошая мишень. При такой ширине жерла внутри ствола мог бы спокойно поместиться человек.

— Отлично! — крикнул Вульфе. — Сиглер, осколочный. Горошек, прицел. Сделай показательный выстрел. Нам придется стрелять по ходу движения.

— Я справлюсь, сардж, — пообещал

стрелок.

Сиглер вставил снаряд в приемник пушки, затем налег на запирающий рычаг и прокричал:

— Заряжено!

— Мецгер, ради Трона, сбавь до третьей! — взмолился Вульфе. — Продолжай движение и будь готов ко всему.

— Есть, сэр, — ответил водитель.

«Последние молитвы-II» резко замедлил движение. Танки по бокам начали удаляться от их машины. Вульфе почти не замечал, что творилось вокруг. Его взгляд был прикован к цели. Почувствовав, что Мецгер перешел на третью скорость, он крикнул:

— Огонь!

— Готовься! — отозвался стрелок и нажал правой ногой на педаль стрельбы.

Танк отдернуло назад. Три шлейфа огня вырвались из ствола: из жерла и по одному из каждой щели дульного компенсатора. Башенная «корзина» наполнилась едкой вонью отработанного файселинового пропеллента. Вульфе даже

бровью не повел. Он наблюдал за пушкой орков. Через долю секунды после того, как «Последние молитвы-II» выплюнул снаряд, желтый шар огня взорвался чуть ниже порта с торчавшим стволом. Куски горящего металла брызнули дождем на песок у основания стены. Черный дым отнесло ветром. Когда все прояснилось, Вульфе увидел... «Черт!»

— Мимо! — сообщил он экипажу. — Мецгер, педаль в пол! Дай нам полную скорость. Продолжаем двигаться вперед!

Он отвел взгляд от блока визоров и увидел, как стрелок ударил кулаком по бедру.

— Проклятье! — прокричал новичок. — Клянусь взорванным Оком!

Вульфе склонился вперед и сжал рукой его плечо:

— Побьешь себя позже, сынок. Сейчас дай нам точный и выверенный выстрел. Сиглер! Осколочный. Живее!

Заряжающий не стал тратить время на подтверждение. Он загнал снаряд в приемник, дернул запирающий рычаг и рявкнул:

— Заряжено, сардж!

«Давай, Горошек! — взмолился Вульфе. — Соберись, парень».

— Мецгер, сбрось до третьей!

— Будет сделано, сержант, — ответил водитель.

— Миркос, уточни прицел, — посоветовал Вульфе. — Возьми чуть выше. Мы приблизились на сотню метров. Ты готов?

— Цель взята, — доложил Горошек.

— Не подведи нас, парень! — прокричал сержант.

Послышался басовитый лязг, и башню наполнило едким дымом. Сила отдачи подбросила танк в воздух. Гусеницы жестко ударились о песок. Казенная часть пушки скользнула назад и скинула гильзу в стоявший на полу медный сборник. Вульфе прищурился, рассматривая стену в блок визора. Массивный орудийный порт, в который целился его стрелок, вспыхнул ярко-красным пламенем и заполнился черным дымом. Осколки орудия вырвались наружу. Башня загудела от радостных воплей.

— Это уже кое-что получше! — констатировал Вульфе. — Мецгер, обратно на пятую!

Мотор взревел. До основания металлической стены оставалось не больше километра. Другие роты притормозили, стреляя по бойницам, которые находились перед ними. Огонь и дым изливались из орудийных башен и портов на стене. «Покорители» и «Разрушители» Восьмой и Девятой рот подавляли огонь на парапетах и разбивали вражескую артиллерию в куски. Они не позволяли орудиям противника взрывать машины с имперской пехотой, которые должны были последовать за танками. Черные клубы дыма поднимались в небо со всех участков поля боя. Повсюду пылала горящая бронетехника.

Вульфе мельком увидел огонек, мигавший на вокс-панели. Он нажал на клавишу. Вызов шел от ван Дроя.

— Командир роты всем танкам. Нам приказано повернуть направо. Похоже, орки не хотят выходить наружу по собственной воле. Полковник Виннеманн собирается

выломать их ворота.

— Мецгер, бери правее! — крикнул Вульфе. — Двигайся параллельно стене. В игру вступает «Ангел Апокалипсиса».

* * *

Массивный «Меч тени», направлявшийся к гигантской стене, скрывался за облаком пыли, поднятым другими машинами. Он постепенно приближался к позиции, из которой можно было атаковать точку «альфа». «Один выстрел, — думал Виннеманн. — Мы должны уложиться в один выстрел и проделать брешь в воротах».

Он услышал в наушниках возбужденный голос генерал-майора Бергена:

— Вы уже на месте, полковник?

— Через несколько секунд займу позицию, сэр, — сообщил Виннеманн.

Чуть позже водитель доложил о нужной дистанции. Когда стрелок

подтвердил линию прицела, полковник вновь связался с Бергеном:

— Все в порядке, сэр. Готовится к выстрелу.

— Мы рассчитываем на вас, Кочаткис.

Берген переключился на командный канал дивизии. Виннеманн услышал, как он информировал другие подразделения:

— Дивизия всей броне. Сообщаю. «Ангел Апокалипсиса» готовится к выстрелу. Я повторяю, «Ангел» готовится к выстрелу.

Виннеманн перешел на внутреннюю связь.

— Шварц, — обратился он к инженеру, — переведи всю мощность на пушку. Скажи, когда она зарядится.

— Слушаюсь, сэр.

— Вамбург, — адресуясь к стрелку, произнес полковник, — выстрел на всю продолжительность заряда. Пусть ворота испарятся.

— Не волнуйтесь, сэр. Засвечу им по самую задницу.

— Накопители полны! — отчитался

Шварц.

— Отлично! — похвалил его Виннеманн. — Вамбург, ты слышал его. Сделай все, как нужно!

— Приготовиться к выстрелу! — прокричал стрелок.

Воздух внутри танка наполнился гулом, словно тысячи голосов соединились в нарастающий гул, который постепенно заглушил все остальные звуки. Виннеманн почувствовал, что пространство вокруг него завибрировало, а затем разряд прошел через его изогнутое тело. Боль, которую он обычно чувствовал, на секунду расплавилась. Тон генератора поднялся до едва уловимого визга. Танк вздрогнул, как будто его пнул ногой разъяренный гигант. Из пушки вырвался ослепительно-белый луч. Он пронесся над полем сражения и вонзился в центр массивных орочьих ворот.

Воздух всколыхнулся от мощного громоподобного треска. На мгновение железные ворота вспыхнули слепящим светом и... исчезли, словно их никогда не было. Бронированная стена вокруг

отверстия замерцала оттенками белого, которые постепенно переходили в желтые, оранжевые и красные цвета. Комки расплавленного металла начали падать на землю огненным дождем. Через несколько секунд бронированные панели стен охладились и вновь затвердели. Их вид напоминал подтеки расплавленного воска.

Стена была пробита. Восемнадцатая группа армий получила проход, но бой только начинался. За почерневшим отверстием виднелись горевшие дома. Многим из них был нанесен значительный ущерб просочившейся энергией смертоносного луча, выпущенного древним «Мечом тени».

Оценив результаты усилий своего экипажа, Виннеманн открыл вокс-канал с генерал-майором Бергеном:

— Задача выполнена, сэр. Точка «альфа» открыта. Мы пробили брешь в стене. Теперь нужно захватить ее любой ценой и создать безопасный проход для остальных машин.

Через блоки визоров полковник увидел,

как десятки танков развернулись и помчались к проделанной им бреши.

— Шварц! — воспользовался он интеркомом. — Переведи всю мощь на основной двигатель. Мы долго здесь не простоим.

Орочья артиллерия уже начинала прорезать смертельную дорожку грязи и огня к его танку. Все больше и больше вражеских орудий обстреливали «Ангел Апокалипсиса».

— Вамбург, молодец! — произнес Виннеманн. — Прекрасная работа. Запускай дымовую завесу. Беккер, полный назад, как только сможешь. Мы что-то стали популярными у орков.

— Полная мощь генераторов переведена на основной двигатель, сэр, — отрапортовал Шварц. — Мы можем двигаться, если прикажете.

— Молодец! — отозвался Виннеманн. — Ты слышал его, Беккер. Уводи нас отсюда.

Три снаряда вонзились в землю прямо перед «Ангелом», подняв в воздух фонтаны огня и песка. Ударная волна качнула танк.

Виннеманн услышал, как камни и осколки снарядов забарабанили по броне.

— Чертовски близко! Следующие точно будут наши, если мы не уберемся отсюда. Беккер! Полный назад!

Могучий «Меч тени» вздрогнул и загрохотал гусеницами. Его огромное цепное колесо завращалось в обратную сторону. Но «коробочка» весила триста восемь тонн. Ускорение после остановки было медленным. Когда танк начал двигаться назад, Берген снова вызвал Виннеманна по воксу:

— Дивизия, командиру брони. Вы слышите меня, Кочаткис?

— Говорите, сэр, — ответил Виннеманн.

— Быстрее отходите назад. С юга приближаются орочьи бомбардировщики. Они идут на приличной скорости.

— С юга, сэр?

— Подтверждаю. С юга. Трон знает, откуда они стартовали, но, судя по линии подлета, их птички взлетели не из-за стены.

— Вы хотите сказать, что орки

обладают дальней связью? — удивился Виннеманн. — Неужели гарнизон на стене вызвал воздушную поддержку с удаленного аэродрома?

— Если орки обзавелись такой связью здесь, на Голгофе, то они оснащены лучше нас. Я спрошу техножрецов, в чем тут дело. Послушайте, Кочаткис. Ваш танк является самой крупной целью на поле сражения. Орки проявляют к вам большое внимание. Я направил в вашу сторону несколько «Гидр». Мы уже потеряли один из «Вулканов». Они не предназначены для воздушных боев. На такой скорости полета они совершенно беспомощны.

— Понял вас, сэр. Мы попытаемся отступить как можно быстрее. Но меня весьма обрадовала бы поддержка бомбардировщиков.

— «Гидры» будут рядом с вами через несколько минут, — пообещал Берген. — Информируйте меня, когда они доберутся до вас.

— Так точно, сэр. До связи.

«Бомбардировщики с юга, — подумал Виннеманн. — Стромм и ван Дрой

сообщали о большой орде орков, которая тоже двигалась с юга. Неужели это совпадение?»

* * *

— Вперед! — кричал Вульфе. — Прямо через брешь!

Мецгер провел «Последние молитвы-II» сквозь пробитые ворота орочьей стены. За оплавленными краями отверстия открывался вид на хаос взломанной обороны противника. Повсюду горели кривобокие здания, казавшиеся уродливой мешаниной из ржавых стальных столбов и листов металла, которые под странными углами крепились друг к другу болтами. Красные стены домов были обвязаны колючей проволокой и украшены белыми глифами. Зеленокожие пехотинцы вели шквальный огонь буквально из-за каждого угла. Некоторые из них толпились на приподнятых платформах. Другие нападали бесконечными

приливными волнами, стреляя по наступавшим танкам из всего, что было в их руках.

Основное вооружение орков состояло из тяжелых стабберов и огнеметов, но Вульфе знал, что в арсенале врагов имелись более опасные вещи. Он быстро осмотрелся по сторонам, выискивая толстые, похожие на трубы гранатометы, которые уничтожили танк Сименса. Заметить что-то конкретное в такой огромной толпе было невозможно. Вокруг все мелькало от постоянного движения. Орки, разрывы снарядов, клубы дыма, горевшие обломки.

У него не было времени на подсчет уцелевших танков Восемьдесят первого полка. Интуитивно Вульфе подозревал, что сквозь брешь прошло около пятидесяти машин — то есть половина бронетехники «Раската грома» была потеряна при наступлении. Внезапно из здания, похожего на башню, вылетел ярко-красный шар огня. Прочертив дугу, он вонзился в танк слева от «Последних молитв-II». Машина взорвалась в

ослепительной вспышке оранжевого пламени.

— Фугасные снаряды! — прокричал он в вокс другим командирам танков. — Они используют противотанковое оружие!

Голоса в наушниках подсказали ему, чей танк подбили.

— Орки взорвали «Темное величие», — сообщил один из сержантов. — Противотанковый огонь на десять часов.

«Темным величием» командовал лейтенант Альбрехт из Третьей роты.

— Горошек! — рявкнул Вульфе по интеркому. — Траверс налево. Орочья башня. Триста метров. Осколочным.

Сиглер вогнал снаряд в казенную часть пушки.

— Заряжено!

Вульфе дважды хлопнул стрелка по плечу. Знак того, что можно стрелять без команды.

— Готовься! — крикнул Горошек.

«Последние молитвы-II» встряхнуло. Танк выкашлял огонь из дула, и орочья башня частично разрушилась. Тела орков посыпались на землю в костер из горящего

хлама.

— Жрите, твари! — завопил стрелок.

— Да ты настоящий убийца зеленокожих, — похвалил его сержант. — Отличный выстрел, сынок. Только не задирай нос. Траверс направо. Цель — орочья башня, пятьсот метров. Осколочным. Огонь без команды.

Сиглер швырнул снаряд в приемник. Когда траверсные моторы загудели, разворачивая пушку к выбранной цели, Вульфе воспользовался мгновением и оглянулся назад. Повсюду пылали обломки танков. Землю устилали черные тела — слишком маленькие, чтобы быть орками. Одежда на них все еще горела. Он сердито выругался. Восемьдесят первый полк отчаянно сражался, отгоняя гулкими залпами бурлившую орду зеленокожих. Огонь имперской бронетехники ежесекундно уничтожал сотни врагов.

Слава Трону, подумалось Вульфе, что чертовы ублюдки вооружены лишь клинками и стабберами. За исключением гранатометчиков, орочья пехота не могла противостоять имперским танкам.

Установленная на стене артиллерия была здесь абсолютно бесполезной. Кадийская бронетехника постепенно удалялась от бреши, формируя широкий полукруг, в который вливался транспорт с пехотой. Полугусеничные вездеходы, «Химеры» и грузовики останавливались на отвоеванном пространстве и начинали выгрузку солдат.

Гвардейские пехотинцы тут же добавили шквального огня, в несколько раз увеличив потери орков. Бронетранспортеры и «Химеры» изливали потоки свинца. Их стабберы и болтеры скашивали ряды зеленокожих. Кадийцы продолжали занимать территорию: «Держитесь, парни! — подумал Вульфе. — Мы уничтожим это орочье поселение. Клянусь Золотым Троном, мы перебьем их всех до одного».

Затем по командному каналу роты ван Дрой передал сообщение. С севера, вдоль внутренней части стены, к ним приближалась бронетехника зеленокожих. Вульфе взглянул в том направлении и мельком увидел несколько черных

неуклюжих машин.

— Заряжено! — прокричал Сиглер.

— Готовься! — отозвался стрелок.

Танк качнуло, и башенная «корзина» снова наполнилась едкой вонью пропеллента. Вульфе посмотрел в блок визора и убедился в прямом попадании снаряда. Орочья башня рухнула набок, рассыпав на землю горящие тела.

— Хорошая работа, парни, — сказал он экипажу. — Но у нас нет времени на отдых. К нам приближается вражеская бронетехника. Сиглер, кумулятивный снаряд. Горошек, траверс влево!

Из пелены пыли, дыма и огня, громыхая массивными гусеницами, появились три огромных металлических чудовища. Вульфе открыл рот от изумления. Орочьи машины походили на жутких плотоядных хищников. Безумные создатели этих механических монстров снабдили их стальными челюстями с длинными клыками, которые постоянно клацали в воздухе. Неуклюжие башни ощетинились пушками и вспомогательным вооружением. Вульфе

представил себе, какой страх такие машины могли бы нагнать на пехотинцев. Но для «Последних молитв-II» орочья бронетехника была большой жирной целью, умолявшей превратить ее в горящие обломки. И Вульфе намеревался выполнить эту просьбу.

Очевидно, у командиров ближайших танков возникли схожие идеи. Когда одна из чудовищных машин приблизилась, все три «Леманна Русса» развернули пушки в направлении широкого прохода, который шел параллельно внутренней части стены. Они произвели скоординированный залп. Два снаряда попали в цель. Машина орков остановилась. Экипаж начал выбираться из дымящихся люков, прыгая вниз на головы и плечи орочьей пехоты, которая сопровождала бронетехнику. И тем и другим не повезло. Через пять секунд снаряды внутри машины взорвались, и находившиеся поблизости орки сгорели в волне красного пламени.

Вульфе услышал, как капитан Итрих вышел на связь и прокричал по полковому каналу:

— Хорошо работаете, парни! Но остались еще два зубастика. Порвите им пасти!

Чудовищные орочьи махины навели пушки на имперские «Леманы Руссы» и с грохотом, от которого содрогнулась земля, дали залп крупнокалиберными снарядами. Два танка — «Победитель» и «Разрушитель» — почти одновременно вспыхнули огнем. Бортовое плазмозащитное поле «Разрушителя» утратило целостность. Через миг их разорвало мощным выбросом энергии, который превратил дюжину кадийских пехотинцев в черные кучки пепла.

Вульфе в отчаянии выкрикнул проклятие. На вокс-канале вновь прозвучал голос капитана Итриха:

— Они сожгли два наших танка! Я хочу, чтобы орочья мерзость была уничтожена. Сейчас же! Это приказ!

Кто погиб в подбитых танках? Вульфе не мог разобрать номера на почерневшей броне. Можно будет узнать об этом после битвы, если он уцелеет. Сегодня многих гвардейцев ожидала боль

от потери фронтовых друзей. Он осмотрелся по сторонам, выискивая танки Весса и Хольца. Остались ли они в строю?

Его друзья были рядом. «Старая костедробилка» сражалась на крайнем правом фланге. Она только что уничтожила похожую на обрубок орудийную вышку. Танк «Стальное сердце-II» стоял параллельно с машиной ван Дроя. Его башня медленно поворачивалась навстречу орочьей бронетехнике. Внезапно Вульфе понял, что его «коробочка» находится на линии прицела правой орочьей махины.

— Горошек, цель справа! — крикнул он. — Видишь бронированную пластину чуть правее мантелета пушки? Ту, что с глифом?

— На которой череп? — переспросил стрелок. — Да, вижу.

— Я готов поспорить, что она защищает место стрелка. Если мы пробьем ее...

Горошек не ответил. Он нажал на педаль траверса, наводя пушку на цель. Электрические моторы жужжали, пока он

подстраивал вертикальный угол прицеливания. Парень старался сделать все правильно. Промах мог означать еще большее количество погибших кадийцев.

— Заряжено! — крикнул Сиглер.

Миркос был готов ответить стандартным «Готовьсь», когда их танк внезапно отбросило на три метра назад. Вульфе затряс головой, пытаясь отделаться от звона в ушах. Вражеский снаряд угодил прямо в гласисную плиту передней брони.

— Варп их подери! — ругнулся Вульфе и сплюнул красную слюну. — Мецгер, ты цел?

Он убедился в том, что не пострадал.

— К нам приближается отряд орочьих танков, — ответил водитель. — Похоже, это переделанные «Леманы Руссы».

— Попробуй разбить их траки из лазпушки! — крикнул Вульфе. — Дай нам немного времени. Нужно разобраться с большими машинами.

Вокс-канал гудел сообщениями о приближении группы вражеских танков. Горошек вновь навел пушку на

первоначальную цель. Перекрестие остановилось на глифе черепа, украшавшего броню многоствольного монстра.

— Сардж, они у меня на мушке!

— Огонь!

— Готовься! — крикнул Миркос, вдавив гашетку в пол.

Снаряд попал точно туда, куда его посылали. В центре черепа на броне зияла аккуратная черная дыра размером с грейпфрут. Стрелок заулюлюкал от радости, но взрыва не последовало. Тем не менее башня орочьей машины прекратила движение. И она перестала стрелять.

— Ты утихомирил их, — сказал Вульфе, шлепнув Горошка по спине.

Он перевел взгляд на танки, с которых доложил Мецгер. Яркий луч лазерной пушки, установленной на корпусе «Последних молитв-II», бил по гусеницам вражеской бронетехники. Несколько кадийских танков начали обстреливать подъезжавшие машины зеленокожих, в то время как другие загнали последнего механического монстра на северную аллею

и превратили его в лужу расплавленного металла.

Вульфе был впечатлен своим новым стрелком. Парень действовал отлично. Взять хотя бы его последний выстрел. Точно в цель! И Горошек влился в коллектив. Он действовал как функциональная единица. Сержант почувствовал себя счастливым. Ничто не обременяло его разум, кроме жажды боя и стремления победить. Никаких призраков. Никаких бандитов. Он давно уже не ощущал такой свободы.

Один из захваченных орками «Леманов Руссов», попавший под обстрел лазпушки, чуть накренился и выплюнул пламя из главного орудия. В нескольких метрах справа от танка Вульфе поднялся в воздух фонтан из грязи и дыма.

— Стрелок, траверс направо! — рявкнул по интеркому сержант. — Орочья броня. Дистанция восемьсот метров и приближается. Бронебойным. Огонь по готовности!

Глава 20

— Повторите снова, «Орел-три»! — крикнул Берген в микрофон вокс-гарнитуры. — Повторите еще раз.

— «Орел-три», командиру дивизии, — ответил высокий голос женщины-пилота. — «Орел-один», «-два» и «-четыре» сбиты. Где, черт возьми, поддержка «Гидр»? Я не могу уйти от их чертовых истребителей. И я больше не могу прикрывать «Ангела» своими силами.

— «Гидры» уже почти там, — заверил ее Берген. — Послушайте, «Орел-три». Я знаю, вы уступаете им в силе. Но держитесь, сколько можете! Через несколько секунд к вам подойдут три зенитки. Неужели вы не видите их?

— Двое сели мне на хвост. Не могу оторваться от них. Подождите... Святой Трон!

— В чем дело, «Орел-три»?

— Командир, я вижу гигантскую орочью орду, которая приближается с юга. Огромное количество машин. Вся пустыня кажется черной.

— Понял, «Орел-три». Крупные вражеские силы идут на нас с юга.

Вокс зашипел.

— «Орел-три», подтвердите сообщение! — прокричал Берген, уже чувствуя, что ответа не последует. — «Орел-три»! Прием! Проклятье!

Его накрыла волна гнева. Бергену и раньше приходилось сражаться бок о бок с женщинами. Некоторые полки набирались только из представительниц прекрасного пола, хотя они служили не на внешних мирах, а во Внутренней гвардии Кадии. Женщины проявляли себя такими же отважными и безжалостными воинами, как и мужчины. Однако отношение к ним было в некотором смысле старомодным. Факт того, что пилоты, прикрепленные к его дивизии, погибли от рук орков, подействовал на него как хлесткая пощечина. «Орлы» являлись флотским

подразделением. Между Флотом и Гвардией никогда не существовало большой любви. Но эти женщины храбро сражались до самого конца, как и любой из его танкистов.

«Если я переживу экспедицию де Виерса, то узнаю их имена, — поклялся он. — И сделаю все, чтобы пилотов удостоили почетных наград. Нужно будет рассказать о них коммодору Гэлбрайзу. Пусть Трон поможет старику смириться с потерей отважных летчиц».

Конечно, более насущной заботой было последнее сообщение «Орла-ЈЈЈ»: огромная орда зеленокожих приближалась с юга к их позиции. Не об этом ли войске докладывали Стролт и ван Дрой? Как быстро перемещались орки? Когда они появятся на поле сражения? Он этого не знал. К тому же все его силы уже сражались с орками за стеной. Он должен был информировать генерала. Но сначала...

— Дивизия вызывает командира брони, — передал он по воксу. — Вы там не оглохли, Кочаткис?

— Прием, сэр, — отозвался Виннеманн. — Слушаю вас.

— Вы только что остались без поддержки «Вулканов». Думаю, вам уже известно это.

— Да, сэр. Мы видели, как подбитый самолет упал в нескольких сотнях метров от нас. Вражеские бомбардировщики пошли на новый круг. Похоже, решили покончить с нами.

— Разве «Гидры» еще не подошли? Они уже должны были присоединиться к вам.

— Да, они здесь. Орки подбили по пути две зенитки, однако четыре все еще в игре. Ветер уносит дымовую завесу. Скоро мы станем легкой целью для вражеской артиллерии. Но «Гидры» будут сюрпризом для бомбардировщиков, когда те пойдут на следующий заход.

— Надеюсь, так оно и будет. Полковник, у меня для вас плохая новость. Большая орда зеленокожих обходит нас с юга.

— Нас обходят, сэр? Каким числом?

— Сведения неподтвержденные. Однако, судя по всему, с таким

количеством мы не справимся.

— Все наши танки ушли на прорыв, — сказал Виннеманн. — Мы не сможем сражаться на два фронта и прорываться к «Крепости величия». Что говорит генерал?

— Я еще не сообщал ему об орочьей армии на юге, — ответил Берген. — Хотел сначала информировать вас.

— Я ценю это, сэр. Броня, до связи.

* * *

Когда Берген доложил де Виерсу о приближавшейся орде зеленокожих, генерал всплеснул руками.

— И что они замышляют? — спросил он.

— Они обходят нас с фланга, сэр, — ответил Берген. — В своем последнем сообщении «Орел-три» сказала, что земля выглядит черной от их машин. Это серьезные силы. Нас зажмут между скалами и стеной.

— Клянусь взорванным Оком! — закричал де Виерс. — Почему теперь? Мы только что пробили брешь в их укреплении!

— Могу ли я высказать предложение, сэр? — вмешался генерал-майор Киллиан.

— Кончайте выпендриваться, Клот, — огрызнулся де Виерс.

— Слушаюсь, сэр. Мне кажется, единственным местом, где мы можем сразиться с большой ордой и одержать победу, является Красное ущелье. Орки ограничили нас во времени, но, отступив в каньон до прихода второй армии, мы сможем сражаться с врагом на узкой полосе фронта.

Реннкамп кивнул:

— Прямо из учебника тактики. Заманим превосходящие силы противника в «бутылочное горло» и расправься с ними. Так мы действительно получим преимущество.

Де Виерс выкатил глаза от гнева. Берген подумал, что еще немного, и они выскочат из его головы.

— Спрятаться в каньоне? И

превратить молниеносную операцию в затянувшуюся битву? Если дать вам волю, вы позволите оркам залатать брешь в стене. А мне потом снова придется тратить время и ресурсы на преодоление преграды. Чертовы олухи!

Киллиан и Реннкамп отступили на шаг назад.

— Вы же не хотите сражаться с огромной ордой на открытой территории, сэр? — возмутился Киллиан. — Это будет безумным поражением. Кровавой резней!

— Боюсь, я согласен с коллегой по данному пункту, — поддержал его Берген. — Если мы попытаемся закрепиться на захваченной территории, наша экспедиция закончится здесь поражением. И тогда, генерал, вы можете забыть о вашем имени в книгах по истории.

Последнее замечание удивило де Виерса. Он выглядел так, как будто ему отвесили пощечину. Он повернулся к Бергену и сердито зашипел:

— И что я, по-вашему, должен делать? Санкционировать общее отступление? Вы предлагаете нам вернуться в Бэлкар с

поджатыми хвостами? Без легендарного танка? Без почета и славы? Я прежде умру, чем позволю этому случиться. Никто не станет на моем пути к успеху. Вы поняли? Вы все это поняли?

Берген давно уже раскусил де Виерса. Что бы ни случилось далее, их судьбу решала жажда славы престарелого генерала. На какое-то время в штабной палатке повисла тишина. Чары безмолвия нарушил скрипучий металлический голос. Никто не заметил, как через клапан прошел техномаг Сеннесдиар. Его большое угловатое тело казалось темным силуэтом. Прямо за ним в свете дня смиренно стояли техноадепты Армадрон и Ксефо.

— Отступления не будет, — громогласно произнес на готике Сеннесдиар. — И нам не следует возвращаться в Бэлкар.

— При всем уважении, магос, — повернувшись к нему, сказал Берген, — вы превышаете свои полномочия. Данное решение зависит от генерала де Виерса.

Сеннесдиар молча вошел в палатку.

Он приблизился к столу и остановился в паре метров от людей, доминируя над ними благодаря своим размерам. Офицерам приходилось смотреть на него снизу вверх.

— Я и не думал оспаривать главенство генерала, джентльмены. Но несколько минут назад адепт Армадрон получил сообщение по наземной линии из Бэлкара. Наша база атакована. Оркам удалось пробить несколько брешей в стенах крепости. Командир гарнизона доложил, что его силы смогут продержаться только час.

— Что вы сказали?! — задохнувшись, прокричал де Виерс. — Бэлкар в осаде?

— Так же как наши базы на плато Хадрон, в Каравассе и Тайреллисе. Об этом говорится в сообщении из Бэлкара. Каждый аванпост осажден огромными ордами, пришедшими с юга и севера. Очевидно, орки могут общаться друг с другом на дальних расстояниях. Судя по всему, они скоординировали свои атаки.

Генерал готов был упасть в обморок. Несмотря на многочисленные

отолаживающие процедуры, он внезапно стал выглядеть девяностооднолетним стариком.

— Скоординированные атаки? — прошептал он. — У орков?

— Мне кажется, наша нынешняя ситуация подтверждает эту гипотезу, — произнес Киллиан. — Не забывайте о том, что зеленокожие на стене вызвали на помощь орочьи бомбардировщики.

— Да, атаки явно скоординированы, — подытожил Сеннесдиар. — В связи с этим у меня остается один вопрос. Что наш славный генерал намерен делать дальше?

— Мы должны отправиться на помощь в Бэлкар, — сказал Реннкамп. — Как мы можем рассчитывать на дальнейшее продвижение к цели, если наши линии поставок будут отрезаны?

Берген покачал головой:

— Когда мы вернемся в Бэлкар, там некому будет помогать.

— Если стены крепости уже пробиты, живых людей там не останется, — согласился Киллиан. — Проклятые зеленокожие! Весь наш медицинский

персонал, больные и раненые...

Берген нахмурился. Он знал многих людей, которые гибли сейчас в Бэлкаре, — слишком больных, чтобы ходить, слишком слабых, чтобы сражаться с орками. Ему было страшно думать о страданиях медицинских сестер, которые попадут в лапы безжалостных свирепых орков. И теперь у них не было даже надежды на спасение.

— Отступление невозможно, — ледяным тоном заявил генерал. — Надеюсь, вы поняли это?

— Мы, Адептус Механикус, рекомендуем прорыв на восток, — произнес Сеннесдиар. — Всем составом экспедиционных сил. «Крепость величия» никогда еще не была так близко от нас. Великая миссия генерала по-прежнему выполнима.

— Вы шутите? — возмутился Реннкамп. — Генерал, прошу вас. Я считаю, что Клот прав. Если мы не собираемся возвращаться в Бэлкар, то нам, по крайней мере, нужно окопаться в Красном ущелье. В каньоне мы сможем

сражаться с орками на наших собственных условиях.

Киллиан кивнул, выражая согласие. Прищурившись, он посмотрел на магоса.

— Отступив в ущелье, мы можем отправить один из орбитальных маяков с запросом на эвакуацию.

— Нет! — яростно крикнул де Виерс. — Я категорически против! Магос, вы должны использовать маяки только в случае обнаружения «Крепости величия». Это мой приказ!

Взглянув на сморщенное лицо генерала, Берген разочарованно подумал, что он когда-то относился к своему командиру с почтением и уважением. Теперь эгоистичный старик стал буквально одержим навязчивой идеей. И все же он чувствовал, что де Виерс прав. Затяжное сражение в Красном ущелье не привело бы ни к чему хорошему.

— Ни я, ни мои адепты не намерены использовать маяки без вашего указания, генерал, — сказал Сеннесдиар. — Вы можете быть уверенными в нас. Вы не хотите улетать без легендарного танка.

То же самое касается и техножрецов. Никто не взлетит с Голгофы, пока наша миссия не будет выполнена.

Берген мог читать между строк. Он услышал то, что осталось недосказанным. Фактически магос заявил, что его намерения совпадают с целью генерала. Какими бы ни были замыслы техножрецов, они пока полностью поддерживали де Виерса. Слова магоса подбодрили генерала. Старик снова вскинул голову и помолодел лицом, как будто сбросил дюжину лет.

— Слушайте мои указания, — произнес де Виерс. — Сейчас вы вернетесь в свои машины и свяжетесь с вашими передовыми отрядами. Я хочу, чтобы они удерживали брешь в стене любой ценой. Прежде чем орочья армия появится с юга, вся техника и каждый человек в резервных командах должны быть готовы к прорыву на восток. Я имею в виду грузовики с горючим, водой, питанием, припасами и амуницией. Все до единого, черт побери! Мы должны переправить их за стену и продолжить поход на восток до того, как орочье

пополнение набросится на нас. Вам все понятно?

Реннкамп прошептал что-то неразборчивое.

— Я спросил, вам все понятно? — прошипел де Виерс.

— Так точно, сэр, — ответили командиры дивизий.

Техномаг Сеннесдиар не стал ждать команды разойтись. Он молча повернулся и покинул палатку.

— Вы сошли с ума, генерал, — сказал Реннкамп. — Ваш приказ обрекает нас на гибель.

Де Виерс с усмешкой посмотрел на него:

— Вы считаете меня сумасшедшим, Аарон? А что, если я вдохновенный гений?

«Трудно спутать безумца с гением», — подумал Берген. Его сердце сжималось от тоски. Он давно уже знал, что генерал погубит их ради собственных грез. Они потеряли Бэлкар и линии поставок. Четыре отвоеванные базы попали в осаду зеленокожих. Все оказалось хуже, чем он предполагал. Однако «Крепость величия»

притягивала генерала, будто магнит, — и вместе с ним всю Восемнадцатую группу армий.

— Вы еще убедитесь в моей правоте, джентльмены, — заверил их де Виерс. — Сейчас мои поступки кажутся вам странными. Но так всегда бывает с людьми, которые становятся легендой. Поверьте, мы найдем танк Яррика! Он ожидает нас где-то неподалеку. И однажды весь Империум узнает нашу историю!

«Нет, не узнает, — подумал Берген. — Потому что никто из нас не уцелеет, чтобы рассказать о ней».

Когда де Виерс закончил совещание, Берген вяло отдал салют, в котором не было ни грамма искренности. Генерал-майор направился к своей «Химере». Его дивизия по-прежнему сражалась с орками, удерживая пробитую брешь. Пехотные полки вливались в ворота широкой рекой, беря под контроль все больше территорий за орочьей стеной. Если бы дивизионным командирам удалось перегнать туда транспортную колонну с припасами, не дав оркам с юга подойти на расстояние

эффективной стрельбы, то «Экзолону» действительно удалось бы убежать на восток. При удачном стечении обстоятельств они смогли бы опередить вражескую армию на какое-то время и даже добраться до предполагаемых координат потерянного танка Яррика.

Берген надеялся, что «Крепость величия» уцелела. Несмотря на все сомнения, он надеялся, что танк находится в указанной точке. Но он жалел, что его люди погибали из-за эгоизма старика, а не за важные и великие цели.

Пройдя в заднюю часть «Гордости Цедуса», где располагалась вокс-панель, он открыл канал связи с полковником Виннеманном:

— Командир брони, это дивизия.

Ответа не последовало. Берген почувствовал, как по его коже побежали мурашки.

— Броня! — прокричал он по воксу. — Это командир дивизии. Прошу вас ответить.

В наушниках слышался только шум статических помех.

— Проклятье! Виннеманн, отвечай! Это приказ, ты слышишь?

В его уме, как мантра, крутились одни и те же слова: «Пусть этого не случится, пусть этого не случится». Возможно, вокс «Ангела» просто сломался. «О Император! — взмолился мысленно Берген. — Пусть все обойдется поломкой вокса». Он переключил канал и вызвал полковника Мэрренбурга, командовавшего ротами артиллерии неподалеку от штабной палатки генерала.

— Мэрренбург, ты видишь «Ангела Апокалипсиса»? Я не могу связаться с Виннеманном.

Услышав печальный голос полковника, он понял, что его страхи были не напрасными.

— На него налетели орочьи бомбардировщики, сэр, — ответил Мэрренбург. — «Гидры» уничтожили их звено, но танк Виннеманна получил несколько прямых попаданий. Этим тварям удалось доставить свой груз по назначению. От «Ангела Апокалипсиса» ничего не осталось, сэр. Трон упокоит

души тех, кто был в его экипаже.

У генерал-майора пересохло во рту. Он лишился дара речи. Перед его внутренним взором возник Виннеманн: искалеченный человек, который терпел ужасную боль и, несмотря на страдания, продолжал сражаться. Лишь несколько людей, знакомых Бергену, настолько полно воплощали в себе кадийский дух чести и мужества. Генерал-майор почувствовал жжение в глазах. Его горло сжалось от подступавших слез. Он потерял Кочаткиса Виннеманна. Несгибаемый полковник выполнил солдатский долг. Наверное, теперь он вновь соединился с супругой, за которую так долго мстил зеленокожим. Он заслужил покой.

Отныне командование Восемьдесят первым бронетанковым полком переходило к заместителю Виннеманна. «Нужно повысить капитана Итриха в звании, — подумал Берген. — Если только он жив...»

Глава 21

Капитан Итрих был жив и всеми силами старался уцелеть в сражении. Он прекрасно справлялся с этой работой, командуя танками Восемьдесят первого полка. Его подчиненные продолжали захват вражеской территории, отбиваясь от вражеских орд, атаковавших почти со всех сторон.

Имперские «Леманы Руссы» продолжали развивать наступление. Пространство, созданное ими за стеной, заполнялось огромным количеством «Химер», полугусеничных транспортеров, «Часовых» и «тридцатьшестерок» с пехотой. Они добавляли огневую мощь к кровавому сражению, уничтожая сотни зеленокожих мощными залпами автопушек.

Земля превратилась в ковер из

дымившегося металла, больших коричневых тел и сырой красной плоти. Орочьи трупы покрывали каждый дюйм песка и скал. Кадийские танки, продвигаясь вперед, превращали их в месиво. Здесь не было способа объехать мертвые тела. Они лежали повсюду. Черные железные гусеницы стали скользкими, блестящими и красными. Только респираторы на лицах кадийцев защищали их от вони. Без масок они не могли бы дышать.

Даже с плотно закрытыми люками Вульфе морщился от отвращения. Зловоние смерти проникало в «корзину» башни, перебивая сильные запахи смазки, человеческого пота и файселина. «Последние молитвы-II» подбил еще три орочьи машины. Горошек нацеливал пушку на четвертый вражеский танк, приближавшийся к ним спереди и слева. В этот момент Вульфе услышал голос Итриха по вокс-каналу. Он звучал иначе, истощенно, как будто что-то высосало из капитана все жизненные силы. Его голос был каким-то потерянным.

— Капитан Итрих вызывает командиров танков. Слушайте новый приказ генерала. Нам предстоит создать коридор в восточном направлении. И мы будем удерживать этот проход, пока остальная группа армий не пройдет через него. Затем я дам отбой. Все наши танки будут отходить в арьергарде, прикрывая колонну.

«Значит, мы двинемся на восток, — подумал Вульфе. — Почему, черт возьми, нам не приказали закрепиться на позиции? Если мы продолжим поход, орки ударят по нашим флангам. Неужели генерал позволит им отсечь нас от Бэлкара?»

— И еще, — продолжил Итрих. — Меня назначили исполняющим обязанности командира полка. Полковник Виннеманн... Наш полковник отправился на встречу с Императором.

Вульфе подскочил на сиденье. Он не верил своим ушам. Этого просто не могло случиться. Виннеманн был душой полка. Каждому, кто знал его, он казался таким же неизменным и вечным, как звезды. Полк никогда уже не будет прежним без своего

светлого символа чести и долга. Новость ударила сержанта будто обухом по голове.

Грохот пушки вернул его к реальности. Башню встряхнуло. В нос впился запах сгоревшего пропеллента. Посмотрев в блок визора, Вульфе увидел впереди груду горящего металла. Дуло пушки по-прежнему указывало на нее. Горошек удовлетворенно посмеивался.

— Эй, сержант! Мне выпишут сто грамм за грузовик, наполненный ублюдками?

— Мецгер! — крикнул Вульфе, игнорируя веселье стрелка. — Поворачивай на север. Мы должны создать коридор и держать его до прохода колонны.

— Слушаюсь, сэр, — ответил водитель, начиная поворот.

— Сиглер, Миркос, сохраняйте эту скорость огня, — продолжил сержант. — Огонь бронебойными. Сосредоточьтесь на орочьих машинах. Наша пехота справится с их «пешеходами».

Он надеялся, что так оно и будет. Пока линейная пехота, помогавшая танкам, наносила оркам огромный ущерб

Каждая вновь подъезжавшая машина стреляла по врагам, как фейерверк на фестивале отцов-основателей. Зеленокожие по-прежнему атаковали и нападали со всех сторон, пытаясь рассечь кадийскую колонну на две части. Самое отчаянное сражение велось в районе взорванных ворот. Когда имперские танки уничтожили почти все вражеские машины, в ход пошло легкое вооружение: лазганы, болтеры и стаббери. Вульфе автоматически открыл люк купола. Ошеломленный новостью о смерти Виннеманна, он находился в эмоциональном ступоре. А как это известие принял ван Дрой? Лейтенант считал полковника своим наставником.

Едва Вульфе приподнял голову и плечи над ободом люка, его оцепенение и шок испарились. Здесь для них не было места. Воздух гудел от шума стрельбы, стенаний умиравших солдат и грозных орочьих криков. Со всех сторон вокруг него мелькали вспышки выстрелов. Десятки коричневых тел ежесекундно падали на землю. Вдали на правом фланге он

заметил «Экстерминатор» Ленка.

Вульфе ухватился за рукоятки тяжелого стаббера, опустил предохранитель и нажал большими пальцами на «бабочки» тангент. Ему почти не нужно было целиться. Из дула вырвался поток свинца. Отдача покачивала сержанта. Низкая вибрация проходила через все тело. Вульфе нравилось это ощущение. Оно отвлекало его от вида нападавших орков — от орды зеленокожих воинов, которые погибали под градом его пуль.

— Миркос, — сказал он по интеркому, — если рядом нет орочьей бронетехники, перейди на спарку. Прореди врагов огнем нашей автопушки. Мы должны удерживать их до той поры, пока не пройдут последние отряды колонны.

— Приступаю, — отозвался стрелок.

Через несколько секунд спаренная автопушка открыла огонь по зеленокожим. Она валила их рядами.

* * *

— Все на прорыв! — прокричал по воксу генерал. — Мы должны провести колонну через эту чертову брешь. Двигайтесь без оглядки.

Армия орков быстро приближалась с юга. Де Виерс переместил уязвимые машины вперед: грузовики с горючим и водой, транспортные средства с важными припасами. Тылы прикрывали «Химеры». Их пушки были развернуты в стороны для защиты флангов. Если бы легкие машины противника приблизились к колонне до того, как последние эшелоны прошли через брешь, «Химеры» отогнали бы их прочь. Это был рискованный вариант, но тяжелая броня действовала за стеной и удерживала коридор в восточном направлении. На перегруппировку сил не оставалось времени. Орочий гарнизон и армия с юга могли бы смять кадийские силы. Колонна оказалась бы между молотом и наковальней.

Генеральская «Химера» — «Стрела Алибриса» — двигалась в первых рядах и, поднимая шлейф пыли, мчалась к бреши, пробитой «Ангелом Апокалипсиса». Ее

окружали «Химеры» дивизионных и полковых командиров. «Мы должны справиться, — говорил себе де Виерс. — Если техножрецы не ошибаются, до "Крепости величия" осталось не больше восьмидесяти километров. Но как я подниму ее на орбиту при таком натиске орков? Сколько времени понадобится Механикус для запуска их чертова маяка? И как долго придется ждать подъемник?»

Вспомнив о техножрецах, он связался с ними по воксу. Не отстали ли они? Каково их состояние? На его вызов ответил техномаг Сеннесдиар. Его оловянный голос вызывал раздражение своим спокойствием:

— Не волнуйтесь, генерал. Мы по-прежнему с вами. Но вы должны позаботиться о защите наших машин. Если с нами что-нибудь случится, ваша миссия преждевременно оборвется. Учитывая непростые атмосферные условия, сигнал об эвакуации может послать только мы.

Это звучало почти как угроза. Однако, несмотря на гнев, генерал признал

правоту его слов.

— Наш отход прикрывает солидный арьергард, — ответил де Виерс. — Орки быстро приближаются к нам с юга. Но они не остановят нас. Мы прорвемся к цели, даже если ради этого моим людям придется отдать свои жизни. А танки впереди удержат проход на восток, как я и обещал. Если, кроме шантажа с орбитальным маяком, вам больше нечего сказать мне, техномаг, попридержите язык!

На самом деле он сомневался, что у старого марсианского жреца есть язык. Генерал сомневался и насчет души техномага. Жаль, что нельзя было обойтись без этих чертовых Механикус. Наверняка после возвращения легендарного танка они попытаются присвоить часть славы — если даже не всю. Он не позволит такому случиться! Он будет... «Нет, Мохатар, — сказал себе де Виерс. — Сейчас не время думать об этом».

— Всем командирам дивизий, — передал он по воксу. — Доложите обстановку. Немедленно!

— Броня на позиции и держит коридор, — ответил Берген. — В данный момент северные и южные периметры не представляют особой опасности, но лучше не рисковать и не затягивать с прохождением колонны. В ходе битвы мы понесли большие потери.

— Реннкамп на связи, сэр. Я разделил мою пехоту на две части. Они поддерживают танки Бергена с обеих сторон коридора. Готовится к выдвижению на восток вслед за отрядами Киллиана. Передовые отряды уже выходят из битвы.

— Генерал-майор Киллиан?! — визгливо рявкнул де Виерс.

— На связи, сэр. Мои разведчики рапортуют о свободном пространстве в восточном направлении. Никаких серьезных орочьих укреплений, стоящих упоминания. Однако дальше начинается сложная пересеченная местность. Видны пики Ишварской гряды. Если мы двинемся на восток, то через несколько километров окажемся в предгорье.

— Именно туда мы и направляемся, генерал-майор, — ответил де Виерс. —

Именно там нас и ждет священный танк Яррика!

* * *

Непрерывный поток вокс-сообщений в наушниках Бергена поглощал почти все его внимание. Коридор держался, но арьергард уже сражался с орками, чья огромная армия надвигалась с юга. Легкая бронетехника зеленокожих пока не представляла серьезной угрозы. Тем не менее он знал, насколько опасна подобная стратегия. Используя быстрые мотоциклы и багги, орки замедляли передвижение противника. Затем подходили тяжелые машины и наносили сокрушительный удар. Впрочем, сегодня все должно было произойти иначе. Восемнадцатая группа армий не могла позволить себе безоглядного бегства.

Де Виерс планировал отчаянный бросок в восточные предгорья. Но что он будет делать дальше? Ведь орки пойдут

следом. Рано или поздно кадийцев загонят в какую-нибудь долину. В сражении с превосходящими силами у них не будет шанса уцелеть.

Хорошо, что Итрих держался молодцом. Берген тревожился, что новость о гибели Виннеманна надломит психику капитана. Но, очевидно, бой не давал ему времени на скорбь и сожаления. Печаль придет позже. Сейчас все его мысли были нацелены на сохранение полка.

Водитель предупредил Бергена о проходе через брешь. Генерал-майор и сам догадался бы. Звуки битвы стали тише. Он поднялся в башню «Химеры» и осмотрелся по сторонам. Вокруг чернели остовы имперских машин — искореженная взрывами броня, разорванные траки, перевернутые корпуса. Рядом возвышались валы из тел мертвых ксеносов. Сражение продолжалось. Ежесекундно на горы трупов взбирались сотни новых орков. Град пуль из стабберов и больших пистолетов бил по корпусу «Химеры». Лучи лазганов рикошетом танцевали на пластинах боковой брони. Берген с удивлением понял,

что зеленокожие пользуются лазерным и плазменным оружием. Неужели после многочисленных битв с отрядами Гвардии они тоже освоили эти технологии?

— Держи скорость на пределе, — предупредил он водителя. — Нет времени присоединяться к сражению. Чем быстрее мы очистим коридор и поднимемся на холмы, тем скорее наши танки последуют за нами.

«И тогда де Виерс наконец поймет, что его экспедиция с самого начала была нелепой охотой на грокса».

Берген знал, что Реннкамп и Киллиан думают о том же. Они пока молчали, но каждый из них чувствовал, что де Виерс теряет контроль над собой. Его амбиции превратились в одержимость, ведущую к безумию. Вот где они оказались из-за его нетерпения и поспешных действий. Орки слева и справа! Орки в тылу! Это просто чудо, что «Экзолон» еще не уничтожили.

Он видел, как танки Виннеманна — точнее, танки Итриха — стреляли по врагам из всех орудий. Из пушек вылетали

языки огня. Лазерные заряды выкашивали сотни зеленокожих. «Нет, — подумал он, — наше выживание не связано с чудом. Это их заслуга. Это их решительность и отказ умирать. Виннеманн любовался бы ими. Они показали себя настоящими кадийцами. Полковник гордился бы ими».

* * *

— Итрих всем танкам, — произнес по воксу капитан. — Машины командного состава прошли по коридору. Последние эшелоны колонны миновали брешь. Я хочу, чтобы все наши танки встали в ротный строй. Мы направляемся на восток. Башни прикрывают тыл. Как только мы отъедем, в брешь хлынут орочьи машины. Они помчатся за нами, поэтому держите крейсерскую скорость. Постарайтесь как можно чаще огорчать ублюдков и замедлять их темп.

Вульфе выслушал указания Итриха и передал их Мецгеру. Сформировав

походный строй, танки двинулись на восток. «Последние молитвы-II» по-прежнему стрелял на ходу. Пешие орки быстро занимали пространство, оставленное имперскими машинами. Но они не могли угнаться за отъезжавшей бронетехникой. Их коричневые тела становились все меньше и меньше в блоках визоров. Вульфе видел брешь, но свет, проникавший в ворота с другой стороны, уже заслоняли массивные тени. Первые ряды орочьих машин, пришедших с южного направления, рвались в погоню за кадийскими силами.

Они могли проходить только по трое в линию. «Это немного задержит их, — подумал Вульфе. — Но если бы начальство не спешило, мы могли бы использовать "бутылочное горлышко" для возведения баррикады из подбитой техники. О чем только думали офицерские фуражки? Если мы будем возвращаться этой же дорогой, нам снова придется сражаться с гарнизоном орков».

Мецгер вел «Последние молитвы-II» на полной скорости. Комья земли летели

из-под гусениц. В их отступлении не было ни аккуратности, ни красоты. Безумное отчаянное бегство. Даже в движении колонны неоспоримо чувствовалась паника. Вульфе надеялся, что у кого-то в штабе был план дальнейших действий. Потому что на данный момент он не видел ничего хорошего в их торопливом отходе в предгорья.

Когда орочья стена исчезла в клубах пыли и дыма, сержант повернулся и посмотрел на Шиварскую гряду, которая росла перед ними. Ее пики возвышались над территорией, как темные сердитые боги. Предгорья были уже близко. Местность начинала подниматься вверх, переходя в скалистые склоны.

«Неужели мы поедем туда?» — гадал Вульфе. Обернувшись, он увидел за тучами тускло-красное солнечное зарево. Оно едва проглядывало сквозь прорехи в густом облачном покрове. «Скоро наступит ночь, — размышлял сержант. — Это поможет нам оторваться от орков. Зеленокожие не будут преследовать нас в темноте».

Он вспомнил каскрина из Девяносто

восьмого полка Стромма — коллекционера орочьих клыков. Такие парни утверждали, что орки очень суеверны. Вульфе не сомневался, что суеверие связано с темнотой. Во всяком случае, люди всегда боялись ночи. Наверное, какой-то примитивный инстинкт. Даже теперь, когда Трон знает сколько миллионов лет они владели огнем, этот страх по-прежнему коренился в сознании. Люди пугались темноты. Неужели орки чувствовали то же самое?

Вульфе спустился в башенную «корзину» и закрыл люк купола. Битва превратилась в бегство. Сев на командирское сиденье, он позволил усталости укорениться в теле. Мышцы болели. С трудом преодолев оцепенение в руках, он взял с подставки канистру с теплой водой и сделал большой глоток. Сиглер и Горошек выжидающе смотрели на него. Стрелок ревностно ждал оценки своего мастерства. Вульфе кивнул им и хмуро покачал головой. Полковник Виннеманн погиб. Все становилось другим.

Подключившись к внутренней связи, он сказал экипажу:

— Хорошая работа, парни.

— Спасибо, сардж, — ответил Миркос.

Вульфе почувствовал, что стрелок ждал от него других слов. Фактически юноша только что закончил свое первое сражение на передовой. Он отлично показал себя. Но сержант не мог хвалить его сейчас. Казалось, что из легких Вульфе выбили воздух.

— Горошек, вам с Сиглером нужно немного отдохнуть. Мецгер, я сменю тебя, как только мы сможем остановиться. Похоже, это случится не скоро. Ты выдержишь?

— Я принял фляжку кофеина, — ответил водитель. — Она поможет мне не закрывать глаза. Отдохни немного, сардж. Тебе это тоже не помешает.

Оскар решил рассказать им о Виннеманне чуть позже. Пусть они сейчас немного успокоятся. Он закрыл глаза и прислонился к внутренней стенке башни. От грохота двигателя стучали зубы. Однако после многих лет сна в

продолжительных походах он уже привык к такой вибрации. На самом деле она часто убаюкивала его, как колыбельная песня.

— Разбудите меня, если что-нибудь случится.

Приоткрыв глаза, он проверил, последовали ли его примеру Сиглер и Горошек. Заряжающий готовился вздремнуть, а стрелок все еще смотрел на сержанта.

— Послушай моего совета, сынок. Отоспись, пока можно. Скоро будут новые сражения. И если ты думаешь, что сегодня нам досталось...

Он так и не закончил эту фразу. Теплая темнота обняла его, и мысли о сражении унеслись прочь. Ему приснились облака на синем небе и зеленые берега сверкавшего на солнце озера. На расстоянии виднелись пурпурные горы — каждая вершина с идеальной шапкой снега. На одном из травянистых холмов у подножия гор он увидел огромное сооружение из белого мрамора. Сияющую крепость. Вульфе подумал, что она не так уж и далеко — всего несколько часов ходьбы.

Но, с другой стороны, он знал, что такое сооружение может существовать только во снах. Он понимал, что крепость находилась дальше, чем ему казалось поначалу.

Глава 22

— Где же он, черт бы вас побрал?! — закричал разгневанный генерал.

Кроваво-красный рассвет окрасил Ишварские горы в малиновые тона. Экспедиционные силы «Экзолона» остановились в сухой каменистой долине между предгорьями. Перед людьми открывалось пугающее зрелище. Именно эта долина отмечалась в рапортах Мунитorум и Адептус Механикус как последнее известное местоположение «Крепости величия». Все надежды де Виерса были связаны с ней. Но танк Яррика отсутствовал. Фактически они не нашли никаких намеков на то, что он когда-то находился здесь.

Долина простиралась вдаль на два километра. Она плавно загибалась на северо-восток и, постепенно поднимаясь

вверх, сливалась с горным склоном. Между скалистыми холмами гнездились оранжевые валуны и вездесущий песок. Однако большая часть поверхности была скрыта под ржавыми обломками, которые указывали на место величайшей битвы прошлого. Силы Яррика поднялись на холмы, надеясь уйти от орд, надвигавшихся с севера. В этой долине имперские отряды потерпели поражение. Они стали начинкой в сэндвиче между войском Газкулла Траки и хорошо оснащенной армией зеленокожих, которая пришла с юго-востока. Трака взял войско Яррика в клешни. Он обрушил на людей хаос огня, выкатив на поле боя огромные чудовищные машины — настоящие аватары войны, способные противостоять силе могучих титанов Адептус Механикус.

В целях идентификации Официо Стратегос назвал этих неистовых существ «гаргантами». Более легкие модификации со схожим дизайном получили кодовое имя «топтуны». Они выглядели почти так же, но имели

меньшие размеры. Ходили слухи, что гарганты почти не уступали в высоте огромным машинам Легио Титаникус. Орки наделили их ликами своих дикарских богов. Набедренные повязки гигантов были сделаны из самой толстой брони, какую только могли найти зеленокожие. С каждым громоподобным и содрогавшим землю шагом от них исходили облака ядовитого газа. Машины несли на себе больше орудий, чем требовалось для любого сражения.

Чаще всего их вооружение включало пушку огромного калибра. Собираясь в группу, гарганты могли посылать скоординированные залпы по одной из выбранных целей. Наверху каждого гиганта располагалась контрольная палуба, выполненная в форме чудовищной металлической головы. Орки создавали эти головы по своему подобию: красные глаза, подсвеченные изнутри приемными сенсорами, и выступавшие вперед металлические челюсти, которые служили парапетом для артиллеристов, управлявших орудийными позициями. На

каждом плече имелась платформа с различными видами мортир и стабберов. Эти гигантские мерзкие гарганты были воплощением боевого духа орков — лучшим оружием их разнообразного арсенала.

Обломки одной из таких машин свидетельствовали о том, что генерал остатривал верное место. От гарганта остался только скелет. Многие годы после того, как Яррик повалил его, отряды орков приходили сюда и забирали все, что могли снять с могучего тела: вооружение и бронированные пластины. Сейчас перед де Виерсом и его солдатами лежал лишь ржавый корпус, в котором едва угадывались величие гиганта и вселяемый им ужас.

Вокруг него валялись части более мелких машин — разграбленные и наполовину зарытые в песке. В основном это были дредноуты. Уступая в размерах мортунам, они тем не менее представляли собой значительную опасность. Очевидно, здесь сражались и имперские титаны. На склонах холмов виднелись обломки их мощных орудий.

Сорок лет назад в этой долине произошла великая битва — настолько жестокая, что только несколько живых существ и дюжина машин уцелели в том яростном столкновении.

Яррик потерял здесь свободу и свой «Гибельный клинок». Газкулл Трака, военачальник зеленокожих, пленил комиссара, но позже выпустил на волю, потому что видел в нем кровного врага и хотел иметь достойного противника во второй войне на Армагеддоне.

— Кто-нибудь ответит мне?! — истерично закричал де Виерс.

Он все еще стоял на левом холме и в отчаянии разглядывал долину. От него буквально исходил запах паники. Берген, находившийся рядом, покачивал головой.

«Я догадывался, что так будет», — подумал он. Генерал-майор не злорадствовал. Он, скорее, чувствовал смирение. Его сомнения подтвердились. Так к чему было винить себя за проявленный скептицизм? Он оказался прав, хотя хотел бы ошибиться. Берген гадал, что будет делать Сеннесдиар.

Похоже, древний магос с самого начала знал, что экспедицию ожидает позорный провал. Он должен был понимать, что ему придется ответить за отсутствие «Гибельного клинка».

Генерал тоже вспомнил о техножрецах.

— Приведите сюда чертовых адептов! Я хочу услышать их объяснения. И пусть солдаты не прекращают поиски. Если они что-нибудь найдут, хотя бы малейший след «Крепости величия», не медлите с докладом. Срочно сообщите мне!

Берген перевел взгляд на противоположный склон. День только начинался, но воздух уже терцал от жары. Ветер утих. Ряды танков и транспортеров терпеливо ожидали приказов. Экипажи вышли из машин, потягиваясь и разминая кости после долгого бегства от орков. «Часовые» заняли позиции с широким обзором и вели наблюдение за нижними лощинами. Зеленокожие были где-то близко. Ночная темнота немного задержала их, но Берген знал, что передышка скоро закончится.

Орки жаждали сражения.

«Что предпримет де Виерс, — спросил он себя. — Неужели старик решит принять бой? Или погонит нас дальше? Вот только куда нам бежать?»

— Вызывали, генерал? — спросил механический голос, раздавшийся справа от Бергена.

Он повернул голову и увидел трех старших техножрецов, приближавшихся к ним. Их красные мантии колыхались вокруг угловатых нечеловеческих тел.

— Могу ли я предположить, что ваши люди отыскали «Крепость величия»? Покажите мне этот танк, и я тут же отправлю на орбиту маяк для вызова подъемника.

— Нет, черт возьми! — прокричал де Виерс. — Мои люди не нашли его!

На висках и шее генерала вздулись пурпурные вены. Его глаза расширились, и Берген впервые увидел, что белки де Виерса окрасились в розовый цвет — так же как и у всех остальных. Значит, старик уже ощутил на себе последствия «взвеси».

— Скажите честно, магос, — потребовал де Виерс. — Мы находимся в правильном месте? Это та долина, которая была указана в ваших отчетах? Это те координаты, которые я получил?

— Вы в нужном месте, генерал. Наша разведка без колебаний указала, что «Крепость величия» прежде была здесь.

— Ах, вот как! — произнес де Виерс. — Теперь в ваших объяснениях появились слова «прежде была»?

— Это же ясно, генерал, — невозмутимо ответил техномаг. — Если танка здесь нет, значит, его переместили. Но не волнуйтесь. Мы, Адептус Механикус, подготовились к такой возможности. Мы обладаем знаниями и снаряжением, необходимыми для поисков украденной техники. «Крепость величия» наделена уникальным и мощным духом машины. Благодаря нашему древнему искусству мы можем связаться с этим духом и выяснить его нынешнее местоположение.

Благодушные заверения магоса не успокоили де Виерса, но его отчаяние

немного поутихло. С другой стороны, Берген не знал, что думать. Проведя всю жизнь в танках, он верил в духов машин. Он лично убедился в том, что бронетехника работала лучше, когда ей возносились правильные молитвы. Он своими глазами видел волшебство техножрецов. Многие из их ритуалов оставались для него загадочными и непонятными. Неужели Сеннесдиар говорил правду? Неужели он действительно мог общаться с духом легендарного танка?

Техномаг издал пронзительный механический скрип. Его адепты повернулись и зашагали к своей «Химере», стоявшей наверху южного склона.

— Мы с моими подчиненными должны исполнить священный ритуал, — пояснил Сеннесдиар. — Нам нужно связаться с духом машины, после чего я сообщу вам его ответ. Имейте веру, генерал. Я не какой-нибудь простой инженер. Я не присоединился бы к вашей миссии, если бы сомневался в успехе операции. Вы получите свой танк.

Де Виерс стиснул зубы. Он ничего не сказал. Берген подумал, что старик был слишком сердит для расспросов и комментариев. Но Сеннесдиар не ждал его ответа. Взмахнув мантией, он направился к своей «Химере». Генерал и командиры дивизий с раздражением смотрели ему вслед.

— Чертовы техножрецы! — прошипел Киллиан. Он повернулся к Бергену и, поймав его взгляд, произнес: — Простите, Джерард. Я понимаю, что танкисты близки к «шестеренкам»...

Берген покачал головой:

— На самом деле нет, мой друг. Они дают нам только крохи знания. Об откровенности и дружбе говорить не приходится. Я не обманываю себя на их счет.

— Вы думаете, им действительно под силу такое волшебство? — спросил Реннкамп. — Если это обман, то наш поход окажется напрасным. Неужели мы зря загубили столько жизней?

Берген пожал плечами:

— Скоро все станет ясно...

Он замолчал на середине фразы. По вокс-связи начался быстрый обмен сообщениями. Другие тоже услышали тревожную весть. Он увидел, как на лицах офицеров появилось то же самое выражение, которое, наверное, было и у него.

— Пусть Трон обрушит проклятия на их головы! — прокричал де Виерс. — Все по машинам! Передайте техножрецам, что им лучше совершить ритуал как можно быстрее!

Дивизионные командиры побежали к своим машинам. Пилоты «Часовых» в арьергарде рапортовали об отряде орочьей разведки. Зеленокожие находились всего в двух часах пути.

Глава 23

<Нам нужно поспешить>, — сказал техномаг Сеннесдиар, взглянув на адептов, которые сидели в салоне его «Химеры». — <Но не так быстро, чтобы вызвать новые подозрения офицеров. Эта ситуация изначально предполагала высокий процент риска. За ней последуют другие — еще более опасные. Все будет зависеть от результата, которого мы сейчас добьемся. Нам нужно быть убедительными. Генерал должен поверить, что мы не предвидели подобной ситуации>.

<Наконец-то мы приблизились к Дар Лаку>, — проскрипел Ксефо. — <Мне не терпится увидеть этот город>.

<Я завидую магосу Ифароду>, — добавил Армадрон. — <Он совершил великое открытие>.

<Не верьте в ожидания и не

мечтайте о лучшем», — посоветовал им Сеннесдиар. — «Нам известно, что Ифарод мог погибнуть. Я не знаю, в каком состоянии мы найдем его... и найдем ли вообще. Позаботьтесь о насущных делах. Сейчас нам нужно уклониться от битвы с орками. Мы должны направить «Экзолон» в горы. Но вы видели, как неохотно кадийцы следуют нашим советам».

«И что же нам делать, магос?» — спросил Армадрон.

«Мы должны убедить людей, что наши ритуалы не являются обманом. По крайней мере, генерал должен поверить, что танк Яррика по-прежнему находится в пределах досягаемости. Он должен поверить, что мы связались с духом машины «Крепость величия» и определили ее нынешнее местоположение».

«Он очень разгневан», — заметил Ксефо. — «Де Виерс надеялся найти «Гибельный клинок» в долине. Он больше не будет доверять нашим словам».

«Генерал в отчаянии», — пояснил Сеннесдиар. — «Мы даем ему последнюю надежду на удачное окончание поисков. Как

бы де Виерс ни сердился на нас, он ухватится за любую соломинку, которую мы предложим ему. Он примет ее, какой бы тонкой она ни казалась. Сейчас меня заботит не генерал, а его дивизионные командиры. Армадрон, вы провели много времени с генерал-майором Бергеном. Насколько он опасен для нас?>

Армадрон издал монотонный скрипучий звук, означавший неуверенность в своих выводах.

<Джерард Берген потерял доверие к де Виерсу. Я думаю, он неосознанно хочет избавиться от генерала, но уважение к уставу Имперской Гвардии заглушает его инстинкты. Я предполагаю, что независимо от ситуации он будет следовать традиционному протоколу>.

<Ксефо?> — продолжил опрос Сеннесдиар. — <Вы наблюдали за генерал-майорами Реннкампом и Киллианом. Какие выводы вы сделали?>

<На мой взгляд, ни один из них не стремится незаконно захватить власть. Они строго соблюдают кадийский кодекс воинской чести. И они безропотно

выполняют план миссии».

«Ит так и положено поступать», — сказал Сеннесдиар. — «Пока это играет нам на руку. Отчаявшийся генерал последует нашим указаниям. Другие пойдут за ним по долгу службы. В конечном счете, они приведут нас в Дар Лак. Но как только мы войдем в туннели, у них появятся вопросы. Вопросы, на которые мы не должны отвечать».

«Завеса будет поднята, магос», — напомнил Армадрон. — «Они почувствуют наш обман. И даже если не почувствуют, истина все равно откроется. Мы не можем определить местонахождение «Крепости величия». В сообщении Ифарода говорилось...»

«Я прочитал копию этого сообщения, адепт», — оборвал его Сеннесдиар. — «И хорошо запомнил его содержание».

Армадрон склонил голову:

«Примите мои извинения, магос».

«Мне не нужны ваши извинения. Сейчас вы оба соберете наших инженеров. Я лично проведу церемонию. Так будет более убедительно. Гвардейцы не поймут,

что мы исполним перед ними обычный ритуал благословения. Они увидят в нем нечто волшебное. Когда шарады закончатся и ритуал общения с Омниссией завершится, мы поведем их к нашей цели. Теперь ступайте. Живо!>

* * *

Вульфе зевнул и надвинул на глаза фуражку. Он лежал на настиле защитного кожуха гусениц. Сон все не шел, потому что он никак не мог расслабиться. Возможно, виной тому была пыль. Или он заболел, хотя еще не понял этого. Боль в мышцах не унималась. Она притупилась, однако осталась на краю сознания, не позволяя забыть о себе. Миркос и Сиглер готовили обед из мясных брикетов. Других продуктов не было. И хорошо, что их пока не заставляли пить очищенную мочу.

Интересно, доживут ли они до такого момента, когда моча снова станет атрибутом рациона, подумал Вульфе. Он

считал, что Восемнадцатая группа армий была практически сломлена. Приподняв фуражку и осмотревшись по сторонам, он увидел, что другие танкисты тоже отдыхают на настилах и защитных решетках. Полк понес огромные потери. Десятая рота ван Дроя сократилась до пяти танков. «Врагодав» лейтенанта оставался в игре, но после смерти полковника их командир казался бессловесной тенью. Весс и его «Стальное сердце-II» вышли из битвы настоящими героями. Парень показал себя отличным командиром. Во время варп-перехода на Голгофу ван Дрой сделал хороший ход, повысив его до сержанта. Весс оправдал его выбор. У орочьей стены он взял свою долю вражеской брони. Хольц, похоже, неплохо освоился на «Старой костедробилке». Это было маленькое чудо, что он уцелел, когда так много других экипажей погибло.

Как говорится, новичкам везет. В любом случае, ван Дрой правильно сделал, что не повысил Хольца в звании. Парень, став командиром танка, мог погибнуть в

первом же сражении. И конечно, Ленк тоже уцелел.

Во время битвы — точнее, после Красного ущелья — Вульфе не вспоминал об этом ублюдке. Тем и хороши сражения. В середине бойни опытный гвардеец мог достичь почти блаженного и миролюбивого состояния. Вульфе взглянул на танк Ленка, но не увидел членов экипажа. Наверное, они лежали в тени под днищем или спали, как его водитель Мецгер.

Он сел и, повернувшись, посмотрел на техножрецов. Те проводили в долине какой-то тайный непонятный ритуал. Вульфе видел схожие обряды, которые жрецы совершали над танками полка, и это священное действие почти не отличалось от них. Все жрецы и инженеры, прикрепленные к «Экзолону», были одеты в красные мантии марсианского культа. Склонив головы в молитве, они двигались по кругу, пели и издавали странные механические звуки, которые не смогло бы повторить ни одно человеческое горло. Некоторые из них несли в руках сенсоры,

вращавшиеся взад и вперед. Они выпускали в воздух синеватый дым, висевший пеленой над их группой. Дым медленно по спирали поднимался вверх, хотя ветра не было. Воздух казался густым от жары. Вульфе посмотрел на высокие пики красных Ишварских гор. У ближнего края на востоке они вздымались так высоко, что прокалывали своими клыками животы багровых туч.

Почему все здесь напоминало ему орков? Наверное, потому что скоро он снова увидится с ними. Двадцать минут назад ван Дрой сообщил об этом по воксу. Армия орков приближалась к ним с запада. «Часовые», оснащенные сильной оптикой, уже заметили их со склонов холмов. Через полтора часа они подойдут к долине, и сражение вспыхнет с новой силой. Если только де Виерс не возобновит позорное бегство. Или он все же вспомнит о чести и поведет их в бой?

Вульфе предпочел бы сражаться. Он уже смирился с тем, что никто из гвардейцев не улетит с Голгофы живым. Офицеры все еще болтали о поисках

пропавшего танка Яррика. Они возлагали надежды на техножрецов — на их сигнал об эвакуации. Жрецы отвечали, что подъемник прилетит за ними только в нужный момент. По крайней мере, так он понял их слова. Вульфе не думал, что все закончится легко и быстро, но мысли о смерти не злили его. Он всегда знал, что погибнет на службе Императору. А если умирать, то в бою. Разве можно придумать лучший способ?

Нет, сказал он себе, смерть на Армагеддоне была бы предпочтительнее. Там, по крайней мере, он мог бы погибнуть, защищая Святую Терру, а не выискивая брошенный ржавый танк. Конечно, любое сражение против орков — это благое дело. Если он умрет сегодня, так тому и быть. Он встретит свою судьбу, не пряча взгляда.

Сержант вновь посмотрел на техножрецов. Их церемония интриговала его. Он твердо верил в духов машин и никогда не сомневался в их существовании. Все танкисты чувствовали связь с ними, независимо от своего первоначального

отношения к данному вопросу. За время службы Оскар сталкивался с необъяснимыми чудесами, совершенными жрецами Адептус Механикус. Это нельзя было объяснить игрой воображения. Возможно, магос и его адепты действительно могли найти какой-то ответ и вывести их из горной долины.

«Крепость величия» пропала. Но как далеко ее утащили зеленокожие? Если танк по-прежнему находится в пределах досягаемости, Вульфе хотел бы взглянуть на него перед смертью. Это была редкая машина — почти самая уникальная в галактике. Перед тем как сорок лет назад танк оставили на Голгофе, его освятили не только священники Министорум, но и марсианские техножрецы. А интересы этих двух августейших организаций почти никогда не совпадали друг с другом.

— Эй, сардж, — окликнул его Сиглер. — Иди, перекуси. Может, нам и Мецгера разбудить?

Вульфе спрыгнул с защитного кожуха и подошел к своим бойцам.

— Пусть еще немного отдохнет, —

ответил он. — Оставим его долю. Поест, когда проснется.

Трое мужчин сели на песок и приступили к скромной трапезе. Из долины до них доносились механические скрипы и песнопения.

— Я все равно не понимаю, — заговорил Горошек. — Как они узнают, куда увезли танк Яррика?

Вульфе сунул в рот кусок жесткого мясного брикета и неразборчиво ответил:

— Тебе лучше поверить в их волшебство. Скоро орки снова навалятся на нас. Я думаю, де Виерс дал жрецам не так уж много времени. Когда они закончат свой обряд, генерал поведет нас в какое-нибудь новое место. Он не откажется от поисков танка.

— И люди называют меня сумасшедшим, — покачав головой, проворчал Сиглер.

Вульфе усмехнулся и похлопал друга по плечу:

— Да, они ведут себя, как лицемеры.

Миркос засмеялся. Внезапно сообщение по вокс-связи стерло улыбку с

лица сержанта. Он выплюнул кусок брикета на песок.

— Что-то случилось, сардж? — спросил Сиглер.

Вульфе вскочил на ноги.

— Задницы в танк и немедленно будите Мецгера, — велел он им.

Воздух вокруг них уже дрожал от грохота двигателей. «Химера», стоявшая в десяти метрах справа, выпустила из выхлопных труб сизо-черные струи дыма. Сиглер и Горошек побежали к люкам.

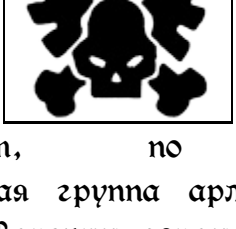
— Это приказ ван Дроя, — пояснил сержант, укладывая остатки пищи в жестяную коробку. — Техножрецы получили ответ. Мы отправляемся в путь.

— Но куда? — спросил Горошек.

Вульфе начался подниматься на башню. Он на миг задержался и крикнул через плечо:

— В горы, боец! Мы будем подниматься в горы.

Глава 24



Маршрут, по которому Восемнадцатая группа армий покидала долину в Ишварских горах, вскоре стал опасным — особенно для танков, весивших около шестидесяти тонн. Но времени для осторожности не было. От армии орков их отделял лишь час пути. Поднимаясь на холмы, зеленокожие заметили хвост кадийской колонны. Их легкие машины прибавили в скорости. Берген не знал, когда они догонят их, но он понимал, что арьергард «Экзолона» вскоре вступит в бой с орочьими байками и багги. Разведывательные патрули зеленокожих обладали опытом передвижения по горным склонам. Крутые подъемы и узкие тропы, по которым приходилось следовать кадийцам, требовали недюжинного мастерства от водителей тяжелых

танков.

Отныне у них не было выбора. Им приходилось удирать на максимальной скорости. Генерал отнесся к словам Сеннесдиара с крайней серьезностью. Магос заявил, что во время церемоний им удалось пробудить всемогущего Омниссию — техноаспект божественного Императора. Его ответ техножрецам был расшифрован мощными и невероятно сложными аугерами. Адепты получили неопровержимую информацию. «Крепость величия» оставалась в долине десятки лет, но недавно ее переместили в другое место. И теперь, настаивал Сеннесдиар, танк находился неподалеку. Если генерал поведет свои силы туда, куда его направит магос, он вернет человечеству священную реликвию.

Слова магоса показались Бергену подозрительными. Слишком складно все получалось у Сеннесдиара. Генерал-майор предполагал, что техножрецы изначально знали об отсутствии танка в долине. Но операцией по-прежнему командовал де Виерс. Старик находился в таком

отчаянном положении, что поверил бы любому слову жрецов. Несмотря на очевидное безумие генерала, дивизионные командиры не оспаривали его решения. Сейчас это не имело смысла. Реннкамп и Киллиан разделяли мнение Бергена. Они оказались отрезанными от остальных имперских сил. Без какой-либо надежды на возвращение, они могли лишь следовать по горной тропе, не зная, куда она их приведет.

Генерал-майор стоял в куполе своей «Химеры». Эта привычка появилась у него с тех пор, как он был командиром танка. Берген с гордостью вспоминал те времена. Затем, по мере карьерного роста, его призвали для выполнения более важных и великих миссий...

Великих? Смех, да и только! Операция «Гроза» пошла вразнос. Мунитор не захочет терять лицо. Когда чиновники поймут, что «Экзолон» потерпел поражение, их вычеркнут из имперских записей. Но ведь битва еще не проиграна, пищал тонкий голос в его голове. Другие внутренние голоса смеялись

и громко возражали ему. Чтобы отделаться от них, Берген посмотрел на небо. Судя по яркому пятну в густых малиновых облаках, спрятавшееся там солнце Голгофы застыло в зените. Облачный покров казался таким низким, что грозил накрыть их собой. Он автоматически проверил наличие очков и дыхательной маски.

Экспедиционные силы поднялись уже на тысячу метров. Куда, взорванный варп, вели их жрецы? Он старался рассмотреть тропу между отвесными склонами, но этому мешал шлейф пыли, поднятый вереницей чихавших и брызгавших маслом машин. Колонна стала значительно короче, чем при выходе из Бэлкара. Он все еще не знал, сколько людей и техники они потеряли у орочьей стены.

Почувствовав, как кто-то дернул его за штанину, Берген спустился вниз в пассажирский отсек. Адъютант указал ему на мигавший огонек вокс-панели:

— Сэр, с вами хочет поговорить генерал-майор Киллиан.

Берген кивнул и, когда адъютант

переключил вокс-связь на Киллиана, тихо дунул в крохотный микрофон, встроенный в дыхательную маску.

— Берген на связи. Говорите.

— Джерард, это Клот. Капитан разведроты только что передал мне срочное сообщение. Я подумал, что вы должны услышать его.

— Внимательно слушаю.

— Это насчет тропы, по которой мы едем. Мы не первые используем ее.

— Вы полагаете, что орки перегоняли по ней «Крепость величия»? — искренне удивился Берген.

Неужели, вопреки его ожиданиям, техножрецы говорили правду?

— Трудно что-то утверждать наверняка. Следы очень старые и едва заметные. Но разведчики сообщают, что по тропе прошли несколько пеших солдат и по крайней мере одна машина.

— Это орки. Согласно записям Муниторум, мы первые спустились на Голгофу после прошлой войны.

— Возможно. Но не все остается в архивах, верно? Тем более в записях

Муниторум. Следы в пыли не сохранились бы тридцать восемь лет. Они достаточно свежие и, судя по всему, принадлежат имперским гвардейцам.

Какое-то время Берген молчал. Наверняка это орки. Однако если следы оставлены имперским отрядом, значит, здесь проводилась секретная операция. Именно секретная, иначе от «Экзолона» не скрыли бы такую информацию. По всем отчетам, их миссия была первой после Голгофской войны. Официальная цель: вернуть танк Яррика. Интересно, какую задачу выполнял имперский отряд, следы которого обнаружили разведчики?

— Если ваши парни узнают новые подробности, я прошу вас сообщить об этом мне.

— Конечно сообщу, — пообещал Киллиан. — Все эти тайны мне не по душе. Наверное, как и вам.

— Вы уже говорили с Реннкампом и генералом?

— Еще нет. Собираюсь.

Берген задумчиво хмыкнул.

— Клот? Почему вы обратились

сначала ко мне?

Киллиан выдержал небольшую паузу. Возможно, он проверял, что их канал связи кодируется шифром.

— Потому что де Виерс уже несколько месяцев находится в неадекватном состоянии. Мы оба знаем это. Он все ближе к точке надлома. Я никогда не видел его таким. Если он сойдет с ума, руководство миссией перейдет к вам. Как и борьба за наше выживание. Джерард, я хочу подняться с этих скал живым. Я не собираюсь губить здесь себя и своих людей.

— Спасибо за откровенность, Клот, — ответил Берген. — Продолжайте информировать меня о странных следах на тропе. Договорились?

— Конечно. До связи.

Огонек на вокс-панели погас.

* * *

В специально оборудованной «Химере»

Сеннесдиара тоже погас огонек вокспанели. Техноадепт Ксефо нажал на клавишу, отключил канал прослушивания шифрованного сообщения и, повернувшись к начальнику, доложил:

<Они нашли следы отряда, который вел Ифарод>.

<Это было неизбежной>, — произнес техномаг. — <Такая находка ничего не меняет. Меня волнует другая возможность. Что, если орки последовали за Ифародом в Дар Лак? Тогда мы не сможем отыскать его>.

Последовала пауза, во время которой каждый из жрецов просчитывал варианты представленной перспективы. Безмолвие нарушил Армадрон:

<В таком случае фрагмент будет утрачен. Что вы собираетесь предпринять, наставник?>

<Перед нами логическая развилка>, — ответил Сеннесдиар. — <Если Ифарод добыл фрагмент, мы заберем его. Если нет, нам придется воспользоваться Восемнадцатой группой армий. Кадийцы помогут нам вернуть его, хотят они

этого или нет».

«Но вы же не скажете им правду?» — спросил Ксефо.

«Мои уговоры будут зависеть от обстоятельств» — уклонился от ответа техномаг. — «Мы должны получить фрагмент. И мы добудем его, даже если нам придется пожертвовать жизнью последнего человека в «Экзолоне». Ничто не должно стоять на нашем пути».

«Мы с вами, магос», — поддержал его Ксефо.

«Приказывайте», — добавил Армадрон. — «Мы сделаем все, что в наших силах».

* * *

Вульфе зарычал, когда новая волна пыли накрыла их танк. Если бы сержант пошел на поводу у своей мнительности, он мог бы сказать, что «Новый чемпион» взбил пыль намеренно, чтобы ухудшить его обзор. Но не он один страдал от

поднятой пыли. Тропа была узкой. Имперские машины двигались колонной по одному, карабкаясь все выше и выше в горы, поэтому опасности пути нарастали, как снежный ком.

Мецгер управлял «Последними молитвами» с почтительной аккуратностью. Он объезжал большие камни и сохранял разумную скорость движения. Каждый боец знал, что орки продолжают погоню, хотя их скрывали рельеф местности и облако пыли. Взглянув вправо, Вульфе в который раз почувствовал тошнотворную пустоту в животе. Между двумя вершинами гор зияла огромная пропасть. Он быстро перевел взгляд вперед, и мышцы живота расслабились.

«Какого черта мы здесь делаем, — подумал он. — Высокие горы — не место для тяжелой бронетехники».

Безбашенные сопровождали эшелон колонны. Их роте полагалось защищать «тридцатьшестерки» и полугусеничные транспортеры «Геракл», которые перевозили большую часть оставшихся

припасов. И поскольку орки наступали на пятки, они рисковали больше других.

Позади «Последних молитв-II» шли «Старая костедробилка» и несколько «Леманов Руссов» класса «Победитель» из Двенадцатой механизированной дивизии генерал-майора Реннкампа. Вульфе не знал парней из их экипажей, но это было не важно. К какой бы дивизии ни относились гвардейцы, они теперь считали друг друга братьями. Их осталось немного — всего несколько тысяч, плотно упакованных в три-четыре сотни машин. В то же время разведчики, замыкавшие арьергард, докладывали, что орочья бронетехника, гнавшаяся за ними по горной тропе, насчитывала тысячи или десятки тысяч машин. Только глупец повернулся бы к ним лицом. Кадийцы могли двигаться только вперед. И хорошо, что на этом же решении настаивали техножрецы.

Тропа и без орков оставалась крайне опасной. Сержант высматривал сквозь пыль возможные препятствия и, как мог, подсказывал водителю необходимые маневры. Внезапно он подумал о

лейтенанте ван Дрое. После смерти Виннеманна тот вел себя подозрительно тихо. Это не нравилось Вульфе.

— Командир «Меча» вызывает ротного, — сказал он по вокс-связи. — Это Вульфе, сэр. Прошу ответить. Прием.

— Ротный слушает, — отозвался ван Дрой. Его голос звучал тускло и печально. — Чем могу помочь?

Вульфе не хотел обидеть лейтенанта каким-нибудь опрометчивым словом.

— Просто докладываю, сэр. У нас пока тихо. Никаких признаков орков. Может быть, им надоест глотать пыль и они прервут погоню?

— Как долго ты служишь, Вульфе? Тебе уже пора разбираться в поведении орков.

— Я знаю, сэр, что они не отстанут. Это просто мои мечты. Послушайте... насчет полковника, сэр...

— Говорите. Я слушаю, сержант.

Тон лейтенанта подсказывал, что Вульфе ступил на опасную почву.

— Я скучаю по нему, сэр. Вот,

пожалуй, и все.

Ван Дрой молчал добрых десять секунд. Вульфе подумал, что он сейчас закроет канал, но лейтенант заговорил:

— Знаешь, Оскар, когда молодые люди выходят живыми из первого сражения, они ведут себя как дети. Не важно, офицеры или рядовые. Они чувствуют себя неадекватными, смущенными и напуганными. Они как будто больше не принадлежат себе. И страх, который обуревает их, иногда приводит к странным поступкам... Ты никогда так себя не чувствовал?

— Бывало, сэр, — признался Вульфе. — Конечно, чувствовал, хотя и давно.

— Я никогда не забуду это состояние, — задумчиво произнес ван Дрой. — Я ненавидел свою неопытность, как заклятого врага. Мне казалось, что я превращаюсь в невыносимое бремя для других людей. Я хотел набраться у них знаний, а им не хватало времени, чтобы учить меня. И тогда Виннеманн помог мне преодолеть неуверенность в себе. В ту пору он был капитаном. До своего ранения

он славился как лучший командир.

— Он всегда был хорошим человеком, сэр, — согласился Вульфе.

— Великим человеком, — подтвердил ван Дрой.

В разговоре снова наступила пауза.

— Ситуация у нас сейчас адская, сержант. Но какой бы шанс у нас ни оставался, заставь полковника гордиться нами. Я думаю, мы многое могли бы сделать в его честь. Понимаешь?

Вульфе показалось, что он понял лейтенанта. На хороший результат операции рассчитывать не приходилось. Ситуация ухудшалась с каждым днем. Поэтому ван Дрой искал какую-то духовную опору. И несмотря на бардак, царивший в «Экзолоне», он нашел ее в чести полка — в своем долге перед полковником Виннеманном. Вульфе надеялся, что он сможет последовать его примеру. Если у ван Дроя получилось, то, возможно, выйдет и у него. Прежде всего он был гвардейцем и кадийцем!

— Будем сражаться за честь полка, — сказал он ван Дрою. — Если нам предстоит

погибнуть, мы уйдем с адским звоном.

Голос ван Дрой заметно повеселел.

— Вот это правильно, Оскар, — согласился он. — Нас, Безбашенных, осталось мало, но мы докажем, что не зря получили свое прозвище. Клянусь Троном!

— Еще как докажем, сэр! — поддержал его Вульфе. — Можете рассчитывать на мой экипаж.

— Я знаю, сержант, что ты не подведешь. Ладно. До связи.

* * *

— С вами снова хочет поговорить генерал-майор Киллиан, — доложил адъютант.

Берген, находившийся в куполе, переключил канал на вокс-гарнитуре.

— Какие новости, Клот?

— Сейчас расскажу. Вот что доложил мне командир разведчиков. Тропа ведет нас прямо в облака. Через сотню метров она сворачивает в сторону и

заканчивается у какого-то сооружения. Видимость слабая. Продвигаться дальше опасно. Но это не все. Разведчики нашли что-то очень странное. Я думаю, вы должны посмотреть на это сами.

— Странное? О чем вы говорите?

— Разведчики не смогли описать мне то, с чем столкнулись. Послушайте, Джерард. Я думаю, что тропа завела нас в такое место, которое не понравится нашим людям. По словам разведчиков, нам лучше увидеть это самим.

Глава 25

— Там изображены люди? — спросил де Виерс.

— Я не стал бы утверждать наверняка, генерал, — ответил Реннкамп. — Хотя, возможно, вы правы. Из-за эрозии камней все детали стерлись. Но если вы спросите меня, я скажу, что зрелище очень странное. Святые огни! Кто мог создать такое чудо?

Старшие офицеры «Экзолона» — де Виерс, командиры дивизий и другие представители командования — стояли на краю тропы. Рядом расположились пехотинцы Восемьдесят восьмого мобильного полка Мэрренбурга, которые разведывали путь для колонны. По обе стороны от них изгибались заостренные шпоры темных скал. Над ними возвышались мрачные пики гор, вершины

которых терялись в бурлящих облаках. Но кадийцы почти не замечали их. Взгляды людей были прикованы к сооружению, находящемуся прямо перед ними. Оно казалось очень древним. И ни один человек не ожидал увидеть здесь нечто подобное.

На склоне горы располагалось огромное, похожее на альков, прямоугольное пространство — настолько широкое и глубокое, что внутри его мог бы поместиться космический подъемник. Очевидно, в далеком прошлом края удивительного сооружения были прямоугольными. Их выровняли какими-то инструментами или машинами по обработке скал. Однако прошедшие тысячелетия и жесткие погодные условия сгладили детали и закруглили края массивных стен. То же самое произошло и с богоподобными фигурами, вытесанными в тех же скалах, — гигантами, которые, преклонив колени, держали на широких каменных плечах немыслимый вес верхней части алькова.

Огромные фигуры производили странное впечатление. Да, они выглядели

могучими, но зачем было создавать их такими деформированными? Или, возможно, над ними работали неопытные мастера? Кубические головы были слишком крупными по сравнению с торсами. Руки и ноги тоже казались преувеличенно толстыми. Неужели эти существа действительно обладали такой чудовищной мускулатурой? Кисти и стопы величиной с их голову придавали каменным гигантам вид гротескных карикатур. Берген впервые видел человеческие статуи, столь непохожие на людей.

Интересно, подумалось ему, как они выглядели в лучшую пору? Насколько сложной была резьба по камню? Как подробно изображались детали их ужасных лиц? Имелись ли на них глифы и украшения из драгоценных металлов? Сколько веков они простояли коленопреклоненными, сражаясь с гравитацией и не позволяя склону горы обрушиться на них? Похоже, многие тысячелетия. Поверхность статуй выглядела щербатой. Черты их лиц давно

исчезли и затерялись во времени. Безликие и неведомые существа! Пройдет еще тысяча лет, и они развалятся на куски. Верхняя часть ниши рухнет и погребет под собой все свидетельства их существования.

«Слава Трону, что они еще не упали, — подумал Берген. — Иначе мы оказались бы в тупике. Орки заперли бы нас в ловушку. Пока же у "Экзолона" остается возможность двигаться вперед».

Между двумя огромными фигурами чернело отверстие туннеля. Проход выглядел достаточно широким. В него могли пройти одновременно четыре или пять «Леманов Руссов». Это древнее сооружение являлось вратами в брюхо горы. Могучие статуи были стражами.

— Не нравятся мне эти нелюди, — проворчал Киллиан. — Наверное, какие-то мутировавшие колонисты. Кто знает, сколько им лет. Я отнес бы их ко времени, предшествовавшему Эпохе Раздора.

— Грубер! — рявкнул де Виерс. — Позови сюда техножрецов. У нас нет времени на пустую болтовню, но я не

поведу колонну вниз, пока не узнаю, на что, черт возьми, мы тут смотрим.

Адъютант генерала связался с тарсианскими жрецами и попросил их незамедлительно подъехать к началу колонны.

«Да, — подумал Берген, — посмотрим, что скажут жрецы. Не сомневаюсь, что они с самого начала вели нас сюда. Какой бы ни была их цель, они наверняка загонят нас в туннель или, возможно, выведут по другую сторону горы. Так или иначе, мы войдем туда, спаси нас Император».

Он знал, что людям это не понравится. Ему тоже не хотелось забираться в туннель, созданный древней расой. Чужеродные вещи предавались в Империуме анафеме. Как только ребенок начинал понимать низкий готик, ему вбивали в голову ненависть к ксеносам и ко всему, что с ними связано. Когда юноши вступали в Гвардию, эта ненависть вскармливалась и вколачивалась в их сердца, пока не превращалась во всепоглощающую страсть. «Ни грамма жалости, пока во вселенной остается хотя

бы один чужак».

«Неудивительно, что гвардейцам так часто повторяют цитаты из Имперского Кредо», — подумал Берген. Подобные зрелища вносят в сознание людей неподобающее смятение и делают их слабыми перед лицом врага. Сколько солдат, проявив любопытство к инопланетным артефактам, сгорело на кострах комиссаров, членов Священной Инквизиции и разъяренных гражданских толп. Ересь забирала многие жизни.

За спиной Бергена послышались монотонные голоса, похожие на скрежет металла. Он повернулся и увидел магоса Сеннесдиара: лицо, полускрытое капюшоном, и длинная красная мантия, шелестевшая у лодыжек. По своему облику он был еще чужероднее, чем гротескные каменные изваяния. Металлические патрубки, выступавшие из его спины и чудовищного механического торса, заставляли коленопреклоненных гигантов выглядеть милыми и добрыми человечками. Рядом с магосом шагали столь же отвратительные с виду

техноадепты Ксефо и Армадрон.

— Фортуна благоволит вам, генерал, — произнес Сеннесдиар.

Берген заметил, что, в отличие от кадийцев, техножрецы не носили очки и респираторы. Очевидно, они не нуждались в них. «Какими хрупкими мы, наверное, кажемся этим марсианским ублюдкам, — подумал генерал-майор. — Интересно, они жалеют нас или относятся к нам с надменным презрением?»

Офицеры повернулись и приветствовали техномага. Он остановился перед ними и, приподняв мигающие глазные линзы, указал металлическим пальцем на древнее сооружение:

— Вы видите перед собой проход в Дар Лак. Почему бы нам не войти в него? Если мы промедлим, на нас нападет орда орков.

— Дар Лак? — переспросил Киллиан. — Вы даже знаете, как называется это место?

— Магос, — сделал попытку что-либо разузнать де Виерс, — могу ли я

предположить, что вам известно, куда мы попадем, войдя в туннель?

— В подземный город, который знаком мне только своим названием, генерал, — ответил Сеннесдиар. — Древние легенды говорят, что где-то в этом регионе находился город Дар Лак. Пока Голгофа принадлежала Адептус Механикус, мы не смогли отыскать его и занести в каталог археологических раритетов. На такой высоте — почти под самым облачным покровом — предсказательные сканеры не работают. Фотосъемка территории с орбиты тоже была невозможна. В наших архивах имелись рассказы о древних обитателях планеты. Однако мои уважаемые братья-исследователи решили, что время навечно замело их следы. Лично я считаю чудом, что эти ворота все еще сохранились. И мне приятно, что именно ваша экспедиция, генерал, привела нас к такому открытию, пусть даже и случайно.

— И все же, чей это город? — спросил Берген.

Сеннесдиар повернул голову и

посмотрел на него. Берген попытался прочитать его мысли или, возможно, уловить какой-то намек на обман — подергивание мышц, поджатые губы. Но он не мог понять телесный язык магоса. Его просто не было. С таким же успехом он мог читать эмоции автопушки на корпусе «Часового».

— Мы не знаем, как называлась разумная раса, населявшая Голгофу в древние времена, — сообщил техномаг. — Наши ученые не нашли ни их останков, ни письменных свидетельств. Они исчезли еще до той поры, как Великий крестовый поход прошел через эту звездную систему. Нам неведомо, куда они ушли. Жрецам Механикус не нравится строить догадки, не располагая достоверными данными.

— То есть вы не знаете, куда они подевались? — вмешался Реннкамп. — Покачав головой, он повернулся к де Виерсу: — Наверное, шагнули в какой-то странный туннель.

— Эта раса давно исчезла, генерал-майор, — продолжил Сеннесдиар. — Вы можете забыть о ней. Уверен — нам не

стоит опасаться каких-то неожиданностей в подземном городе. Если вас интересуют зеленокожие, то скажу вам сразу: орки, будучи крайне суеверными существами, не погонятся за нами. Взгляните сами. Нет никаких признаков того, что они входили в туннель. Иначе они испортили бы статуи своими глифами и нелепыми рисунками. Лично я не вижу следов их пребывания около туннеля. Возможно, ваши разведчики заметили что-то? Я признаю, что среди ваших солдат может возникнуть недовольство. Многие из них не захотят входить в город чужаков. Но уверяю вас, мы найдем там только камни и руины.

— А как насчет выхода? — поинтересовался Берген. — Мы сможем выйти по другую сторону горы? Если выхода нет, какой смысл забираться под гору?

— Я не поведу свои силы в тупик, — зашипел де Виерс. — Клянусь Террой, мы должны закончить нашу миссию. Скажите, магос, какое отношение это место имеет к «Крепости величия»? Постарайтесь,

чтобы ваш ответ удовлетворил меня.

Сеннесдиар повернул голову к генералу. Затем он приподнял капюшон и вновь посмотрел на Бергена. Угроза, прозвучавшая в словах де Виерса, оказалась незамеченной магосом. Или он посчитал ее недостойной своего внимания.

— Мы уверены в существовании выхода, — заявил техномаг. — Не забывайте: нас ведет дух машины! Даже если бы это было не так, выход все равно был бы. Иначе нарушались бы правила логики. Всем известно, что животные низших форм строят норы с несколькими выходами. А мы сейчас говорим не о низших формах животных. Мы говорим о разумной технологической расе, тысячелетиями доминировавшей на Голгофе. Имеющихся сведений достаточно, чтобы утверждать это. — Магос величаво повернулся к де Виерсу и добавил: — По моим расчетам, генерал, наши шансы на успех велики. Пройдя через подземный город, ваши экспедиционные силы окажутся по другую сторону Ишварской гряды. Именно туда ведет ваш поиск. Мы можем

поклясться в этом своими жизнями. Мои адепты постоянно общаются с духом машины «Крепости величия». Танк ожидает вас у выхода из туннеля.

* * *

Колонна снова двинулась в путь.

«И чертовски вовремя», — подумал Вульфе. Арьергардная разведка сообщила, что силы орков находятся почти на расстоянии удара. Последние несколько минут его шрам на горле безумно чесался, и это не предвещало ничего хорошего.

К счастью, они возобновили движение. Безбашенные замыкали колонну, поэтому сержант не совсем понимал реакцию гвардейцев в передовых эшелонах. Он по-прежнему сидел в куполе, предупреждая Мецгера о поворотах, подъемах и спусках. В то же время он прислушивался к сообщениям на вокс-каналах и пытался разобраться в ситуации. Из прерывистых разговоров Вульфе выяснил, что

разведчики нашли путь вперед. Но многим бойцам он почему-то не понравился.

«Странно, — подумал он. Реакция гвардейцев казалась ему неадекватной. — Дебилы с половинками мозгов! Если они хотели оторваться от орков, колонне нужно было двигаться вперед». Почему же тогда их голоса кажутся такими напуганными? Вскоре он сам понял это.

— Клянусь Золотым Троном! — воскликнул Вульфе, когда Мецгер провел танк между двумя впечатляющими колоннами из красного камня.

За обветренными симметричными столбами его взору открылась древняя ниша с коленопреклоненными богами.

— Мы должны въехать в этот туннель?

Послышался треск в наушнике:

— Ротный вызывает командиров танков. Сохраняйте прежнюю скорость. Это я тебе говорю, Хольц. Держи свою «коробочку» в колонне. Почему остановился? Продолжай движение!

Вульфе услышал, как Хольц стушенно ответил:

— Прошу прощения, лейтенант. Просто зрелище застало нас врасплох. Я имею в виду эту чужеродную махину. Мне не хотелось бы навязывать свое мнение, но нам не следует въезжать туда, сэр. Трон знает, что нас там поджидает. Мы можем угодить в ловушку ксеносов.

Вокс-канал изрыгнул в ухо Вульфе громкий разряд статики, после чего он разобрал слова ван Дроя:

— Это не мое решение, капрал, и нас никто не спрашивал. Если ты хочешь остаться здесь, чтобы поприветствовать орков, я передам твою просьбу капитану Итриху. Между прочим, комиссары уже объявили, что они накажут за трусость всех, кто откажется въезжать в туннель.

— Не считайте меня трусом, сэр. — В голосе Хольца прозвучали нотки гнева и обиды. — Я выполню приказ. Мне просто не нравятся мерзости ксеносов, вот и все.

— Я так и понял, капрал, — шутливо ответил ван Дрой. — Я так и понял.

Пока сержант слушал их разговор, все новые и новые машины исчезали в зияющей пасти древнего туннеля. Каждая из них,

въезжая в темное пространство, включала фары, однако, как казалось Вульфе, свет тут же терялся в непроницаемой мгле.

Танк «Последние молитвы-II» все ближе подъезжал к входному отверстию туннеля. Сержант с благоговением смотрел на огромных каменных стражей. Кем они были, варп их подери? Он мог бы назвать их огринами, если бы не их бесформенные тела. Они не походили на орков. Фактически они не имели сходства ни с одной расой ксеносов, представителей которых Вульфе когда-либо видел воочию или на картинках.

Внезапно туннель проглотил их машину. Черные стены отсекли Вульфе от света, и он погрузился во тьму. Воздух в подземном проходе стал прохладным. Сержант почувствовал прохладный ветерок, обдувавший его волосы, предплечья и затылок. Он заметил, что серый пол туннеля покато уходит вниз. Танки по обе стороны «Последних молитв-II» включили фары. Отбрасываемые ими конусы света озарили плотное облако выхлопных газов, которые выбрасывали

идущие впереди машины. В принципе смотреть было не на что: серые стены туннеля, сизая пелена выхлопных газов и кормовые части танков, идущих впереди.

— Мецгер, — переключившись на интерком, сказал Вульфе, — включи фары.

— Есть, сэр, — ответил водитель.

«Последние молитвы-II» добавил себе иллюминации. Это не повлияло на общий результат. Ван Дрой снова вызвал командиров танков:

— Все наши машины внутри?

Вульфе повернулся и посмотрел через плечо на уменьшавшийся квадрат дневного света. На его красном фоне виднелись темные силуэты танков, замыкавших колонну.

— Похоже, что так, сэр, — рапортовал он лейтенанту. — Я вижу, как в туннель въезжают последние «Победители».

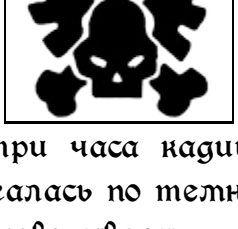
— Хорошо. Сформируйте колонну по двое. Я хочу, чтобы вы двигались вдоль стен туннеля. Аккуратно и медленно. Нам сейчас не нужны аварии. Через пару минут мимо вас в обратном направлении проедет «Химера». Она направится к выходу.

— Зачем же посылать людей назад? — спросил сержант Весс. — Какого дьявола они возвращаются?

Вульфе заметил, что голос ван Дроя дрогнул. В нем чувствовалась непомерная усталость.

— Это команда подрывников, сержант. Генерал де Виерс приказал перекрыть проход за нашими спинами.

Глава 26



Почти три часа кадийская колонна медленно двигалась по темному туннелю. Путь разведывали «Часовые», оборудованные мощными прожекторами. Они обнаружили сотни боковых проходов — более мелких ответвлений от широкого туннеля. Каждый проход подвергался осмотру. Но большая их часть убегала вдаль в бесчисленных направлениях. Они были слишком маленькими для танков. Поэтому экспедиционные силы продолжали перемещаться по главному туннелю, который все глубже спускался в непроглядную тьму.

Де Виерс отмечал ход времени по древнему карманному хронометру. Эту реликвию свыше восьмидесяти лет назад ему подарил дед, в честь которого он получил свое имя. Хронометр сделали

мастера с Агрипины. Он был инкрустирован изумрудами и белыми бриллиантами, обрамлен в платину и украшен филигранью из чистого золота. Генерал никогда не расставался с этой вещью. Глядя на древний циферблат, он всегда испытывал комфорт и тихую умиротворенность. После прибытия на проклятую Голгофу он все чаще смотрел на хронометр.

Неужели эти чертовы Механикус думали, что он не знает об их обмане? Неужели они считали, что его можно так легко использовать? Варп их разорви! Он был Мохамаром Антонием де Виерсом, спасителем Тессалии IX и защитником Шедон Секундус. За грандиозную победу на Райстоке его наградили железной звездой. За командование войсками на Дионисе он получил платиновый череп I степени. Затем он отличился на Модессе Прим, фаэгосе II и одержал другие победы. Возраст не помутил его разум. Он понимал, что у техножрецов есть собственный план. Генерал знал, что они ведут его по маршруту,

соответствующему их целям. Но что он мог сделать? Чтобы найти танк Яррика, ему требовалась их помощь. Бог-Машина марсианских жрецов не говорил с обычными людьми — даже с такими достойными офицерами, как Мохамар де Виерс.

Он замечал презрительные и настороженные взгляды, которыми обменивались дивизионные командиры. Они больше не доверяли ему. Это стало очевидным фактом. Даже Берген начал оспаривать его решения, чем сильно огорчал де Виерса. До печальных неудач на Палтеросе он считал Джерарда своим протеже.

Ладно, они в конце концов поймут свою ошибку. Миссия де Виерса еще не закончилась! «Крепость величия» по-прежнему находилась где-то рядом. Орки забрали танк Яррика, и он должен был вернуть его. Ведь от исхода этой операции зависела судьба Империума. Его экспедицию инициировали Механикус и Муниторум. Они знали, кого назначить во главе Восемнадцатой группы армий. Ни

один человек — ни одна унция солдатского мяса — не покинет этот чертов мир, пока он не отыщет легендарный танк. Он доведет свою игру до конца. Его место в анналах истории было по-прежнему в пределах досягаемости. Он впишет свое имя в один ряд с комиссаром Ярриком, Макаротом и Харазаном. Его будут вспоминать как величайшего полководца своей эпохи.

Он снова посмотрел на стрелки хронометра. Его время еще не вышло. Он найдет чертов танк.

— Кофеина, сэр? — предложил Грубер, сидевший напротив в салоне генеральской «Химеры». — Горячий. Только что с плиты.

— Нет, спасибо. Я и без того уже заведен до крайности.

Грубер взглянул на хронометр в руке генерала и тихо рассмеялся.

— Прекрасная шутка, сэр. Заведен. Я понял ваш юмор.

Де Виерс улыбнулся в ответ. Он не предполагал шутить с подчиненным, но пусть будет так. Пусть адъютант

считает, что его генерал способен на шутки. Смех под ударами судьбы — это черта героев с несокрушимым духом. Пусть окружающие думают, что его не тревожит то бедственное положение, в котором оказались экспедиционные силы.

«А сколько лжи ждет меня впереди? — подумал он. — Какое препятствие мне предстоит преодолеть в следующий раз? Хотел бы я это знать».

— Вокс-сообщение, сэр, — доложил Грубер, указав рукой на зеленый огонек, который мигал на панели, занимавшей всю стену над левым плечом генерала. — Позвольте мне ответить вместо вас.

Хотя де Виерс находился ближе к устройству, он кивнул, разрешив адъютанту выполнять его служебные функции. «Если я начну отвечать на каждый звонок, офицеры потеряют совесть. Они будут тревожить меня по любому поводу. А мне и без них забот хватает». За долгие годы службы Грубер научился оценивать важность входящих сообщений.

Де Виерс рассеянно прислушивался к

голосу адъютанта. Наконец тот повернулся и сказал:

— Это полковник Мэрренбург, сэр. Он сообщил, что его разведчики дошли до конца туннеля.

Пульс генерала пустился вскачь.

— Я сам поговорю с ним, — сказал он.

Грубер передал ему вокс-консоль и вернулся на свое место, где его ожидала кружка с горячим кофеином.

— Генерал де Виерс слушает. Какие новости, полковник?

— Новости хорошие, сэр, — ответил Мэрренбург. — Я только что получил подтверждение. Через три сотни метров уровень подземного прохода выравнивается. После этого туннель идет прямо, а затем через двести метров заканчивается.

— Я понял, полковник. И где он заканчивается?

— Сэр, я не знаю, как сказать...

— Не томите меня вашими загадками. Мое терпение на исходе.

Голос Мэрренбурга изменил тональность. В нем появились грубые нотки:

— Мои извинения, генерал. Насколько я понял, туннель выходит в город. Подземный город, сэр.

«Ну конечно, — с сарказмом подумал де Виерс. — Посмотрим, как технотаг объяснит мне это».

* * *

Когда «Гордость Цедуса» — «Химера» Бергена — выехала из туннеля в огромное открытое пространство под горой, половина машин «Экзолона» уже находилась здесь. Гвардейцы, открыв рты и вытаращив глаза, осматривали то, что открылось их взорам. Другая половина экспедиционных сил все еще двигалась по главному туннелю. Арьергард должен был подъехать только через час.

Стоя в куполе, Берген оглядывался по сторонам. Его окружало густое облако выхлопных газов, хотя и не такое плотное, как в туннеле. В огромном открытом пространстве дым быстро рассеивался.

Давление изменилось. Он чувствовал это кожей. Холодный воздух заставил его поежиться. По мере того как машины разъезжались по периметру, вокруг становилось светлее. Он пока не видел потолок и дальние стены, поэтому не мог оценить объем работ по созданию пещеры. Но зрелище, представшее перед ним, потрясало воображение.

Высокие сооружения из гладкого темного металла тянулись от туннеля и дальше, теряясь в темноте. Это был мертвый город, без движения и звуков, без света и населения — но тем не менее город.

— Значит, это Дар Лак, — прошептал генерал-майор.

Здания, освещенные фарами кадийских машин, отбрасывали яркие блики. Каждая поверхность, каждый угол и стена были сделаны из мерцающего металла. Берген никогда не видел ничего подобного. Пока его взгляд переходил от одного сооружения к другому, цвета менялись, словно отблески солнца на поверхности масляной лужи. Это красивое

радужное сияние напомнило ему раковину, которую он однажды нашел на юго-западных берегах Кадукадского моря. Берген был тогда ребенком. Воспоминание, скрывавшееся до сих пор в неведомых тайниках его сознания, вдруг стало ярким, как снимок высокого разрешения.

Гвардейцы высыпали из грузовиков и транспортеров. Лучи их фонарей рассекали мрак, будто сабли. Командиры формировали отряды и вели их по аллеям города, где каждый шаг поднимал клубы пыли.

— Снять оружие с предохранителей! — прокричал сержант, проходивший мимо «Гордости Цедуса». — Если ксеносы устроили нам засаду, мы покажем им мощь нашей ярости!

Берген сомневался, что сержант найдет здесь хотя бы одного живого ксеноса. Город был мертвым, как пустыня и скалы, через которые они добирались сюда. Он чувствовал это. Впрочем, в пустыне была жизнь, если знать, где ее искать. А подземный город походил на

мавзолей.

Между тем атмосфера менялась. После многих тысячелетий тишины и покоя Дар Лак наполнился суетой и шумом. Вторжение людей казалось почти кощунственным. Берген наблюдал, как отряды гвардейцев расходились по сторонам, исчезая за рядами чужеродных зданий. Каждое из строений, на которые он смотрел, вызывало в уме несколько вопросов. Где двери? Где окна? Он не мог найти ни одного входного отверстия.

У де Виерса тоже возникли вопросы. Берген слышал, как он раздавал по вокс-связи приказы. Через несколько минут включились мощные прожекторы, их яркие лучи достигли потолка и дальних стен. Генерал-майор увидел массивные башни, возвышавшиеся над другими постройками. Он с изумлением осмотрел ближайшую колонну, которая находилась примерно в трехстах метрах от него. Она напоминала ему знаменитые кадийские пилоны, защищавшие его родной мир от злобной бури варпа, известной как Око Ужаса. Будучи кадетом, он однажды

посетил техническую базу на одном из кадийских пилонов — редкая привилегия, недоступная сержантскому составу. Берген помнил ауру могущества, исходившую от загадочного монолита. Он тогда думал, что там обитали живые энергетические существа. Кадийские пилоны и башни Дар Лака были остатками древней таинственной технологии. Но последние излучали не ауру силы и жизни, а эманации смерти и потерянного в веках величия.

Башни были построены из того же перламутрового металла, что и другие здания. На этом сходство заканчивалось. Они производили впечатление монолитных и выглядели более округлыми. Очевидно, их создавали не только с функциональными целями, но и по эстетическим соображениям. Некоторые из них оказались сломанными. Внешние раковины подверглись коррозии и частично разрушились. Их внутренняя часть была заполнена неким устройством, похожим на часовой механизм. Огромные неподвижные шестеренки поблескивали в лучах

прожекторов. Зубья грозно целились в людей, вторгшихся в подземный город. Любопытство вбрасывало в разум Бергена сотни разных вопросов. Он с трудом отгонял их прочь. Какие высоты науки и чудеса волшебства постигли создатели Дар Лака? Почему, обладая подобным могуществом, они покинули планету? Но он не мог поощрять эти размышления. И еще опаснее было искать ответы на такие вопросы. Рядом с ними таилась ересь. Хотя любопытство казалось естественной реакцией. Несмотря на запреты имперского культа, человеческий разум всегда упивался новыми открытиями.

Если кто и был виновен в ереси, то только техножрецы. Берген подозревал, что они уже готовили отряды рабов и сервиторов для изучения чужеродных технологий. Похоже, Механикус запланировали это с самого начала. Интересно, они намеревались помогать де Виерсу в поисках «Крепости величия» или их реальный интерес был вызван лишь Дар Лаком?

Генерал-майор наблюдал за белыми

пятнами лучей, поднимающихся по дальней стене. И почувствовал, как у него отвисает нижняя челюсть. Теперь он мог оценить размеры пещеры. Два-три километра в диаметре и примерно километр в высоту в том месте, где изгибы потолка стыкались в одной точке. Каждый дюйм стен казался идеально обработанным. В них имелись ниши, затыловатые углубления, террасы с колоннами и изящные галереи, отделанные металлом. Во всем сквозила та же угловатая эстетика, которую он видел в архитектуре наземных зданий. Сколько жителей обитало здесь? Как они создали этот город? Почему они решили жить под горой — без света и открытого неба?

Когда лучи прожекторов достигли потолка, Берген снова открыл рот. Над ним висело нечто невероятное: десятки перевернутых черных конструкций, похожих на зиккураты. Сцепленные вместе металлическими мостиками и платформами, они парили в воздухе.

«Но это невозможно», — сказал он себе.

Берген спустился в «Химеру» и

достал из ящика магнокуляры. Вернувшись в купол, он приложил их к глазам. Ему пришлось подстроить линзы, но он в конце концов убедился, что черные «зиккураты» действительно парили, нарушая все законы реальности.

— Император, защити нас, — прошептал генерал-майор. — Что, черт возьми, здесь происходит?

Внезапно из его вокс-гарнитуры донесся всплеск статических помех. Он опустил магнокуляры и ответил на вызов.

— Берген, прием, — произнес знакомый голос. — Я устраиваю совещание старших офицеров. Через три минуты встречаемся у моей «Химеры». Я пригласил техножрецов. Пусть они объяснят нам все это. Пора услышать их чертовы ответы.

— Я тоже так думаю, — согласился Берген, имея в виду свои собственные вопросы.

* * *

Город чужаков не нравился ни Вульфе, ни его экипажу. Танки не создавались для подземелий. Это было неестественно, неправильно. А если в пещере был только один выход? Тот, который взорвали? Он не страдал клаустрофобией. Ни один танкист не продержался бы долго в Гвардии с такой паршивой болезнью. Но что-то в мертвом городе заставляло его шрам чесаться. Возможно, здания, построенные нечеловеческими руками. «Чертовы ксеносы! — подумал он. — Нигде от них покоя нет».

Впрочем, им еще повезло. Император, защити тех пехотинцев, которые уходили по темным аллеям в глубь города, выискивая признаки местного населения! Он не поменялся бы сейчас местами с пилотами «Часовых» и водителями «Шершней». Беднягам поручили составить карту местности и найти другие выходы из пещеры. Нет, лучше он будет сидеть и ждать, когда штабные фуражки примут решение.

Подобно многим другим танкистам,

парни Вульфе вышли размять ноги после длительного путешествия по горным склонам и туннелю. Сержант по-прежнему чувствовал в мышцах неприятное оцепенение. Мецгер пил воду из канистры. Горошек и Сиглер обсуждали странный город. Услышав шаги за спиной, Вульфе быстро повернулся на каблуках.

— Как твои ребята, Оскар? — подойдя к сержанту, спросил ван Дрой. — Все в порядке?

Возможно, это объяснялось рассеянным светом, но лейтенант выглядел ужасно изможденным. Вульфе никогда не видел его в таком жалком состоянии. Наверное, тревога и удивление отразились на его лице. Ван Дрой опустил голову и, надвинув фуражку на брови, мрачно заметил:

— У тебя, знаешь ли, тоже хреновый вид.

Вульфе поморщился:

— Это точно, лейтенант. Прошу прощения.

Ван Дрой отмахнулся от извинений. Сержант указал рукой на странные

металлические сооружения. Ему не нравились их углы, пропорции и линии. Они сильно отличались от имперских зданий, которые он повидал на своем веку, и это делало их неправильными.

— Куда мы приехали, сэр? — спросил он. — Нам ничего не говорили о подземных городах и чужеземных расах, непохожих на нас и орков.

Ван Дрой кивнул:

— Мне тоже о них не говорили. Если честно, Оскар, я думаю, что в штабе «Экзолона» не ожидали такого поворота событий. Генерал де Виерс пришел в ярость, когда мы не нашли танк Яррика в долине. Он-то полагал, что «Крепость величия» будет там, где ему говорили.

— Неужели генерал думает, что ее притащили сюда? Или он просто импровизирует?

— Техножрецы провели какой-то ритуал, — нахмурившись, сказал лейтенант. — По их словам, они связались с духом машины «Крепость величия». Техномаг заявил, что этот маршрут приведет нас прямо к цели, и генерал, как

всегда, поверил ему. Несмотря на все обстоятельства, он погнал нас вперед, как стадо гроксов.

— А вы когда-нибудь встречали генералов, которые поступали иначе?

Ван Дрой усмехнулся.

— Насколько помню, нет.

Вульфе смущенно кашлянул и заговорил серьезно:

— Послушайте, сэр. Я должен спросить вас кое о чем. Надеюсь, вы не обидитесь.

Звучит зловеще.

— Я хочу поговорить о Палтеросе.

Ван Дрой поморщился, но кивнул:

— Валяй.

— Если помните, мы говорили об этом в офицерской столовой в Бэлкаре. Я имею в виду тот день, когда мы потеряли Страйбера и Кола...

— Да, я помню, — не глядя на Вульфе, сказал ван Дрой. — Каньон Луго?

— Точно. Сэр, вы должны знать, что там случилась странная вещь... Событие, которое я долго не мог осмыслить. Оно осталось не указанным в рапорте. Я не был

уверен...

— Может, не нужно ворошить прошлое? — перебил его лейтенант. — Я ведь и тогда не выведывал у тебя всю подноготную. Если бы ты написал в рапорте неподобающие откровения, я вычеркнул бы их вместо тебя. В свое время мне тоже приходилось видеть некоторые вещи, подрывающие веру. Верховное командование не похвалило бы тебя за глупую честность.

Вульфе знал, что ван Дрой своими смутными намеками предлагал ему возможность аккуратно сменить тему. Но он уже скомпрометировал себя.

— В каньоне Луго я увидел призрак Дольфа Борша. Он стоял на нашем пути — такой же реальный, как вы сейчас, сэр. Он посоветовал мне остановить танк. И если бы я не послушал его, мы с экипажем были бы мертвы.

Наконец-то он открыл лейтенанту правду. Слова повисли между ними в воздухе, словно призраки прошлого.

— Проклятье! — прошипел ван Дрой. — Никогда не рассказывай об этом. Ты

хочешь, чтобы твои откровение услышали другие люди?

— Вы не знали, сэр? — спросил Вульфе.

— Конечно знал. Я же не полный идиот. Нетрудно было сложить все детали вместе. Но, ради Трона, держи это при себе. Если комиссар узнает...

— Кто-то сначала должен рассказать ему обо мне. Например, капрал Ленк.

— Ленк? Ты думаешь, он знает?

— Возможно. Мы недавно сцепились друг с другом, и он намекнул мне на призрак.

Ван Дрой огорченно поморщился.

— В любом случае, он узнал это не от меня, если ты так подумал.

Вульфе покачал головой.

— Я так не думал, сэр. Но мне хотелось удостовериться, что вы тут ни при чем.

— Послушай, Оскар. Ленк не ссорился бы с тобой, если бы ты сам не начал свою вендетту против него — причем с первого дня, как он присоединился к полку. У тебя есть к нему претензии? Тогда выскажи их

мне. Не держи это в себе. А если претензий нет, то признай, что он теперь такой же Безбашенный, как и ты. Мы связаны одной цепью. Только так мы можем уцелеть на Голгофе. Ради Трона, парень! Он же спас тебе жизнь.

— Это был его долг! — заявил Вульфе. — Если бы мы поменялись ролями, я поступил бы так же.

На самом деле он сомневался в правоте своих слов.

— Факты остаются фактами, Оскар. Ленк доказал, что он достоин быть нашим боевым товарищем. Пусть он немного мошенник, но ему удается держать свою «коробочку» в хорошем состоянии. Он справляется с трудным экипажем. Я прошу вас отбросить личные обиды в сторону и вести себя как настоящие гвардейцы. Хотя бы ради выполнения нашей миссии.

Вульфе молча выругался, но смиренно ответил:

— Я попытаюсь, сэр. Раз уж вы попросили.

Ван Дрой удовлетворенно кивнул. Поправив куртку, он посмотрел на свой

танк.

— Если вопросов больше нет...

— Никаких, сэр.

— Тогда я пойду. Генерал собирает военный совет, и я жду, что Итрих отдаст нам новые приказы. Отдыхай, пока можешь, Оскар. И скажи своим бойцам, чтобы они пополнили запасы воды и продуктов. Я не знаю, когда мы покинем чертов город, но, если Трон поможет, это случится очень скоро.

— Слушаюсь, сэр!

Они обменялись салютами, и ван Дрой направился к колонне припаркованных «Химер».

«Лучше бы ты сам отдохнул, — с искренней заботой подумал Вульфе. — Судя по твоему виду, ты нуждаешься в этом больше меня».

* * *

Генерал приказал выставить кордон вокруг его «Химеры». Он не хотел, чтобы

рядовые приближались к собранному им совету. Каскрины полковника Стромма с лазганами в руках образовали широкий круг. Они не подпускали никого рангом ниже лейтенанта. На то они и были каскрины. Де Виерс знал, что может им доверять.

Берген, Киллиан и Реннкамп стояли в переднем ряду. За их спинами толпились командиры полков и рот, адъютанты и штабные офицеры. Чуть поодаль возвышалась группа из трех старших представителей Адептус Механикус.

Де Виерс выбрал позицию на задней платформе «Химеры», откуда его могли видеть все офицеры. Берген подумал, что он напоминает стервятника, сидящего на ветке. Генерал свирепо смотрел вниз на техножрецов, а те, в свою очередь, бесстрастно сканировали его своими черными линзами. Если генерал забрался на платформу, чтобы показать Сеннесдиару свое доминирующее положение и тем самым указать магосу на то, что тот был второстепенным лицом по отношению к руководителю экспедиции,

его усилия оказались напрасными. Неуклюжая фигура в красной мантии по-прежнему привлекала взгляды собравшихся.

— Я хочу услышать ваш ответ, — закончил свою речь де Виерс.

Он обвинял Механикус в тайном сговоре, из-за которого экспедиционные силы уклонились от первоначальной миссии, застряв в подземном городе. Все офицеры, как один, придвинулись ближе, желая услышать объяснение магоса.

— Это обвинение ошибочное, хотя и вполне понятное, — громко произнес Сеннесдиар. — Ваше мнение обусловлено раздражением и, возможно, печалью, вызванной гибелью многих людей. Механикус не замышляли тайных планов. Мы привели вас туда, где, по отчетам, находилась «Крепость величия». Ее там не оказалось. Вы обратились к нам за помощью и попросили отыскать танк Яррика. Выполняя вашу просьбу, мы выяснили местоположение легендарной машины. То, что по пути вы обнаружили древний город, — это просто случайное совпадение.

— И вы думаете, что я поверю вашим словам? — усмехнулся де Виерс.

— Мы присоединились к Восемнадцатой группе армий, чтобы предоставлять вам помощь. Однако у нас есть и свой интерес. «Крепость величия» является освященным танком, созданным Адептус Механикус. Мы почитаем дух этой машины и хотим вернуть его не меньше, чем вы. Но между нами существует разница. В отличие от вас — людей Имперской Гвардии — мы не ищем славы в возвращении танка.

Последняя фраза настолько оскорбила генерала, что он потерял дар речи. Воспользовавшись этим, Реннкамп шагнул вперед и обратился к магосу:

— Значит, вы не будете возражать, если мы немедленно покинем Дар Лак? Ведь дальнейшие исследования города не относятся к нашей миссии?

Магос повернул свои линзы к Реннкампу, и тот вдруг стал выглядеть менее вальяжным и уверенным в себе.

— Было бы прискорбно оставить Дар Лак, не изучив его тайны, генерал-майор.

На верхних уровнях пещеры действуют странные гравитационные поля, хотя мы не обнаружили никаких грав-генераторов. Металл, из которого сделаны здания, неизвестен Империуму. Мы пока не можем оценить его потенциальную ценность. Это лишь самые очевидные примеры того, что может предложить Дар Лак. Наш орден тысячелетиями фиксировал слухи о его существовании. И вот мы здесь! Неужели нам не позволят провести несколько анализов, пока ваши подразделения будут принимать пищу и готовить машины к походу?

— Это не исследовательская миссия, магос, — сердито возразил де Виерс. — Наши запасы пищи продолжают уменьшаться. Резервы горючего ограничены. О количестве машин и личного состава я даже не хочу говорить. Поэтому нам сейчас не до секретов вашего чертова города.

Он перевел взгляд на группу офицеров и быстро нашел нужное ему лицо:

— Мэрренбург. Ваши разведчики отыскали путь наружу?

Полковник, стоявший рядом с Бергеном, встрепенулся и отчеканил ответ:

— Так точно, сэр! Они нашли туннель такого же размера, как и тот, по которому мы спускались. Только наклон идет вверх. Нисходящий поток воздуха позволяет предполагать, что проход ведет на поверхность. Очевидно, мы можем выйти на дальней стороне Ишварской гряды. Я уже отправил туда отряд «Часовых».

— Прекрасно, полковник. Держите меня в курсе новостей.

Внезапно один из адептов издал металлический скрип. Сеннесдиар ответил ему сходным звуком и затем повернулся к де Виерсу:

— Генерал, мой адепт Ксефо хочет обратиться к вам с просьбой. Вы выслушаете его?

Де Виерс нетерпеливо поморщился, но кивнул:

— Ладно. Пусть говорит.

Щелкавшая и дребезжавшая фигура адепта шагнула вперед и абсолютно

монотонным голосом произнесла:

— При всем уважении к вам, генерал, мы не должны ускорять наш отъезд из подземного города, хотя вы безусловно правы в своем недоверии к наследию чужаков. Ваши люди уже подстраховались и обрушили входной туннель, защитив наши спины от орков. Враг не сможет преследовать нас. Так позвольте нам воспользоваться шансом и провести техническое обслуживание машин. Тем временем ваши гвардейцы позаботятся о раненых и восстановят силы для сражений, которые ожидают «Экзолон» на другой стороне Шиварской гряды.

Судя по всему, генералу понравилась просьба адепта. Берген тоже согласился с Ксефо. Взглянув на других офицеров, он увидел, что те дружно закивали.

— Прекрасные слова, адепт, — сказал де Виерс. — Но я ведь не вчера родился. Вы якобы печетесь о всеобщей пользе, а сами хотите выкроить время для того, чтобы ваши марсианские братья смогли провести свои исследования. Разве я не прав?

Ксефо хотел что-то ответить,

однако технотаг прервал его кратким скрипом. Адепт поклонился и отступил назад. Вместо него заговорил Сеннесдиар:

— Мой адепт действительно радеет о всеобщей пользе, генерал. И о вашей, и о нашей. Мои инженеры позаботятся о техническом обслуживании машин. Мы с адептами проведем небольшие исследования. Медики выполнят свой долг. Ваши бойцы отдохнут и подготовятся к грядущим сражениям. Давайте не будем мчаться галопом. Это в наших общих интересах.

— Магос, вы знаете, что ждет нас впереди? — кислым тоном спросил де Виерс. — Ваш ритуал намекнул вам на дальнейшие события?

— Он лишь подсказал направление, в котором нужно искать танк Яррика. Но я без всякой предсказательной силы могу заверить вас в том, что орки не оставят нас в покое.

Берген, наблюдавший за де Виерсом, увидел, как тот решительно нахмурился. Магос хорошо подбирал слова, используя слабые стороны генерала. Он вновь сказал

де Виерсу, что «Крепость величия» находится в пределах досягаемости. «Хотя, возможно, так оно и есть, — подумал Берген. — Тем не менее я могу поспорить, что жрецы привели нас сюда намеренно. Что-то здесь нечисто».

После собрания, когда другие офицеры направились в свои подразделения, у Бергена состоялся небольшой разговор с адъютантом.

— Мой друг, — сказал он, отведя Катца в сторону. — Я давно уже не пользовался твоими особыми талантами. Мне кажется, тебе пора освежить свои навыки.

— Вы хотите, чтобы я последил за техножрецами? — усмехнулся адъютант. — Не так ли, сэр?

Берген похлопал его по руке.

— Не дай им заметить тебя, — сказал он и, повернувшись, зашагал к «Гордости Цедуса».

Катц проводил его взглядом и искоса посмотрел на марсианских жрецов в красных мантиях. Те быстро удалялись в глубокую тень за конусом света

ближайшего прожектора. Они направлялись к северной стене пещеры — в запутанное скопление чужеродных зданий. Катц поспешил за ними, используя таланты, дарованные ему Императором. Он не применял их уже долгое время.

— Не дай им заметить себя? — тихо прошептал адъютант. — Ты шутишь, босс. Никто не заметит Джэррила Катца, пока он сам того не захочет.

Глава 27

Темнота не пугала лейтенанта Катца — даже в таком чуждом и странном месте. Тени не таили от него секретов. Крохотные хитроумные линзы, имплантированные в основание глазных яблок, позволяли ему видеть все, кроме абсолютного мрака. У техножрецов, за которыми он следовал, тоже не было проблем с передвижением во тьме. Катц догадывался, что они могли видеть в самых разных спектрах световых волн. Он понимал, что ему понадобится весь его опыт разведчика, но сложность задания не вызывала у него беспокойства. Наоборот, он чувствовал легкое возбуждение. Ему уже давно не приходилось выслеживать такую достойную добычу.

Катц служил адъютантом свыше десяти лет. Берген сам выбрал его, и

лишь несколько человек, глядя на лейтенанта, могли бы увидеть в нем нечто большее, чем лакея в выглаженной рубашке и начищенных ботинках. Это как нельзя кстати устраивало Катца, и он, с одобрения генерал-майора, поддерживал такую иллюзию. Никто не поверил бы и половине его достижений. История лейтенанта была далека от жизни обычного солдата.

Через месяц после того, как он приткнул к «белощитникам», его направили в снайперскую школу. Ему тогда исполнилось пятнадцать лет, но острое зрение, твердая рука и хладнокровная натура юноши убедили наставников, что он обладает большим потенциалом. Из снайперской школы его перевели в секретное подразделение разведчиков-коммандос. Оно не значилось в списках Мунитorум и являлось секретным проектом высшего командования. Финансирование шло напрямую от планетарного правительства. Многих бойцов отбирали из числа каскринов, и они были кем угодно, но только не

скороспелыми юнцами. Катцу пришлось притираться к ним. Усвоив трудные уроки, он в конечном счете стал равным среди старших товарищей. Более того, он заслужил их уважение, а в некоторых случаях даже зависть. В ходе обучающей программы ему модифицировали глаза и улучшили зрение. Великий Трон! Неужели все это было двадцать лет назад?

Он едва не присвистнул, удивившись тому, как быстро промчались годы. В его голове мелькали названия миссий за линией фронта, фигуры людей и чужаков, на которые он наводил прицел. Одно нажатие на курок, и враг замертво падал на землю. «Теперь жизнь изменилась, — подумал он. — Но я не вернулся бы к прежнему ремеслу. Даже если бы представился шанс. Как я брошу генерал-майора? Он без меня как без рук».

Катц был предан Бергену. Он гордился тем, что охранял его жизнь. И он считал генерал-майора одним из лучших людей во всей Гвардии. А ведь как трудно оставаться хорошим человеком, когда тобой командует такая бездушная свинья,

как де Виерс. Поэтому Катц прилежно выполнял все поручения Бергена — и в данное время следил за тремя техножрецами.

Высокие фигуры в мантиях и капюшонах шагали в темноте, переговариваясь друг с другом на скрипучем машинном языке. Катц выругал себя за неуместные воспоминания. Они мешали выполнению задания. Неужели со временем он начал утрачивать былые навыки?

Когда свет от фар кадийских машин затерялся за путаницей зданий, один из жрецов, с лицом металлического краба, вытащил из складок мантии небольшое электронное устройство. Катц решил, что оно направляло их куда-то. Он видел, как Механикус сверялись с прибором и соответственно меняли курс, проходя по пыльным аллеям между высокими строениями из темного металла.

Он так сильно сосредоточился на слежке, что почти не обращал внимания на подземный город. Генерал-майор сказал, что его возвела древняя раса, давно

покинувшая планету. Для Катца этих слов было достаточно. Он не любил копаться в прошлом. Ни в своем, ни в чужом. Важен только настоящий момент.

Следуя украдкой за техножрецами, он все дальше углублялся в мертвый город. Звуки кадийского лагеря затихли позади. Механикус направлялись на север. Катц начал гадать, когда же они остановятся. Пещера тоже имела свои пределы. Они прошли уже не меньше километра.

* * *

<Мы почти пришли>, — сказал Ксефо. — <Цель находится у основания той башни. Данные предсказателя безошибочны>.

<Он все еще идет за нами>, — сказал Сеннесдиар, поворачивая к башне, на которую указал Ксефо. — <Очень жаль. Какое удивительное умение красться! Если бы Армадрон не заметил тепловую сигнатуру этого человека, мы могли бы не

зафиксировать его присутствия>.

<Я все равно уловил бы его дыхание>, — возразил Ксефо. — <Скрип ботинок на пыльных аллеях или биение сердца>.

<В данный момент это неважно>, — прервал его Сеннесдиар. — <Будем действовать по плану. Когда придет время, мы разберемся с нашим нежелательным спутником. А теперь поторопитесь. Давайте найдем Ифарода и покончим с этим делом. Колонна готовится к походу. Мы не можем задерживаться здесь>.

Они остановились у основания высокой полуобвалившейся башни. Сеннесдиар посмотрел вверх и в инфракрасном спектре заметил богато украшенные черные винты и резные балки, которые стали видны там, где выпали большие куски внешней оболочки башни.

<Ксефо?>

<Это здесь>.

Адепт указал на большой обломок стены, лежавший на земле. Трое техножрецов склонились над ним. Чтобы поднять такую тяжелую пластину,

понадобились бы усилия по крайней мере дюжины мужчин. Но для представителей машинного культа это не составляло труда. Их пневматические серворуки, выходившие из спин, обладали невероятной силой. С легкостью, граничащей с презрением, они оттащили металлический обломок в сторону. Пластина со звоном упала на камни, нарушив вековое безмолвие. Шум кадийских машин не проникал в эту дальнюю часть пещеры. Сеннесдиар присел. Полы мантии широко раскинулись вокруг него.

<А вот и наш магос Ифарод>, — сказал он.

Адепты присели рядом с ним.

<Твое ожидание закончилось, брат>, — произнес Сеннесдиар. — <Так же, как и наше>.

* * *

Скрыв шум своих шагов за грохотом

тяжелой пластины, Катц еще ближе придвинулся к техножрецам. Похоже, они нашли ту вещь, которую искали. Он увидел кучку тряпок, лежавшую на земле перед ними. Лейтенант тихо подкрался к углу здания. Он старался не издавать никаких звуков, которые могли бы выдать его присутствие. «Черт бы побрал их скрипучий язык, — подумал он. — Я не понимаю, о чем они говорят».

Он увидел, как высокий жрец поворошил тряпье и высвободил череп, прикрепленный к металлическому позвоночнику. Еще один чертов техножрец! К черепу были прикручены какие-то соединения. Высокий магос приподнял скелет за ключицу, и Катц увидел некое подобие грудной клетки, сделанной из стальных лонжеронов и клапанов. Одна рука отсутствовала; другая заканчивалась массивными пальцами, похожими на когти. Из диафрагмы выходили перекрученные кабели и гибкие трубки, напоминавшие кишки человека.

Лейтенант решил подобраться ближе еще на пару шагов. Он сильно рисковал, но

ему хотелось выяснить как можно больше. Он должен был оправдать доверие Бергена. Прижимаясь к стене здания, Катц медленно двинулся вперед. «Еще чуть-чуть, — думал он. — Вот так. Хорошо. Они увлечены своими делами и не знают, что за ними следят».

* * *

<Каков стельчак!> — сказал Армадрон. — <Кадиец находится в десяти метрах от нас>.

<Сосредоточьтесь на поставленной задаче>, — проворчал Сеннесдиар. — <Я уже сказал, что разберусь с наблюдателем. Приведите скелет в сидячее положение. Прислоните его к стене. И торопитесь! У нас мало времени>.

Ксефо и Армадрон приступили к делу. Аккуратными и осторожными движениями они переместили останки Ифарода в нужную позицию. Скелет находился в плачевном состоянии. Все

органические ткани сгнили. Остались только кости, череп и механические импланты. Отсутствие ног и левой руки свидетельствовало о тяжелых ранениях, полученных техножрецом — скорее всего, перед тем, как он нашел последнее убежище в Дар Лаке. Что случилось с ним? Если процедура активации пройдет успешно, они вскоре узнают об этом.

<Армадрон>, — сказал Сеннесдиар, — <помогите мне вскрыть череп. Я должен вытащить ядро интеллекта. Ксефо, приготовьтесь принять его. Магос будет говорить с нами, используя ваше тело>.

<Как прикажете>, — отозвался Ксефо и откинул капюшон.

Он поднес руку к металлической голове и набрал код на височной панели. Послышалось тихое жужжание. Встроенные микромоторы приподняли квадратную секцию и развернули ее в сторону, открыв несколько небольших углублений, погруженных в ткань живого мозга.

Сеннесдиар не обнаружил страха в голосе адепта. Однако он почувствовал

усиление секреции его биологических систем. Очевидно, Ксефо не очень обрадовался предстоявшей задаче. Передача телесных систем под контроль разума другого техножреца являлась опасной и незаконной операцией. Ифарод был старше по званию, чем Сеннесдиар. Пользуясь своей властью, он мог потребовать постоянного контроля над телом адепта. Официально Сеннесдиару следовало подчиниться магосу более высокого ранга. Но он ценил Ксефо, поэтому отверг подобную идею. Ему не хотелось терять послушного ученика.

«Нет, — решил он. — Модуль Один-Си Ифарода выдаст нужную мне информацию, а затем я деактивирую его и отвезу на Марс. Если Ифарод решит продолжить свое существование, пусть дожидается, когда ему сделают новое тело».

<Я достал ядро>, — доложил Армадрон.

Он вытащил из отверстия в черепе Ифарода небольшой металлический цилиндр, покрытый золотыми узорами. Предмет блестел в темноте, по-прежнему

насыщенный энергией, которая требовалась для сохранения записанных данных.

<Вставьте его в Ксефо>, — приказал Сеннесдиар. — <Произведите настройку таким образом, чтобы ядро могло контролировать только чувства и голосовые системы. Не подключайте его к моторам. Вы поняли меня?>

<Конечно, магос>.

<Я готов>, сообщил Ксефо и подставил голову своему коллеге-адепту.

<Не тревожьтесь>, — произнес Сеннесдиар. — <Мы восстановим вас сразу после того, как получим необходимую информацию>.

<Я за гранью страха>, — заявил Ксефо. — <Это требование Омниссии. Это ваш приказ. Я с честью выполню свой долг перед вами обоими>.

Армадрон аккуратно вставил ядро интеллекта в мозг Ксефо и закрыл металлическую пластину.

<Отключите центральные операционные системы и блоки памяти. Перезагрузитесь как Ифарод>.

Ксефо пошатнулся. Зеленые светодиоды на его лице дважды мигнули, и голова адепта безвольно склонилась к плечу. Сеннесдиар и Армадрон подождали несколько секунд, но ничего не произошло.

<Вы уверены, что подключили его правильно?> — спросил Сеннесдиар. — <Нигде не ошиблись?>

<Мне было бы трудно сделать ошибку>, — ответил Армадрон.

Из вокализатора Ксефо вырвался слабый оловянный голос:

— Гордость — это эмоция. Она недостойна техножреца. Все сделано без ошибок. Я, магос Ифарод, слышу вас, последователи Бога-Машины. Мое сознание вернулось.

Глава 28

Воспоминания Ифарода сохранились без малейшего изъяна. Если бы его спасители принесли с собой гололитический проектор, они могли бы наблюдать трехмерную запись прошлых событий, зафиксированных линзами магоса. К сожалению, не все марсианские жрецы обладали равным интеллектом. Сеннесдиар разочаровал Ифарода. Как он мог прийти таким неподготовленным? Без должной экипировки? Вероятно, ему еще не исполнилось и четырех веков. Некомпетентный юнец, как и все его поколение.

Из-за отсутствия проектора и аналогичных приборов Ифароду пришлось использовать разговорный язык. Однако первые сказанные им слова, обращенные к другим жрецам, не имели отношения к

его прошлому.

<За нами наблюдают>, — предупредил их Ифарод. — <За твоей спиной, магос Сеннесдиар, скрывается человек в военной форме>.

<Нам известно о его присутствии>, — сообщил Сеннесдиар. — <Мы разберемся с ним по ходу дела. Сосредоточьтесь на информации, в которой мы нуждаемся, магос. В вашем последнем сообщении говорилось, что вы обладаете фрагментом>.

<Это правда, Сеннесдиар, но не вся. Следуя приказам, я нашел фрагмент. Однако в процессе его извлечения из обломков «Крепости величия» мои скитарии были атакованы большим отрядом орков. Всех телохранителей убили. Их тела были взяты в качестве трофеев. Меня разрубили на части и сочли мертвым. Орки забрали мою руку и обе ноги. Затем они увезли с собой разрушенный «Гибельный клинок» комиссара Яррика>.

<Значит, вы не завладели фрагментом?>

<Я следовал логике, маг. Если бы генерал-фабрикатор узнал правду, он не стал бы тратить усилия на мое возвращение. Меня отправили за фрагментом, но я не получил надлежащую военную поддержку для выполнения задания. Кто-то допустил ошибку в расчетах>.

<То есть фрагмент по-прежнему находится на борту «Крепости величия»?> — уточнил Армадрон.

<Кто ты такой, чтобы расспрашивать меня, адепт? Лишь твой начальник может задавать мне вопросы. Тебе это ясно?>

<Прошу ответить, магос>, — настаивал на своем Сеннесдиар. — <Считайте, что вопрос был задан мной>.

<Хорошо. Я полз за отрядом орков. Следы гусениц танков на песке указывали путь. Мне приходилось тащить за собой орбитальный маяк, с помощью которого я мог бы передать свои координаты для спасательной экспедиции. Орки двигались быстро — сначала на север, затем на восток. Они преодолели укрепленный

перевал в горах. Я не мог следовать за ними на виду у целого гарнизона. Нужно было найти альтернативный маршрут. Мои поиски случайно привели меня к Дар Лаку. Я решил ждать там спасения, когда снова найду фрагмент и запущу орбитальный маяк. Через пятьсот шестьдесят дней и семь часов мне удалось отыскать на востоке большое орочье поселение. Танк Яррика стоял на центральной площади. Подкравшись ближе, я увидел орочьего военачальника. Очевидно, обнаружив фрагмент и посчитав предмет достойным обладания, он решил носить его на шее. Я не знаю, где сейчас фрагмент, но мои расчеты позволяют предполагать, что он по-прежнему находится у главного орка. После этого я закодировал сообщение, запустил маяк на орбиту и вернулся в подземный город, надеясь, что спасательный отряд вернет меня к жизни».

«Можем ли мы надеяться, что фрагмент подлинный?» — спросил Сеннесдиар.

«Да», — ответил Ифарод. — «Это

реликвия из той древней эпохи, которая предшествовала Эре Раздора. Первым фрагмент обнаружил техноадепт Рейон — инженер комиссара Яррика. Найдя реликвию на Голгофе, он планировал отправить ее на Марс. Но ему не удалось предсказать исход войны. Силы Яррика пали. Рейон был убит, а комиссар попал в плен. Если мы вернем фрагмент, он позволит нам улучшить технологию телепортации. Его нужно добыть любой ценой».

«Вы обладаете какой-нибудь другой информацией, которая была бы полезна в нашей миссии?» — спросил Сеннесдиар.

«Теперь, когда я вновь обрел тело — пусть даже с такими ограниченными способностями, — ты должен передать мне руководство миссией. Надеюсь, тебе понятно, что этого требует логика событий. Я должен довести до конца порученное мне задание».

«Вы уже провалили свое задание, магос», — возразил Сеннесдиар. — «Вам не удалось провести первоначальную операцию и вернуть фрагмент. Более

того, чтобы гарантировать себе спасение, вы передали ложную информацию. Поскольку я здесь единственный магос, кроме вас, мне надлежит дать оценку вашим действиям. И вот мое решение: ваш модуль интеллекта будет возвращен на Марс, где вы предстанете перед трибуналом».

«Опомнись! Тебе понадобятся сотни лет, чтобы приблизиться к Омниссии на ту дистанцию, на которой нахожусь сейчас я. Неужели ты думаешь, что можешь судить меня?»

Наступил момент тишины. Ифарод тщетно пытался взять под контроль тело Ксефо, но оно не подчинялось его командам.

«Вы зря тратите время, магос», — заметил Сеннесдиар. — «Системы моторного контроля в теле моего адепта заблокированы. Сейчас я удалю ваш модуль из его мозга».

«Ты не должен так поступать», — торопливо произнес Ифарод. — «Я могу быть вам очень полезным».

Сеннесдиар вытянул руку и нажал на

височную панель Ксефо. Металлическая пластина со скрипом приподнялась, открыв углубление в сером мозге адепта.

<Не делай этого!> — закричал Ифарод. — <Я еще могу сззззтк...>

Маг вытащил из гнезда блестящий цилиндр и закрыл панель на голове ученика. Через пару секунд светодиоды на лице Ксефо вновь засияли зеленым цветом.

<Мы закончили опрос>, — сказал ему Сеннесдиар.

Он показал адепту цилиндрический модуль. Ксефо быстро натянул на голову капюшон.

<Разве он не потребовал контроля над моими системами?>

<Магос оказался недостойным этого. Я уверен, что Армадрон согласен с моим мнением>.

Второй адепт поспешно подтвердил это:

<Магос Ифарод преследовал эгоистические цели. Он обманул генерал-фабрикатора. За это преступление он будет возвращен на Марс, где его предадут суду>.

<Не совсем верно>, — поправил его Сеннесдиар. — <Обладая необходимыми полномочиями, я уже осудил его на смертную казнь>.

Без лишних слов он сжал цилиндрический модуль двумя металлическими пальцами. Когда ядро интеллекта было разрушено, его тусклое свечение исчезло. Сеннесдиар точным движением швырнул бесполезное устройство через плечо, и оно, перед тем как упасть на землю, ударилось обо что-то мягкое. Смятый цилиндр попал в Джэррила Катца.

— Ты можешь подойти к нам, кадиец, — используя готик, произнес Сеннесдиар. — Мы уже давно заметили тебя.

Катц покачал головой. Он все-таки попался. Ему не следовало подходить так близко. Конечно же, техножрецы усовершенствовали свои органы чувств. Интересно, как они обнаружили его? По запаху? Услышали шаги? Или уловили тепло его тела? Смирившись с поражением, он направился к ним.

Несмотря на холодный и сухой воздух, по его вискам стекали капельки пота.

— Как твоя фамилия, солдат? — спросил высокий жрец.

— Швайцер, — нагло ответил Катц.

— Ты лжешь, — произнес маг. — Небольшое изменение в сердцебиении выдало твой обман. Лучше скажи мне правду.

Катц присвистнул от изумления.

— Вы можете определять такие мелочи?

— На небольшом расстоянии, — ответил Сеннесдиар. — Мы многое можем, солдат. Кем бы ты ни был, тебе не удалось бы остаться незамеченным. И все же ты показал значительное мастерство. Мне понравилось, как тихо и быстро ты двигался в кромешной темноте. У тебя улучшенное зрение?

Магос внезапно шагнул вперед, и Катц увидел перед собой мертвое лицо. Оно было бесстрастным и нераспознаваемым. Лейтенант не знал, как выйти сухим из воды. Та человеческая сущность, которая когда-то существовала

под бледной маской из древней кожи, давно покинула тело Сеннесдиара. Несмотря на остатки органической материи, перед Катцем стояла бездушная машина. Она смотрела на него сквозь черные линзы — холодная, расчетливая и безжалостная композиция стали и электроники.

— «Экзолон» скоро двинется в поход, — произнес лейтенант. — Если вы уже закончили свои дела, мы могли бы вернуться в лагерь. Вы же не хотите, чтобы колонна ушла без вас?

Он старался говорить спокойно. Наверное, жрецы снова обратили внимание на то, как бьется его сердце. Оно будто мчалось галопом.

Магос ничего не ответил. Катц хотел отдать салют и уйти, но что-то металлическое блеснуло между ним и жрецом. Он почувствовал невыносимую боль. Ему показалось, что его легкие наполнились жидким огнем. Он опустил подбородок и увидел один из механодендритов магоса, который вонзился в верхнюю часть его живота. Горячая кровь хлынула на китель и брюки.

Катц застонал. Он попытался прошептать проклятие, но ему не хватило дыхания. Он не мог втянуть в себя даже глотка воздуха. Легкие не функционировали. Лейтенант потянулся к ножу, висевшему на поясе. Однако сил уже не было.

— Ты больше не будешь страдать, кадиец, — сказал Сеннесдиар. — Я сожалею о твоей смерти. Увы, мы не можем сохранить тебе жизнь. Твой рассказ о нашей находке вызовет новые подозрения. Уровень недоверия между Механикус и штабными офицерами и без того достаточно высок. Пойми, солдат! Нельзя допускать дальнейшего ухудшения наших отношений — особенно в такое критическое время.

Катц почувствовал болезненное натяжение в груди. Конец механического отростка вышел из его тела, вырвав что-то пульсирующее и красное. Кровь брызнула на землю, словно дождь. На краткое мгновение лейтенант увидел свое сердце, сжатое острыми манипуляторами на конце стального щупальца. Затем

тьма сомкнулась над ним — темнота, в которую не могло проникнуть даже его улучшенное зрение. Когда тело Катца упало на камни, он ничего не почувствовал.

* * *

Трое техножрецов вернулись в зону света и шума кадийских машин. Приготовления к походу почти завершились. Раненых бойцов зашили, перевязали и разместили по грузовикам. Тем гвардейцам, которые оказались за гранью медицинской помощи, сделали инъекции, даровавшие безболезненную смерть. Твердоликие исповедники из Восемьдесят восьмого полка провели торопливую церемонию и отправили души умерших солдат к всемилостивому Императору. Сэкономленный рацион, оставшийся после смерти погибших, пошел на восстановление сил тех людей, которым посчастливилось задержаться на этом свете. Баки танков были

заправлены, батареи лазганов — перезаряжены. Накормленные и напоенные гвардейцы ожидали приказа де Виерса. Им не терпелось покинуть руины Дар Лака. Солдаты соскучились по свежему воздуху и свету дня.

Всем хотелось убраться подальше от этого места, и только Джерард Берген молил об отсрочке. Его верный адъютант не вернулся с задания. Когда генерал-майор увидел троих техножрецов, возвращавшихся к своей «Химере», он быстро направился к ним.

— Где вы были? — строго спросил он.

Сеннесдиар повернулся к нему и вытащил из складок мантии блестящий кусочек радужного металла, который он подобрал у подножия разрушенной башни.

— Мы собирали образцы, — ответил магос. — Я уверен, что их исследование принесет Империуму огромную пользу.

Берген заглянул под капюшон Сеннесдиара.

— Вы не видели моего адъютанта? Я послал его за вами. Генерал в любую минуту мог отдать приказ о

выступлении, и меня встревожило ваше отсутствие.

Магос склонил голову.

— Благодарю вас за заботу. Вы прекрасный человек, генерал-майор. Увы, но мы не видели вашего адъютанта. Собирая образцы металлов, мы не встретили ни одной живой души. Дар Лак — это мертвый город. Здесь очень много объектов, которые нам хотелось бы исследовать. Я верю, что однажды, когда империя возьмет Голгофу под свой контроль, Механикус вновь вернутся сюда. К сожалению, нам нужно подготовиться к дальнейшему пути. Прошу прощения.

Три долговязые фигуры в красных мантиях двинулись прочь. Берген в отчаянии смотрел им вслед. Неужели Катц попал в беду? Или его убили техножрецы? Не может быть. Он снова попытался вызвать его по вокс-связи, но ответа не последовало. Будь проклята эта планета! Он знал, что де Виерс не отложит поход из-за одного пропавшего человека. Насколько Берген знал старого ублюдка, тот не стал бы ждать даже

майора Грубера.

Возвращаясь к «Гордости Цедуса», он решил лично попросить генерала о небольшой отсрочке. Водитель уже прогревал мотор «Химеры». Вокруг ревели двигатели других машин. Естественно, генерал сказал ему, что он не может прерывать ход операции из-за одного солдата. Вот если бы пропал командир дивизии, он еще подумал бы. А так... какой-то лейтенант...

Де Виерс отдал приказ выдвигаться. Водители начали наращивать обороты двигателей, наполняя воздух сизыми клубами дыма. Затем одна за другой машины двинулись по безжизненным улицам города. Их фары разгоняли длинные тени. Колонна направилась к дальней стороне пещеры, где находился второй туннель. Берген стоял в куполе танка и все время всматривался в темноту на северной стороне Дар Лака. Его сердце громко билось в груди и болело от горя. Нет, это было не горе, а кое-что похуже. Он чувствовал предательство.

— Прости меня, Джэррил, —

прошептал он под дыхательной маской. — Мне очень жаль, мой друг, что так случилось.

Глава 29

Спустя два часа после рассвета остатки экспедиционных сил генерала де Виерса выбрались из прохладной тьмы туннеля в жаркий зной голгофского утра. Оказавшись на середине восточного склона гряды, они обнаружили, что практически лишены обзора. Острые обветренные скалы по обе стороны прохода заставляли кадийцев следовать по единственно возможному маршруту, достаточно пологому и широкому, чтобы по нему могли пройти шестидесятитонные «Леманы Руссы».

Низкие облака над головой казались взбитой смесью оранжевых, красных и коричневых красок. Ветер поднимал завесу пыли. К середине дня его порывы уменьшились. Высокие стены каньона по-прежнему закрывали вид на равнину.

Некоторые гвардейцы уже жалели, что покинули Дар Лак. Подземный город наводил на них страх, но температура там была терпимой. Во всяком случае, воздух в пещере не обжигал гортань и легкие.

Горная тропа расширилась и стала более пологой. Это позволило усилить авангард дополнительными танками. Колонна тянулась извилистой лентой через небольшие горные долины. Повсюду возвышались холмы из песчаника. Чуть позже разведка доложила о тревожном обстоятельстве. Небо за следующим подъемом выглядело более темным. В воздух поднимался столб черного дыма.

Генерал приказал проверить путь к равнине. Небольшие группы «Часовых» потчались вперед, пригибаясь и делая все, чтобы их силуэты не мелькали выше линии холмов. Через несколько минут командир разведывательного отряда рекомендовал де Виерсу остановить колонну и лично взглянуть на обнаруженный источник дыма.

* * *

Берген лежал на вершине холма и прижимал к глазам магнокуляры, не обращая внимания на то, что его форма стала грязной от красной пыли. Внимание генерал-майора было приковано к невероятному зрелищу. По обе стороны от него в сходных позах расположилась дюжина штабных офицеров. С их губ срывались тихие проклятия и возгласы удивления.

Перед ними находилась огромная впадина, ее склоны, мягко изгибаясь, поднимались вверх. Кадийцы смотрели на вулканический кратер десяти километров в диаметре. Вулкан давно угас, однако над ним поднимался столб черного дыма.

— Очередная орда, — произнес Киллиан, лежавший справа от Бергена. — Их там, наверное, миллионы.

— Не больше сотни тысяч, — возразил Реннкамп.

— В любом случае, мы сильно уступаем им в численности, — подытожил

Киллиан.

Берген все еще не мог понять, что же открылось его взору. Либо это был какой-то эквивалент орочьего города, либо самый большой склад металлолома, когда-либо виденный им. В конечном счете он решил, что здесь возможны оба варианта. Наиболее общими и примечательными чертами города являлись штабеля ржавых металлических пластин и изогнутых балок, которые поднимались на сотню метров. В кучах хлама виднелись задранные носы искореженных «Химер» и «Леманов Руссов». Остовы других машин не поддавались идентификации.

«Обломки бронетехники, оставшиеся с прошлой Голгофской войны», — определил Берген. На протяжении тридцати восьми лет орки собирали их на полях сражений и доставляли сюда для последующей переплавки. Возможно, именно здесь военачальник Трака конструировал новые боевые машины, которые позже отправлялись на Армагеддон. Неужели они привезли сюда и «Крепость величия»?

Нет, он давно уже отказался от

такой надежды. Берген был убежден, что де Виерс никогда не найдет танк Яррика. Тем не менее, осматривая город в магнокуляры, он выискивал нечто похожее на профиль легендарного «Гибельного клинка». Увы, ни одна из разбитых машин не напоминала «Крепость величия».

«Кстати, орки могли увезти танк с планеты, — подумал Берген. — Мы отчаянно ищем "Клинок" на Голгофе, надеясь отправить его на Армагеддон. А чертовы орки могли послать его туда вместе с другой переделанной бронетехникой!»

Он увеличил фокус магнокуляров и посмотрел на два больших цилиндрических здания, стоявших на южной окраине города. Судя по всему, там размещались литейные цеха зеленокожих. Змеевидные трубы с широкими клапанами выбрасывали в воздух черный и желтовато-коричневый дым. Из тонких качавшихся сопел вырывались струи огня. В проеме массивных дверей виднелись сотни фигур, возивших на тачках измельченные куски металла. Рядом находились мастерские.

Внутри помещений пульсировало белое сияние сварочных аппаратов. Вслед за фонтанами оранжевых искр раздавались громкие удары по металлу, проносившиеся звонкими раскатами по кратеру угасшего вулкана.

В центре города в кольце высоких куч металлолома стояли сотни хижин и ангаров. Стены зданий из гофрированного железа не отличались чем-то особенным. Неудивительно, что их окрашенные в красный цвет поверхности были разрисованы грубыми глифами — в основном черепами и лицами орочьих богов.

По периметру кратера стояли грозные на вид металлические башни. Они возвышались над штабелями железа и стали. Наверху каждой башни располагался наблюдательный пост, оснащенный тяжелым оружием. Около пушек и стабберов сновали мелкие, худощавые представители рабской касты зеленокожих. Имперские гвардейцы называли их гретчинами. В ближнем бою эти злобные верещащие твари вели себя

как трусливые слабаки, но они считались лучшими стрелками в орочьей артиллерии.

— Посмотрите на северную часть города, — сказал полковник Грейвс. — Это клетка? Клянусь Святой Терроей! Для чего она им?

Берген перевел взгляд влево и увидел сооружение, о котором говорил полковник. Оно действительно походило на клетку и достигало в высоту пятидесяти метров. Какого зверя там держали орки, разрази их варп? Прутья были сделаны из толстых стальных балок. Внутри никого не оказалось, но вид огромных куч красно-коричневого навоза вызвал у Бергена неприятные предчувствия. Он догадывался, какое существо обитало там. В лучшем случае пустая клетка означала гибель ужасного чудовища. В худшем — оно сейчас патрулировало где-то на другой стороне кратера.

Рядом с клеткой располагались дюжины небольших загонов, в которых находились злобные яйцевидные твари, служившие пищей для орков. Их называли

сквигами. Десять лет назад на Фаэгосе II он видел, как орочьи катапульты стреляли ими по мордианскому пехотному полку. На его взгляд, это была одна из самых безумных идей зеленокожих. Странная тактика, но весьма эффективная. Падая в середину сплоченных отрядов, прожорливые и агрессивные существа сходили с ума от страха. Сквиги атаковали всех, в кого они могли всадить свои острые как бритвы зубы. Танки Бергена, направленные для поддержки мордианцев, уничтожили катапульты, но в тот день погибло много хороших парней.

— Они собрали там кучу бронетехники, — сказал капитан Итрих. — Я вижу сотни легких машин. Вашей пехоте, полковник, будет чем заняться. Орки не дадут вам расслабиться.

Грейвс проворчал в ответ что-то неразборчивое. Берген не уловил его слов. Капитан Итрих лежал на песке неподалеку от генерал-майора. Он неплохо освоился в новой роли командира Восемьдесят первого бронетанкового

полка. Однако Берген не мог не обратить внимания на его физическое состояние. Итрих выглядел больным и слабым. Впрочем, у всех них сейчас был болезненный вид. В последнее время генерал-майор старался не смотреть на себя в зеркало. Красный оттенок кожи тревожил его. Он понимал, что пребывание на Голгофе дорого обойдется им.

Как правильно заметил Итрих, орочьи машины буквально наводнили город. Мотоциклы и багги носились по улицам, словно их водители участвовали в какой-то игре. Орки кричали и свистели. Пассажиры на задних сиденьях, проезжая мимо своих соперников, размахивали клинками и молотами. Берген увидел, как при одном таком проезде был обезглавлен зазевавшийся орк. Когда его безжизненное тело свалилось на землю, остальные сородичи взвыли от смеха. Почти тут же по трупу проехало три квадроцикла.

«Безумные дикари», — подумал Берген. Он перевел взгляд на моторный парк зеленокожих, где неровными рядами

стояла бронетехника орков. Его отвращение сменилось тревогой. Он увидел сотни танков и полугусеничных бронетранспортеров. Рядом располагались артиллерийские установки, пушки и шагающие дредноуты. Несмотря на ветхий вид, орочьи машины могли быть очень эффективными. Какой бы военачальник ни командовал здесь, он мог гордиться своим технопарком.

— С меня достаточно, — раздался ворчливый старческий голос.

Услышав шорох, Берген опустил магнокуляры. Де Виерс сползал вниз по склону холма. Вскочив на ноги, он раздраженно стряхнул пыль с одежды.

— Разведчики доложили, что другого пути нет, — обратился генерал к офицерам. — Мы должны уничтожить город зеленокожих и проверить все их залежи хлама. «Крепость величия» должна находиться где-то здесь.

Другие офицеры тоже начали спускаться с вершины холма. Услышав слова генерала, многие из них остановились. Кто-то открыл рот от

изумления. Гримаса на лице ван Холдена говорила о том, что полковник был готов разразиться руганью. Прашт, всегда отличавшийся прагматичным и уравновешенным характером, перебил коллегу:

— Надеюсь, вы шутите, сэр. Подумайте о численности орков. Клянусь Террой! Это будет резня, и уверяю вас, мы окажемся на стороне проигравших.

Де Виерс осмотрелся по сторонам. Поймав его сердитый взгляд, Берген понял, что генерал ищет комиссара. К счастью, пока штабные офицеры наблюдали за вражеским городом, все комиссары оставались с бойцами и выполняли обязанности заместителей.

— Мы действительно устроим резню, — огрызнулся де Виерс. — Перебьем всех орков. Танк Яррика находится в городе зеленокожих. Любой трус, который попытается свернуть с нашего славного пути, будет расстрелян без всякого промедления! И без полевого суда! «Крепость величия» в пределах досягаемости. У самых кончиков наших

пальцев. Сегодня мы вернем ее себе!

Приободренный взглядами других офицеров, полковник Мейерс из Трехсот третьего стрелкового полка Скелласа поддержал Праша:

— Но нет никаких доказательств, что танк Яррика...

Треск болт-пистолета оборвал его фразу. Пуля в черепе Мейерса взорвалась, оросив полковников Бристанда и ван Холдена алыми брызгами крови.

— Во имя Терры! — воскликнул побледневший Мэрренбург.

— Это человек был старшим офицером! — вскричал генерал-майор Киллиан.

— Сэр, вы хотите, чтобы нас всех убили? — зашипел генерал-майор Реннкамп. — Если орки услышали ваш выстрел...

Де Виерс по очереди взглянул на стоявших перед ним людей.

— Кто еще хочет прослыть предателем и трусом? — Голос де Виерса звучал абсолютно спокойно. — Кто хочет попасть на суд Императора? Желающие

могут сделать шаг вперед.

Никто не двинулся с места.

— Перед нами поставлена одна-единственная цель, — продолжил генерал. — Все остальное неважно. Джентльмены! Может быть, мы уцелеем, а может, погибнем в бою. Но мы должны отбить «Крепость величия» у орков и передать ее Адептус Механикус. Когда комиссару Яррику вернут его танк, о нашей экспедиции сложат легенды. Ее навечно занесут в анналы Имперской Гвардии. Поэтому, как вы сами только что видели, я убью любого, кто встанет на пути к нашей славе, ибо он тогда окажется врагом Императора и неверным сыном Кадии!

Последние слова де Виерса хлестнули офицеров, словно плеть. Берген видел, как ван Холден кусает губы, удерживая себя от брани. Однако генерал иначе воспринял эффект своего выступления. Закончив речь, он гордо выпятил грудь и стал как будто выше. «Еще немного, — подумал Берген, — и пуговицы его туники разлетятся в стороны. Старый ублюдок

сошел с ума».

Остальные офицеры замерли на своих местах. Никто не смел заговорить. Никто, кроме высокой фигуры, поднимавшейся по склону холма. Трепетавшая на ветру мантия была такой же красной, как песок и камни, по которым ступал техножрец. «Такой же красной, как кровь», — с холодной яростью подумал Берген.

Монотонный голос магоса казался эхом, пришедшим с ближних холмов:

— Вдохновляющая речь, генерал. Я уверен, что вскоре вы исполните свое предназначение. Мои адепты только что сверились с духами наших аугмиттеров. Мы определили, что танк, который вы ищете, действительно находится в городе орков. Вам пора завоевать свое место в истории, и мы, Адептус Механикус, готовы предложить посильную помощь.

На лице генерала расцвела широкая усмешка. Глубокие морщины стяли дряхлую кожу у носа и глаз. Он думал, что его надежды подтвердились. Однако Берген оценивал ситуацию иначе. Старым

дураком манипулировали. Де Виерс отчаянно хотел оставить после себя какое-то упоминание в Империуме. Это делало его желанной пешкой в руках великих сил. Хотя не стоило так сильно упрекать его. Он считался неплохим полководцем, пока поражение на Паллероссе не выбило его из колеи. Многие офицеры, и, в частности, представители аристократии, уходили после таких неудач в отставку и посвящали свою жизнь сохранению родословных. Для де Виерса этот путь в вечность был закрыт. Ему пришлось найти другую дорогу.

Поэт Майклос что-то говорил о дураках, пишущих историю кровью благородных людей. К сожалению, Берген не помнил точных слов.

Техномаг Сеннесдиар резко повернул голову и посмотрел на юг. Что-то привлекло его внимание.

— Мы должны немедленно уйти отсюда, — сказал он. — Быстрее! Назад к машинам. Торопитесь!

Хотя вокализатору магоса не удалось передать настойчивость, с которой он

обратился к офицерам, его слова прекрасно справились с задачей. Все офицеры повернулись в том же направлении.

— Что вы услышали? — спросил Реннкамп.

Сеннесдиару не пришлось отвечать. Горный проход наполнился нараставшим ревом реактивного двигателя. В какой-то момент он стал оглушительным.

— Прямо над нами! — прокричал полковник ван Холден.

Взглянув вверх, Берген увидел бочкообразный тупоносый истребитель, пронесшийся в трех десятках метров над вершиной холма. На красном корпусе вокруг воздушного патрубка виднелся рисунок акульих зубов. На пилонах под крыльями висели ракеты и бомбы. На краткое мгновение Бергену показалось, что он заметил мельком взглянувшего на него пилота — мерзкого орка в очках и со слюнявой клыкастой нижней челюстью.

— Бегите! — закричал де Виерс.

Офицеры заскользили по песчаному откосу. За ними катился поток мелких камней и пыли. Очевидно, пилот сообщил о

наличии людей по какому-то устройству связи, потому что из орочьего города в центре кратера донесся громкий бой барабанов. Кадийцы упустили свои шансы на внезапную атаку. Их преимущество было утрачено. Орки формировали отряды, чтобы встретить их во всеоружии. Настало время убивать или быть убитыми.

Глава 30

Они столкнулись на полпути к городу со свирепостью, разбивающей железо и кости. Первоначальный контроль ситуации почти мгновенно сменился безумием. Никаких защитных рубежей не было. Открытая местность на всем пути до кратера. Кадийцы уничтожали сотни врагов на ближней дистанции, но на стороне орков был огромный численный перевес. Они напоминали ревущее и бурлящее море из клинков, оружия, клыков и крепких мышц. Наверное, они соскучились по настоящим сражениям. И вот наконец война вернулась на Голгофу. Когда бой на дальней дистанции постепенно перешел в штыковую атаку, зеленокожие завопили от восторга. Кровопролитие началось всерьез. В небе над ними вспыхивали яркие молнии. Казалось, что возбуждение орков

каким-то образом заряжало атмосферу электричеством.

Танки «Леман Русс», «Химеры» и полугусеничные транспортеры «Геракл» поддерживали огнем кадийскую пехоту, уступавшую врагу и мощью, и количеством. Смертоносные залпы открывали временные коридоры и бреши, позволявшие пехотинцам на короткое время использовать лазганы. Но буквально через мгновения орки снова накрывали их волнами, вытаптывая тела раненых и мертвых воинов. «Часовые», выдвинувшиеся на левом и правом флангах, отражали атаки быстрых байков и багги, которые стремились окружить кадийцев и нанести удар с тыла. Автопушки вели беспрерывный огонь, устилая песок медными гильзами. Вскоре по краям широкого поля боя появились холмы из дымившихся машин.

Воздух на центральном участке сражения горел и пульсировал от лазерных и плазменных лучей. Повсюду поднимались фонтаны разрывов. Потоки жидкого пламени превращали людей и орков в

черные подобия опаленных марионеток, которые падали, словно им обрезали нити. Стены и дно кратера содрогались от массированного обстрела, который велся с обеих сторон. Казалось, еще немного, и всех затопит море оранжевой лавы. Мир за стенами башни «Последних молитв-II» наполнился оглушительной канонадой, удушливой пылью и криками изувеченных солдат.

Слабые люди сошли бы с ума от такой жестокости. Ничто не могло сравниться по уровню свирепости с ликующей лютостью зеленокожих. Но кадийцы не были трусами. Их вырастили и воспитали для войны. Умирая на поле боя, они считали, что выполняют свой священный долг. Вульфе тоже не боялся смерти. Годы обучения и боевого опыта уже вступили в действие, подчинив себе основную часть его сознания. Чувства обострились. Движения стали быстрыми и точными. Шрам чесался, напоминая о ненависти, которую он носил в своем сердце. Что бы ни случилось с ним сегодня, он хотел возложить тяжелую дань на расу

ксеносов, которая убила так много его товарищей.

По воксу прозвучал голос ван Дроя:

— Бейте их, Безбашенные! Покажите ублюдкам, как велик гнев Императора! Гнев, который они выпустили на волю!

Выстрел пушки отсек все остальные звуки. Кадийские танки продолжали обстреливать разрывными снарядами толпу коричневых тел. Горошек вновь вдавил гашетку в пол, увеличив число поверженных врагов.

Чуть позже генерал-майор Берген приказал всем «Покорителям», «Палачам» и «Разрушителям» прорваться через линию орков и, ведя непрерывный обстрел, уничтожить вражескую артиллерию на западной окраине города. Оттуда они могли совершить обходной маневр и ударить в тыл зеленокожим. Это оказалось нелегким заданием. Они привлекли к себе массированный огонь противника. Прорыв через орду подвергал их огромному риску. Но пехота не могла идти вперед, пока продолжали действовать мощные орудия орков. В ход

пошли танки. Другого варианта не было.

* * *

Берген находился в башне «Гордости Цедуса». Он стрелял из автопушки, срезая ряды зеленокожих и превращая их в безжизненные кучи на красном песке. Вокруг танка собралось несколько отрядов из Сельдесят первого пехотного полка. Парни сражались, как неистовые псы. Их становилось все меньше и меньше, но они не теряли своего воодушевления. Берген гордился этими солдатами и старался оказать им любую возможную поддержку. Чуть дальше находилась «Химера» их командира — полковника Грейвса. Он тоже делал все, что мог. Однако Берген понимал, что сражение будет проиграно, если танкам Штриха не удастся прорваться в тыл противника. Священный поиск генерала бесславно закончится у города орков.

Де Виерс свирепствовал и ругал по

воксу каждого, кто его слушал. Он требовал, чтобы все машины шли в атаку. Он приказывал незамедлительно сломить натиск вражеских сил. Берген мог бы игнорировать его, но не в этот раз. Старик сражался вместе с остальными — прямо в центре шторма. Он изливал шквалы мультилазерного огня из башни своей «Химеры». «Никто не сможет отсидеться в тылу! — кричал генерал. — Слишком многое поставлено на кон». Это вполне устраивало Бергена. Пусть взбесившийся ублюдок тоже запачкает руки кровью.

* * *

Поле битвы выглядело бурлившим морем коричневых тел, покрытых черными железными пластинами. Среди них вразвалку ходили ярко раскрашенные дредноуты, казавшиеся комичными из-за своих неуклюжих движений. Впрочем, в потоках смерти, которые они изливали из

стабберов и огнеметов, смонтированных на плечах и бедрах ходячих саркофагов, ничего комичного не было. Отряды кадийцев падали замертво. Их тела корчились и взрывались под ураганом продольного огня.

Восьмая механизированная дивизия и Двенадцатая дивизия линейной пехоты выдавливали орков с северо-западных и юго-восточных направлений. Они вклинивались в ряды зеленокожих и заставляли их сражаться на три фронта. Десятая бронетанковая дивизия действовала посредине. Вряд ли это соответствовало законам стратегии, но времени на разработку планов не было.

Ван Дрой услышал, как капитан Имрих вышел на связь по командному каналу Десятой роты с приоритетным сообщением:

— Имрих вызывает головной отряд. Парни, прорывайтесь прямо через их пехоту. Давите орков гусеницами. После прорыва первым делом уничтожьте орочью артиллерию. Пусть «Разрушители» сосредоточатся на их

танках. Остальные выбирают цели по своему усмотрению. Мы должны переломить ход сражения в нашу пользу. Сделаем это ради полковника Виннеманна!

«Да, клянусь Троном! — подумал ван Дрой. — Мы сделаем это ради Виннеманна!»

«Врагодав» подпрыгнул и помчался через толпу вопивших зеленокожих, слизняя гусеницами их мясистые тела. Орки отскакивали в стороны и, уступая танку дорогу, толкали в панике друг друга. Впрочем, они двигались слишком медленно. На каждый пройденный метр приходилось по дюжине раздавленных тел. Песок в кильватере, промокший от крови, превращался в топкое болото.

Что-то ударило в башню, и танк зазвенел, как колокол.

— В нас попали! — крикнул заряжающий Уоллер.

— Доложить о повреждениях! — рявкнул ван Дрой.

— Пробоин нет, — ответил Болтливый Дитц. — Кто-нибудь ранен?

Осколков тоже нет.

Им повезло. Взглянув в блоки визоров, ван Дрой увидел спиральный хвост дыма, повисший в воздухе между его «коробочкой» и ржавым дредноутом, который лязгал навстречу, вытаптывая свою же пехоту. Ракета попала в бронированный щит ствола, поэтому экипаж отделался лишь тошнотворной головной болью. Дитц без лишних слов развернул башню к дредноуту и прицелился.

— Готовься! — крикнул он.

Танк встряхнуло. Башенная «корзина» наполнилась едким дымом. Дредноут застыл на долю секунды. В его боковой броне образовалось черное отверстие размером с дыню. Затем снаряд взорвался внутри корпуса. Из пары люков вырвалась вспышка белого пламени. Осколки осыпали дождем пехоту, метавшуюся у ног загоревшейся машины.

— Вперед на полной скорости, Гвоздь! — приказал ван Дрой водителю. — Если мы промедлим, нас точно угробят.

Орки отчаянно стучали по корпусу, пока танк накатывался на них. В

бессильной злобе они тыкали в его бронированные бока большие зазубренные клинки. Еще одна ракета, пролетев по дуге, ударилась о корпус «Врагодава». Ван Дрой увидел второй дредноут — в два раза больше прежнего.

— Проклятье, Дитц! — крикнул он стрелку. — Убери этого гада!

— Я могу стрелять только по очереди, сэр, — проворчал Дитц. — Готовься!

Он вдавил гашетку в пол. Казенная часть пушки скользнула назад, выбросив в ящик медную гильзу. Правая нога дредноута отлетела в сторону. Машина накренилась вниз и упала головой в песок. Ее руки-лезвия неистово вращались, рассекая на части орочьих пехотинцев.

— Отличный выстрел, — похвалил ван Дрой.

Он осмотрел поле битвы, надеясь увидеть танки своей роты. Повсюду виднелись только остовы горевших машин. Темный дым застилал обзор, и со всех сторон напирали орды орков. Клинки продолжали стучать по корпусу.

— «Врагодав» вызывает всех Безбашенных, — объявил он по вокс-связи. — Прошу отозваться.

Три командира танков ответили. Один промолчал.

— Ван Дрой вызывает Хольца. Ответь!

По-прежнему никакого ответа.

— Вызываю «Старую костедробилку».

Лейтенант понимал, что Вульфе сейчас внимательно прислушивается к тишине в наушниках. Танкисты знали, что означало такое молчание. Погиб еще один ветеран. Если бы ван Дрой разрешил ему остаться в экипаже Оскара... Но зачем теперь было думать об этом? От подобных «если» он мог сойти с ума.

«Ступай к Императору, капрал, — подумал ван Дрой. — Судя по всему, мы скоро догоним тебя. Вряд ли кто-то поплачет над нашими могилами, но мы возьмем с собой столько ублюдков, сколько сможем. Это я тебе обещаю».

— Гвоздь! — крикнул он, переключившись на внутреннюю связь. — Нам нужна максимальная скорость.

Прокати нас с ветерком. Стажь наши гусеницы орочьей кровью!

* * *

Отражая атаки с южного направления, пехотинцы Трехсот третьего стрелкового полка отважно сражались с орками. Разнесся слух, что их командира, полковника Мейерса, расстреляли за трусость. Остатки полка — примерно четыреста шестьдесят человек — старались доказать, что сделаны из более прочного материала. И они не ударили лицом в грязь, хотя в пыльной буре сражения никто не заметил их храбрости.

Под началом вновь назначенного командира, майора Джерера, который держал в одной руке полковое знамя, а другой кромсал орков окровавленным цепным мечом, Трехсот третий полк бесстрашно прокладывал путь сквозь пехоту противника. В какой-то момент

гвардейцы заставили врага отступить. К сожалению, их натиск был быстро отражен. На таком близком расстоянии и без поддержки танков кадийские отряды не могли сравняться силой с орками. В конечном счете зеленокожие окружили отважных солдат и вырезали их ржавыми клинками.

Майор Джерер погиб последним, поскольку до самого конца его защищал быстро убывавший круг самых опытных и сильных воинов. Даже когда орки сбили его с ног и рассекли большими топорами, он продолжал держать флаг в руках, не позволяя освященному стягу коснуться окровавленной земли.

Через несколько секунд зеленокожие втоптали полотнище в грязь.

* * *

— Укрепите южный фланг, — приказывал по воксу генерал. — Где, черт возьми, Трехсот третий полк? Грубер,

проверь, не заснула ли наша артиллерия! Пусть они увеличат скорострельность. Это худший заградительный огонь, который я когда-либо видел. И мне не нужно их оправданий. Там убивают наших людей!

Он сидел в высокой башне «Химеры», с надежно запертым люком над головой. Де Виерс стрелял мультилазерными очередями по всему, что появлялось в зоне досягаемости. Впервые за несколько десятилетий он снова оказался на передовой. Вид злобных орков, рассеченных его оружием на черные дымящиеся куски, доставлял ему несказанное удовольствие, которое он уже успел забыть. Генерал упивался кровопролитием.

Он знал, что руководство из тыла не принесло бы ему здесь никакой пользы. Он понял это в тот миг, когда впервые увидел орочий город. Каждый человек и каждая машина, весь пот и вся кровь были нужны ему для финальной победы. В сражении не участвовали только тарсиане.

— Мы не боевое подразделение, — заявил ему Сеннесдиар, как будто это не

было ясно. — И мы не подчиняемся приказам Департаменто Мунитурум. Наша группа останется с артиллерией, где она может оказать посильную техническую помощь. Мои сервиторы-телохранители будут защищать «Василиски» на тот случай, если орки прорвут на фланге ваши силы, генерал.

«Прорвут на фланге мои силы, — повторил про себя де Виерс. — Ох уж этот жрец из рваного Ока!»

Орки не могли прорваться. К черту все опасения! Только суровое испытание могло выковать настоящую легенду. Пусть Император благословит его и даст ему шанс на обретение истинной славы. Он был уверен, что все старшие офицеры уже почувствовали его правоту. Берген, Киллиан и Реннкамп — они вели свои дивизии вперед! Пушки башен сверкали огнем, когда их «Химеры» дюйм за дюймом приближались к победе.

Облака пыли и дыма затрудняли обзор. Но у кратера, чуть левее, он заметил танки Восемьдесят первого бронетанкового полка, которые, втиная

тела ксеносов в песок и размазывая их в кашу, прорывались сквозь плотные ряды противника! Они мчались к орочьей артиллерии, перемалывая врагов железными гусеницами. Из башен «Леманов Руссов» вырывался огонь стабберов и автопушек. Клинки зеленокожих тщетно молотили по бронированным плитам. Де Виерс поморщился, когда в два танка попали противотанковые ракеты или, возможно, ручные гранаты. Он не мог сказать наверняка. Подбитые танки встали намертво и вскоре превратились в горящие котлы, в которых заживо сварились люди. Генерал воздал хвалу Трону, что не услышал их криков.

Другие кадийские танки почти прорвали ряды орков. Их орудия вели непрерывную стрельбу. Де Виерс увидел первые горевшие артиллерийские установки.

— Грубер! — крикнул он. — Что там с нашей артиллерией?

— Я связался с ними, сэр, — ответил адъютант из кормового отсека

бронетранспортера. — Они говорят, что стреляют на самой высокой скорости. Кроме того, их беспокоит, что они могут попасть в наши танки.

— Проклятье! — взревел генерал. — Вызови их комиссара. Передай ему, чтобы он провел какую-нибудь показательную казнь. Тогда мы посмотрим, какой будет скорость их стрельбы.

Он увидел, как массивный черный орк оттолкнул двух сородичей и со страшным боевым криком помчался к бойцам, стоявшим перед его «Химерой». Проклятый зеленокожий сжимал в руках жужжащий цепной меч.

— Не успеешь, — прошептал де Виерс.

Он с усмешкой нажал «бабочку» гашетки и первым же выстрелом уложил чудовище на красный песок.

* * *

«Бедняга Хольц, — подумал Вульфе. — Мне очень жаль. Клянусь взорванным

Оком!» Сержант продолжал повторять имя друга, как мантру, словно это могло что-то изменить. Ему не хотелось верить в смерть товарища. Грудь болела, как от вонзившегося ножа. Перед внутренним взором стояло лицо Хольца — не обезображенное, со шрамом последних лет, а прежнее, еще до взрыва на Модессе Прим. С тех пор парень сильно изменился. О прежнем Хольце напоминали только синие, как лед, глаза.

Капрал был хорошим другом. Вульфе обещал себе, что после сражения он выпустит реальную боль из загашника и погорюет о Хольце со слезами и вздохами. Но сейчас ему пришлось отбросить эти мысли прочь. Безумство боя не давало времени на печаль о погибших.

— Мы на подходе, — доложил Мецгер по внутренней связи.

Что-то ударило в гласисную плиту переднего ската — причем с такой силой, что корма танка приподнялась в воздух и через секунду снова опустилась. Гусеницы ударились о песок. «Последние молитвы-II» помчался вперед, затягивая под себя

десятки орков. Вульфе взглянул в блоки визоров и увидел черную тень, пролетевшую в красно-коричневом небе.

Будь они прокляты! Неужели нам нечем сбить их воздушную поддержку? Каким образом мы будем уничтожать их артиллерию, если нас начнут бомбить самолеты?

Как только он закончил фразу, к реактивному истребителю устремилась маленькая яркая точка. Она попала в хвостовую часть, вызвав вспышку красного пламени. У самолета появился элегантно загнутый черный след. Истребитель медленно перевернулся в воздухе и рухнул в орду. Раздался мощный взрыв, вслед за которым поднялся гриб грязи и пламени. Вероятно, там было убито и покалечено несколько сотен орков.

— Клянусь Террой, они сбили его! — закричал сержант.

Ему не удалось разглядеть артиллеристов, выпустивших реактивный снаряд, но из благодарности он отдал им шутливый салют. Вульфе хватало забот и без самолетов, пытавшихся разбомбить

его «коробочку». Пытаясь преодолеть мощное сопротивление противника, кадийские танки замедлили свое движение. Это сделало их легкой мишенью для орочьих танков, которые с ревом носились позади орды. Они выглядели неуклюжими кучами хлама с большими бронированными плитами, привинченными под разными углами. Бронетехника зеленокожих скрипела ржавыми гусеницами и медленно вращала башнями, пытаясь прицелиться в более быстрые имперские танки. Каждые несколько секунд из пушек вылетали снаряды. Некоторые из них взрывались, не долетая до цели. Другие убивали десятки орочьих пехотинцев. Но Вульфе знал, что рано или поздно они произведут удачный выстрел. И ему не хотелось, чтобы их целью оказался «Последние молитвы-II».

Очевидно, капитан Имрих уже позаботился об этом. В дополнение к «Разрушителям» Шестой роты он бросил на орочьи танки дюжину других машин. Остальные эскадроны полка занимались артиллерией и башнями стационарной

обороны. Как только Первая и Вторая роты прорвались мимо вражеской брони, они развернули башни на сто восемьдесят градусов и начали крушить танки орков с тыла. «Разрушители» вели атаку спереди. Огромная сила их смертоносных лучей рассекала корпуса и башни любой толщины и крепости. Они низвергли ад на бронетехнику орков. Вскоре немало танков зеленокожих превратилось в груды горевшего металла.

Наконец Вульфе и остальные Безбашенные — за исключением Ленка, которому приказали поддерживать механизированную пехоту Мэрренбурга, — прорвали задние ряды противника. Артиллерийские установки находились в сотне метров от них: ряды массивных громогласных гаубиц, которые обслуживались расчетами костлявых гретчинов. Эти визгливые твари вставляли в казенные части орудий снаряды, похожие на бочки для горючего.

Слева блеснула вспышка. Вульфе понял, что экипаж ван Дроя выстрелил из главного орудия «Врагодава». Через

полсекунды прокашляла пушка «Стального сердца-II». Две орочьи гаубицы разлетелись на куски, испарившись в больших шарах оранжевого пламени.

— Горошек! — крикнул он. — Круши ублюдков! Бей по гаубицам, пока ни одной не останется.

— Будет сделано, сардж, — отозвался стрелок.

Моторы траверса зажужжали, затем остановились. Орудие гулко ухнуло. Экстракторы взвыли, высасывая дым из башенной «корзины». На борту «Последних молитв-II» можно было ставить новую метку. Еще одна подбитая цель.

* * *

Ван Холден, командовавший Двести пятьдесят девятым пехотным полком, сохранил почти все свои силы — «Химеры», полугусеничные бронетранспортеры и роты пехотинцев. Стрелки на машинах поддерживали пехоту, уничтожая легкую

орочью бронетехнику. Они успешно отражали атаки, направляя огонь лазеров и автопушек на быстрые вражеские багги. Повсюду валялись горящие обломки, искореженный металлический хлам и мертвые тела зеленокожих.

К сожалению, их орудия не могли противостоять тяжелым бронированным грузовикам, которые орки использовали в качестве легких танков и фронтовых транспортеров. Некоторые из грузовиков были оснащены большими орудиями, предназначенными прежде для стационарных стрелковых платформ. Каждый раз, когда орудия стреляли, машины подскакивали и лишь чудом не переворачивались набок. Зеленокожие не обращали на это внимания. Они получали удовольствие, нанося урон кадийской пехоте. Смертоносные очереди мощных стаббером убивали и калечили дюжины людей. Гранатометы разбивали гусеницы бронетранспортеров и поджигали гвардейские машины.

Ван Холден понял, что не сможет удержать позицию. Когда «Химера»,

стоявшая в десяти метрах от него, превратилась в яркий факел огня, он приказал водителю отступить.

— Прямо за нами находится отряд пехоты, — возразил водитель. — Мы раздавим людей!

— Выполнять приказ! — рявкнул ван Холден. — Или я пристрелю тебя за нарушение субординации.

Прошептав молитву о прощении, водитель неохотно переключился на задний ход. «Химера» полковника набрала скорость и начала удаляться от орочьих грузовиков. Град пуль косил отряды пехотинцев. Солдаты, которые не умирали мгновенно, взывали к милости Императора и прощались с родными в далеких домашних мирах.

— Быстрее! — закричал ван Холден, игнорируя запросы по воксу.

Он знал, что генерал-майора Реннкампф потребует от него объяснений за этот экспромт с отступлением. И он предчувствовал, что речь пойдет о предательстве. Внезапно один из орочьих грузовиков выплюнул сгусток пламени.

«Химеру» ван Холдена отбросило в сторону. Машина остановилась. Фугасный снаряд разорвал ее правую гусеницу. Полковник осмотрел свои руки и ноги. Ранений не было.

— Я цел, — прошептал он. — Клянусь Троном, я в полном порядке.

Он не видел, как в небе над его машиной пронеслась темная тень. Из-под крыла истребителя выпал небольшой овальный предмет. Через несколько секунд горящие осколки «Химеры» посыпались дождем на землю. Янц ван Холден погиб в мгновение ока.

* * *

Без помощи Катца Берген не успевал следить за всеми вокс-сообщениями, поступавшими от полковых командиров. Ему пришлось принять временную помощь от Симса — самого юного техника из команды поддержки, приписанной к полку капитана Итриха. Симсу не хватало

опыта, но он неплохо справлялся с работой.

Сквозь звон стабберных пуль и осколков, барабанивших по броне «Химеры», Берген услышал в правом наушнике возбужденный голос Итриха. Сито переключил связь на канал Десятого полка. Парень быстро учился обязанностям адъютанта.

— Мы уничтожили почти все танки орков, сэр, — доложил капитан. — На вид они выглядели грозными, а оказались грудой хлама. Многие из них взорвались сами по себе. Осталось только несколько машин. Роты с Первой по Четвертую громят стационарную оборону. Я велел им не тратить снаряды. Будем брать башни на таран. Они настолько ветхие, что готовы упасть при следующем порыве ветра. На окраине городе находятся орудийные платформы, которые мы расстреливаем фугасами. Роты с Пятой по Десятую добивают последние артиллерийские установки. При прорыве к кратеру Шестая и Седьмая роты понесли тяжелые потери. Орки использовали гранатометы и магнитные мины.

Подскажите отрядам «Бронированного кулака» не приближаться к ним, как это делали мы. В данный момент мои «Экстерминаторы» и «Палачи» уже прорвались к нам и соединились с силами полка. Если мы зажмем врага между броней и пехотой, то сможем устроить великое побоище.

Берген хотел задать уточняющий вопрос, но его слова утонули в ужасном вопле, объединившем в себе крик и рев. Этот громкий звук вознесся над шумом сражения. Очевидно, капитан Итрих тоже услышал его. А затем он, наверное, увидел источник звука.

— Святая блажь! — передал он по воксу. — Какая крупная тварь!

«О Трон! — безмолвно взмолился Берген. — Пусть это не будет тем монстром, о котором я сейчас подумал».

— Что вы видите, капитан? — спросил он. — Что там у вас происходит?

Глава 31

Итрих замер на командирском сиденье. Из-за огромного штабеля ржавых металлических обломков вышло неуклюжее бронированное чудовище. Оно достигало двадцати метров в холке и несло на спине паланкин высотою примерно десять метров. Этот гигантское чудище не было механическим детищем зеленокожих. Живая тварь являлась представителем орочьей расы. Своими размерами и своеобразной формой этот ксенос настолько отличался от своих более мелких сородичей, что казался абсолютно другим существом. Хотя цвет кожи и темперамент оставались теми же.

— Сквиггот! — задохнувшись от изумления, воскликнул Итрих.

— Проклятье! — выругался по воксу

Берген. — Ты сказал, сквиггот?

— Так точно, сэр. Я никогда не видел таких гигантов! Мне кажется, он не обрадовался нам. — Несмотря на громкое сердцебиение, Итрих говорил спокойным голосом. — Прошу прощения, сэр. Я думаю, мы какое-то время будем заняты. Весьма заняты.

* * *

У сержанта непроизвольно открылся рот, когда самая большая тварь, какую он когда-либо видел в жизни, заполнила обзор передних визоров. Этот кошмар из мышц и зубов покрывала бронированная чешуя. Кожа выглядела крепкой, как скала. Каждый из нижних клыков был толще и длиннее, чем ствол пушки «Покорителя». Глаза — гигантские блестящие плошки — пылали яростью и безумной жаждой крови. Сквиггот покачал массивной головой и взревел, бросая вызов кадийским танкам. Вульфе почувствовал, как башня

«Последних молитв-II» завибрировала.

— Клянусь кровавым Троном! — воскликнул Горошек.

— Ты можешь повторять это снова и снова, — посоветовал Мецгер.

— Сиглер! — крикнул Вульфе, не в силах оторвать взгляд от чудовища. — Фугасный! Заряжай! Миркос, наводи прицел. Быстрее, сынок! Прошу тебя, не промахнись.

Башни других танков тоже пришли в движение. «Если выпустить скоординированный залп, то можно завалить этого зверя, — подумал Вульфе. — Но нужна объединенная мощь».

Первым выстрелил танк лейтенанта Кайслера — недавно назначенного заместителя Итриха. Пламя вырвалось из дула «Дамаскина». Снаряд попал в бронированное плечо твари и взорвался с фонтаном дыма и огня. Сквиггот, сердито фыркнув, повернулся к танку Кайслера. Он даже не поморщился.

— Черт! — проворчал Вульфе. — Зверь только рассердился еще больше. — Сержант снова воспользовался внутренней

связью: — Мецгер, приготовься убегать. Ты понял меня?

— Уже газую, — ответил водитель, разворачивая танк от сквиггота.

— Горошек, попробуй кольнуть его во что-нибудь мягкое, — предложил Вульфе.

— Пальну в живот. Может, попаду под броню паланкина.

Другие танки начали обстрел. Часть снарядов задела широкую платформу на спине гиганта. Орки, стоявшие на навесных площадках, ответили огнем гранатометов и тяжелых стабберов. Сильная качка мешала точной стрельбе. Пули впивались в песок. Гранаты взлетали и взрывались в воздухе. Затем выстрелила гигантская пушка, установленная на паланкине. Ее грохот заставил сквиггота присесть и отступить на шаг. Резкое движение сбросило большую часть его пассажиров. Они посыпались на землю, как гнилые фрукты. Песок под ногами чудовища был усеян разбившимися телами. Внезапно «Разрушитель» слева от танка Вульфе исчез в огромном шаре огня. Металлические осколки забарабанили по

броне «Последних молитв-II».

— Варп его подери! — воскликнул Мецгер. — Нужно сменить позицию.

Танки продолжили обстрел, но сквиггот не получил ни царапины. Он начал рыть лапой землю, готовясь к атаке.

— Не медли, Горошек! — закричал сержант. — Огонь!

— Готовься! — предупредил стрелок.

Танк вздрогнул, послав раскаленный снаряд в живот сквиггота. Последовала вспышка огня. Чудовище громко взвизгнуло. Когда дым рассеялся, Вульфе увидел черное пятно на чешуе зверя. Но броня гиганта по-прежнему была цела. «Его кожа толще, чем наш корпус», — подумал сержант.

Сквиггот пришел в ярость от боли. С басовитым ревом он направился к танкам, вытаптывая орочьи хижины, загоны сквигов и всех, кто оказался на его пути. В основном досталось сквигам, оркам и гретчинам. Но один танк из Третьей роты лейтенанта Цурлоха оказался недостаточно быстрым. Он остановился,

как вкопанный. Наверное, заглох мотор. Когда «Последние молитвы-II» прибавил газу, Вульфе оглянулся и увидел, что несчастливый танк был смят массивной лапой с длинными когтями.

— Эта чертова тварь весит тысячи тонн! — изумленно прошептал сержант.

Танки разъехались в разные стороны. Офицеры выкрикивали по воксу приказы, стараясь удержать роты вместе и сохранить какое-то подобие дисциплины. Башни разворачивались и обстреливали разгневанного сквиггота, но снаряды не причиняли вреда его броне. Они лишь злили зверя еще больше.

Паническую болтовню прервал настойчивый голос Итриха:

— Танкисты, слушайте мой приказ! Фугасы не действуют на чертову тварь. Переходите на кумулятивные снаряды. Мы должны подтянуть чудовище к задней линии орков. Он совсем обезумел. Давайте используем это к нашей выгоде.

Вульфе быстро осмотрел поле боя. Часть пространства была затянута пылью и дымом. Но, глядя на открытые

участки, сержант понял, что на каждом квадратном метре бушевало адское сражение безумной свирепости.

Как только Итрих замолчал, ван Дрой открыл канал Десятой роты:

— Безбашенные! Вы слышали нашего капитана. Формируем боевой строй и следуем за Первой ротой. И, ради Трона, продолжайте вести огонь.

— Лейтенант, этот идиот-капитан посылает нас на верную смерть, — произнес наглый голос, заставивший Вульфе оскалиться. — Нам нужно рассредоточиться. Сами подумайте, сэр. Когда мы вонзимся в задние ряды орков, наша скорость уменьшится наполовину. Гигантская тварь растопчет нас своими лапами.

— Делай, как приказано, Ленк, — оборвал его ван Дрой. — Слова капитана не подлежат обсуждению!

Вульфе выругался. Он представил себе хитрое лицо капрала. «Кусок дерьма! Ленк всегда беспокоился только о собственном выживании. Может быть, теперь ван Дрой поймет это».

Оглянувшись, сержант увидел, что гигантский сквиггот погнался за ними. Под его толстыми лапами стонала земля. Каждый шаг напоминал землетрясение. «Последние молитвы-II» встряхнуло, когда танк наехал на задние ряды орков. Мецгер старался удерживать максимальную скорость.

— Бронебойный в казеннике, сардж! — крикнул Сиглер. — Заряжено!

— Давай, Горошек, — произнес Вульфе. — Тебе придется стрелять в движении. Сделай, что сможешь.

Стрелок промолчал. Все его внимание было приковано к цели.

— Готовься! — рявкнул он.

Танк содрогнулся. «Корзина» башни наполнилась дымом.

* * *

— Что они там возятся? — сердито спросил генерал. — Я хочу, чтобы эту чертову тварь уничтожили! Сейчас же!

Окрепший ветер отгонял с поля боя темную завесу пыли и дыма. С каждой секундой видимость становилась все лучше и лучше. Вокруг «Химеры» де Виерса продолжалось сражение с орками. Но именно сквиггот привлек внимание генерала. Зверь представлял собой наибольшую угрозу для имперских танков — а значит, являлся препятствием к его успеху. Генерал решил, что шансы на победу стремительно уменьшаются. Тварь раскидала в стороны восемь машин. Капитан Имрих вел сквиггота к кадийским линиям. О чем он думал, черт возьми?!

— Грубер, свяжись с Бергеном! — крикнул он адъютанту.

Рядом с «Химерой» взорвался снаряд. Бронетранспортер подпрыгнул. Де Виерс услышал, как очередь стаббера простучала по передней броне, словно ливень.

— Не беспокойтесь, генерал, — доложил водитель. — Корпус цел. Ни одного предупреждающего сигнала на пульте.

— Берген на связи, — протрещал в

наушнике голос дивизионного командира. — Говорите.

— Джерард! Что там затеяли твои танкисты? Если они приведут это чудище к нам, оно растопчет всю пехоту. Мы будем уничтожены!

— Капитан Итрих знает, что делает, сэр, — холодно возразил Берген. — Гигантское существо сошло с ума. Они ведут его на орочью орду. Если сквиггот атакует зеленокожих, он уничтожит сотни врагов.

— Пока я вижу, что эта тварь раздавила восемь наших машин. А вы говорите мне, что ваш чертов Итрих руководствуется каким-то гениальным планом. Я хочу, чтобы сквиггота немедленно убили. Мы уже уничтожили их бронетехнику. Еще одно усилие пехоты, и мы выиграем бой. Вы уже разобрались с орочьими истребителями?

— Да, мы покончили с ними, сэр. Киллиан выдвинул к кратеру отряды ракетчиков и стрелков Тайрока. Они сбили все вражеские самолеты. Что-нибудь еще, генерал?

Де Виерсу не понравился тон Бергена. «Какое неуважительное отношение к старшему по званию! Неужели он думает, что это сойдет ему с рук? Если сопливый выскочка переживет сегодняшний день, он узнает, каким может быть гнев Мохамара де Виерса! Я объявлю ему выговор перед строем», — решил генерал. Он слишком по-доброму относился к Бергену — считал, что они находятся на одной странице истории. Теперь он понял, что Джерард ему не ровня.

— Прикажите Имриху уничтожить это чудовище.

Закрыв канал, де Виерс повернулся к Груберу:

— Соедини меня с Сеннесдиаром. Немедленно! Я хочу обсудить с ним важный вопрос.

Через несколько секунд он услышал голос магоса:

— Слушаю вас, генерал.

— Правильно делаете, что слушаете, — съязвил де Виерс. — Я хочу, чтобы вы запустили ваш орбитальный маяк. Закодируйте наши текущие

координаты. Передайте Гэлбрайзу, что он должен прислать к нам подъемник. Пусть коммодор загрузит его всеми людьми, способными держать оружие. Нам нужны бомбардировщики, любая техника — все, что он сможет прислать. Абсолютно все! Если мы получим поддержку, то выиграем бой.

— Ответ отрицательный, — произнес Сеннесдиар.

Де Виерс едва не завизжал от ярости.

— Отрицательный? Какого черта вы пререкаетесь со мной? Делайте, что вам говорят!

— Генерал, я уже пояснял вам, что не отношусь организационно к Департаменто Муниторум. Решение о запуске маяка принимается только мной, и я не стану вызвать корабль Механикус, пока существует реальная угроза его безопасности. Битва с орками еще не выиграна.

— Вы что, ослепли, идиот?! — вскричал де Виерс. — Все мои люди могут погибнуть! Немедленно отправьте маяк на

орбиту, или я пристрелю вас за вредительство и помехи имперской операции!

— Сначала уничтожьте сквиггота и стационарную оборону орков. — Сеннесдиар сохранял бесстрастность. — Проведите тотальную зачистку города. Найдите военачальника. Когда вы выполните эти условия, маяк будет запущен на орбиту. Но ни секундой раньше.

Де Виерс услышал щелчок. Технолог отключил вокс-канал.

— Грубер, — шипя от злости, произнес генерал, — соедини меня снова с Бергеном.

* * *

От Десятой роты осталось четыре танка: «Врагодав» Госсфрида ван Дроя, «Последние молитвы-II» сержанта Вульфе, «Стальное сердце-II» сержанта Весса и «Новый чемпион Цербера» капрала Ленка. Из них лишь танк Ленка не стрелял по гигантскому сквигготу. Его

сдвоенные тяжелые болтеры были прекрасным противопехотным оружием. Они отлично прорезали кровавый путь сквозь плотные ряды орков, но не обладали необходимой мощью для обезумевшего чудовища, гнавшегося за ним. Поэтому Ленк приказал Рисманну сосредоточиться на создании широкого коридора в орочьих рядах. Он не хотел, чтобы его раздавили насмерть, как других идиотов.

Тупица Итрих приказал им ворваться в середину вражеского войска. Это не только замедлило скорость машин, подставив их под клыки и лапы сквиггота, но и стало причиной гибели шести танков из Второй, Четвертой и Седьмой рот. Они подорвались на магнитных минах, и их мелкие обломки разлетелись в разные стороны. Остальные танки были облеплены зеленокожими. Дюжины орков стояли на башнях, дергали люки и барабанили клинками по блокам визоров. Их вес тоже замедлял скорость танков. Ленк видел, как сквиггот, сделав резкий рывок, смял две машины, а затем опрокинул еще две кверху гусеницами.

Переломанные орочьи тела разлетались, словно листья на ветру. Как только бешеная тварь пробежала дальше, зеленокожие набросились на перевернутые танки. Они пытались рассечь тонкую нижнюю броню цепными топорами и сварочными резаками. Им не терпелось добраться до беспомощных танкистов.

Ленк поморщился. Его не заботили братья-гвардейцы, попавшие в беду. Он просто подумал, что «Новый чемпион» вскоре тоже может оказаться в таком же положении. А ему не хотелось умирать. Многие болваны вокруг него погибали за Бога-Императора, которого они никогда не видели. Они считали честью сдохнуть за планету, пожертвовавшую им ради амбиций какого-то престарелого генерала. К черту Императора и спятившего старика! Их пафосные устремления не воодушевляли Ленка. Но у него было дело, которое требовалось уладить. И он радовался, что еще в детстве отбросил прочь глупые идеи о чести и долге.

В книге его судьбы не значилась смерть на Голгофе. Он не сомневался, что

уцелеет в этом сражении. Забавно, но он надеялся, что Вульфе тоже удастся пережить бой у кратера.

* * *

Сержант смотрел в блоки визоров на двух мерзких, покрытых шрамами орков, которые, вскарабкавшись на башню, лупили по люку ржавыми топорами. Напрасные усилия. Зеленокожим стоило бы прихватить с собой взрывчатку или сварочные резаки. Сейчас у него было только два желания: чтобы Мецгер держал их старую «девочку» на ходу и чтобы они не нарвались на других чудовищных существ.

Миркос продолжал палить в сквиггота, но при такой тряске о прицельной стрельбе не могло быть и речи. Тем не менее он дважды ранил зверя бронебойными снарядами, попав в узел мышц передней правой лапы. Третье попадание пробило кожу и нанесло

глубокую рану, заставив тварь забыть от боли. Гигантское существо село на задние лапы. Оно возвышалось над полем сражения, как имперский титан прошедшей войны. Даже орки повернулись к нему с открытыми ртами. Внезапно из ствола «Врагодава» вырвалось желтое пламя. Стрелок ван Дроя воспользовался тем, что живот чудовища открыт, и особый бронебойный снаряд с усиленной боеголовкой вонзился прямо в сердце сквиггота.

С криком, который, несмотря на беруши, едва не порвал барабанные перепонки Оскара, огромный зверь рухнул набок и тяжело ударился о землю. Его тело раздавило сотни орков и подбросило в воздух кольцеобразное облако пыли. От удара содрогнулась земля. Кадийские и орочьи пехотинцы попадали с ног. В башне Вульфе царило веселье. По каналам связи слышались схожие крики радости.

— Классный выстрел, сэр! — передал по воксу Вульфе. — Шлепните Дитца по плечу. Как знак одобрения от нашего экипажа.

Однако гигантская тварь еще не сдохла. Немногие штуки меньше титана могли бы убить сквиггота, и это не «Покоритель». Когда пыль улеглась, сержант увидел муки злобного чудовища. Зверь медленно поднялся на ноги и снова упал на живот. Он учащенно дышал, теряя силы с каждой мгновением. Вес массивного балдахина придавил его к земле. Сквиггот больше не мог подняться на ноги. Его смерть была долгой и мучительной.

* * *

Такое зрелище ошеломило орков. Сначала огромное чудище промчалось сквозь их ряды, оставив от сотен бойцов лишь бордовые пятна на красном песке. Затем кадийские танки нанесли их гиганту смертельное ранение. Боевой настрой зеленокожих мгновенно пропал. Первыми побежали тыловые части орды. Орки мчались к городу, бросая на окровавленную землю тяжелые ружья и

ржавые клинки.

Для кадийских офицеров это бегство послужило сигналом к победе. Их отряды усилили натиск и пошли в атаку на врага. Те орки, которые остались на поле боя, внезапно оказались перед лицом торжествовавшего противника. Без подавляющего количества сородичей за их спинами они утратили и волю, и силы. Их обуглившиеся тела падали на песок. Имперские гвардейцы перепрыгивали через них и догоняли убегавших зеленокожих.

Генерал де Виерс почувствовал, что в этот миг за ним наблюдает сам Император. Судьба не подвела его. Вечная слава и великое бессмертие были уже почти у него в руках.

— Вперед, кадийцы! — кричал он по воксу. — Во имя Императора! Этот день станет нашим триумфом!

Глава 32

Кадийская артиллерия придвинулась к краям кратера и вместе с остальными экспедиционными силами приступила к расстрелу орочьего города. Воздух шипел от ржавых осколков. Ксеносам нечем было ответить. Тысячи орков умирали под разрушенными хижинами и бараками, построенными из листов рифленого железа. Другие тысячи взлетели к небесам, когда грозные «Василиски» повернули свои длинные стволы к литейным цехам. От заводских зданий не осталось и следа. Затем генерал принял экстренное вокс-сообщение от магоса Сеннесдиара, и после этого огонь батарей внезапно прекратился.

— Какого дьявола, сэр, вы отдали приказ о приостановке обстрела? — возмутился по воксу генерал-майор

Реннкамп. — Мы должны вбить в землю каждого зеленокожего. Отмените ваше распоряжение.

— Нет, черт бы вас побрал! — ответил де Виерс. — Пусть ваши танки и «Химеры» направляются в город. Создавайте отряды зачистки из машин и пехоты. Я хочу, чтобы они осмотрели каждую улицу и каждое здание. Сбор на дальней стороне кратера. Выполняйте приказ!

— При всем уважении, сэр, — вмешался в разговор генерал-майор Киллиан, — но ваш приказ напоминает бред сумасшедшего. Орки окопаются и займут позиции на узких улицах. Вы посылаете наших парней в смертельную ловушку. Лично я согласен с Аароном. Мы должны сровнять их город с землей. Сначала пусть бьют «Василиски». Затем отправим пехоту для зачистки территории. А дальше...

— Довольно! — крикнул де Виерс. — Сегодня я уже пристрелил одного офицера за трусость. Вам нужна повторная демонстрация? Я не могу рисковать

танком Яррика. Что, если наша артиллерия повредит «Крепость величия»? Мы двинем в город бронетехнику и пехоту. Клянусь Троном, враг уже разбит! Орки не посмеют сражаться. Отправляйте танки на задание. Вам все понятно, Берген?

— Так точно, сэр.

В голосе дивизионного командира безошибочно угадывалась злость. Его парни только что выиграли великую битву. «Василиски» могли довести ее до победного конца. Но если чертовы техножрецы не лгали, где-то в городе находился легендарный «Гибельный клинок» — самый знаменитый танк в Империуме. Его могли прятать под грудами ржавого хлама. Генерал был уверен, что «Крепость величия» стоит в одном из ангаров. Он заявил, что, пока ее не найдут, ни один человек не покинет Голгофу.

* * *

До начала операции «Гроза» Восемьдесят первый полк насчитывал свыше сотни танков. Теперь их осталось только двадцать шесть. Они медленно двигались по изогнутым и захламленным улицам орочьего города, часто останавливаясь, чтобы взорвать ветхие башни и бараки, из которых вылетали ракеты, гранаты и очереди стабберов. На вокс-каналах слышались немногословные сообщения, выдававшие беспокойство кадийцев. Никому не хотелось застрять на узких улочках под вражеским огнем. Ветхие металлические строения в любую секунду могли рухнуть на головы людей. Иногда их конструкция вызывала смех. Балки и перекладины торчали под разными углами. Большинство стен из гофрированного железа могли рассыпаться при малейшем порыве ветра. Непонятно, как они вообще еще стояли.

Раз за разом кадийцы попадали в засады. Из затемненных проходов выбегали огромные орки в бронированных нагрудниках. Рост зеленокожих часто достигал трех метров. С леденящими

душу криками на своем гнусавом языке они неслись на имперских гвардейцев, размахивая окровавленными клинками и молотами. Самые крупные из них, почти темнокожие, сражались с невероятной свирепостью. Для их уничтожения требовалось в два раза больше огня, чем для обычных орков, которых они вели за собой.

Если бы пехотинцы не поддерживали огнем танки, любое перемещение по городу было бы невозможным. Каждый квартал пересекали сотни узких проходов. Поначалу кадийские машины быстро продвигались по улицам, но это длилось недолго. Вскоре ван Дрой начал получать вокс-сообщения о потерянных танках. Четвертым из них стал «Стальное сердце-II».

Капитан Итрих поручил «коробочке» Весса поддержку стрелковой роты Сто шестнадцатого полка. Они зачищали городской квартал в полукилометре от позиции ван Дроя. Ракеты орков разбили гусеницу танка, и, когда он встал на месте, отряд зеленокожих напал на пехотинцев. На крышах окрестных домов

были установлены тяжелые орудия. Окруженных кадийцев расстреливали в упор. Орки вытащили экипаж Весса из люков и разорвали танкистов на куски. Небольшая группа стрелков вырвалась из окружения и доложила о происшествии полковнику Прашту. Раненых и окровавленных солдат передали комиссарам, чтобы позже наказать за проявление трусости.

Отряд Безбашенных сократился до трех танков. Мысль об этом не давала ван Дрою покоя. Она грызла сердце, угрожая в любую секунду накрыть волной горя и сломить его дух. Он с трудом держал себя в узде. От его решений и действий зависели другие люди. Сейчас это был взвод касркинов полковника Строгма. Они следовали за его «коробочкой». Парни с хеллганами на бронированных плечах. Он не мог предаваться тоске и страданиям.

Ван Дрой стоял в куполе, сжимая рукоятки турельного болтера. В его танк уже дважды попали — сначала рикошетом в боковые пластины, затем в щит ствола.

Ракеты вылетали из темных проходов между домами, из дверных проемов, из отверстий в крышах. Броня выдержала два удара. Но насколько ее хватит? Защитные плиты были покрыты серебристыми шрамами от пуль и лазерных зарядов. Черные пятна указывали места на корпусе, где взрывались гранаты. Решив, что оставшиеся Безбашенные должны узнать о последней потере, он нажал на кнопку вокс-гарнитуры.

— Это командир Десятой роты. Безбашенные, я только что получил сообщение от полковника Прашта. Мы потеряли «Стальное сердце-II». Весс и его экипаж погибли. Поэтому держите ваши чертовы глаза открытыми! Если мы найдем танк Яррика, все тут же закончится. Оставайтесь живыми.

Два кратких ответа пришло к нему — от Вульфе и Ленка. Ван Дрой знал, что они питают отвращение друг к другу. Они отличались характерами, как день и ночь, но имели много общего. Прежде всего, они оба уцелели, когда многие другие парни пали на полях сражений. Что помогло им

пройти весь путь от разбитого посадочного бота до города в кратере? Эгоистичная безжалостность Ленка? Жесткий кодекс чести, которого придерживался Вульфе? Или его почти отцовская забота о своем экипаже? Если они переживут этот ад, ван Дрой, возможно, найдет способ примирить их. Так уже часто случалось. Былые недруги становились приятелями. Их связывали пережитые испытания. Хотя с этой парой все будет непросто.

Лейтенант заметил, что улица начала расширяться. Появились высокие здания. На некоторых крышах виднелись конструкции, сделанные из изогнутой арматуры. Они напоминали подъемные краны. Свисавшие с них стальные кабели со скрипом раскачивались на ветру. Ван Дрой почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

— Помедленнее, Гвоздь, — предупредил он водителя. — Судя по всему, мы приближаемся к восточному району города. Думаю, орки устроят нам здесь теплый прием.

Налзиг переместил рычаг вниз, догадываясь, что лейтенант касркинов тут же выйдет на связь. И действительно, тот вызвал ван Дроя по воксу:

— Что там впереди? Проблемы?

— Не уверен, — ответил ротный. — Если хочешь, подымись на башню и посмотри.

Градц, офицер касркинов — довольно грубый на язык мужчина, — взобрался на заднюю платформу «Врагодава» и подошел к ван Дрою. Несмотря на то что теперь они находились рядом друг с другом, им было удобнее по-прежнему пользоваться воксом. Мотор работал слишком шумно, чтобы можно было вести обычный разговор.

— Что думаешь? — поинтересовался ван Дрой.

Касркин осмотрел строения на площади.

— Похоже, мы нашли их главаря. Видишь тот ангар впереди? Это самое большое здание, которое я видел в городе. Оно два раза выше, чем дома по бокам. Готов поспорить на бутылку «Джои», что

их ублюдочный военачальник прячется там. Как только наши парни выйдут на площадь, орки начнут последнюю битву. Их поведет глава клана.

Ван Дрой кивнул, соглашаясь.

— Ну, будешь спорить на пузырь? — спросил касркин.

Двери ангара распахнулись, и в темной пасти проема промелькнуло что-то огромное и непонятное. Затем ван Дрой и Градц увидели ствол большой пушки. Они не успели даже слова сказать. Из жерла полыхнул огонь и дым. Раздался выстрел, похожий на удар грома. Никто из них не увидел подлетавший снаряд. Все случилось слишком быстро.

Взрыв был таким мощным, что танк перевернуло вверх брюхом. При падении машина раздавила восемь солдат. Через секунду произошла детонация снарядов, и бронированный корпус «Врагодава» разлетелся на миллионы осколков. Из взвода касркинов почти никто не уцелел.

Глава 33

Орки высыпали из зданий на площадь.

— Нам нужно отступить на два-три квартала, — доложил по воксу лейтенант Кайслер. — Тогда мы сможем загнать их на узкие улицы и перебить небольшими группами.

— Нет, — отрезал капитан Итрих. — Я не могу нарушить приказ генерала. Мы будем удерживать занятые позиции. Никакого отступления! Это их последняя вылазка. И это наш финальный бой.

— Ты тупой идиот, Итрих, — прошипел Кайслер. — Я всегда так думал. Ты другие фразы знаешь, кроме «Смерть или победа»?

— А разве есть другие? — спросил Итрих, наводя оружие на орков.

* * *

Де Виерс едва слышал свой голос, настолько плотным был обмен сообщениями. Киллиан просил разрешения на отвод людей из орочьего города. Реннкамп призывал генерала прислать подкрепление для поддержки кадийской бронетехники. Берген хрипло кричал о каком-то чудовищном орочьем танке, который в пять раз превышал размеры «Лемана Русса» и рвал на части машины бронетанковой дивизии. Но де Виерс мог думать только об одном. Танк Яррика находится где-то рядом. Путь к славе свободен.

— Командующий группы армий обращается ко всем командирам подразделений. Это генерал Мохамар де Виерс. Во имя Императора я приказываю вам наступать. Ведите свои отряды к восточной стороне города. Если нужно, не жалейте ваших жизней. Я лишь прошу вас забрать с собой как можно больше орков. Мы должны одержать окончательную победу. «Крепость величия» почти у нас в

руках. За Кадию и триумф человечества! Сегодня мы вернем танк Яррика. Сражайтесь изо всех сил, храбрые воины. Да защитит нас Император!

* * *

Император не очень старался, защищая солдат Восемьдесят восьмого полка мобильной пехоты. Танк Вульфе присоединили к одному из взводов с целью быстрого обходного маневра в восточном направлении. Пехотинцы умирали, как мухи. На них со всех сторон наседали свирепые зеленокожие, чьи тела поражали размерами и мощью. Казалось, что лучи лазганов вообще не наносили им вред. Лишь огонь стаббера был эффективным. Вульфе отгонял орков от гвардейцев, собравшихся вокруг его танка. Он безжалостно расстреливал врагов продольным огнем, но вместо одного павшего зеленокожего возникала дюжина других. И они были не самой худшей

опасностью, угрожавшей кадийцам.

Победить разрозненные отряды орков не составляло труда. Для этого требовались скоординированные усилия бронетанковых и пехотных рот, определенное время на зачистку территории и всем известная храбрость имперских гвардейцев. Но в игру вступила новая сила — смертоносная машина, против которой кадийцы оказались беспомощными. Она один за другим уничтожала танки Восемнадцатой группы армий.

Горошек уже трижды выстрелил в тарахтевшее и плевавшее дымом огромное чудовище. Убедившись в неэффективности фугасов, он решил использовать бронебойные снаряды. Но и они не причиняли орочьему танку большого вреда. Другие стрелки пришли к такому же выводу. Их снаряды не вызывали особого эффекта, застревая в бронированных пластинах метровой толщины. Некоторые из уцелевших «Палачей» и «Разрушителей» достигали лучших результатов, отбивая тут и там куски

брони. А в это время огромная гора металла с тошнотворной медлительностью выезжала из ангара на открытое пространство.

Когда Вульфе услышал о печальной участи «Врагодава», мышцы его живота свело судорогой. Сердце заныло от горя. После полученного вокс-сообщения его смешанный отряд вместе с другими подразделениями прибыл к восточной площади, на которой располагался огромный ангар. И тогда на них набросились орки.

Что же это такое, размышлял сержант, глядя на орочью машину. Он видел только половину корпуса. Судя по всему, ее медлительность объяснялась не маломощным мотором, а весом конструкции. Танк, несомненно, построили зеленокожие. Метровая толщина брони делала его неуязвимым для кадийского оружия. Избыток вооружения тоже соответствовал менталитету орков.

Пока он наблюдал за огромной машиной, ее крупнокалиберная пушка произвела еще один выстрел.

Громоподобный грохот сотряс стены ветхих зданий, стоявших рядом с ангаром. Воздух вздрогнул. «Леман Русс», принадлежавший Второй роте, окутало коконом пламени. Танк перевернулся набок и вспыхнул, как факел. Сержант мрачно подумал о том, что «Врагодав» был уничтожен подобным же образом.

Сообщение о гибели ван Дроя повергло Вульфе в шок. Оно ударило по нему, как осколочный снаряд. По правде говоря, даже сильнее, чем гибель Хольца и Весса. Он знал ван Дроя многие годы. Когда Вульфе присоединился к полку, лейтенант казался ему бессмертным героем. В этом отношении он был похож на полковника Виннеманна. Госсфрид ван Дрой воплощал в себе лучшие черты Имперской Гвардии, которые делали ее крепкой, великой и славной. Он являлся символом полка. Их роту назвали Безбашенными в его честь. Символам не полагалось умирать. Погибали только обычные люди. Люди и орки.

Жажда мести переросла в злобный крик. Вульфе нажал большими пальцами

на гашетки тяжелого стаббера и послал смертоносную очередь в группу трехметровых орков, которые отрывали руки и ноги какому-то несчастному пехотинцу. Сержант не мог спасти его — он не мог повернуть время вспять. Но Вульфе наказал убийц солдата. Части их мускулистых тел смешались с останками парня, которого они только что четвертовали.

В его наушнике послышался крик стрелка: «Готовься!» Из ствола пушки вырвался язык пламени. От резкого грохота зазвенело в ушах. Снаряд понесся по дуге к огромной орочьей машине и попал в переднюю пластину, выкрашенную красным цветом. Посыпались белые искры. Боеголовка, срикошетив, пробила дыру в гофрированной стене ангара. Бронированная пластина закачалась и, упав, исчезла под массивными гусеницами орочьего танка.

— Проклятье! — выругался Миркос.

Вульфе не слушал его причитаний. Внимание сержанта было приковано к дивизионному вокс-каналу. Сообщения шли

непрерывным потоком. Выстрел Горошка вскрыл край защитного кожуха гусеницы, на котором виднелся рисунок, сиявший золотой краской. Каждый имперский гвардеец узнал бы его с первого взгляда. Этот символ висел на их цепочках, отштампованный на идентификационных брелках. Многие платили деньги, чтобы сделать татуировки с рисунком священной аквилы. Это был двуглавый орел — образ Империума Человечества.

Глава 34

Когда «Химера» генерала подъезжала к площади, сердце де Виерса едва не выпрыгивало из груди. Он велел водителю прорываться прямо сквозь толпу орков, перегородивших улицу. За ней уже виднелось место главного сражения. Где-то там находился огромный ангар, из которого, как он слышал по воксу, выезжала «Крепость величия».

Никто больше не сомневался, что это была она. Какой-то танкист из Десятой дивизии отбил кусок камуфляжа, и теперь все узнали правду. Они нашли танк Яррика! Они наконец-то выследили легендарную машину! Но во что ее превратили зеленокожие?! В своих мечтах о финальном моменте их миссии он даже представить себе не мог такой вариант. Проклятые орки совершили

терзкий акт святотатства. Они использовали священный танк для уничтожения имперских сил. Его бронетехники! Тем не менее он был вынужден отдать приказ прекратить огонь. Стиснув зубы, де Виерс поправил микрофон вокс-гарнитуры.

— Командующий группы армий обращается ко всем командирам подразделений. Немедленно прекратить огонь по вражескому супертанку. Я повторяю, какими бы ни были обстоятельства, вы не должны стрелять в орочий танк. Сосредоточьте огонь на вражеской пехоте.

В наушнике раздался голос Бергена. Приличия его больше не беспокоили.

— Не сходите с ума, генерал! Даже если это чудовище является «Гибельным клинком», оно уничтожает мою бронетехнику. Мы должны завалить его во что бы то ни стало. Отмените приказ!

— Следите за своим чертовым тоном, генерал-майор! — заорал в ответ де Виерс. — Я знаю, о чем говорю. Спросите у техномага Сеннесдиара. Если какой-нибудь

шальной снаряд вызовет детонацию в башне, танк Яррика уже не смогут починить.

— А если мы не уничтожим его, у нас больше не останется сил для сражения с орками! Неужели вам это не ясно, старый идиот? Вы ведете себя, как марионетка Механикус.

Де Виерс почувствовал, как краска возмущения заливает его лицо.

— Я надеюсь, что вы переживете эту битву, Джерард. Мне очень хотелось бы увидеть вас после нашей победы. Выполняйте приказ. И если вы еще раз заговорите со мной в подобном тоне, вы будете повешены. Передайте мои слова своим подчиненным. Я казню каждого, кто выстрелит в «Крепость величия».

— Будь по-вашему, — со злостью ответил Берген. — Надеюсь, вы ответите перед Императором за души тех людей, которых обрекли на смерть. До связи.

* * *

— Вы, наверное, шутите! — возмутился Миркос.

— Поверь, мне не до шуток, — ответил Вульфе.

Он развернул стаббер влево и выстрелил в огромного орка, вооруженного тяжелым огнеметом. Тот только что зажарил троих имперских гвардейцев. Свинцовая очередь развернула зеленокожего боком, он вскинул руки вверх, и одна из пуль пробила бак с горючим на его спине. Чертов ксенос вспыхнул фонтаном яркого пламени.

Проклятый «Клинок» почти полностью выехал из ангара. Вульфе увидел массивного орка, стоявшего на плоской башне. Это был военачальник зеленокожих. Он выделялся не только своими размерами, хотя в сравнении с ним самые крупные темнокожие ветераны казались карликами. Он выделялся еще и силовыми доспехами устрашающей величины. Энергия трещала синими разрядами вдоль его наплечников и манжет. Он носил на руках огромные «лапы» с длинными, похожими на клинки

когтями. Время от времени орочий главарь издавал свирепый боевой клич, который усиливался устройством, закрепленным на его плече. Этот звериный рев разносился по всему кратеру, и орки, услышав его, начинали сражаться с еще большим рвением.

— Сержант, я всего лишь стрелок, — сказал Горошек. — Но даже мне понятно, что приказ генерала послужил началом кровавой бойни. Если мы не выстрелим в него, то окажемся покойниками.

Словно подтверждая его слова, пушка «Гибельного клинка» нанесла удар по новой цели. Последний уцелевший «Палач» превратился в шар оранжевого огня и терцающей синей плазмы.

— Варп его побери! — вскричал Вульфе. — Слушай, Миркос, ты сможешь сбить их главаря, не попадая в танк?

Полковая «Химера», стоявшая в двадцати метрах от «Последних молитв», взорвалась следующей. Сержант, почувствовав жар на затылке, обернулся и увидел черного орка. Слюнявый трехметровый гигант играючи запрыгнул

на танк. В одной руке он сжимал огромный топор, в другой — металлический крюк со ржавым наконечником. На его поясе болталось несколько отсеченных человеческих голов. Вульфе нырнул вниз в «корзину». И вовремя! Едва его макушка скрылась внутри, топор орка ударился о кромку люка.

— О Трон! — прошептал Сиглер.

Он потянулся к фиксаторам над его сиденьем, где крепились лазганы. Тем временем зеленокожий сунул в «корзину» металлический крюк и начал крутить им по сторонам, пытаясь зацепить кого-нибудь из танкистов. Вульфе обхватил руками его мощное запястье, но чертова тварь принялась молотить сержанта о внутреннюю стенку башни. Вульфе в отчаянии отпустил запястье орка, выхватил нож из ножен и вонзил лезвие в ладонь зеленокожего. Тот взревел от боли и, вытащив руку из башни, избавился от ножа. Однако люди даже словом не успели обмолвиться, как тварь просунула в люк огромную голову и оскалилась на сержанта. Зловоние дыхания орка

наполнило «корзину».

— Пригнись! — предупредил Сиглер.

Вульфе упал плашмя на пол. Клыки зеленокожего щелкнули в дюйме над его головой. Орк сердито закричал и повернул лицо к заряжающему. Сиглер вонзил ствол лазгана в его рот и нажал на спусковой крючок. Выстрел снес затылок твари, обрызгав стенку башни и двух танкистов кровью и ошметками мозга.

— Клянусь Оком Ужаса! — вскричал Горошек.

Его затылок и плечи была покрыты липкой орочьей кровью.

— Хорошая работа, Сиг, — отметил сержант.

Он сел на корточки, пытаясь вытолкнуть громоздкий труп из купола. Это потребовало от него невероятных усилий. Когда люк освободился, он осторожно высунул голову наружу, надеясь, что другие орки не отрубят ее. Поскольку таковых не оказалось, сержант снова сжал рукоятки тяжелого стаббера.

За то время, что они разбирались с наглым визитером, еще один кадийский

танк превратился в черный искореженный остов. Но это была не единственная перемена. На улицах, окружавших площадь, появилось множество гвардейцев. С тыла подоспело подкрепление. «Химеры» изливали лазерный огонь. Автопушки стреляли во все стороны, старательно избегая «Крепости величия». Пехотинцы расправлялись с остатками резервной армии орков. Они сражались с воодушевлением. Их вдохновляла близость легендарного танка. К сожалению, они не могли помешать его разрушительной деятельности. «Гибельный клинок» по-прежнему уничтожал их бронетехнику...

Как только сержант подумал об этом, замаскированная «Крепость величия» произвела очередной выстрел. На этот раз жертвой стал Хал Кайслер и его «Дамасская сталь». Командир Второй роты погиб мгновенно. Его разорвало на куски вместе с экипажем. Вульфе огорченно выругался. Количество уцелевших танков можно было сосчитать на пальцах двух рук. Справа он увидел

«Новый чемпион Церберы». Просто удивительно, что парни остались живы в таком бестолковом сражении. Похоже, он недооценивал командирские навыки Ленка. Но хвалить его было рано. Если «Крепость величия» будет уничтожать их бронетехнику с такой же педантичностью, никакие навыки Ленку уже не помогут.

— Горошек, ты не ответил на мой вопрос.

Находясь в прямой видимости от единственной бронированной цели, его стрелок палил из сдвоенной автопушки по орочьей пехоте.

— Какой вопрос, сержант?

— Ты сможешь сбить их чертова главаря?

— Могу попробовать. Но если я попаду куда-нибудь в броню, генерал расстреляет меня!

— Сделай это, сынок. Я отвечу за твой промах головой. Их долбаный танк сейчас выстрелит снова, и следующей целью будем мы. Сиглер, заряжай. Осколочный. Давай, Горошек. Отправь

зеленокожего ублюдка к вратам следующей жизни.

— Оскар, осколочных нет, — доложил заряжающий. — Остались только бронебойные. Да и то немного.

— Проклятье! — выругался Вульфе. — Тогда давай бронебойный. Не подведи, Горошек.

— Заряжено! — крикнул Сиглер.

— Пусть Император поможет тебе с выстрелом! — прошептал сержант.

Стрелок вжал гашетку в пол. Струи сгоревшего пропелланта вырвались из ствола. Танк содрогнулся от мощной отдачи. Вульфе затаил дыхание, надеясь, что от проклятого орка останутся только брызги крови и осколки костей. Снаряд попал в башню «Гибельного клинка». Еще одна бронированная пластина отлетела прочь, открыв часть черно-золотистого корпуса. Реакция по воксу была незамедлительной. Вульфе услышал истерический крик генерала:

— Кто стрелял? Немедленно назовите себя. Вы не подчинились прямого приказу главнокомандующего!

Вульфе хотел ответить, но его опередил другой голос. Это был Берген:

— Отставить! Слушайте приказ командира Десятой бронетанковой дивизии. Всем танкам открыть огонь по вражеской машине. Бейте всем, что у вас осталось. Мы больше не будем терять наших братьев! Вы слышали меня? Стреляйте по своему усмотрению.

Вульфе знал, что приказы главнокомандующего обладают высшим приоритетом. Но он решил подчиниться Бергену.

— Сиглер, заряжай. Горошек, соберись!

Выстрелы эхом отражались от стен из ржавого металла. Уцелевшие танки Десятой бронетанковой дивизии начали обстреливать ублюдочный «Клинок» всем тем, что у них было. Снаряды летели с разных сторон. Куски брони сыпались на землю, словно град.

— Прекратить стрельбу! — вопил по воксу генерал. — Я приказываю!

Его никто не слушал. Адептус Механикус тоже протестовали, посылая по вокс-каналам свои предупреждения. Их

возражения не помогли. Танки снова и снова обстреливали ненавистную цель. Из-под груды метровой брони уже вырисовывались части первоначальной «Крепости величия». Затем один из снарядов попал в орочьего военачальника, который стоял наверху башни. Когда поле, сгенерированное силовой броней, не смогло поглотить мощность взрыва, раздался громкий треск, и фигура главаря скрылась в синем сиянии. Его силовая броня могла противостоять даже мощным лазпушкам, но мощь танкового кумулятивного снаряда была неотразимой. Поле исчезло, как и правая рука орка, превратившаяся в красный туман.

Главарь пошатнулся и посмотрел на кровоточащий рваный обрубок. На его лице промелькнуло выражение недоверия. Нижняя челюсть отвисла. И тогда второй снаряд, выпущенный «Взрывником» капитана Итриха, попал ему в торс. Стальные пластины брони вспороли живот существа, выпустив наружу кишки и прочие внутренние органы. Он скатился с башни и упал на выжженную землю.

Гвардейцы завопили от восторга и с новыми силами ринулись на врага. Вульфе удивлялся их выдержке. Сержант знал, как они устали, но эти солдаты были кадийцами. Они скорее умерли бы от истощения, чем проиграли битву. Таково было их наследие, выкованное из дисциплины и силы.

— Прекратить огонь! — вновь закричал де Виерс. — Немедленно прекратить огонь!

Выстрелы стихли. «Гибельный клинок» все еще двигался вперед, но экипаж машины, потеряв командира, признал свое поражение. Другие орки, удивленные весельем людей, повернули головы и увидели, что их главарь убит. Не сдерживаемое его авторитарной властью, их единство испарилось, будто дым. Старое соперничество вспыхнуло адским огнем, и порядок в их группах сменился хаосом. Зеленокожие резали друг друга с такой же свирепостью, с какой они прежде сражались с кадийцами. Гвардейцы тут же воспользовались ситуацией. Звон тяжелых клинков и грохот тяжелых

стабберов быстро перешел в скоординированный треск лазганов и шипение хеллганов.

Через час звуки битвы затихли.

Глава 35

— Уберите отсюда этих танкистов! — яростно прокричал де Виерс. — И вы, Берген, тоже отойдите! Будь прокляты ваши глаза! Если бы не моя радость от славной победы, я пристрелил бы каждого из вас. Грубер, дай мне усилитель. Эй, вы двое. Да, вы! Помогите мне подняться на танк.

Молодые бойцы, носившие знак Сто десятого механизированного полка, подхватили генерала под руки и подняли его на защитный кожух гусениц. Минутами раньше касркины вскрыли люки «Крепости величия» и расстреляли экипаж зеленокожих. Мотор танка перестал реветь. Машина неподвижно стояла у ангара.

Генерал, вскарабкавшись наверх, шагнул на плоскую башню. Когда-то здесь

располагалась кафедра — священное место, откуда комиссар Яррик произносил вдохновляющие речи перед тем, как вести имперские отряды на битву с врагом. Де Виерс почувствовал, как та былая слава опустилась на его плечи, словно тяжелый комиссарский плащ. Он взглянул на главаря зеленокожих, лежавшего на земле. Отвратительная тварь. У генерала зачесался нос от вони орочьих внутренностей. Но ничто не могло испортить его приподнятое настроение. Он посмотрел на ровные ряды гвардейцев. Как мало их осталось. А ведь он начинал операцию с двадцатью тысячами бойцов. Потери казались невероятными, но Яррик требовал побед любой ценой. Де Виерс последовал его примеру и победил врага.

Он увидел, как магос Сеннесдиар и его техноадепты двинулись к танку. Кайма их мантий потемнела от крови, пропитавшей землю. Де Виерс поднес к губам микрофон и начал торжественную речь:

— Бойцы «Экзолона» и Адептус Механикус, давайте запомним этот день

до конца своих дней. Чтобы воплотить мечту в реальность, нам потребовались огромные ресурсы и жертвы многих наших кадийских братьев. Но мы победили врага и вернули Империуму легендарный танк Яррика. Отныне он в наших руках. Я стою на его башне и чувствую его священный дух, ибо «Крепость величия» является священной реликвией, которую довелось увидеть лишь избранным людям. Позже вы можете подойти к ней и возложить на нее руки. Вас омоет и вдохновит священный дух машины. Даже в этом неприглядном состоянии, осквернённый врагами и лишенный своей истинной славы, танк Яррика продолжает излучать великую силу, которая воплощает в себе частицу Бога-Императора.

Он продолжал говорить о подвигах, которые никогда не будут забыты. Он верил каждому слову, слетавшему с его уст, и сила этого убеждения передавалась многим внимавшим ему людям. Очарованный моментом, когда все бойцы смотрели на него, генерал не обратил внимания на металлический скрежет. Он

не заметил грозившей ему опасности и только в последнюю секунду почувствовал горячее зловонное дыхание на своем затылке.

Кровь застыла в его жилах. Он хотел повернуться, но так и не закончил это движение. Орочий военачальник был едва жив. Он поднялся на ноги лишь благодаря особым свойствам нервной системы, которая могла функционировать при запредельных уровнях физической боли. И конечно, ему помогала всепоглощающая ненависть к слабым и ничтожным людям.

Он сомкнул силовую «лапу» вокруг поясницы генерала и, сжав пальцы, разорвал де Виерса пополам. Полковник Стромм стоял в переднем ряду — в нескольких метрах от корпуса «Гибельного клинка». Он бросился к танку еще до того, как верхняя часть главнокомандующего скатилась наземь с башни.

— Касркины! — крикнул он своим бойцам, вытаскивая хеллган.

Штурмовики открыли огонь по огромному орку. Тот покачивался и вздрагивал, пока его шпиговали

обжигающими пулями. Затем он снова упал на спину. Стрельба прекратилась.

Магос Сеннесдиар не терял времени. Он запрыгнул на танк с удивительной ловкостью, которая казалась странной для его громоздкого тела. Техноадепты последовали за ним. Когда они поднялись на плоскую башню, Армадрон проскрипел на бинарном языке:

<Магос, солдаты могли повредить фрагмент>.

<Или полностью разрушить его>, — добавил Ксефо. — <Идиоты>.

Сеннесдиар склонился над телом орка. Тот был мертв. На его толстой, как дерево, шее виднелся незатейливый шнурок, украшенный мерцающим зеленовато-золотым кулоном. Магос прикоснулся к фрагменту, о котором он говорил адептам.

<Он невредим. Мы обрели его>.

<Возблагодарим Омниссию!> — хором произнесли адепты.

— Эта тварь мертва? — спросил грубый голос.

Сеннесдиар молниеносным движением

сорвал фрагмент с шеи орка и вместе со шнуром спрятал его в глубоких складках мантии. Затем он выпрямился и повернулся к офицеру.

— Да, полковник Стромм. Вожак орочьего клана мертв. — Взглянув на своих учеников, он добавил на низком готике: — Адепты, пора запускать наш орбитальный маяк.

Марсианские жрецы спустились с «Крепости величия» и зашагали к своей «Химере». Когда они проходили мимо дивизионных командиров, те были настолько уставшими, что даже не задали им никаких вопросов. Сделав еще несколько шагов, Сеннесдиар остановился.

— Наш подъемник прибудет примерно через час, — сообщил он генерал-майорам. — Мои сервиторы позаботятся о «Гибельном клинке». Я полагаю, вы должны спешно подготовиться к эвакуации с планеты. На Голгофе огромная популяция орков. Любое промедление может оказаться фатальной ошибкой.

Магос повернулся, чтобы уйти, но Берген окликнул его:

— Сеннесдиар, ответьте мне на один вопрос.

Техномаг оглянулся и посмотрел на генерал-майора.

— Спрашивайте.

Взгляд Бергена лучился ненавистью.

— Вы получили то, что искали?

Магос молчал несколько секунд. Берген подумал, что если бы Сеннесдиар по-прежнему обладал лицом, то он, наверное, нагло ухмылялся бы.

— А разве мы что-то искали?

С этими словами марсианский жрец удалился прочь.

Глава 36

Небо поменяло цвет с красного на темно-коричневый. Скоро должна была наступить ночь. Вульфе знал, что он и другие кадийцы не увидят ее. Их эвакуировали с планеты. Уцелевшие машины Восемнадцатой группы армий поднимались или буксировались по мосткам в зиявшие трюмы огромного подъемника Механикус. В орочьем городе догорали развалины хижин и домов. Люди сновали среди мертвых, собирая жетоны павших бойцов, лазганы, пистолеты, гранаты и прочее оружие. Правила Мунитору запрещали оставлять на полях сражений ценные вещи.

Экипаж Вульфе находился на борту подъемника. Парни крепили танк тросами и готовили его к полету. Вульфе попросил Сиглера предупредить его о последнем

звонке, возвещавшем скорый взлет подъемника. Затем он направился к месту, где погиб Госсфрид ван Дрой.

Он стоял перед искореженным сгоревшим «Врагодавом» — танком, который был гордостью их командира. Тела танкистов остались внутри. Здесь не нашлось исповедника, который позаботился бы о них. Исповедник Фридрих почти наверняка погиб при орочьей атаке Вэлкара. Еще одна печальная потеря.

Вульфе казалось, что его сердце покрылось слоем свинца. Он знал ван Дроя почти всю свою солдатскую жизнь. Он доверял ему, как отцу, как брату. И вот теперь, после стольких лет знакомства, после стольких битв, их лейтенант ушел в небытие. Его смерть отличалась от гибели Хольца и Весса. Она была неправильной... нереальной. Вульфе потерял людей, которых уважал. Людей, которые ему нравились. Не просто товарищей и танкистов, а верных и близких друзей.

Ему вспомнилось другое имя, и, несмотря на жару, дрожь пробежала по его

позвоночнику. Он вспомнил шепчущий голос, проникший в интерком. Он вспомнил лицо с пустыми глазами, которое выглядело как угодно, но только не умиротворенно. Капрал Боршт.

Вульфе молился, чтобы ван Дрой и другие погибшие танкисты не являлись ему в необъяснимом призрачном виде, как его бывший водитель. Конечно, Император уже приветствовал их у своего стола. Они ведь заслужили это.

Сержант услышал шаги за спиной.

— Что, Сиг? — спросил он, не оборачиваясь. — Пора возвращаться на корабль?

— Спешишь уйти?

Вульфе оглянулся, и его брови сошлись у переносицы.

— Зачем ты пришел сюда?

Капрал Ленк улыбался, но в его темных глазах сверкали искорки льда.

— Мне захотелось отдать дань уважения, — ответил он. — А что? Думаешь, только у тебя есть право на это?

Вульфе подозрительно прищурился.

Ему не понравилась поза Ленка. Жилистый капрал выглядел спокойным и расслабленным, но за всем этим таилась какая-то угроза. Молчание, повисшее между ними, стало таким же удушливым, как знойный неподвижный воздух.

— Ладно, капрал. Давай начистоту. Что ты задумал?

Ленк шагнул вперед. Его правая рука скрылась за спиной и через секунду взметнулась к плечу. Вульфе уловил блеск металла.

— Я собираюсь исправить ошибку твоей матери, тухлый грокс, — с усмешкой ответил капрал. — Ей стоило бы задавить тебя коленками.

Ленк принял боевую стойку: хорошо сбалансированная поза, полусогнутые ноги, клинок в правой руке. Вульфе тоже потянулся за ножом, но через секунду вспомнил, что вонзил его в ладонь орка. Он сердито сплюнул.

— Ленк, ты чокнутый. Убери клинок. Не дури.

Капрал засмеялся.

— Я слышал, Вульфе, ты любитель

духов. Это хорошо, потому что сейчас ты станешь одним из них. Ты катил на меня бочку с того дня, как мы встретились. Самодовольный прыщ. Но ты не знал, с кем связался. Пора поучить тебя уму-разуму.

Ленк сделал выпад, стараясь вонзить лезвие в живот противника. Вульфе едва успел увернуться. Он услышал треск ткани и, взглянув вниз, увидел прореху на своей тунике. Ленк снова встал в стойку и неожиданно крутанулся вокруг своей оси. Нож в нисходящем движении задел правое предплечье сержанта. Клинок вспорол кожу, вызвав волну огненной боли.

— Проклятье, Ленк! Ты спятил? Как ты потом будешь оправдываться?

— Ты пришел сюда, чтобы проститься с экипажем ван Дроя, — с усмешкой ответил капрал. — Внезапно из тени выбежал раненый орк. Он застал тебя врасплох и искромсал на куски. Позже Сиглер найдет твое тело.

Ленк сделал шаг вперед, намереваясь нанести еще один рубящий удар. Вульфе разгадал маневр и попытался отбить нож ногой. Он промахнулся. Клинок вошел в его

левое плечо. Сержант заскрипел зубами, поймал запястье Ленка, но капрал ударил его левым кулаком в лицо, заставив отшатнуться назад.

— Ты реликт, Вульфе. Такой же, как танк Яррика. Это твой последний день.

Сержант знал, что ему не угнаться за быстрым Ленком. Тот уже показал свою ловкость. Однако Вульфе был более крупным и сильным. Его единственным шансом было перейти в клинч, хотя это предполагало некоторый риск. На близком расстоянии нож мог нанести смертельные раны, если вовремя не выбить его из руки противника.

Ленк торжествующе рассмеялся.

— Я вижу страх в твоих...

Вульфе не дал ему закончить фразу. Он метнулся к капралу, как разъяренный бык, и ударил раненым плечом в живот Ленка. Боль прокатилась по всему телу сержанта, но это стоило того. Капрал упал на землю. Удар выбил воздух из его легких. Вульфе повалился на него.

— Ах ты гад! — прошипел Ленк.

Он хотел вонзить нож в лицо

сержанта. Вульфе блокировал его движение предплечьем и получил еще один болезненный порез. Он взревел от ярости, затем стиснул зубы и быстро осмотрелся по сторонам. На земле рядом с Ленком лежало что-то длинное, белое и знакомое. Это был орочьий клык, выпавший из его кармана при падении. Оседлав врага, Вульфе в отчаянии сжал его пальцами. Ленк снова попытался полоснуть клинком по его лицу. На этот раз сержант перехватил одной рукой его запястье, а второй вогнал орочий клык в бицепс капрала. Ленк взвыл от боли. Вульфе начал поворачивать клык влево и вправо, разрывая мышцы противника. Пальцы капрала разжались. Нож выпал на землю.

— Ладно, достаточно, — проскулил он, хватаясь за раненую руку. — Ты победил, сержант. Твоя взяла. Не убивай меня. Клянусь, я не стал бы наносить глубокие раны. Мне просто хотелось проучить тебя.

Вульфе оскалился и навис над ним. Он без труда мог забить до смерти этого никчемного негодяя. Сколько проблем

разрешилось бы в одно мгновение. Так почему же он медлил? Он не знал, что удерживало его. В какой-то миг Вульфе подумал, что из всех Безбашенных осталось только два экипажа. Ленк прошел через тот же ад, что и он. Но на самом деле его останавливали не эти рассуждения, а воинская дисциплина. Капрал Ленк был имперским гвардейцем, нравился он Вульфе или нет. Его жизнь принадлежала Императору. Сержант не имел права забирать ее по собственной воле.

— Слушай внимательно, кусок дерьма, — сказал он капралу. — Ты ведешь себя, как бандит из ульев, и думаешь, что люди относятся к тебе с уважением и страхом. Но в армии твои бандитские понты ничего не значат. Ты понял меня? Я просек тебя с самого начала, маленький гаденыш. Ты больше никогда не получишь поблажек, которыми пользовался до сих пор. Слышишь, капрал? Я займусь твоим воспитанием. Ты у меня станешь настоящим гвардейцем. Мертвый или живой, я буду следить за тобой всю твою

оставшуюся жизнь.

Закончив поучения, Вульфе всей массой тела нанес капралу дробящий удар локтем, который сгял нос Ленка и разбил его губы. Парень ударился затылком о землю и потерял сознание. Сержант посмотрел на изувеченное лицо капрала и, сплюнув, прошептал:

— Хольц! Это для тебя.

* * *

Вульфе отнес бесчувственного Ленка к подъемнику. Капрал висел на его плече, как мешок с зерном. Когда сержант поднялся по трапу, ведущему на борт, к нему навстречу выбежал Сиглер.

— Я как раз за тобой, — сказал заряжающий. — Шел позвать тебя. До отлета осталось шесть минут.

Вульфе кивнул и прошел мимо него. Сиглер оказался на шаг позади.

— Что с Ленком? — беззаботно спросил он.

— Детская травма, — ответил Вульфе. — Отсутствие мозгов.

Посреди трюма стояла «Крепость величия». Ее корпус крепился к палубе дюжинами стальных тросов. По танку ползали сервиторы и инженеры. Они поспешно удаляли изменения, внесенные орками в его конструкцию и внешний вид. В дальнем левом углу между парой полугусеничных вездеходов Вульфе заметил «Новый чемпион Церберы» и его экипаж. Парни выглядели встревоженными. Они нервно вскочили на ноги, когда сержант направился к ним со своей окровавленной ношей. Никто из них не произнес ни слова. Вульфе бросил капрала на металлическую палубу и стерил взглядом каждого из трех танкистов.

— Ваш капрал нарвался на неприятности и поплатился за это. Если кто-то из вас, глупых ублюдков, имеет что-то против, сделайте шаг вперед. Это ваш последний шанс на выяснение отношений.

Никто из парней, даже крепыш

Варнус, не пошевелился.

— Он... он мертв? — спросил Хоббс.

Вульфе, не глядя, пнул ногой по ребрам Ленка. В ответ раздался слабый стон. Этого было достаточно. Кивнув Сиглеру, он пошел между танками и транспортерами к «Последним молитвам II».

Вытесняя прочь сжимавшийся кусочек голгофского неба, грузовой трап медленно поднялся вверх. Сигналы тревоги объявили о скором взлете. Завращались оранжевые предупредительные огни. Из десятков громкоговорителей полилось ритмичное монотонное пение технокоманды Механикус. Сервиторы исполнили литанию для безопасной и стабильной работы древних механизмов подъемника. Включилось бортовое гравитационное поле. Корпус встряхнуло, и огромные реактивные двигатели с надрывным воем подняли корабль в воздух. Несколько минут подъемник преодолевал клубившиеся облака Голгофы, а затем направился на высокую орбиту, где его ожидал «Потомок Тарсиса».

Операция «Гроза» завершилась.

Эпилог

Ярко-синее полуденное небо было прочерчено белыми полосами, оставшимися от эскадронов истребителей «Молния» и бомбардировщиков «Мародер», прилетевших с северной авиабазы Тефис Альфа. Покачиваясь на кафедре, установленной на башне «Крепости величия», Яррик осматривал открытую равнину. На дальней стороне возвышались горы Палида. Они напоминали зрителей, ожидавших начала грандиозного спектакля. Твердый грунт как нельзя лучше подходил для пехоты и танков. Через несколько часов он станет вонючим кровавым болотом, усыпанным мертвыми телами. Если Император смилостивится, большинство тел будет принадлежать чужакам.

Подножия дальних холмов уже

темнели от несметных полчищ спускавшейся орды. Он еще не видел такого невероятного количества орков. Прекрасно! Это будет достойная битва, которая украсит конец его вендетты длиною в целую жизнь. Он не испытывал страха. Десятилетия непрерывной войны сделали его безразличным к эмоциям. Горнило битв превратило его душу в камень, такой же твердый, как керамит. Разум Яррика закалился не хуже армированной стали. Для него была важна только победа, и сегодня он намеревался добиться ее любой ценой. Пусть сгорят в огне его завистники. Они не видели всей картины происходящих событий. Они пререкались словно дети, урезая бюджет военной кампании, в то время как он решал на поле боя главный вопрос — вопрос жизни и смерти. Вот что на самом деле было важно.

Здесь решалось будущее. Здесь намечалась его последняя встреча с Газкуллом Маг Урук Тракой. Сегодня лидер орков умрет или они оба погибнут в сражении. Любой из этих вариантов устраивал Яррика как долгожданный

результат его миссии — миссии, сделавшей его легендой Империума Человечества.

Он посмотрел по сторонам, оценивая силы, которые руководство сегмента собрало и отдало в его распоряжение. Миллионы мужчин и женщин были готовы выполнить свой воинский долг. Их ряды тянулись на север и юг, насколько хватало взгляда. В тылу ожидало еще больше гвардейцев. Он чувствовал их решимость и волю. Они хотели победить. Он осязал это желание в воздухе. Они пришли со всего Империума — с разных миров, непохожих, как день и ночь. Но сейчас эти воины объединились ради великой цели. Они отвратят угрозу зеленокожих. Они защитят Святую Терру. Они обезопасят судьбу человечества и провозгласят людей высшей расой в галактике.

Это было вдохновляющее зрелище. Он впервые командовал таким огромным соединением армий. Дивизии танков и артиллерии выплевывали дым в прозрачный воздух и нетерпеливо ожидали действий. «Часовые»-разведчики чутко

осматривали горизонт и бродили вдоль передних рядов, как встревоженные хищники. В проходах между дивизионными колоннами стояли тысячи грузовиков и полугусеничных вездеходов, наполненных отважными пехотинцами. Почти в таком же количестве «Химер» сидели закаленные в боях штурмовики.

Но самыми мощными из всех машин были богоподобные титаны класса «Император». Они возвышались над рядами солдат — руки подняты параллельно земле, огромные пушки готовы нести смерть в планетарных масштабах. Они выглядели как ангелы войны, отлитые из керамита и металла. Ни одна другая машина не могла бы так полно олицетворять собой силу человеческого разума... Ну разве что его легендарный «Гибельный клинок».

Он склонился над оградой кафедры и взглянул на лобовую плиту «Крепости величия». Танк по-прежнему изумлял его. Все та же верная машина, которую он потерял на Голгофе лет сорок назад. Яррик с любовью рассматривал черные

бронированные пластины, массивную пушку и украшенное золотом святилище Механикус на задней платформе. «Крепость величия» выглядела точно так же, как в тот день, когда он впервые положил на нее глаз. Для него она служила материальным воплощением великого духа Имперской Гвардии.

Он думал, что потерял ее навсегда. Но два года назад Механикус прислали ему точные координаты утраченного танка. Он добился разрешения на миссию по возвращению «Гибельного клинка». Да, много людей погибло, отвоевывая танк у орков. Судя по отчетам, цена оказалась ужасающе высокой. Однако эффект его присутствия на Армагеддоне превзошел все ожидания. Дух этой машины воодушевлял солдат. Гвардейцы приходили, чтобы прикоснуться к ее холодным бортам и прошептать молитвы о силе и славе. Даже теперь он чувствовал их взгляды, направленные на «Крепость величия». Она стала для них такой же легендой, как и он сам.

В наушнике зазвучал высокий голос

офицера связи, говорившего по интеркому:

— Сэр! Лорды-генералы информируют вас, что их армии готовы к маршу. Они ожидают вашего приказа.

— Хорошо, — ответил Яррик.

Комиссар снова посмотрел на дальние холмы. Там кишели сонмы орков — куда больше, чем он когда-либо видел. Их мерзкие машины наполняли воздух черным дымом. Бесчисленные орудия готовились послать ракеты и снаряды. Яррик активировал вокс-громкоговорители, установленные на башне «Гибельного клинка». Он поднял над головой руку, оснащенную большой силовой перчаткой.

— Всем отделениям! — проревел комиссар.

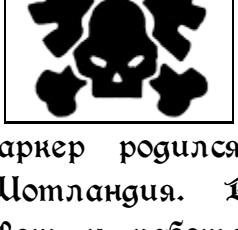
Его слова прокатились над полем битвы подобно грому. Рубящим движением взмахнув перчаткой, он крикнул:

— ВПЕРЕД! НА ВРАГА!

Моторы взревели. Гусеницы закрутились. Подошвы ботинок в идеальном ритме взбили пыль огромной равнины. «Крепость величия» с грохотом покатилась по содрогнувшейся земле. Чем

бы ни кончился этот день, люди запомнят его навсегда.

Об авторе



Стив Паркер родился и вырос в Эдинбурге, Шотландия. В настоящее время он живет и работает в Токио, Япония. В 2005 году несколько его коротких рассказов появились в американских журналах научной фантастики и фэнтези. В 2006 году его рассказ «Водопады Маракросса» (The Falls of Marakross) был опубликован в антологии «Легенды Темного Тысячелетия» (Tales of the Dark Millenium). В 2007 году был издан его первый роман «Мятежная зима» (Rebel Winter).

Помимо литературы Стив увлекается тяжелой атлетикой, нетрадиционными боевыми искусствами и походами по заповедным и диким местам.